ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНІЕ

ВЪ РОССІИ

ВЪ НАЧАЛѢ XX-го ВѢКА.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова.

Книга седьмая.

ТОМЪ IV. ЧАСТЬ 2-ая.

а) Общая политика правительства и измѣненія въ государственной организаціи. *(Продолженіе).*

б) Національныя движенія.

в) Общественное движеніе въ Финляндіи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза", Б. Подъяческая, № 39.
1911.

Оглавленіе.

т. IV. ч. II.

стр.

Ф. ДАНЪ. Общая политика правительства и измѣненія въ государственной организаціи въ періодъ 1905—1907 г.г.
(Продолженіе).

5. Первая Дума 1
6. Первое междудумье 58
7. Вторая Дума 86
8. 3-е іюня 1907 г. 143

К. ЗАЛЕВСКІЙ. Національныя движенія 149

А. КОЛЛОНТАЙ. Общественное движеніе въ Финляндіи.

1. „Финляндскій вопросъ" въ концѣ 60-хъ годовъ. Расцвѣтъ хозяйственной жизни Финляндіи и интересы русскихъ промышленниковъ. Первыя обрусительныя мѣропріятія 1840—1848 гг. 247
2. Общественные классы и политическія партіи въ Финляндіи до 1898 г. Шведоманы. Ихъ отношеніе къ отечественной конституціи и русскому Монарху. Суометаріанцы или старо-финны, ихъ соціальныя задачи. Внутренняя политика. Возникновеніе рабочаго вопроса. Сельскій пролетаріатъ. Ростъ промышленности. Начало рабочаго движенія. Младо-финны—ихъ буржуазный радикализмъ 252
3. Финляндія съ 1898 по 1904 г. Начало „обще-имперской" политики. Вовинскій законъ 1898 г. Назначеніе Бобрикова и Плеве. Манифестъ 1899 г. „Великая петиція". Чрезвычайный Сеймъ 1899 г. Начало „пассивнаго сопротивленія". Законы и постановленія, противорѣчащіе конституціи. Режимъ диктатуры 262
4. Отношеніе общества. Національный моментъ и классовый интересъ. Новая перегруппировка общественныхъ элементовъ. Конституціоналисты или „партія пассивнаго сопротивленія" и партія „сенатская". Двѣ тактики. Образованіе рабочей соціалдемократической партіи. Классовыя противорѣчія. Анти-конституціонныя дѣйствія буржуазіи. Вопросъ избирательной реформы. Политика Бобрикова по отношенію къ финляндскому пролетаріату. Ростъ политическаго самосознанія рабочихъ 268

стр.

5. Финляндія съ 1904 г. по октябрьскіе дни. Убійство Бобрикова. Событія въ Россіи. Сеймъ 1904 г. Борьба партій. „Партія активнаго сопротивленія"; ея буржуазный характеръ. Участіе соціалдемократіи въ избирательной кампаніи. Измѣненіе политическаго курса Имперіи по отношенію къ Финляндіи. Частичныя уступки. Борьба рабочихъ за избирательную реформу. Поправѣніе конституціоналистовъ . 278
6. Октябрьскіе дни 1905 г. 30-го октября—начало „Великой забастовки". Стачечныя комитеты. Попытки соглашенія конституціоналистовъ и соціалдемократіи. Митинги. Резолюціи. 31-го октября—рабочій митингъ на желѣзнодорожной площади. Митингъ конституціоналистовъ въ пожарномъ домѣ. Классовой моментъ. „Красная гвардія" и студенческая милиція. Отставка Сената. Манифестъ 4 ноября. Прекращеніе забастовки 284
7. Вопросъ о реформѣ народнаго представительства. Борьба рабочихъ съ буржуазіей. Конституціоналисты у власти. Работа—на два фронта. Уступки Императорскимъ властямъ. Новый Сеймовый Уставъ 7 іюля 1906 г. Законопроекты буржуазнаго Сейма 1906 г. 290
8. Избирательная кампанія 1907 г. на основѣ новаго Сеймоваго Устава. Перегруппировка общественныхъ элементовъ. Составъ и характеръ политическихъ партій „по-реформеннаго" періода. Соціалдемократія; ея политическая изолированность. Результаты выборовъ въ четыре послѣдовательныхъ Сейма 298
9. Новая эра обще-имперской политики съ 1907 г. Вопросъ объ ассигновкѣ 20 милл. мар. на военныя нужды имперіи. Третья дума. Столыпинскія „Положенія" 1908 г. Коалиціонный Сенатъ. Повторный роспускъ Сеймовъ. Дальнѣйшія мѣропріятія. Манифестъ 27 Марта 1910 г. Финальный аккордъ—вотумъ третьей Думы. 298
Приложеніе 301

Ф. ДАНЪ.

Общая политика правительства и измѣненія въ государственной организаціи въ періодъ 1905—1907 гг.

Ф. ДАНЪ.

Общая политика правительства и измѣненія въ государственной организаціи въ періодъ 1905—1907 гг.

(Окончаніе).

V.

Первая Дума.

Результаты выборовъ въ первую Государственную Думу были для всѣхъ полною неожиданностью. И революціонныя, и оппозиціонныя партіи, и партіи реакціи, и правительство,—всѣ сходились въ увѣренности, что законъ 11 декабря и административная практика во время избирательной кампаніи обезпечиваютъ реакціонный составъ перваго народнаго представительства Россіи, и на этой увѣренности строили политическія перспективы. Разно оцѣнивались лишь шансы бо́льшаго или меньшаго проникновенія оппозиціи въ будущую Думу и возможность использованія выборовъ и Думы въ оппозиціонныхъ и революціонныхъ цѣляхъ. Но самый фактъ неминуемаго господства въ Думѣ партій соціально-политическаго консерватизма и реакціи никѣмъ, въ сущности, не подвергался сомнѣнію.

Разсчеты эти, которые, можетъ быть, и оправдались бы, если бы выборы происходили въ мирное, нормальное время, въ данной обстановкѣ оказались совершенно неправильными. Въ открыто-революціонномъ массовомъ движеніи произошла, правда, остановка: декабрьскія пораженія нанесли ему тяжелый ударъ. Но общее соціально-политическое броженіе далеко еще не улеглось, а мирныя формы парламентскихъ выборовъ служили благопріятнымъ условіемъ для того, чтобы это броженіе охватило какъ разъ тѣ слои населенія, которые во время предшествующихъ битвъ и пораженій стояли болѣе или менѣе въ сторонѣ, а теперь въ подачѣ избирательнаго бюллетеня получили подходящій способъ выразить свое, хотя бы и смутное, соціально-политическое недовольство. Настроеніе средняго и мелкаго купечества, мѣщанъ, приказчиковъ, крестьянъ рѣшило судьбу выборовъ. На предполагаемой реакціонности, консерватизмѣ этихъ слоевъ, ихъ политической пассивности и податливости давленію администраціи былъ въ значительной мѣрѣ построенъ весь

думскій избирательный механизмъ[1]). При отсутствіи этого основного условія, весь аппаратъ, разсчитанный на наиболѣе реакціонный отборъ депутатовъ — многостепенность выборовъ, выборы по спискамъ и т. д. — дѣйствовалъ какъ разъ въ обратномъ направленіи, столь же автоматически отбирая и проводя въ Думу оппозиціонные, политически наиболѣе опредѣленные и организованные элементы. На каждой слѣдующей ступени длинной избирательной лѣстницы этимъ именно элементамъ было наиболѣе легко овладѣть позиціей и явиться выразителями того смутнаго, неоформленнаго броженія и недовольства, которыя охватывали политически невоспитанную и неорганизованную массу первичныхъ избирателей. И точно такъ же понятно, что избирательная система, нѣсколькими голосами большинства въ избирательномъ съѣздѣ, коллегіи выборщиковъ или губернскомъ избирательномъ собраніи опредѣлявшая *весь* составъ выборщиковъ даннаго съѣзда или *весь* составъ депутатовъ даннаго города или данной губерніи, при наличныхъ условіяхъ, дѣлала побѣду оппозиціи и пораженіе реакціи столь же полными, какъ, при другихъ условіяхъ, при правильности разсчетовъ творцовъ системы, она сдѣлала бы полною побѣду противоположныхъ тенденцій[2]).

К.-д., какъ единственная оппозиціонная партія, принимавшая систематическое и организованное участіе въ выборахъ, пожала всѣ плоды такого положенія дѣла. На ихъ долю выпала господствующая роль въ первой Государственной Думѣ. Господство к.-д. основывалось не на томъ, что они имѣли въ Думѣ абсолютное большинство. Такого большинства у нихъ никогда не было. Но посреди политическаго хаоса и неоформленности, они являлись единственною прочно организованною и дисциплинированною политическою группою въ Думѣ, увлекавшею за собою всѣ распыленные и политически мало сознательные элементы новой палаты. При каждомъ важномъ голосованіи въ Думѣ повторялся тотъ процессъ выдвиганія на первое мѣсто болѣе организованныхъ и политически дисциплинированныхъ элементовъ, который и въ ходѣ выборовъ приводилъ къ отбору оппозиціонныхъ депутатовъ.

Въ общемъ же политическая неоформленность той избирательной массы, которая послала своихъ представителей въ Думу, была такъ велика, а из-

---

1) Еще въ концѣ марта, наканунѣ окончательныхъ выборовъ въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ, „Русское Государство" писало: „Своей сплоченностью, своимъ спокойствіемъ, своимъ природнымъ чутьемъ крестьянскій элементъ, стоящій ближе къ нуждамъ дѣйствительности, сдержитъ горячіе отвлеченные споры и заставитъ думу работать въ томъ направленіи, какого требуетъ реальная жизнь Россіи".

2) Когда начали выясняться результаты выборовъ по закону 11 декабря, въ реакціонныхъ и октябристскихъ газетахъ стали появляться даже запоздалыя воздыханія по всеобщемъ избирательномъ правѣ, а А. И. Гучковъ засвидѣтельствовалъ въ „Словѣ" свою полную солидарность въ этомъ вопросѣ съ „честнымъ демократомъ В. В. Водовозовымъ".

бирательная кампанія, по различнымъ причинамъ[1]), такъ мало могла сдѣлать для преодолѣнія этой неоформленности—особенно въ средѣ крестьянства, что значительная часть, можно сказать, большинство депутатовъ только уже въ самой Думѣ размѣстились по различнымъ фракціоннымъ ячейкамъ, а $^1/_4$—$^1/_5$ всего числа ихъ такъ и осталась до самаго конца Думы въ положеніи „безпартійныхъ". Эта постепенная политическая кристаллизація продолжалась во все время существованія Думы. Ей обязана своимъ ростомъ к.-д. фракція, а своимъ возникновеніемъ—трудовая группа и выдѣлившаяся изъ ея среды рабочая группа, впослѣдствіи примкнувшая къ с.-д. партійнымъ депутатамъ Кавказа и вмѣстѣ съ ними образовавшая соціалъ-демократическую фракцію. Такая же текучесть наблюдается и на немногочисленномъ правомъ флангѣ Думы, и только „національныя" делегаціи нѣкоторыхъ окраинъ, благодаря самому характеру своей организаціи, обнаруживаютъ больше устойчивости. Вслѣдствіе этого не только количественный составъ думскихъ фракцій, но и самая группировка по фракціямъ различны въ началѣ и концѣ существованія Думы.

Къ 10—15 мая наличные 448 членовъ Думы раздѣлялись на слѣдующія группы:

	Число.	%
К.-д.	153	34,1
Трудовики	107	23,9
Автономисты	63	14,0
Парт. демократ. реформъ	4	0,9
Союзъ 17 октября	13	2,9
Умѣренно-прогрессивная	2	0,4
Торгово-промышл.	1	0,2
Безпартійные	105	23,4
	448	100,0

Къ концу же существованія Думы (къ 26 іюня) группировка была такова:

	Число.	%	
К.-д.	179	37,4	
Трудовики	94	19,7	
С.-д.	17	3,6	
Польское коло	32	6,7	9,2
Безпарт. автономисты	12	2,5	
П. дем. реф.	6	1,3	

[1]) См. объ этомъ, м. пр., т. II наст. изд., часть 2, с. 130—131.

П. мирнаго обновленія		26	5,4	
Прогрессисты		12	2,5	
Безпартійные	Сорганизов.	34	7,1	20,9
	Остальные	66	13,8	
		478	100,0[1]).	

Неожиданные результаты выборовъ на первыхъ порахъ вызвали, несомнѣнно, и въ рядахъ правительства нѣкоторое смущеніе и колебаніе. Первымъ движеніемъ была попытка „столковаться" съ представителями кадетской партіи. „До Думы довольно еще времени, писало правительственное „Русское Государство" при первыхъ же обозначившихся успѣхахъ кадетовъ на выборахъ, чтобы правительство имѣло время еще разъ обратиться къ обществу, въ лицѣ партіи—побѣдительницы, и столковаться о будущей программѣ временныхъ дѣйствій... Такъ же, какъ правительство *не можетъ* игнорировать идеи, выдвинувшей кадетовъ, такъ и эти послѣдніе *не могутъ* и не должны игнорировать власти, опирающейся на законъ и волю Монарха".

Мы уже говорили о томъ, какъ борьба старой государственной власти за самосохраненіе вела ее, въ ходѣ пережитыхъ революціонныхъ бурь, на путь все бо́льшаго сближенія съ земельнымъ дворянствомъ, безпощадной борьбы съ демократическими слоями населенія и отстаиванія полной независимости бюрократіи отъ воздѣйствія народнаго представительства. „Столковаться" на отказѣ отъ этого пути и вступить на новый путь—опредѣленнаго буржуазнаго конституціонализма,—на такой рѣзкій переломъ, очевидно, старую государственную власть могло бы подвинуть только еще болѣе сильное внѣшнее давленіе, чѣмъ октябрьско-декабрьское. И поскольку Дума могла бы явиться однимъ изъ факторовъ такого давленія, только острый конфликтъ ея съ „старымъ порядкомъ" и побѣда въ этомъ конфликтѣ могли бы послужить прологомъ къ смѣнѣ „стараго порядка" новымъ, конституціоннымъ.

Если у отдѣльныхъ лицъ правительственнаго персонала и могли быть на этотъ счетъ какія-либо сомнѣнія, то это были именно иллюзіи отдѣльныхъ лицъ, и притомъ иллюзіи, которыя должны были быстро исчезать подъ вліяніемъ логики событій. Въ общемъ же, правительство не заблуждалось насчетъ того отношенія къ Думѣ, которое диктовалось старой государственной

---

[1]) Цифры взяты изъ книжки Н. А. Бородина: „Госуд. Дума въ цифрахъ", Спб. 1906. Измѣненіе въ общемъ числѣ членовъ Думы объясняется тѣмъ, что на окраинахъ выборы происходили уже во время засѣданій Думы и не вездѣ были закончены даже къ ея роспуску. Съ другой стороны, мандаты 11 тамбовскихъ депутатовъ, вошедшихъ въ первую группировку, были кассированы Думой. „Сорганизованіе" безпартійныхъ имѣло цѣлью проведеніе членовъ этой группы въ думскія комиссіи.

власти интересами ея самосохраненія. Говоря о побѣдѣ кадетовъ, какъ побѣдѣ „идеи свободы“, правительственный оффиціозъ противоставлялъ этой „идеѣ“ отстаиваемую правительствомъ „идею порядка“. Проповѣдуя „столковываніе“, онъ заранѣе намѣчалъ его возможныя условія, предостерегая будущее народное представительство не только отъ „жестокихъ намѣреній кого то судить и распинать“, но и отъ сколько-нибудь серьезныхъ мѣръ для воплощенія въ жизнь „идеи свободы“. „Теперь всѣхъ занимаетъ одинъ вопросъ, писало „Русское Государство“,—съ чего начнетъ Дума, и что отвѣтитъ на ея починъ власть? Наиболѣе распространено мнѣніе, что Дума, въ угоду своимъ избирателямъ и въ угоду крайнимъ лѣвымъ партіямъ... приступитъ съ мѣста въ карьеръ къ пересмотру основныхъ законовъ Имперіи и потребуетъ гарантіи дарованной конституціи. Къ этому требованію, будто бы, примкнутъ и крестьяне, которые уже пришли къ сознанію, что аграрный вопросъ есть только часть политическаго и что, не покончивъ съ первымъ (вторымъ?), нельзя разрѣшить правильно и второго (перваго?). ...Если бы кадетское большинство Думы рѣшилось съ перваго же шага новаго режима вступить въ конфликтъ съ правительствомъ, этимъ оно доказало бы только свою политическую близорукость... Конфликтъ Думы съ правительствомъ былъ бы на руку только соціалистамъ, да, пожалуй, еще абсолютистамъ... Штыки, которыми пришлось бы очистить отъ кадетовъ Думу, очистили бы въ то же время отъ нихъ передовыя позиціи общественнаго мнѣнія. Но эти позиціи не остались бы пустыми. Какъ кадеты вытѣснили октябристовъ, такъ и соціалисты вытѣснятъ кадетовъ, если, Боже сохрани, будетъ примѣнена къ Думѣ какая-либо крайность... У руководителей обѣихъ крайнихъ партій (правыхъ и лѣвыхъ) остался въ рукахъ крупнѣйшій козырь ихъ игры—конфликтъ Думы съ правительствомъ“ [1]).

Мы привели эту длинную выписку потому, что въ ней, какъ нельзя отчетливѣе, выраженъ взглядъ правительства Витте-Дурново на положеніе дѣлъ. Правительство, предлагающее кадетамъ „столковаться“, въ то же время открыто говоритъ, что попытка Думы добиться „гарантіи дарованной конституціи“ неизбѣжно поведетъ къ конфликту, въ которомъ „штыкамъ“ придется выполнять „очистительную“ работу. Государственная власть заранѣе намѣчаетъ и слѣдующій этапъ своего развитія въ этомъ конфликтѣ, пугая кадетовъ, а черезъ ихъ голову все имущее общество, „краснымъ призракомъ“ и предвѣщая на другомъ полюсѣ формальное торжество „абсолютистовъ“.

Мы уже говорили о формированіи этой „абсолютистской“ арміи съ земельнымъ дворянствомъ во главѣ, „черносотенными“ организаціями въ осно-

---

[1]) „Русское Государство, № 50. Цитир. по журналу „Безъ заглавія“, 1908 г. кн. 12.

ванія и „тайнымъ“ бюрократическимъ штабомъ. Говорили также и о томъ, какъ и почему земельное дворянство стало фактически все больше и больше подчинять себѣ старую государственную власть. „Абсолютистовъ“ не оказалось или почти не оказалось въ Государственной Думѣ. Тѣмъ настойчивѣе организуются они за порогомъ народнаго представительства. Майскій „всероссійскій дворянскій съѣздъ“ открыто заявляетъ о своей враждебности вновь избранной Думѣ, ея политической и соціальной программѣ[1]). Защита „неприкосновенности частной собственности“ (земельной) и защита самодержавія сливаются въ единую, цѣлостную программу. Если министерство Витте-Дурново, охраняя прерогативы старой государственной власти, и могло временами подумывать объ отдѣленіи ея интересовъ отъ интересовъ владѣльцевъ латифундій (Кутлеровскіе проекты принудительнаго отчужденія), то министерство Горемыкина означало окончательный переходъ правительства на точку зрѣнія, формулированную дворянскимъ съѣздомъ и ставшую съ тѣхъ поръ неотъемлемымъ достояніемъ правительственной программы.

Позиція этой „абсолютистской“ арміи находила сильное подкрѣпленіе въ поведеніи капиталистической буржуазіи. Въ массѣ своей она на выборахъ еще подавала голоса за к.-д. Но въ ней замѣтно усиливались тенденціи рѣзкой враждебности революціонному движенію вообще и, особенно, движенію рабочихъ. Значительная часть ея, организуясь экономически (январьскій и апрѣльскій съѣзды[2]), обнаруживала значительный политическій индифферентизмъ или, въ составѣ такихъ организацій, какъ „союзъ 17 октября“, плелась въ хвостѣ дворянско-бюрократическихъ элементовъ, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ горячо привѣтствуя всякое проявленіе „твердой власти“, направленное на подавленіе „анархіи“ въ демократическихъ низахъ. Тѣмъ самымъ капиталъ фактически поддерживалъ наступательное движеніе „абсолютистовъ“.

Организующейся армія реакціи противостояла разбитая и частью деморализованная армія революціи. Крестьянство въ массѣ своей не сдѣлало еще и первыхъ шаговъ по пути политической борьбы. Тонкій передовой слой его, б. м., и связывалъ уже въ своемъ представленіи требованіе „земли“ съ требованіемъ „воли“. Въ существѣ своемъ аграрное движеніе оставалось движеніемъ крестьянскаго *сословія*, ставящимъ своею единственною цѣлью захватъ помѣщичьихъ земель, идейно чуждымъ революціонному движенію города и, наоборотъ, пропитаннымъ еще всѣми традиціонными политическими предразсудками и иллюзіями. Крестьянство посылало въ Думу своихъ депутатовъ, какъ ходоковъ, которымъ представляется удобный случай миновать

---

[1]) См. во 2-мъ полут. II т. наст. изд. ст. Б. Веселовскаго, „Движеніе землевладѣльцевъ“, стр. 23.

[2]) См. во 2-мъ полут. II т. ст. А. Ермонскаго, „Крупная буржуазія въ 1905—1907 г.“, стр. 86.

бюрократическое „средостѣніе“. Этимъ объясняется и возможность для правительства организовать на первыхъ порахъ значительную группу крестьянскихъ депутатовъ въ своихъ цѣляхъ (Еропкинское „общежитіе“), и внезапный переходъ этой группы вчерашнихъ „реакціонеровъ“ въ ряды „крайней“ трудовой группы, лишь только выяснилось, что „земли“ отъ Горемыкинскаго министерства ждать нельзя. Но этимъ же объясняются и тѣ огромныя надежды, которыя крестьянство возлагало на Думу, и та колоссальная роль, которую Дума дѣйствительно могла бы сыграть въ крестьянскомъ движеніи, если бы властнымъ словомъ санкціонировала его цѣли и акты, направленные на достиженіе этихъ цѣлей. Положеніе складывалось такъ, что крестьянство ждало инициативы отъ Думы. Но той же инициативы ждалъ отъ нея пролетаріатъ. Разбитый въ открытомъ бою вслѣдствіе нападенія съ тылу однихъ изъ его вчерашнихъ союзниковъ, измѣны другихъ, индифферентизма широкихъ слоевъ промежуточнаго городского населенія и политическаго молчанія деревни, рабочій классъ невольно занялъ выжидательную позицію. Сравнительно успѣшное проведеніе бойкота выборовъ въ Думу было показателемъ не столько революціонныхъ иллюзій *рабочей массы*, сколько ея политическаго разочарованія на почвѣ пережитыхъ пораженій и тяжелаго экономическаго положенія. Иллюзіи извѣстной части передовыхъ рабочихъ и соціалистическихъ партій относительно близости и неминуемости возстанія крестьянства и мелко-буржуазнаго городского населенія были лишь окрашеннымъ въ революціонный цвѣтъ и субъективнымъ отраженіемъ того объективнаго факта, что для немедленнаго возрожденія широкаго политическаго движенія рабочихъ необходимо было, чтобы рабочая масса увидѣла въ рядахъ „освободительной“ арміи тѣхъ, чьей измѣнѣ, чьему равнодушію или чьему отсутствію она справедливо приписывала свое пораженіе. Вопросъ объ инициативной роли Думы былъ, такимъ образомъ, для пролетаріата вопросомъ о позиціи буржуазно-крестьянскихъ слоевъ. Но къ такого рода инициативѣ партія, ставшая во главѣ Думы, оказалась совершенно неспособна, ибо сама не находила достаточныхъ импульсовъ въ тѣхъ слояхъ, на которые опиралась. Опьяненная избирательными успѣхами, партія к.-д. готова была видѣть въ отставкѣ министерства Витте-Дурново и въ отсрочкѣ опубликованія основныхъ законовъ рѣшительную побѣду „общественнаго мнѣнія“, „отходъ въ вѣчность“ „цѣлой полосы русской политики“—полосы „конституціоннаго самодержавія“ или „самодержавной конституціи“ [1]), словомъ, рѣшеніе вопроса о государственной власти въ смыслѣ окончательнаго торжества конституціонализма. Въ такой перспективѣ и рѣшалъ вопросъ о думской дѣятельности к.-д. партіи ея съѣздъ, собравшійся наканунѣ съѣзда Думы. Неожиданное

---

[1]) См. ст. П. Н. Милюкова въ № 51 „Рѣчи“ отъ 18 апр. (переп. въ сб. „Годъ борьбы“), передовицу № 16 „Права“ (отъ 18 апр.) и др.

для съѣзда опубликованіе основныхъ законовъ къ концу его занятій подѣйствовало, какъ ударъ грома съ яснаго неба. Намѣченныя съѣздомъ учредительныя функціи Думы оказались выведенными за предѣлы легальности, въ рамкахъ которой рѣшила держаться к.-д. партія. Вопросъ о государственной власти оказался не только не рѣшеннымъ, но поставленнымъ такъ остро, какъ никогда. Передъ лицомъ такъ ясно раскрывшейся ситуаціи съѣздъ обнаружилъ полную растерянность и отклонилъ предложеніе одного изъ депутатовъ—обсудить, что же дѣлать при измѣнившихся обстоятельствахъ, подъ курьезнымъ предлогомъ, что это—„новое предложеніе" и потому не можетъ быть принято![1]) Если это постановленіе означало что-нибудь, то только то, что остаются въ силѣ *старыя* рѣшенія, естественно получившія „при измѣнившихся обстоятельствахъ" совершенно *новый* смыслъ, несомнѣнно учтенный правительствомъ. Хотя и впослѣдствіи раздаются со стороны к.-д. оптимистически-презрительныя отзывы о значеніи „основныхъ законовъ" и новаго министерства[2]), но становится вполнѣ очевидно, что Дума въ большинствѣ своемъ не только не намѣрена брать на себя иниціативы, способной возродить октябрьско-декабрьское движеніе, но, наоборотъ, возлагаетъ всѣ надежды свои на „силу мнѣнія", побѣждающую „средостѣніе", возвращаясь тѣмъ самымъ, въ сущности, къ уровню традиціонныхъ представленій крестьянства[3]). При такихъ условіяхъ создается съ самаго начала порочный кругъ, въ которомъ суждено дѣйствовать Думѣ: внѣ-думскія силы ждутъ иниціативы со стороны Думы, а она сама становится способной дѣйствовать сколько нибудь энергично лишь въ той мѣрѣ, въ какой получаетъ импульсы со стороны. Посреди этихъ противорѣчій движется ея дѣятельность.

* * *

27 Апрѣля члены Думы собрались впервые въ зданіи Таврическаго дворца. Требованія бурныхъ народныхъ митинговъ, адреса, привѣтствія, петиціи, телеграммы провожали ихъ съ мѣста избранія въ столицу и начали засыпать съ перваго же дня засѣданій въ Думѣ. Но одновременно, по сви-

---

[1]) „Право" 1906 г. № 18, стр. 1695.

[2]) „Будущій историкъ, описывая все значеніе великаго дня 27-го апрѣля, вѣроятно лишь мелькомъ и въ примѣчаніи коснется этой попытки акта 23 апрѣля ограничить права народнаго представительства". „Право" 1906 г. № 17, с. 1538 (30 апрѣля).

[3]) „Мы знаемъ, что старыя препятствія—средостѣнія между монархомъ и народными представителями—остаются. Мы знаемъ, что та организація, которая въ теченіе десятковъ лѣтъ управляла, увы, ковала не права, а ковала гнетъ. Мы знаемъ, что эта организація цѣликомъ вошла въ новый составъ того средостѣнія, которое она и обновила въ настоящую минуту (Аплодисменты). Рѣчь Ф. И. Родичева въ засѣданіи 2 мая.

дѣтельству С. А. Муромцева[1]), въ Думу хлынулъ и потокъ другихъ заявленій, злобныхъ, непримиримыхъ, полныхъ угрозъ, исходившихъ изъ землевладѣльческихъ и связанныхъ съ ними черносотенныхъ круговъ. Бюрократія встрѣчала народныхъ представителей съ холодною враждебностью и, не рѣшаясь принять по отношенію къ нимъ какихъ-либо крутыхъ мѣръ, преслѣдовала ихъ мелочными оскорбленіями, обысками на вокзалахъ и т. д. На столбцахъ „Правительственнаго Вѣстника" изо дня въ день печатались телеграммы и ходатайства черносотенныхъ организацій, осыпавшія Думу ругательствами, требовавшія немедленнаго разгона ея и крутой расправы съ „крамольными" избирателями и депутатами. Демократическое населеніе столицы сохраняло, хотя и повышенное, но выжидательное, полунедовѣрчивое настроеніе. Крики „амнистія!" сопровождали депутатовъ на всемъ ихъ пути въ Зимній Дворецъ, куда они направлялись для выслушанія тронной рѣчи, и обратно.

Тронная рѣчь обходила молчаніемъ вопросъ о юридическомъ существѣ новаго государственнаго строя и не упоминала ни о конституціи, ни о самодержавіи. Она не давала и опредѣленной политической программы предстоящихъ Думѣ работъ. Привѣтствуя въ лицѣ депутатовъ „лучшихъ людей", она обѣщала охранять непоколебимыми дарованныя учрежденія и подчеркивала, что „необходима не одна свобода, необходимъ порядокъ на основѣ права".

Но *программа думскихъ работъ* была уже заранѣе намѣчена В. утв. 10 марта 1906 года положеніемъ совѣта министровъ, находившаго, что „правительству необходимо выступить передъ выборными людьми во всеоружіи готовой и стройной программы по важнѣйшимъ вопросамъ предстоящей дѣятельности". Въ дѣйствительности „стройнымъ" въ этой программѣ было одно: взглядъ на Думу, какъ на новое звено въ той цѣпи „инстанцій", которую проходили до сихъ поръ законодательныя предположенія. Ничего принципіально новаго, никакого коренного поворота въ законодательную дѣятельность созывъ народнаго представительства внести не долженъ былъ. Ему просто передавались „тѣ законопроекты, которые были уже разработаны въ вѣдомствахъ и поступили на разсмотрѣніе Г. Совѣта, но въ настоящее время, согласно В. п. отъ 23 сентября 1905 года, возвращены подлежащимъ министрамъ и главноуправляющимъ для направленія ихъ во вновь установленномъ законодательномъ порядкѣ". Предполагалось, что уставъ паспортный, вотчинный, межевой и т. п. послужатъ первымъ предметомъ занятій Думы. И только по крестьянскому вопросу правительство, отказываясь отъ внесенія къ началу дѣятельности Думы „цѣльнаго законопроекта" въ виду „сложности и спорности" вопроса и „краткости времени", предпо-

---

[1]) Въ его рѣчи на процессѣ о Выборгскомъ воззваніи.

лагало внести „общую программу“, наряду, впрочемъ, съ „отдѣльными законопроектами“, разработанными въ разныхъ вѣдомствахъ.

Этотъ разсчитанно-подчеркнутый взглядъ министерства Витте-Дурново всецѣло раздѣлялся и такъ же настойчиво выдвигался его преемниками. Первый же разговоръ премьеръ-министра Горемыкина съ вновь избраннымъ предсѣдателемъ Думы свелся къ предложенію Думѣ пріостановить свои занятія на лѣтніе мѣсяца, когда бюрократія „не привыкла работать“. А первымъ законопроектомъ, внесеннымъ въ Думу министерствомъ, былъ законопроектъ объ устройствѣ оранжереи и прачешной при Юрьевскомъ университетѣ.

Само собою понятно, что, при всемъ желаніи Думы начать „органическую“, т. е. правильную законодательную работу, для нея немыслима была работа въ рамкахъ министерской программы. Съ точки зрѣнія этой программы Дума должна была съ самаго начала оказаться и дѣйствительно оказалась „неработоспособной“. Ее несла волна народнаго одушевленія, она опиралась на слои населенія, жаждавшіе коренныхъ соціальныхъ и политическихъ реформъ, и, слабая, неувѣренная въ своей *тактикѣ*, не могла круто порвать со своею соціально-политическою *программою*.

Начавъ свою дѣятельность съ единогласнаго избранія предсѣдателемъ С. А. Муромцева [1]), Дума, въ лицѣ И. И. Петрункевича, сочла нужнымъ, прежде всего, повторить тотъ крикъ объ *амнистіи*, который ея члены непрерывно слышали на улицахъ [2]). Лишь послѣ этого предсѣдатель произнесъ свое *вступительное слово*, въ которомъ призывалъ Думу вести свою работу „на основахъ подобающаго уваженія къ прерогативамъ конституціоннаго монарха и на почвѣ совершеннаго осуществленія правъ Государственной Думы, вытекающихъ изъ самой природы народнаго представительства“. Громъ апплодисментовъ выразилъ согласіе подавляющаго большинства Думы съ этимъ краткимъ изложеніемъ основъ ея работы, въ которое, наряду съ подчеркиваніемъ конституціонно-монархическаго принципа, было вложено и выраженіе надежды на расширеніе правъ Думы до предѣловъ, обусловливаемыхъ ея „природою“ народнаго представительства; а не апрѣльскими основными законами.

Какъ ни велики могли быть разногласія о *способахъ* достиженія та-

---

[1]) Впослѣдствіи составъ президіума опредѣлился такъ: товарищи предсѣдателя—кн. П. Д. Долгоруковъ и проф. Н. А. Гредескулъ, секретарь—кн. Д. И. Шаховской; всѣ—члены к.-д-ой фракціи.

[2]) Рѣчь Петрункевича была для к.-д. въ то же время средствомъ уклониться отъ рѣшенія щекотливаго вопроса объ амнистіи по существу. К.-д-ій съѣздъ постановилъ, что законъ объ амнистіи входитъ въ компетенцію Думы. И хотя это постановленіе осталось въ силѣ и послѣ того, какъ съѣздъ ознакомился съ вновь изданными основными законами, фактически к.-д-ы готовы были безъ боя сдать эту позицію.

кого расширенія, необходимости его не рѣшалась отрицать въ то время и значительная часть думской „правой“, представленной графомъ Гейденомъ и другими членами тогдашняго „союза 17 октября“. Это обнаружилось въ преніяхъ объ *отвѣтномъ адресѣ* на тронную рѣчь, къ составленію котораго Дума немедленно приступила. Октябристъ Астафьевъ, нижегородскій уѣздный предводитель дворянства, такъ же категорически, какъ и ораторы-кадеты и трудовики, заявилъ, что „новый законъ (23 апрѣля) совершенно противорѣчитъ обѣщаніямъ манифеста 17 октября“, и что „представители народа должны прямо и искренно сказать, что только законодательнымъ путемъ черезъ Гос. Думу законы могутъ проходить, и что тѣ законы, которые изданы 23 апрѣля, должны быть во всякомъ случаѣ пересмотрѣны“.

Но еще до начала преній по проекту отвѣтнаго адреса, составленному к.-д-ой фракціей, но предварительно обсужденному съ трудовой группой, Думѣ снова пришлось посвятить вниманіе вопросу объ *амнистіи*. Этотъ вопросъ висѣлъ въ воздухѣ. То или иное рѣшеніе его должно было въ глазахъ всѣхъ служить пробнымъ камнемъ для дальнѣйшихъ намѣреній государственной власти. Демократическія массы настойчиво требовали отъ Думы проведенія амнистіи въ жизнь, и Дума не могла уклониться отъ постановки вопроса на очередь. Онъ и былъ поставленъ въ видѣ наказа комиссіи по разсмотрѣнію проекта отвѣтнаго адреса включить въ текстѣ адреса „указаніе на безусловную необходимость объявленія нынѣ же полной амнистіи по всѣмъ дѣламъ религіознымъ, аграрнымъ и политическимъ, разумѣя подъ послѣдними всѣ преступленія и проступки, вытекавшіе изъ политическихъ побужденій“. Въ преніяхъ по поводу этого наказа, какъ и впослѣдствіи—по поводу редакціи соотвѣтствующаго мѣста въ текстѣ адреса—не раздавалось возраженій противъ необходимости амнистіи и даже амнистіи полной. Наоборотъ, въ адресѣ еще опредѣленнѣе была подчеркнута всеобщность ожидаемой амнистіи, необходимость распространенія ея „на всѣ предусмотрѣнныя уголовнымъ закономъ дѣянія, вытекавшія изъ побужденій религіозныхъ или политическихъ, а также на всѣ аграрныя правонарушенія“. Кромѣ того адресъ былъ дополненъ указаніемъ на необходимость, не дожидаясь законодательной отмѣны *смертной казни*, немедленно пріостановить приведеніе въ исполненіе всѣхъ смертныхъ приговоровъ. Но, въ связи съ вопросомъ объ амнистіи, думская правая (гр. Гейденъ, М. Стаховичъ, бар. Ропп) выдвинула другой вопросъ, которому суждено было стать такимъ же пробнымъ камнемъ для прочности контръ-революціоннаго настроенія отдѣльныхъ партій и фракцій, какимъ вопросъ объ амнистіи служилъ для искренности конституціоннаго настроенія правительства. Это—вопросъ объ *„осужденіи террора“*. Рѣчь шла не только о террорѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова, а о революціонныхъ методахъ борьбы вообще, о томъ, чтобы Дума, признавая необходимость амнистіи,

обратилась „и къ народу, требуя, чтобы среди него водворилось опять уваженіе къ жизни и собственности другихъ гражданъ“ (бар. Роппъ). Политическій смыслъ этого предложенія въ эпоху карательныхъ экспедицій, военныхъ и исключительныхъ положеній былъ слишкомъ очевиденъ, чтобы большинство Думы могло пойти въ разставленную ему ловушку и безповоротно отрѣзать себя отъ волновавшихся за порогомъ Думы массъ, настроеніе которыхъ служило опорою для борьбы думскихъ фракцій за упроченіе конституціоннаго строя. „Единственный путь возобновленія мира въ нашей странѣ— это санкція того, что мы сегодня постановили, что мы сегодня единодушно примемъ“, отвѣчалъ М. Стаховичу к.-д. Ломшаковъ, а Ф. Родичевъ, парируя обвиненіе въ покиданіи мирной „конституціонной“ позиціи и выходя ради этого за предѣлы обычной к.-д-ой постановки вопросовъ въ Думѣ, вторилъ ему: „Съ той минуты, когда наше заявленіе передано Верховной Власти, мы неповинны за кровь, за слезы, за преступленіе. Пусть Верховная Власть рѣшаетъ, продолжаться ли старымъ насиліямъ, которыя векутъ къ борьбѣ, или воцариться царству правды и свободы. Мы только за это царство будемъ работать и только этому царству присягаемъ и остаемся вѣрны!“

Общее *содержаніе адреса*, его программа, не возбудило большихъ споровъ въ Думѣ. Представленный проектъ начинается указаніемъ на тронную рѣчь, какъ на „торжественное обѣщаніе“ „укрѣпленія и дальнѣйшаго развитія порядка законодательства, соотвѣтствующаго строго конституціоннымъ началамъ“. Съ своей стороны Дума предупреждала, что внесетъ „законъ о народномъ представительствѣ, основанный на началахъ всеобщаго избирательнаго права“. Указавъ на стремленіе Думы „создать государственный порядокъ, основанный на мирномъ сожитіи всѣхъ классовъ и народностей и на прочихъ устояхъ гражданской свободы“, адресъ переходилъ къ характеристикѣ препятствій, стоящихъ на пути возрожденію страны. „Главная язва всей нашей государственной жизни“—„самовластіе чиновниковъ, отдѣляющихъ Царя отъ народа“. Они „покрыли страну позоромъ безсудныхъ казней, погромовъ, разстрѣловъ и заточеній“. И, требуя отвѣтственности министровъ передъ народнымъ представительствомъ, адресъ ссылался не только на то, что безъ этого немыслимо „умиротвореніе страны“, но и на то, что это требуется въ интересахъ укорененія „мысли о полной безотвѣтственности Монарха“. Съ этой же точки зрѣнія адресъ настаивалъ на немедленномъ снятіи всѣхъ исключительныхъ положеній, какъ особенно способствующихъ „самовластію безотвѣтственныхъ чиновниковъ“. Наконецъ, въ интересахъ того же „единенія Монарха съ народомъ“ и „уничтоженія всѣхъ средостѣній между Верховною Властью и народомъ“ адресъ высказывалъ отрицательное отношеніе Думы къ существованію Государственнаго Совѣта и

всякимъ узаконеніямъ, ограничивающимъ „законодательную компетенцію народнаго представительства“.

Этимъ намекомъ на апрѣльскіе основные законы кончалась первая часть адреса, посвященная выраженію взгляда Думы на общее политическое положеніе и вопросы государственнаго строительства. Вторая часть излагала *программу* предстоящей Думѣ *законодательной работы*.

Сюда входили: 1) гражданскія свободы: неприкосновенность личности, свобода совѣсти, слова и печати, союзовъ, собраній и стачекъ [1]); 2) гражданское равноправіе „съ отмѣною всѣхъ ограниченій и привилегій, обусловленныхъ сословіемъ, національностью и религіею“ [2]); 3) независимость судебной власти; 4) отмѣна смертной казни; 5) всеобщее безплатное обученіе [3]); 6) болѣе равномѣрное распредѣленіе налоговъ; 7) преобразованіе мѣстнаго управленія и самоуправленія съ введеніемъ всеобщаго избирательнаго права. По предложенію Щепкина (к.-д.) адресъ былъ дополненъ указаніемъ на работы Думы объ „укрѣпленіи въ арміи и флотѣ началъ справедливости и права“.

По *крестьянскому вопросу*, кромѣ уничтоженія сословныхъ ограниченій и безправія крестьянъ, Дума обѣщала расширеніе крестьянскаго землевладѣнія „путемъ обращенія на этотъ предметъ земель казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ [4]) и принудительнаго отчужденія земель частновладѣльческихъ“. По *національному* вопросу адресъ заключалъ лишь общее обѣщаніе—„озаботиться широкимъ удовлетвореніемъ справедливыхъ нуждъ“ отдѣльныхъ племенъ и народностей. Столь же неопредѣленное „удовлетвореніе нуждъ“ было обѣщано и *рабочему* классу, причемъ конкретизировался лишь „первый шагъ“ на пути этого удовлетворенія—въ видѣ „обезпеченія наемнымъ рабочимъ во всѣхъ отрасляхъ труда (намекъ на исключительные законы о рабочихъ и служащихъ желѣзныхъ дорогъ и т. п.!) свободы организаціи и самодѣятельности для поднятія своего матеріальнаго и духовнаго благосостоянія“.

Мы уже говорили, что большихъ споровъ и острыхъ столкновеній самое содержаніе адреса въ Думѣ не вызвало [5]). Но все же по нѣкоторымъ вопросамъ намѣтились *разногласія*, имѣвшія принципіальное значеніе. Кромѣ амнистіи, и въ другихъ вопросахъ намѣчались уже линіи раздѣленія, если еще не внутри кадетско-трудовическаго блока, то между этимъ блокомъ и

---

[1]) Принята поправка о „правѣ обращаться съ петиціями къ народному представительству“.

[2]) Въ окончательной редакціи прибавлено: „или поломъ“.

[3]) Упоминаніе объ „обязательности“ обученія было отвергнуто.

[4]) Комиссія прибавила: „и церковныхъ“.

[5]) Стоитъ отмѣтить, что было отвергнуто предложеніе М. Ковалевскаго высказаться въ адресѣ по вопросамъ внѣшней политики. Выступавшіе ораторы признавались въ своей неосвѣдомленности въ этихъ вопросахъ.

думскою „правою". Такъ вопросъ объ отвѣтственности министровъ передъ Думою вызвалъ заявленіе октябристовъ объ отрицаніи ими „парламентарнаго" строя. Вопросъ о Государственномъ Совѣтѣ обнаружилъ наличность въ Думѣ не только принципіальныхъ сторонниковъ верхней палаты, хотя и съ ограниченными полномочіями (М. Ковалевскій), но и—въ лицѣ тѣхъ же октябристовъ—людей, готовыхъ примириться и съ Г. С. въ томъ видѣ, какъ онъ былъ созданъ въ февралѣ. Принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель встрѣтило въ Думѣ не только попытку свести на нѣтъ его реформаторское значеніе, истолковавъ принудительное отчужденіе, какъ мѣру, допускаемую лишь въ отдѣльныхъ исключительныхъ случаяхъ (гр. Гейденъ и др.), но и принципіальную оппозицію со стороны, главнымъ образомъ, помѣщиковъ Царства Польскаго, Юго и сѣверо-западнаго края (Скирмунтъ, гр. Потоцкій и др.). Польскіе депутаты, въ своей борьбѣ противъ принудительнаго отчужденія, подняли и *національный вопросъ*, требуя, чтобы и рѣшеніе аграрнаго вопроса въ Польшѣ было отнесено къ сферѣ польской автономіи. Свое требованіе автономіи 27 польскихъ депутатовъ заявили въ торжественной декларацін еще до начала обсужденія отвѣтнаго адреса, связавъ его съ протестомъ противъ опущенія въ текстѣ изданныхъ 23 апрѣля основныхъ законовъ названія „Царство Польское" [1]). Отстаивая національное равноправіе, думское большинство не рѣшилось, однако, вносить въ текстъ адреса требованіе автономіи окраинъ, какъ и вообще ограничилось, какъ мы видѣли, по національному вопросу лишь неопредѣленными, общими фразами. Воинствующій націонализмъ, какъ разъ въ это время начавшій поднимать голову, въ Думѣ нашелъ, правда, лишь единичнаго представителя—въ лицѣ священника Кунцевича, внесшаго даже соотвѣтствующую „ироническую" поправку къ адресу [2]),—но было слишкомъ очевидно, что попытка болѣе обстоятельно обсудить національный вопросъ легко можетъ нарушить единодушіе, къ которому стремилась руководящая партія Думы: октябристской „правой" легче всего было бы въ этомъ вопросѣ внести смуту и въ ряды крестьянскихъ депутатовъ, какъ безпартійныхъ, такъ и трудовиковъ. Національный вопросъ былъ оставленъ открытымъ.

По *рабочему вопросу* „манчестерская", какъ ее характеризовалъ М.

---

[1]) Съ формальной точки зрѣнія этотъ протестъ былъ ошибоченъ, потому что новые основные законы (ст. 24 и 25) указали, что и за ихъ изданіемъ, сохраняютъ силу основныхъ законовъ различныя постановленія, въ томъ числѣ и ст. 4 старыхъ основныхъ законовъ („съ Императорскимъ Всероссійскимъ престоломъ нераздѣльны суть престолы Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго"), на опущеніе которой жаловались польскіе депутаты. Въ Сводъ основн. гос. законовъ изданія 1906 г. статья эта вошла, какъ ст. 26.

[2]) „Дума озаботится.... чтобы Россія, населенная многочисленными племенами и народностями, потеряла свое своеобразіе и даже самое свое имя". Дума отказалась ставить эту „поправку" на голосованіе.

Ковалевскій, позиція проекта, ограничивавшагося упоминаніемъ о свободѣ и самодѣятельности рабочихъ, была дополнена требованіемъ законодательной охраны труда. Но ни одно конкретное требованіе въ адресъ не вошло. Не вошло и требованіе 8-часового рабочаго дня—этого „перваго лозунга рабочихъ, перваго слова ихъ“ (Михайличенко), хотя введеніе этого требованія въ адресъ могло сыграть огромную роль въ смыслѣ преодолѣнія недовѣрія и индифферентизма рабочихъ массъ къ Думѣ. Впрочемъ, и сами рабочіе депутаты на внесеніи такихъ конкретныхъ требованій по рабочему вопросу не настаивали, откладывая это до того времени, когда „намъ придется издавать объ этомъ законы“ (Михайличенко). Съ тѣмъ большимъ жаромъ добивались они открытаго провозглашенія послѣдовательныхъ *обще-демократическихъ требованій*. „Мы, какъ представители рабочихъ, должны подчеркнуть, что мы требуемъ учредительнаго собранія, свободно избраннаго всѣмъ народомъ, безъ различія пола, вѣры и національности, на равной, прямой и тайной подачѣ голосовъ. Этого требуетъ соціалдемократическая партія, этого требуютъ рабочіе“ (Михайличенко). Вопросъ объ учредительномъ собраніи былъ устраненъ изъ дебатовъ. Неорганизованные рабочіе депутаты, растворенные въ трудовой группѣ, не могли послѣдовательно отстаивать свою точку зрѣнія. Зато вопросъ о томъ, чтобы „развернуть“ краткую формулу—„всеобщее“ избирательное право,—употребленную въ адресѣ, получилъ важное значеніе. Громадное большинство Думы заявляло себя сторонниками „четырехчленной“ формулы [1]). К.-д.-ы формально обѣщали въ ближайшемъ же будущемъ внести соотвѣтствующій законопроектъ. И все же выраженіе, употребленное въ адресѣ, „развернуто“ не было.

Это была не случайность, а неизбѣжное слѣдствіе *тактической позиціи*, занятой думскимъ большинствомъ. Возложивъ свои надежды на „силу мнѣнія“, оно, естественно, стремилось укрѣпить эту силу единодушіемъ. Не оттолкнуть октябристской „правой“ ему въ данный моментъ казалось важнѣе, чѣмъ пойти навстрѣчу настроенію рабочихъ массъ, отъ которыхъ немедленной поддержки ждать было невозможно. Стремленіе къ единогласію проявляли отнюдь не одни к.-д.-ы. Лидеры трудовиковъ (Жилкинъ, Аладьинъ) обращались къ крестьянамъ и рабочимъ съ пламеннымъ призывомъ—во имя единенія не настаивать на болѣе отчетливомъ формулированіи ихъ требованій въ текстѣ адреса. Отдѣльные голоса, упрекавшіе адресъ въ „слабости“, „смиреніи“, требовавшіе „бо́льшей рѣшительности“ (Кутомановъ, Меркуловъ, Тесля), терялись въ общемъ хорѣ. Сами недовольные не могли формулировать опредѣленно, какъ они себѣ представляютъ поведеніе Думы, и не находили поддержки въ рядахъ своихъ ближайшихъ политическихъ друзей.

Такимъ образомъ, въ попыткѣ опереть свои первые шаги на единодушную

---

[1]) Только вопросъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ возбуждалъ сомнѣнія у части крестьянъ.

„силу мнѣнія“ въ Думѣ царило почти полное согласіе. Но дальше все же начинались *тактическія разногласія*, какъ оказалось, неустранимыя и въ то же время вскрывавшія противорѣчія въ занятой Думой позиціи. Рѣшившись опереться исключительно на „силу мнѣнія“, поддерживаемую лишь „сочувствіемъ“ народныхъ массъ [1]), думское большинство переходило тѣмъ самымъ на точку зрѣнія „правой“, не будучи однако въ состояніи сдѣлать послѣдовательно всѣ выводы изъ такого перехода. „Правые“, даже въ той части своей, которая отстаивала конституціонный строй, отвергая „парламентарный“ (гр. Гейденъ, Стаховичъ и др.), во всякомъ случаѣ признавали, какъ данный, тотъ ублюдочный и шаткій режимъ, который создался въ результатѣ до-думскаго законодательства. Они хотѣли стоять на почвѣ этого режима и настаивали, что въ предѣлахъ созданныхъ имъ правовыхъ нормъ Думѣ только и возможно медленною работою подвигаться къ намѣченной въ адресѣ цѣли. Отсюда—и редакція тѣхъ поправокъ, которыя гр. Гейденъ и его друзья предлагали къ адресу (напр., въ вопросѣ о пересмотрѣ основныхъ законовъ), и отказъ ихъ отъ безповоротнаго осужденія Гос. Совѣта и т. д. Отсюда же—естественно и послѣдовательно выдвигалась „сила мнѣнія“, какъ единственное орудіе Думы, ибо другихъ „законныхъ“ орудій ей, дѣйствительно, не было дано.

Отношеніе же к.-д-овъ къ созданному до-думскимъ законодательствомъ положенію продолжало быть столь же неяснымъ, какимъ, какъ мы выше видѣли, оставилъ его послѣдній к.-д-ій съѣздъ. Оптимизмъ, навѣянный избирательными побѣдами, позволялъ закрывать глаза на этотъ вопросъ и мечтать, что однимъ удачнымъ парламентскимъ натискомъ, „штурмомъ“ удастся опрокинуть нагроможденныя основными законами и учрежденіемъ Г. Думы и Г. Совѣта препятствія. И эту задачу, принципіально отличную отъ той, которую ставили себѣ гр. Гейденъ и его сторонники, к.-д-ы разсчитывали выполнить „силой мнѣнія“. Для этого имъ приходилось закрывать глаза на дѣйствительное положеніе вещей и, исходя изъ фикціи *наличности* „конституціоннаго строя“, ободрять себя расширительнымъ толкованіемъ правъ Думы, безъ твердой рѣшимости воплощать это расширительное толкованіе въ практику Думы, безъ отчетливаго представленія о методахъ борьбы за дѣйствительное расширеніе конституціонныхъ гарантій [2]). Для этого же приходилось

---

[1]) „Никогда, б. м., массовая поддержка выставленной Думой программы не была такъ важна, какъ въ настоящій моментъ (по принятіи адреса Ф. Д.). Мы говоримъ здѣсь не о той „активной“ поддержкѣ, которой принято грозить правительству... Всего опаснѣе было бы для успѣха этой работы,—и всего выгоднѣе для правительства, если бы внѣпарламентская поддержка приняла форму внѣпарламентскаго „давленія“... Страна должна активно поддержать принятый Думой адресъ многочисленными выраженіями солидарности съ нимъ“. П. Милюковъ. „Рѣчь“ 6 мая, № 66. Перепеч. въ сб. „Годъ борьбы“, с. 408.

[2]) „Намъ не нужно, въ нашихъ же интересахъ, указывать въ адресѣ, что мы считаемъ наше право почина связаннымъ. Въ нашихъ интересахъ считать, что право почина закона принадлежитъ намъ въ полномъ объемѣ... Отъ насъ же

отказаться отъ принципіальной и открытой борьбы со всѣмъ режимомъ, отворачиваться отъ вопроса о государственной власти и сосредоточить всю силу нападенія на борьбѣ съ „средостѣніемъ", на борьбѣ съ министерствомъ. И опять-таки лишь одинокіе голоса напоминали, что „не столько отвѣтственно чиновничество, сколько весь режимъ" (Локоть). Дума, въ общемъ, почти единодушно пошла по этому пути, который казался и болѣе легкимъ, и—таково было преподнято-оптимистическое настроеніе—неминуемо ведущимъ къ побѣдѣ. Ближайшіе же дни дали въ этомъ отношеніи внушительное предостереженіе...

Въ ночь на 5-е мая, послѣ сплошного 4-дневнаго засѣданія, прерываемаго лишь для принятія пищи и краткаго ночного отдыха, Дума огромнымъ большинствомъ *приняла адресъ*. Полнаго единогласія установить все таки не удалось. Группа гр. Гейдена (11 человѣкъ) сочла для себя все же невозможнымъ голосовать за окончательный текстъ адреса, но, „не желая нарушать единодушія", не голосовала противъ, а удалилась изъ залы засѣданій. Т. о., воспользовавшись своимъ вліяніемъ для внушенія большей умѣренности составителямъ адреса и для поощренія ихъ стремленія сохранять „единодушіе", думская „правая" отказывалась солидаризоваться съ текстомъ адреса и тѣмъ самымъ уничтожала цѣль, ради которой, была принята компромисная тактика. Съ другой стороны, рабочая группа (15 человѣкъ) также увидѣла себя вынужденной воздержаться отъ голосованія, не подчеркнувъ этого воздержанія демонстративно лишь изъ нежеланія смѣшаться съ группой гр. Гейдена [1]). Но, какъ бы то ни было, „сила мнѣнія" была выражена думскимъ вотумомъ достаточно внушительно.

Для приданія этому акту еще большей торжественности Дума постановила, что адресъ будетъ поднесенъ *депутаціей* въ составѣ думскаго президіума—въ тотъ же день, 5 мая. Однако 8-го мая С. Муромцевъ вынужденъ былъ доложить Думѣ письмо предсѣдателя совѣта министровъ съ извѣщеніемъ, что адресъ долженъ быть посланъ при „всеподданнѣйшей запискѣ" предсѣдателя Думы. Дума вышла съ достоинствомъ изъ затруднительнаго положенія въ которое она была поставлена, выразивъ почти единогласно свое убѣжденіе, что „значеніе отвѣта на тронную рѣчь заключается въ его содержаніи, а не въ способѣ его представленія".

Дѣло заключалось, однако, не въ томъ только, чтобы выйти изъ затруд-

---

зависитъ расширить эти путы (ст. 55 и 57 Учр. Г. Д.), обойти ихъ и воспользоваться этимъ правомъ въ полномъ объемѣ. Если же мы эти ограниченія внесемъ, то мы лишимъ себя возможности воспользоваться этимъ правомъ до тѣхъ поръ, пока сверху это право не будетъ расширено" (Набоковъ, зас. 3 мая). Какъ извѣстно, при первой же попыткѣ законодательнаго почина (законопр. о смертной казни), к.-д-ы увидѣли себя вынужденными признать, что „расширеніе путъ" не отъ нихъ зависитъ".

[1]) См. заявленіе рабочей группы въ № 6 „Невской Газеты", 8 мая 1906 г.

вительнаго положенія, а въ томъ, чтобы уразумѣть дѣйствительный смыслъ постигшей Думу неудачи и сдѣлать соотвѣтствующіе выводы. Но попытка Аладьина въ этомъ направленіи встрѣтила немедленно уже рѣзкій отказъ со стороны к.-д овъ, желавшихъ не видѣть въ инцидентѣ ничего, кромѣ вопросовъ „придворнаго этикета". Дума перешла къ очереднымъ дѣламъ—составленію временнаго наказа и первому срочному запросу (объ участіи администраціи въ организаціи погромовъ, о переполненіи тюремъ и незаконномъ задержаніи подъ стражею), который и былъ принятъ послѣ крайне мирныхъ дебатовъ, касавшихся болѣе формулировки запроса, чѣмъ содержанія его. Въ ближайшіе дни Дума занималась провѣркой депутатскихъ полномочій, направила въ комиссіи два внесенныхъ к.-д-ою фракціею законопроекта (по земельному вопросу и о неприкосновенности личности) [1]), приняла новый срочный запросъ объ утвержденіи прибалтійскимъ генералъ-губернаторомъ 8 смертныхъ приговоровъ въ Ригѣ послѣ того, какъ думскій адресъ высказалъ пожеланіе о пріостановкѣ смертныхъ казней.

Настроеніе сохранялось повышенно-оптимистическое. „Въ недѣлю 6—13 мая господствовало ожиданіе, почти увѣренность, что та или иная амнистія будетъ, нѣкоторые члены Думы торопили съ обсужденіемъ адреса, чтобы не дать правительству объявить ее раньше, чѣмъ Дума попроситъ о ней: воображали, что правительство вступитъ въ состязаніе съ Думой по части великодушія и гуманности. Каждое утро развертывали газеты, ища прежде всего указъ объ амнистіи" [2]).

Министерская декларація 13 мая подѣйствовала, какъ ударъ грома изъ яснаго неба, какъ содержаніемъ, такъ и формою своею. Адресъ Думы былъ переданъ совѣту министровъ. На обращеніе ея къ Верховной Власти отвѣчалъ г. Горемыкинъ, и отвѣтъ его былъ сплошнымъ отрицаніемъ всей Думской программы. Декларація категорически отказывалась останавливаться на пожеланіяхъ Думы объ отвѣтственномъ министерствѣ, упраздненіи Гос. Совѣта, расширеніи предѣловъ законодательной власти Думы и т. д., какъ касающихся основныхъ законовъ, которые находятся внѣ сферы думской инициативы. Стоя на почвѣ „строгой законности", какъ оно сложилась до Думы, министерство обѣщало свое „содѣйствіе" Думѣ, но лишь въ тѣхъ вопросахъ, „которые не выходятъ изъ предѣловъ предоставленнаго ей законодательнаго почина". Но и въ этихъ предѣлахъ декларація объявляла измѣненіе изби-

---

1) Немедленнымъ образованіемъ подготовительныхъ комиссій въ связи съ рѣшеніемъ вопроса о направленіи законопроекта Дума обошла постановленіе закона, осуждавшаго ее на бездѣйствіе втеченіе мѣсячнаго срока, предоставленнаго министрамъ для формулированія своего отношенія къ думскимъ законопроектамъ. С. А. Муромцевъ истолковалъ это постановленіе такъ, что „нѣтъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы, пока втеченіе мѣсяца будетъ думать министръ, въ то же самое время работала и Г. Д. въ лицѣ своей комиссіи".

2) Езерскій. гл. I-ой Г. Д. (к. д.). Госуд. Дума перваго созыва. Пенза 1907, с. 25.

рательнаго права—„не подлежащимъ немедленному обсужденію“, гражданскія свободы—пріемлемыми лишь при условіи „вооруженія административной власти дѣйствительными способами“ борьбы со „злоупотребленіемъ дарованными свободами“, принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель, какъ и обращеніе въ земельный фондъ удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ и церковныхъ земель—„безусловно недопустимымъ“. Вопросъ объ исключительномъ положеніи правительство объявляло не подлежащимъ вѣдѣнію Думы, какъ вопросъ „государственнаго управленія“, а на критику исключительныхъ законовъ отвѣчало выраженіемъ рѣшимости, впредь до пересмотра этихъ законовъ въ „подлежащихъ вѣдомствахъ“, и впредь бороться со „смутою“ „всѣми существующими нынѣ законными способами“. По поводу амнистіи министерство заявляло, что, поскольку рѣчь идетъ о „помилованіи приговоренныхъ по суду“,—это „прерогатива Верховной власти“, но, по мнѣнію совѣта министровъ, „благу общему не отвѣчало бы, въ настоящее смутное время, помилованіе преступниковъ, участвовавшихъ въ убійствахъ, грабежахъ и насиліяхъ“. Изъ лицъ, пострадавшихъ въ административномъ порядкѣ, министерство обѣщало освобожденіе лишь тѣхъ, „предоставленіе коимъ свободы не угрожаетъ общественной безопасности“. Наконецъ, въ заключительной части декларація Думѣ предлагалась программа работъ, представляющая простое повтореніе изложенной выше программы 10 марта.

Министерская декларація произвела почти на всѣхъ членовъ Думы, безъ исключенія, ошеломляющее *впечатлѣніе*, въ которомъ бурное чувство возмущенія и негодованія смѣшивалось съ тоскливымъ ощущеніемъ крушенія оптимистическихъ надеждъ, горькаго разочарованія въ недавнихъ иллюзіяхъ. „Когда нѣсколько недѣль тому назадъ прежній кабинетъ гр. Витте подалъ въ отставку, то такая отставка всего министерства, наканунѣ открытія Думы, не могла имѣть иного объясненія, какъ только то, что отнынѣ правительство рѣшило стать на новую дорогу, что новые министры намѣрены вступить на конституціонный путь“, говорилъ к.-д. Набоковъ, и ему вторилъ Ф. И. Родичевъ: „мы ждали, что власть выйдетъ къ намъ навстрѣчу, мы готовы были забыть прошлую дѣятельность людей, въ рукахъ которыхъ была власть. Мы готовы были не вспоминать о томъ, что на порогѣ обновленной Россіи власть находится въ рукахъ лицъ, работавшихъ надъ угнетеніемъ страны. Сегодня наши надежды рушились“.

Рушились надежды не однихъ лидеровъ к.-д-ой фракціи. Рушились—и еще въ большей степени—надежды думскихъ представителей крестьянства, и въ рѣчахъ ораторовъ трудовиковъ звучалъ—наряду съ болѣе рѣзко выраженнымъ негодованіемъ—тотъ же тонъ безпомощнаго разочарованія, что и въ рѣчахъ к.-д-овъ. „Этотъ листокъ помутилъ глаза тѣхъ крестьянъ, которые тутъ съ нами, помутилъ глаза и сердца тѣхъ, которые ждали, что

осуществитъ намъ эта Дума", воскликнулъ въ простой, сильной рѣчи крестьянинъ трудовикъ Лосевъ; „до сегодняшняго дня я былъ движимъ чувствомъ радости, я думалъ, что вотъ настанетъ тотъ моментъ, въ который начнется обновленіе нашей измученной страны, я думалъ, что этотъ голосъ измученной страны раздался по всей странѣ и дошелъ до слуха великаго священнаго нашего монарха. Но, друзья, я вамъ скажу, радость моя была, и сердце мое чувствовало радость только до сегодня"... Наивно-традиціонному міросозерцанію крестьянъ былъ нанесенъ первый серьезный ударъ. Его думскіе представители получили первый наглядный урокъ политическаго „реализма". Но это былъ лишь первый урокъ и воспринятъ онъ былъ непосредственно пока лишь крестьянами-депутатами, которыхъ охватило чувство безнадежности. „Могучій, но слѣпой Самсонъ"—по выраженію Лосева—„пришелъ въ безвыходное положеніе" и, казалось, ему не осталось уже ничего другого, какъ „умереть", похоронивъ вмѣстѣ съ собою подъ развалинами и „филистимлянъ"...

Выходъ, котораго, не находили рядовые крестьяне - депутаты, былъ найденъ въ выраженіи „передъ лицомъ страны *полнаго недовѣрія къ безотвѣтственному* передъ народнымъ представительствомъ *министерству*" и требованіи министерства, „пользующагося довѣріемъ государственной думы". Какъ программная резолюція въ отвѣтъ на декларацію министерства, эта формула перехода къ очереднымъ дѣламъ собрала голоса почти всѣхъ членовъ Думы. Противъ нея голосовали лишь 10 депутатовъ съ гр. Гейденомъ и Стаховичемъ во главѣ, но и то—какъ они пояснили въ особомъ заявленіи—не изъ солидарности съ министерствомъ, декларація котораго и ихъ разочаровала и возмутила, а изъ формальныхъ соображеній, не позволявшихъ имъ признать за Думою право на выраженіе недовѣрія министрамъ [1]).

Итакъ, лозунгъ—„исполнительная власть да подчинится власти законодательной!" (Набоковъ), лозунгъ, имѣвшій огромное агитаціонное значеніе, былъ воспринятъ Думою почти единогласно. Но возникалъ вопросъ: станетъ ли думская резолюція актомъ непосредственной наступательной борьбы Думы за воплощеніе въ жизнь своей программы? Такимъ актомъ она могла бы стать въ двухъ случаяхъ: если бы лозунгъ „отвѣтственное министерство" подхватили немедленно народныя массы, сдѣлавъ его своимъ требованіемъ и своимъ вмѣшательствомъ развертывая все политическое содержаніе кризиса, скрытаго подъ оболочкой конфликта Думы съ министерствомъ; или—если бы Дума рѣшила перешагнуть Рубиконъ, если бы резолюція была подкрѣплена

---

[1]) Декларація дала, однако, толчокъ выдѣленію изъ „Союза 17 окт." группы гр. Гейдена, которая приняла названіе „партіи мирнаго обновленія" и включила въ свою программу отвѣтственность министерства передъ Думой.

рядомъ рѣшительныхъ, категорическихъ постановленій, которыми народное представительство, ставя на карту свою судьбу, дѣлало бы себя источникомъ новой „законности", противоставленной той старой, на почвѣ которой продолжало функціонировать министерство безотвѣтственное...

Но въ томъ „порочномъ кругу", въ которомъ какъ мы выше говорили очутилась Дума, ни то, ни другое не оказалось возможнымъ. Народнаго движенія, способнаго непосредственно поддержать Думу и тѣмъ самымъ толкнуть ее на рѣшительныя дѣйствія, на лицо не было.

Почти всѣ революціонныя партіи и фракціи не отдавали себѣ ни малѣйшаго отчета въ возможномъ значеніи думскаго конфликта. Наоборотъ, большинство революціонеровъ, иллюзіи которыхъ—вопреки ихъ бойкотизму—были подогрѣты именно атмосферой возбужденія, созданной выборами и функціонированіемъ Думы, сосредоточивало свои усилія на агитаціи противъ „конституціонныхъ иллюзій" [1]). Агитація с.-д-овъ меньшевиковъ, съ центральнымъ комитетомъ во главѣ, обращеніе Г. В. Плеханова къ рабочимъ [2]), извѣстное воззваніе 14 рабочихъ депутатовъ (18 мая), выдѣлившихся къ етому времени изъ состава трудовой фракціи въ особую группу,—все это начало производить коренной поворотъ въ настроеніи рабочихъ и ихъ отношеніи къ задачамъ и дѣятельности Думы: обращенія рабочихъ къ думскимъ депутатамъ начинаютъ сыпаться градомъ. Но всего этого было слишкомъ мало чтобы побудить рабочихъ къ непосредственному активному вмѣшательству въ конфликтъ Думы съ министерствомъ.

Спасти положеніе могла бы инициатива Думы... Но мы уже говорили, почему, при сложившихся обстоятельствахъ, она была неспособна на такую инициативу. Стоя на точкѣ зрѣнія строгой формальной законности и не допуская и мысли объ ея нарушеніи, графъ Гейденъ предупреждалъ Думу о неудобствахъ категорическаго требованія выхода министерства въ отставку, предсказывая, что Дума очутится въ „тупикѣ": „или мы должны будемъ уйти, или должно будетъ уйти министерство", а „уходъ министерства не въ нашей власти". При отсутствіи активнаго массоваго движенія и неспособности Думы къ самостоятельной инициативѣ предсказаніе гр. Гейдена оправдывалось. Дума все больше сосредоточивалась на борьбѣ съ министерствомъ и все настойчивѣе старалась строго локализовать эту борьбу, избѣгая

---

[1]) Администрація нѣкоторыхъ городовъ, особенно Петербурга, была, видимо, не прочь использовать въ своихъ цѣляхъ *эту сторону* революціонной агитаціи и потому оставляла нѣкоторый просторъ митингамъ, на которыхъ выступали революціонные ораторы. Скоро, впрочемъ, она убѣдилась, что ущербъ, приносимый ей такимъ образомъ дѣйствій, превышаетъ возможныя выгоды.

[2]) „Курьеръ" 20 мая, № 4. „Письмо" должно было быть совмѣстнымъ обращеніемъ Г. Плеханова и П. Аксельрода. Подпись послѣдняго отсутствуетъ по случайнымъ причинамъ.

постановки того болѣе общаго вопроса о государственной власти и государственномъ строѣ Россіи, на почвѣ котораго только и могъ успѣшно разрѣшиться конфликтъ съ министерствомъ. И даже тогда, когда, съ появленіемъ въ Думѣ с.-д-ой фракціи, этотъ болѣе общій вопросъ былъ поставленъ съ думской трибуны, думское большинство упорно продолжало свою безнадежную тактику сокрушенія „средостѣнія", стараясь лишь еще и еще ярче обличить дѣйствія министерства, еще громче выкрикнуть свое негодованіе и возмущеніе въ тщетной надеждѣ быть услышаннымъ и оправданнымъ въ своей тяжбѣ съ министерствомъ.

Эта тактика была безплодной и безнадежной, ибо и у самихъ участниковъ ея порождала чувство безсилія [1]), и бюрократіи раскрывала слабость Думы. Между тѣмъ сама *бюрократія* въ это время далеко не чувствовала еще своего положенія окончательно упрочившимся, а своей позиціи—неприступной. Уже во время преній по декларацiи министръ юстиціи Щегловитовъ выступилъ съ рѣчью, въ которой явно старался *смягчить впечатлѣніе*, произведенное заявленіемъ Горемыкина. Онъ сказалъ, что правительство лишь „съ тяжелымъ сознаніемъ" „вынуждено руководствоваться старыми законами, усовершенствованіе которыхъ представляется не только желательнымъ но, скажу прямо,—необходимымъ". Онъ оправдывался отъ подозрѣнія, будто правительство „является представителемъ дальнѣйшаго попиранія закона", признавая, такимъ образомъ, „попираніемъ закона" дѣятельность предшествующаго кабинета. Онъ смягчалъ категорическое заявленіе декларацiи объ аграрномъ законодательствѣ, увѣряя, что это только „воззрѣніе", „мнѣніе", правительства, „неправильность котораго не должна устрашать тѣхъ, кто держится по этому вопросу иного воззрѣнія", ибо „отъ столкновенія различныхъ мнѣній дѣло разъясняется, рождается истина". И онъ заканчивалъ свою рѣчь торжественнымъ заявленіемъ: „правительство смотритъ на разницу своихъ воззрѣній въ той или другой области съ Гос. Думой, какъ на залогъ совершенствованія тѣхъ новыхъ законовъ, которые тѣмъ болѣе будутъ истиннымъ выраженіемъ воли народа, представительницей которой является Государственная Дума".

Какъ мы видѣли, министерство и въ своей декларацiи не рѣшалось категорически отвергнуть всякую *амнистію*. Оно желало только лишить ее принципіальнаго характера, изъявъ изъ ея дѣйствія „преступниковъ, уча-

---

[1]) „Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше сгущалась атмосфера, работа шла какъ-то толчками. Дума становилась нервнѣе. Въ основѣ лежало все то же сознаніе тупика, глухой стѣны, стоявшей передъ Думой. Министерство не уходило, положеніе страны оставалось то же, какъ свидѣтельствовали запросы, вся думская работа казалось ничтожной и безплодной. Какой бы вопросъ ни подымался, всегда его практическое разрѣшеніе парализовалось присутствіемъ министерства, столь чуждаго Думѣ". Н. Езерскій. I. с., стр. 67.

ствовавшихъ въ убійствахъ, грабежахъ и насиліяхъ". Такъ же ставилъ вопросъ объ амнистіи въ своемъ адресѣ и Государственный Совѣтъ, чутко отражавшій настроенія бюрократическихъ верховъ: онъ просилъ объ облегченіи участи „тѣхъ, кои, въ неудержимомъ стремленіи къ скорѣйшему достиженію желанной свободы или въ борьбѣ за охрану порядка, нарушили грани, закономъ поставленныя, но не посягнули при этомъ на чужую жизнь или имущество, а также не вовлекли въ эти преступленія другихъ" [1]). Вопросъ о частичной амнистіи оживленно дебатировался въ это время въ бюрократическихъ сферахъ и, казалось, не разъ былъ близокъ къ положительному разрѣшенію.

Административная практика обнаружила въ это время также нѣкоторые симптомы колебанія и неувѣренности. Наряду съ продолжающимися и даже усилившимися репрессіями, наряду съ произволомъ, начавшимъ пріобрѣтать особенно невыносимый характеръ вслѣдствіе „децентрализаціи" — почти полной самостоятельности каждаго генералъ-губернатора, губернатора, градоначальника въ примѣненіи предупредительныхъ и карательныхъ мѣръ,— наряду съ этимъ явилась бо́льшая свобода для печати, организацій, собраній, чѣмъ это имѣло мѣсто въ періодъ, непосредственно предшествовавшій созыву Думы. Снова появилась соціалистическая періодическая пресса. И хотя соціалистическія и вообще „лѣвыя" газеты неоднократно конфисковывались и закрывались, на мѣсто закрытыхъ возникали новыя. Облегчилась организаціонная работа. Оппозиціонныя и революціонныя партіи получили бо́льшую возможность открыто проявлять себя [2]). Сталъ доступнѣе созывъ легализованныхъ собраній, и полиція начала — по крайней мѣрѣ, въ крупныхъ центрахъ — болѣе терпимо относиться къ устройству собраній нелегализованныхъ. Смягчилась *судебная практика* по отношенію къ нѣкоторымъ разрядамъ политическихъ дѣлъ, особенно — по дѣламъ печати и, напр., 15 мая петер-

---

[1]) Въ остальномъ *адресѣ Г. С.* (5 мая) отстаивалъ всеобщее обученіе, охрану правъ народа и дарованной свободы, развитіе производительныхъ силъ страны и подъемъ благосостоянія всѣхъ слоевъ населенія, особенно крестьянства. Затѣмъ Г. С. считалъ необходимымъ „развитіе началъ самоуправленія и распространеніе ихъ на мѣстности, до сихъ поръ его лишенныя, а также справедливое уваженіе къ особенностямъ племенъ и народностей".

[2]) Правда, при этомъ имѣлись въ виду и нѣкоторыя спеціальныя цѣли. Такъ въ циркулярѣ шефа жандармовъ, ген. Дедюлина отъ 26 апрѣля 1906 г., посвященномъ партіи к.-д., говорится: „Дѣйствія партіи лишены нынѣ всякой конспиративности, и со стороны правительства пока не имѣется въ виду воспрещать членамъ партіи открытую политическую дѣятельность". Но при этомъ начальникамъ жандармскихъ управленій предписывается: „воспользоваться настоящимъ временемъ... чтобы выяснить съ полною опредѣленностью организацію этой партіи, наиболѣе видныхъ, руководящихъ и вліятельныхъ ея дѣятелей, направленіе ихъ агитаціи, а равно и истинныя цѣли и стремленія партіи, приступивъ неотлагательно къ составленію списковъ означенныхъ дѣятелей".

См. Б. Обнинскій „Лѣтопись русской революціи", т. 3, вып. II, стр 13—14.

бургская судебная палата оправдала редакторовъ „Русскаго Богатства“ (В. Г. Короленко) и „Свободнаго Народа“ (І. Гессенъ и П. Милюковъ), обвинявшихся въ томъ самомъ преступленіи (напечатаніе „манифеста“ Совѣта Раб. Депутатовъ), за которое еще недавно та же палата приговаривала редакторовъ (напр., Д М. Герценштейна, редактора газ. „Начало“) къ годовому заключенію въ крѣпости.

Наконецъ, начинаются *переговоры* видныхъ дѣятелей бюрократіи (Д. Треповъ [1]), П. Столыпинъ [2]) и др.) съ лидерами к. д-ой фракціи (Муромцевъ, Милюковъ, Петрункевичъ и др.), а также съ другими „общественными дѣятелями“ (гр. Гейденъ, М. Стаховичъ, Д. Шиповъ) о вступленіи ихъ въ министерство или образованіи *„думскаго министерства“*. Въ то же время оффиціозная пресса, съ „Новымъ Временемъ“ (а въ составѣ его сотрудниковъ—М. О. Меньшиковымъ) во главѣ, начинаетъ вести усиленную кампанію въ пользу „кадетскаго министерства“, восхваляетъ „государственную мудрость“ к.д-овъ и т. д. и т. д. Переговоры съ к.д-ими лидерами объ образованіи министерства не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. По понятнымъ причинамъ путемъ закулисныхъ переговоровъ государственная власть такъ же мало могла воспринять два основныхъ требованія к.д-ой партіи—полную амнистію и принудительное отчужденіе земли,—какъ к.д-іе лидеры не могли отказаться отъ этихъ двухъ пунктовъ, символизировавшихъ ихъ политическую и соціальную программу, не порывая круто съ тѣми слоями населенія, на сочувствіе которыхъ опиралась партія и внѣ связи съ которыми она сразу обращалась въ полное ничтожество.

Эти переговоры были, несомнѣнно, свидѣтельствомъ колебанія и неувѣренности государственной власти. Рѣшительная тактика Думы, вынесеніе вопроса изъ-за кулисъ на открытую сцену, стремленіе придать резолюціи Думы объ отвѣтственномъ министерствѣ властный характеръ могли сдѣлать ихъ источникомъ дальнѣйшаго ослабленія бюрократіи. Но при тѣхъ условіяхъ, которыя мы описывали, эти переговоры должны были очень скоро вскрыть отсутствіе реальной опоры въ притязаніяхъ к.д-ой партіи и стать въ рукахъ бюрократіи средствомъ держать ея лидеровъ „на привязи“, усыпляя ихъ надеждами на быстрое и безболѣзненное разрѣшеніе кризиса. Изъ источника ослабленія бюрократіи ея переговоры съ лидерами либеральной оппозиціи превраща-

---

1) См. „Рѣчь“ 18 февр. 1909 г. П. Милюковъ. „Мое свиданіе съ генераломъ Треповымъ“.

2) См. рѣчь П. Милюкова въ засѣданіи Гос. Д. 13 февр. 1909 г., сообщеніе „Освѣд. Бюро“ („Въ іюнѣ 1906 г. П. Н. Милюковъ былъ приглашенъ къ министру вн. дѣлъ Столыпину, согласно Высочайшему указанію“) и отвѣтъ Милюкова въ „Рѣчи“ отъ 15 февр. 1909 г., разъясняющій, что рѣчь шла не о выясненіи „пожеланій к.-д ой партіи“, какъ утверждаетъ „осв. бюро“, а о продолженіи переговоровъ о „коаліціонномъ“ или чисто к. д-мъ министерствѣ, начатыхъ генераломъ Д. Ф. Треповымъ.

лись, такимъ образомъ, въ источникъ разслабленія и деморализаціи руководящей партіи Думы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самой Думы...

* * *

Между тѣмъ Дума спѣшила начать свою *законодательную дѣятельность*. Какъ мы видѣли, министерство Горемыкина, хотя и выдвинуло „стройную программу", на самомъ дѣлѣ никакого матеріала для законодательной работы Думы не давало. Руководящей партіи Думы пришлось взять инициативу на себя. Уже 8 мая кадетской фракціей были внесены основныя положенія закона о неприкосновенности личности, жилища и частной корреспонденціи и земельнаго закона. Затѣмъ 15 мая послѣдовало внесеніе законопроекта о гражданскомъ равенствѣ, 18-го—объ отмѣнѣ смертной казни, 23-го—объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей учрежденія Государственной Думы (ст. 55—57), 30-го—о свободѣ собраній. Одновременно Дума занималась выработкой наказа [1]). Со стороны министерства за все время функціонированія Думы былъ внесенъ лишь одинъ законопроектъ крупнаго общественнаго значенія—объ ассигнованіи 50 мил. рублей на удовлетвореніе продовольственной и сѣменной нужды крестьянъ, пострадавшихъ отъ неурожая.

Вся эта законодательная работа совершалась на фонѣ непрерывной и все обострявшейся войны съ министерствомъ, при постоянныхъ перерывахъ, вызываемыхъ этою войною. Особенно затянулось предварительное обсужденіе *аграрнаго законопроекта*, занявшее—до сдачи въ комиссію—цѣлый мѣсяцъ. Конечно, въ этой затяжкѣ большую роль играло и желаніе чуть не большинства членовъ Думы высказаться по этому острому и коренному вопросу.

Въ основу дебатовъ былъ положенъ *законопроектъ партіи народной свободы* (42-хъ). Основныя черты его заключались въ слѣдующемъ: „руководящимъ началомъ земельной политики" законопроектъ провозглашалъ „передачу земли въ руки трудящихся". Конкретныя же предложенія, направленныя къ достиженію этой „конечной цѣли", сводились къ такимъ положеніямъ: 1) *расширеніе землепользованія* лицъ, обрабатывающихъ землю *личнымъ трудомъ*; 2) образованіе для этой цѣли *государственнаго*

---

1) Кромѣ того по инициативѣ членовъ Думы поднимались въ законодательномъ порядкѣ, но за роспускомъ Думы дальнѣйшаго движенія не получили вопросъ о свободѣ совѣсти, объ измѣненіи дѣйствующихъ законовъ судоустройства и судопроизводства, объ отмѣнѣ правилъ, запрещающихъ стачки с. х. рабочихъ, и свободѣ стачекъ вообще, о безплатныхъ школахъ грамоты, объ измѣненіи законовъ о печати. Гос. Совѣтъ возбудилъ лишь одинъ законодательный вопросъ - о новыхъ правилахъ о сѣменныхъ и продовольственныхъ ссудахъ и пособіяхъ крестьянамъ, пострадавшимъ въ 1906—07 гг. отъ неурожая.

земельнаго запаса путемъ обращенія въ него: а) государственныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ и церковныхъ земель, б) земель, *обязательно отчужденныхъ* изъ частнаго владѣнія отдѣльныхъ лицъ и учрежденій; 3) вознагражденіе владѣльцевъ отчуждаемой земли по *справедливой оцѣнкѣ*; 4) сдача земель изъ государственнаго запаса, по установленнымъ для каждой мѣстности *нормамъ обезпеченія*, въ *долгосрочное пользованіе*, прежде всего—*мѣстному населенію*, а затѣмъ и *переселенцамъ*. Размѣръ обезпеченія желательно довести до *потребительной нормы*.

Въ нашу задачу не входитъ подробное разсмотрѣніе и характеристика взглядовъ к.-д-ой и другихъ партій на аграрный вопросъ [1]). Но мы должны коснуться содержанія этого и другихъ проектовъ, поскольку оно вызывало оживленные споры въ Думѣ и давало матеріалъ для политической борьбы думскихъ фракцій, какъ между собою, такъ и съ государственною властью и другими силами, не нашедшими себѣ выраженія въ думскомъ представительствѣ.

Существующаго *мелкаго землевладѣнія* проектъ 42-хъ не затрагивалъ. Точно также онъ не касался и *надѣльныхъ земель*. Наоборотъ, оффиціальныя заявленія партіи народной свободы и ея думскихъ ораторовъ подчеркивали неприкосновенность земель мелкаго и надѣльнаго владѣнія. Но въ то же время проектъ умалчивалъ о судьбѣ тѣхъ *ограниченій въ правѣ свободнаго распоряженія* землею, которыя тяготѣли на надѣльномъ землевладѣніи [2]). Эти ограниченія, по мысли авторовъ проекта, должны были во всякомъ случаѣ лечь на ту землю, которая предназначалась для крестьянства изъ государственнаго запаса. Проектировалась передача земли крестьянамъ не въ собственность, а въ пользованіе, регулируемое государствомъ, единственнымъ собственникомъ „земельнаго запаса". Основная идея проекта въ этомъ отношеніи ярко выражена въ рѣчи одного изъ главныхъ творцовъ его, М. Я. Герценштейна (зас. 18 мая): „я не думаю, чтобы можно было считать прогрессомъ такое состояніе, когда изъ нашего крестьянства будетъ выдѣлена элита, то, что нѣмцы называютъ „здоровымъ крестьянствомъ", потому что, наряду съ этимъ, растетъ и батрачество. Если мы стремимся къ реформамъ, если мы прибѣгаемъ къ такой чрезвычайной мѣрѣ, какъ принудительное отчужденіе, то дѣлаемъ это для *болѣе равномѣрнаго распредѣленія богатства*". И, возражая защитникамъ передачи отчужденныхъ земель въ собственность крестьянамъ, Герценштейнъ указывалъ, что „это значило бы

---

[1]) Объ этомъ см. въ III томѣ, въ статьяхъ, посвященныхъ отдѣльнымъ партіямъ.

[2]) Впрочемъ, нѣкоторые ораторы к.-д-ты и прямо высказывались въ пользу ограниченія права распоряженія землями надѣльнаго и мелкаго владѣнія. См. напр., рѣчь Присецкаго въ зас. 18 мая: „эти земли могутъ быть оставлены въ частныхъ рукахъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы перепродажа, переуступка этой частной собственности могла быть сдѣлана только въ пользу того земельнаго фонда, который будетъ образованъ".

создать такой строй, гдѣ богатый богатѣетъ, а бѣдный бѣднѣетъ", но „это не нашъ идеалъ".

Такимъ образомъ, к.-д-ій законопроектъ по существу стоялъ на почвѣ стараго, окрашеннаго въ народническій цвѣтъ, земскаго либерализма съ его утопическимъ идеаломъ—уничтоженіемъ дифференціаціи и классовой борьбы въ деревнѣ путемъ созданія равномѣрности въ надѣленіи землею и съ его доброжелательно-бюрократическимъ представленіемъ о государствѣ, какъ заботливомъ опекунѣ народныхъ масс въ ихъ хозяйственной жизни.

Совершенно на такой же почвѣ стоялъ въ данномъ отношеніи и „проектъ основныхъ положеній", внесенный *трудовою группою* (проектъ 104-хъ), только въ немъ народническія тенденціи были еще болѣе опредѣленно подчеркнуты. И трудовики отстаивали образованіе „общенароднаго земельнаго фонда", раздаваемаго не въ собственность, а лишь въ пользованіе всѣмъ, желающимъ обрабатывать землю своимъ трудомъ, съ предпочтеніемъ мѣстнаго населенія пришлому и земледѣльческаго—неземледѣльческому. Только, въ противоположность к.-д.-ому, проектъ трудовиковъ отстаивалъ обозпеченіе не по „продовольственной", а по „трудовой" нормѣ, предоставляя право переселенія на счетъ государства изъ мѣстъ, гдѣ „земли для надѣленія всего земледѣльческаго населенія не хватитъ", въ „мѣстности, гдѣ въ землѣ избытокъ", всѣмъ крестьянамъ, „имѣющимъ менѣе продовольственной нормы". Дѣлая государство *собственникомъ* отчужденной земли, проектъ трудовиковъ какъ бы стремился ослабить централизацію, возлагая „*завѣдываніе* общенароднымъ земельнымъ фондомъ" на демократически-организованные органы мѣстнаго самоуправленія, но зато онъ, еще болѣе усиливая роль государства въ земельномъ дѣлѣ, настаивалъ на принятіи такихъ законодательныхъ мѣръ по отношенію къ землямъ надѣльнымъ и мелкаго владѣнія, которыя, не посягая сейчасъ на собственность ихъ владѣльцевъ, должны „предотвратить скопленіе земель выше трудовой нормы въ однѣхъ рукахъ и обезпечить постепенный переходъ ихъ въ общенародную собственность". Такимъ путемъ долженъ былъ быть постепенно проведенъ въ жизнь руководящій принципъ проекта: установленіе такихъ порядковъ, „при которыхъ вся земля съ ея нѣдрами и водами принадлежала бы всему народу" и отдавалась бы въ пользованіе всѣмъ гражданамъ, но только при условіи обработки ее „своимъ трудомъ".

Такимъ образомъ, въ этой части земельной программы между к.-д.-ою и трудовою фракціями *принципіальнаго* разногласія не было, оба проекта стояли на *либерально-народнической* почвѣ и оба ставили въ основу своихъ построеній одинъ и тотъ же народническій руководящій принципъ. Это не мѣшало тому, что въ составѣ обѣихъ фракцій, и даже въ числѣ подписавшихъ законопроекты, были люди, по своимъ взглядамъ на аграрный вопросъ да-

леко отходившіе отъ средней линіи, выраженной въ законопроектахъ. Такъ 8 іюня—т. е. уже послѣ сдачи земельныхъ законопроектовъ въ комиссію—33 члена трудовой группы, изъ числа внесшихъ законопроектъ 104-хъ, внесли новый проектъ „основного земельнаго закона", послѣдовательно проводившій принципы *революціоннаго народничества*. Авторы этого новаго проекта оговаривали, правда, что считаютъ его лишь развитіемъ руководящаго принципа, изложеннаго въ 1-омъ параграфѣ законопроекта 104-хъ, а другіе параграфы этого законопроекта разсматриваютъ лишь, какъ указаніе на „переходныя мѣры". Но на самомъ дѣлѣ, въ качествѣ проекта, разсчитаннаго на практическое осуществленіе, „основной земельный законъ", возвѣщавшій уничтоженіе всякой частной собственности на землю и переходъ всей земли (въ томъ числѣ и земель надѣльныхъ и мелкаго владѣнія) въ собственность демократическаго государства, организующаго уравнительное пользованіе ею,—этотъ проектъ „соціализаціи земли" имѣлъ мало общаго съ проектомъ 104-хъ, вся задача котораго сводилась къ увеличенію площади крестьянскаго землепользованія. Дѣло однако въ томъ, что для самихъ авторовъ этого „основного закона" онъ былъ скорѣе декларацией принциповъ, чѣмъ практическимъ предложеніемъ. И хотя отдѣльные ораторы трудовой группы и высказывали въ своихъ рѣчахъ точку зрѣнія, близкую „основному земельному закону" [1]), но фактически въ ходѣ преній она никакой роли не играла. И когда представители министерства, Стишинскій и Гурко, запугивая депутатовъ-крестьянъ, старались доказать, будто внесенные въ Думу проекты отчужденія земли посягаютъ и на крестьянское надѣльное владѣніе, въ залѣ Думы не нашлось никого, кто возразилъ бы М. Я. Герценштейну, назвавшему „аграрной провокаціей" эту спекуляцію на „черный передѣлъ". С.-р.-скія настроенія части лидеровъ трудовой группы получали лишь слабое выраже-

---

[1]) См., напр., рѣчь депутата Заболотнаго въ засѣданіи 27 мая: „Мы говоримъ: всѣ земли въ полномъ ихъ составѣ должны перейти въ руки трудящагося народа... Мы хотимъ добиться коренного измѣненія общественнаго строя, въ виду большей справедливости и обезпеченія труда... Если мы оставимъ участки земли, превышающіе трудовую норму, этимъ самымъ мы оставимъ возможность существованія того пролетаріата, который долженъ ихъ обрабатывать". Любопытно, что и въ средѣ к.-д. фракціи были сторонники такихъ же взглядовъ. Такъ к.-д. Присецкій, крупный землевладѣлецъ Полтавской губерніи, возражая противъ ограниченія принудительнаго отчужденія извѣстными размѣрами землевладѣнія: „я считаю это отступленіемъ отъ принципа... Разъ мы рѣшили, что земля должна принадлежать трудящемуся классу, то ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть выдѣлены особые участки, которые въ разныхъ мѣстностяхъ могутъ быть и довольно крупными". Это „нехорошо пахнетъ потому, что въ результатѣ наличности крупнаго землевладѣнія является эксплоатація трудящагося народа". Соглашаясь на оставленіе въ частной собственности земли „въ размѣрѣ, не превышающемъ трудовую норму", Присецкій все же находитъ, что въ принципѣ „частная собственность нежелательна" (с. 18 мая).

ніе въ дѣятельности группы, какъ таковой, многіе ея члены голосовали вмѣстѣ съ большинствомъ, когда Дума постановила—ссылаясь на формальныя причины—не передавать „основного земельнаго закона“ въ аграрную комиссію отъ своего имени [1]).

Съ другой стороны, въ Думѣ были и рѣшительные *противники народническихъ тенденцій* въ аграрномъ вопросѣ. Прежде всего, встрѣчала сопротивленіе идея образованія государственнаго земельнаго фонда и сосредоточенія направленія всего земельнаго дѣла въ рукахъ центральной власти. Уже среди самихъ к.-д-овъ и трудовиковъ возникало опасеніе, какъ бы такая централизація не привела къ чрезмѣрному усиленію государства—бюрократіи. Проектъ трудовиковъ, какъ мы видѣли, считался съ этою опасностью, передавая завѣдываніе земельнымъ закономъ въ руки органовъ мѣстнаго самоуправленія. Среди к.-д-овъ также были сторонники такой децентрализаціи распоряженія земельнымъ фондомъ (напр., Ишневецкій). Но другіе, какъ к.-д-ы (В. Обнинскій), такъ и трудовики (Сѣдельниковъ), и отдѣльные безпартійные депутаты (напр., литовскій крестьянинъ Гривюсъ) шли въ этомъ направленіи дальше, проектировали передачу права не только распоряженія, но и собственности органамъ мѣстнаго самоуправленія, словомъ, въ этомъ вопросѣ подходили къ программѣ „муниципализаціи“, какъ она была формулирована с.-д-ою партіею.

Съ другой стороны подходили къ вопросу о централизаціи земельнаго дѣла и рѣшали его отрицательно *окраинные депутаты*, прибалтійскіе, польскіе, сѣверо-западные. У нихъ борьба противъ централизаціи въ этомъ случаѣ связывалась съ борьбою за общую автономію представляемыхъ ими окраинъ. И хотя требованіемъ автономіи преимущественно крестьянскіе депутаты Прибалтійскаго края покрывали совершенно иные методы рѣшенія земельнаго вопроса, чѣмъ преимущественно земледѣльческіе депутаты Польши и Сѣверо-западнаго края, но и тѣ, и другіе одинаково сходились на отрицательномъ отношеніи къ идеѣ государственной централизаціи земельнаго дѣла.

Такъ же отрицательно относилась къ ней третья думская группа—будущая „*мирнообновленческая*“ (гр. Гейденъ, М. Стаховичъ и др.), къ которой въ земельномъ вопросѣ примыкали и часть к.-д-овъ (Петражицкій, Н. Львовъ, впослѣдствіи перешедшій къ мирнообновленцамъ, и др.). Для

---

1) Соціалдемократическая фракція не имѣла случая высказать свои взгляды на земельный вопросъ, т. к. конституировалась уже по окончаніи преній по аграрнымъ законопроектамъ. Эти взгляды изложены въ запискѣ, составленной фракціей для думской аграрной комиссіи (см. М. Б—овъ и Ф. Данъ. „Рабочіе депутаты въ первой Государственной Думѣ“, стр. 140 и сл.) Въ основу записки положена принятая Стокгольмскимъ съѣздомъ программа конфискаціи церковныхъ, монастырскихъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ и частновладѣльческихъ земель (кромѣ мелкаго и надѣльнаго владѣнія) и муниципализаціи. Роспускъ Думы послѣдовалъ раньше передачи записки въ комиссію.

этой группы отрицательное отношеніе къ государственному земельному фонду связывалось съ ея общими представленіями о задачахъ и размахѣ земельной реформы. Въ полную противоположность народническимъ тенденціямъ к.-д-овъ и трудовиковъ, эта группа ставила цѣлью реформы — „создать прочное крестьянство" (гр. Гейденъ [1]), ту „элиту", о которой съ такимъ пренебреженіемъ говорилъ М. Герценштейнъ. Выдѣленіе изъ среды крестьянства и поддержка зажиточнаго слоя, крѣпкаго и устойчиваго въ хозяйственномъ отношеніи, подъемъ культуры, хуторское хозяйство и поглощеніе обезземеливающагося крестьянства быстро развивающейся промышленностью — вотъ рѣшеніе земельнаго вопроса съ точки зрѣнія этой группы. Естественно, что и размѣры „принудительнаго отчужденія", и величина образующагося такимъ путемъ „земельнаго фонда" представлялись съ точки зрѣнія этой группы совсѣмъ иными, чѣмъ съ точки зрѣнія к.-д-аго и, тѣмъ болѣе, трудовическаго проекта. Все сводилось къ прирѣзкѣ кое-какихъ земель на мѣстахъ и исчезала не только государственная централизація „земельнаго запаса", но и самый этотъ „запасъ".

Естественно также, что „мирнообновленческая" группа и примыкающіе къ ней элементы рѣзко возставали и противъ идеи не только какого бы то ни было „уравнительнаго" пользованія землею, но и вообще отдачи земли только въ „пользованіе". Они отстаивали надѣленіе крестьянъ землею въ полную *собственность*, и въ этомъ отношеніи находили также поддержку среди другихъ членовъ Думы,—какъ отдѣльныхъ депутатовъ-крестьянъ [2]), такъ и окраинныхъ депутатовъ, въ мнѣніи которыхъ въ этомъ случаѣ не всегда отражались пожеланія крупныхъ землевладѣльцевъ, а часто (напр., у большинства депутатовъ прибалтійскаго края) и требованія мѣстнаго крестьянства.

Но какъ бы велики ни были разногласія по вопросу о томъ, какъ быть и что дѣлать съ тѣми новыми землями, которыя проектировалось перевести въ пользованіе крестьянъ, серьезныя битвы на этомъ полѣ — были дѣломъ будущаго. Сейчасъ же *центральный вопросъ* заключался въ томъ, гдѣ, сколько и на какихъ условіяхъ взять земли, которой настойчиво требовали крестьяне. Большинство выходившихъ на думскую трибуну ораторовъ-крестьянъ вовсе и не задавалось вопросомъ, что дѣлать съ землей, которая попадетъ въ крестьянскія руки. Одни за другими выходили крестьяне только затѣмъ, чтобы заявить требованіе земли. Въ этомъ требованіи сходились одинаково и крестьяне, выступавшіе какъ убѣжденные монархисты (напр. Перевозчиковъ,

---

[1]) См. Первая Государств. Дума. Изд. А Муханова и В. Набокова. Вып. III. Ст. А Кауфмана. Аграрный вопросъ. Стр. 37.

[2]) „Для крестьянъ Тамбовской губерніи земля должна быть дана только на правахъ собственности" (Бочаровъ). „Если крестьянинъ не получитъ земли въ собственность, онъ будетъ считать себя пришельцемъ на ней" (рязанскій депутатъ-крестьянинъ Черниковъ).

деп.. Пермской губ.), и трудовики, и безпартійные. „Вопросъ о томъ, кому принадлежитъ земля, говорилъ, напр., безпартійный крестьянинъ Бабичъ, вопросъ уже рѣшенный. Вопросъ этотъ рѣшилъ самъ народъ—земля принадлежитъ тому, кто на ней трудится, — вопросъ только въ томъ, какъ эту землю взять, какимъ образомъ передать эту землю трудовому народу".

Выборы въ Думу и дѣятельность ея сильно оживили *крестьянскія надежды* на полученіе земли, начавшія было падать подъ вліяніемъ карательныхъ экспедицій первой половины года, кое-гдѣ возобновились волненія, связанныя съ порубками, погромами и поджогами [1]); сильное распространеніе получила стачечная борьба, направленная къ повышенію заработной платы и пониженію арендныхъ цѣнъ; но повсюду въ деревняхъ начались собранія, выносившія резолюціи съ требованіемъ земли, посылавшія петиціи и телеграммы въ Думу и т. д. и т. д. [2]).

Центральнымъ пунктомъ, вокругъ котораго возгорѣлась борьба въ Думѣ естественно сталъ вопросъ о *принудительномъ отчужденіи* частновладѣльческихъ земель. Какъ мы видѣли, этотъ принципъ вошелъ одинаково въ проекты и к.-д-овъ, и трудовиковъ, при чемъ и въ томъ, и въ другомъ одинаково предполагалась не конфискація земель, а выкупъ ихъ на извѣстныхъ условіяхъ. Различны были *размѣры предполагавшагося отчужденія*. Въ общемъ можно сказать, что, если к.-д-ій проектъ стремился ограничить отчужденіе крупнымъ землевладѣніемъ, оставляя по возможности неприкосновеннымъ среднее, то проектъ трудовиковъ имѣлъ тенденцію провести границу по линіи, отдѣляющей среднее землевладѣніе отъ мелкаго. Затѣмъ проекту трудовиковъ чуждо было стремленіе кадетскаго законопроекта подвести подъ отчужденіе преимущественно земли, сдаваемыя въ аренду и обрабатываемыя крестьянскимъ инвентаремъ, оберегая по возможности площадь собственнаго, самостоятельнаго хозяйства помѣщиковъ и участки интенсивной культуры. Въ этомъ именно пунктѣ, гораздо больше, чѣмъ въ вопросѣ о судьбахъ отчужденной земли, сказалось различіе между буржуазно-либеральной позиціей кадетовъ и крестьянско-демократической —трудовиковъ. Такое же различіе выразилось и въ вопросѣ объ *оцѣнкѣ отчуждаемыхъ земель*. Мы уже говорили, что за все время преній по аграрному вопросу ни одна изъ думскихъ группъ не проводила точки зрѣнія конфискаціи, безвозмезднаго отчужденія частновладѣльческихъ земель. Желаніе взять помѣщичью землю да-

---

[1]) Въ Воронежской губ. волненія приняли такіе размѣры, что управлявшій губерніею вице-губернаторъ Кохъ обратился къ с.-д. депутату Михайличенко съ просьбою прибыть въ мѣста волненій и своимъ вліяніемъ предотвратить распространеніе поджоговъ и разгромовъ. Михайличенко, дѣйствительно, постарался придать движенію болѣе сознательный и организованный характеръ. Кохъ былъ уволенъ въ отставку.

[2]) Крестьяне пока воздерживались отъ покупки земли, и „землеустроительныя комиссіи" (см. 1-ю часть этого тома, стр. 378-379) бездѣйствовали.

ромъ проскальзывало, конечно, въ рѣчахъ отдѣльныхъ крестьянъ. Были въ Думѣ и принципіальные сторонники конфискаціи. Но ни тѣ, ни другіе не думали класть конфискаціи въ основу практической программы своихъ дѣйствій по аграрному вопросу. Какъ заявилъ Аладьинъ, самъ—несомнѣнный сторонникъ конфискаціи, „въ широкихъ массахъ населенія народъ предпочитаетъ *пока* взять землю и, въ томъ или иномъ размѣрѣ, заплатить за нее". Но что несомнѣнно, такъ это то, что трудовики, переносившіе вопросъ о размѣрахъ вознагражденія на мѣста, и крестьяне вообще, представляли себѣ эти размѣры гораздо ниже, чѣмъ ихъ опредѣлялъ к.-д ій проектъ, и имѣли тенденцію расширить область примѣненія безвозмезднаго отчужденія,—главнымъ образомъ, на земли чисто феодальнаго владѣнія въ противоположность землямъ владѣнія буржуазнаго, капиталистическаго [1]). Кадетскій же проектъ клалъ въ основу вознагражденія „справедливую оцѣнку", т. е. капитализацію доходности при условіи веденія самостоятельнаго хозяйства. И хотя изъ среды самихъ к.-д. раздавались возраженія противъ такой оцѣнки, какъ преувеличенной, ибо и на доходности самостоятельнаго хозяйства сказывается общая закабаленность и приниженность крестьянства, сводящія заработную плату до голоднаго минимума, но въ общемъ, несомнѣнно, этотъ проектъ и въ основаніяхъ оцѣнки, посягая на феодальное, кабальное землевладѣніе, имѣлъ тенденцію оградить отъ сколько-нибудь существенныхъ невыгодъ землевладѣніе обуржуазившееся, капиталистическое.

Еще щедрѣе въ основаніяхъ оцѣнки должны были быть, разумѣется, представители теченія, тяготѣвшаго къ взглядамъ фракціи „мирнаго обновленія", въ программѣ которыхъ принудительное отчужденіе вообще не имѣло такого кардинальнаго значенія, какъ въ проектахъ к.д-овъ и трудовиковъ. И для к.д овъ и для трудовиковъ дѣло шло о болѣе или менѣе широкой реформѣ, которая должна была коренным образомъ измѣнить распредѣленіе земельной собственности въ Россіи. Для гр. Гейдена и его единомышленниковъ все сводилось къ нѣкоторой прирѣзкѣ земли „во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ инымъ путемъ нельзя разрѣшить земельнаго вопроса" [1]).

Открытаго протеста *противъ принудительнаго отчужденія*, какъ широкой государственной мѣры, въ Думѣ почти не раздавались. Единственное

---

[1]) Крестьянинъ Шапошниковъ говорилъ, напр., что гдѣ „земля пріобрѣтена трудомъ, потомъ и кровью, тамъ оно (крестьянство) готово заплатить; но тамъ, гдѣ оно видитъ, что землевладѣльцы распоряжаются землею лишь, какъ потомки, м. б., какого нибудь ловкаго царедворца или просто браваго воеводы, тамъ оно говоритъ: за что же мы будемъ платить за то, что предки даннаго лица случайно, незаслуженно сотню и болѣе сотни лѣтъ владѣли землей и жирно питались отъ этой земли?" Нѣкоторые депутаты крестьяне и трудовики (Еропкинъ, Оранскій, Сѣдельниковъ и др.) требовали возвращенія крестьянамъ всѣхъ выкупныхъ платежей или части ихъ

[2]) См. А. Кауфманъ. Цит. ст. Стр. 37.

исключеніе составлялъ, б. м., рязанскій депутатъ Ярцевъ, протестовавшій противъ „насилія надъ собственностью“ и „разоренія вѣкового гнѣзда семьи одного въ пользу улучшенія новаго другого“. Но, если уже „миронообновленческая“ позиція заключала въ себѣ скрытое отрицаніе широкаго и чрезвычайнаго характера проектируемой мѣры, сведеніе всего вопроса къ частнымъ случаямъ примѣненія обычнаго юридическаго института [1]), то явною враждебностью, хотя и не высказываемою прямо, дышали рѣчи депутатовъ-помѣщиковъ сѣверо-и юго-западнаго края и особенно—польскаго кола. Подъ предлогомъ отстаиванія автономіи окраинъ эта группа депутатовъ явно стремилась избавиться отъ послѣдствій распространенія принципа принудительнаго отчужденія на представляемыя ею мѣстности [2]).

Депутаты польскаго коло отстаивали автономію Польши въ земельномъ вопросѣ подъ предлогомъ борьбы съ традиціями „притѣснительныхъ временъ абсолютизма“ (Стецкій). На самомъ дѣлѣ они, благодаря своему враждебному отношенію къ принудительному отчужденію, ослабляли связь, соединявшую ихъ въ рядѣ вопросовъ съ либеральными русскими партіями, и протягивали руку тѣмъ самымъ силамъ, для которыхъ, какъ мы уже говорили, защита земельныхъ интересовъ дворянства и возвращеніе къ традиціямъ „притѣснительныхъ временъ“ начали слагаться въ цѣлостную и недѣлимую программу. Землевладѣльческое дворянство крѣпостническаго типа не было или почти не было представлено въ Думѣ, какъ не были представлены и пестрые „черносотенные“ элементы, объединявшіеся подъ знаменемъ возстановленія „стараго порядка“. Но, какъ мы видѣли, *дворянскую программу* отстаивало предъ лицомъ Думы *министерство* Горемыкина въ своей декларацін. Столь же рѣшительно и категорически высказывались противъ принудительнаго отчужденія главноупр. землеустр. Стишинскій и тов. мин. вн. д. Гурко, выступавшіе отъ имени правительства въ ходѣ преній по аграрному вопросу (зас. 19 мая). Отъ „примирительной“ позиціи, на которую, какъ мы видѣли, старался одно время встать Щегловитовъ, не осталось и слѣда, какъ и вообще, при всѣхъ своихъ колебаніяхъ и подчасъ видимой готовности къ нѣкоторымъ уступкамъ, въ одномъ пунктѣ правительство съ этихъ поръ непоколебимо, и этотъ пунктъ—рѣшительное отрицаніе всякой аграрной реформы, въ основу

---

[1]) См., напр., рѣчь Л. Петражицкаго въ засѣд. 18 мая.

[2]) По характеристикѣ думскаго хроникера „Русск. Вѣдомостей“, „Царство Польское послало представителей, отстаивающихъ интересы землевладѣльцевъ. Если прислушиваться къ ихъ рѣчамъ, то можно придти къ заключенію, что съ землею они разставаться не хотятъ. Наряду съ весьма законными и по существу правильными возраженіями, здѣсь придется, можетъ быть, натолкнуться на систематическое противодѣйствіе со стороны землевладѣльцевъ, не желающихъ ничѣмъ поступиться въ пользу меньшей братіи“. См. Кауфманъ. Цит. ст. Стр. 77. Наоборотъ, сувалкскій депутатъ-крестьянинъ Гирнюсъ категорически требовалъ распространенія прин. отчужденія и на Царство Польское.

которой положено сколько-нибудь широкое принудительное отчужденіе помѣщичьихъ земель. Для землевладѣльцевъ-дворянъ, какъ мы уже упоминали, рѣчь шла въ эту эпоху не столько о сохраненіи за собою помѣстій, сколько о продажѣ ихъ по возможно болѣе высокимъ цѣнамъ [1]). *Ликвидаціи дворянскаго землевладѣнія* путемъ принудительнаго отчужденія они, а вмѣстѣ съ ними и министерство, противоставляли не столько сахраненіе неприкосновенности его, сколько ликвидацію путемъ покупокъ крестьянскаго банка по цѣнамъ, имѣющимъ мало общаго даже съ тою „справедливою оцѣнкою", которая была положена въ основу к.д-аго проекта. Вздутыя земельныя цѣны и сохраненіе политическаго господства—этими двумя словами исчерпывалась суть дворянской программы. Кто не хотѣлъ пассовать передъ этой программой, для того аграрный вопросъ, въ данной стадіи его развитія, сводился неизбѣжно къ вопросу объ *экономической и политической экспропріаціи дворянства*, вопросу, который, въ свою очередь, приводилъ къ постановкѣ нерѣшенной проблеммы государственной власти въ Россіи.

Но такъ опредѣленно никто не поставилъ вопроса въ Думѣ. К.д-ы не хотѣли такъ ставить, трудовики, опиравшіеся на рыхлую крестьянскую массу, несомнѣнно, разсчитывавшую на возможность мирнаго, полюбовнаго рѣшенія аграрнаго кризиса, не могли. Поэтому именно центръ тяжести думскихъ преній перемѣстился въ вопросъ о будущемъ поземельномъ устройствѣ крестьянъ, въ вопросъ о дѣлежѣ шкуры неубитаго еще медвѣдя, что сильно облегчало позицію представителей правительства, направившихъ главное остріе своей критики на наиболѣе уязвимыя, народническія тенденціи представленныхъ проектовъ. Поэтому же, не только „мирнообновленцы", аграрной программѣ которыхъ это вполнѣ соотвѣтствовало, но и значительное большинство к.д-ихъ ораторовъ старалось умалить дѣйствительное соціальное и политическое значеніе проектируемаго „принудительнаго отчужденія". Не авторами думскихъ проектовъ, а членомъ кабинета Стишинскимъ (зас. 23 мая) было подчеркнуто это значеніе, кореннымъ образомъ отличающее широкую аграрную реформу, основанную на „принудительномъ отчужденіи", отъ частичнаго отчужденія, обычно практикуемаго въ ограниченныхъ размѣрахъ.

Отъ такой принципіальной постановки вопроса Дума явно уклонялась.

---

[1]) См. 1-ю часть настоящаго тома, стр. 377—378. О размѣрахъ предложенія дворянскихъ земель крестьянскому банку въ эту эпоху свидѣтельствуютъ слѣдующія данныя: за десятилѣтіе 1896—1905 г.г. банкъ пріобрѣлъ за свой счетъ 961,5 тыс. десятинъ, за 4-лѣтіе же 1906—1909 г.г.—около $3^1/_2$ мил. десятинъ. Предложеніе земель со стороны дворянъ еще значительно превышало покупательную способность банка. Такъ, въ 1906 г. ему было предложено болѣе $7^1/_2$ мил. дес., въ 1907 г.—около 3 мил., въ 1908—около $1^1/_2$ мил., въ 1909 г.—около $^1/_2$ мил. Забѣгая впередъ, отмѣтимъ кстати, что эти цифры хорошо иллюстрируютъ значеніе разгрома „освободительнаго движенія" для дворянъ и смыслъ дворянско-бюрократической политики за послѣдніе годы.

Реакціонное дворянство уже громко заявило, что не уступитъ добровольно ни пяди своихъ владѣній, а руководящая партія Думы продолжала твердить, что не хочетъ „требовать отъ частнаго землевладѣнія больше жертвъ, чѣмъ это необходимо для земельной реформы“ (В. Якушкинъ). Отстаивая свои матеріальные интересы, это дворянство успѣло уже въ союзѣ съ правительствомъ подкопать всѣ „конституціонные“ устои „новаго строя“, а представители думскаго большинства все еще тѣшили себя надеждой, что „аграрный вопросъ долженъ быть разрѣшенъ мирнымъ путемъ—путемъ конституціоннаго законодательства“. Наконецъ, по Думѣ шла уже пальба изъ всѣхъ занятыхъ дворянствомъ политическихъ баттарей, а ея руководители все еще старались „ни кого не доводить до отчаянія“, все еще хотѣли истолковать свой проектъ, какъ „попытку сдѣлки съ тѣми интересами, съ тѣми физическими силами стараго строя, которыя стоятъ за старыми точками зрѣнія въ аграрномъ вопросѣ“ (Е. Щепкинъ) [1]). Изъ наступательной позиціи, которую Дума старалась занять при обсужденіи отвѣтнаго адреса, они все болѣе и болѣе переходили въ оборонительную...

* * *

Неудобства такой позиціи били въ глаза, лишь только Дума пыталась приступить къ законодательству о *гражданскихъ свободахъ*. При всѣхъ своихъ недостаткахъ съ точки зрѣнія огражденія интересовъ и правъ народныхъ и, особенно, рабочихъ массъ, серія законопроектовъ, выработанныхъ почти исключительно партіею народной свободы, стремилась обезпечить элементарныя условія общежитія въ конституціонномъ государствѣ. Но лишь только заходила рѣчь о воплощеніи этихъ законопроектовъ въ жизнь, становилось очевидно, что, при отсутствіи основного условія — гарантированнаго конституціоннаго строя, всѣ проектируемыя мѣры либеральнаго „упорядоченія“ пользованія свободами должны были, въ рукахъ старой государственной власти, превратиться въ новыя орудія произвола и уничтоженія обѣщанныхъ манифестомъ 17 октября свободъ.

Наименѣе сказалось это положеніе при обсужденіи законопроекта о *гражданскомъ равенствѣ*. Но это происходило потому, что самый законопроектъ носилъ, если можно такъ выразиться, „отрицательный“ характеръ, не столько устанавливалъ новыя нормы права, сколько отмѣнялъ всѣ старыя ограниченія. Исходя изъ основного положенія, что „всѣ граждане обоего пола равны передъ закономъ“, проектъ внесенный 151 депутатомъ, предлагалъ возложить на общую комиссію выработку законопректовъ объ отмѣнѣ 1) огра-

---

[1]) А. Кауфманъ. Цит. ст. Стр. 64.

ниченій въ правахъ крестьянъ [1]), 2) ограниченій въ правахъ инородцевъ и иновѣрцевъ, 3) привилегій дворянства, 4) ограниченій въ правахъ женщинъ. При такой постановкѣ вопроса проектъ почти не встрѣтилъ въ Думѣ критики по существу. Только крестьянинъ Крутиковъ протестовалъ противъ равноправія женщинъ и проф. Локоть требовалъ не отмѣны ограниченій, лежащихъ на однихъ сословіяхъ, и привилегій, дарованныхъ другимъ, а уничтоженія самихъ сословій. Думская правая боролась противъ законопроекта на формальной почвѣ, требуя предварительнаго внесенія въ Думу уже вполнѣ разработанныхъ предположеній объ отмѣнѣ тѣхъ или другихъ законовъ, и протестуя противъ метода „законодательныхъ пулеметовъ" тамъ, гдѣ, по ея мнѣнію, надо было затратить на работу 5 лѣтъ (гр. Гейденъ). Несмотря на эту попытку затянуть работу Думы, проектъ 8 іюня былъ сданъ въ комиссію, но, за роспускомъ Думы, больше свѣта не увидѣлъ.

Сложнѣе обстояло дѣло съ законопроектомъ о *неприкосновенности личности, жилища и частной корреспонденціи*, пытавшимся воплотить основное положеніе — „никто не можетъ быть наказанъ безъ суда" — въ рядѣ положительныхъ нормъ. Первоначальный проектъ, выработанный партіей к.-д., былъ значительно улучшенъ въ комиссіи, куда онъ былъ сданъ послѣ двухдневныхъ преній. Но и въ своемъ улучшенномъ видѣ онъ не только не могъ избѣгнуть, но еще рѣзче подчеркивалъ то основное противорѣчіе думской законодательной работы, на которое мы указывали выше. По признанію самихъ авторовъ законопроекта [2]), при разработкѣ его одинъ вопросъ неизбѣжно цѣплялся за другой. Для того, чтобы проектируемая неприкосновенность не оставалась на бумагѣ, необходимо было бы реформировать всѣ судебныя установленія и, въ частности, мѣстный судъ; обезпечить единообразіе и независимость суда и уничтожить всякіе исключительные суды; установить дѣйствительную отвѣтственность должностныхъ лицъ и пересмотрѣть правила дисциплинарнаго производства; реформировать военно-судный кодексъ; отмѣнить всѣ существующія исключительныя законоположенія; разработать вопросъ о случаяхъ и условіяхъ пріостановки закона о неприкосновенности и т. д. и т. д. И всѣ эти проблемы упирались въ одну основную проблему о государственной власти, которая менѣе всего склонна была примѣнять проектируемые законы въ конституціонномъ духѣ [3]).

Это основное противорѣчіе особенно ярко выступило наружу при обсуж-

---

[1]) Интересно отмѣтить, что проектъ предлагалъ,—въ разрѣзъ съ тенденціей аграрныхъ законопроектовъ к.-д. и трудовиковъ,—и отмѣну ограниченій крестьянъ въ правѣ распоряженія имуществомъ.

[2]) См. Первая Гос. Дума. Изд. Муханова и Набокова. Вып. 2. Ст. Н. И. Новгородцева, Законопроектъ о неприкосновенности личности.

[3]) Комиссія успѣла закончить свою работу и законопроектъ былъ поставленъ на повѣстку 10 іюля. Но наканунѣ Дума была распущена.

денія законопроекта о *свободѣ собраній*. И не только потому, что самъ законопроектъ былъ въ высшей степени неудаченъ даже съ либеральной точки зрѣнія; въ своемъ стремленіи къ регламентаціи пользованія свободами, к.-д-іе авторы проекта допускали и такого рода мѣры, какъ предупрежденіе администраціи за 24 часа до собранія, запрещеніе собраній подъ открытымъ небомъ на разстояніи версты не только отъ мѣстопребыванія Государя, но и отъ мѣста засѣданій Думы, присутствіе полицейскаго чиновника на собраніяхъ и право его закрывать собраніе, если оно, по его мнѣнію, „приметъ характеръ, непосредственно угрожающій общественной безопасности", и т. п. Эта полная неудовлетворительность законопроекта въ результатѣ стремленія, какъ говоритъ „объяснительная записка", „привести въ согласіе интересы свободы съ интересами общественнаго порядка", была подвергнута рабочими депутатами жестокой критикѣ съ точки зрѣнія интересовъ рабочаго класса и дала поводъ къ принципіальному выступленію гр. Гейдена противъ соціализма. Но особенное значеніе пріобрѣли дебаты по вопросу о свободѣ собраній потому, что тутъ впервые, благодаря выступленію вполнѣ конституировавшейся с.-д. фракціи (16 іюня), тактикѣ думскаго большинства были послѣдовательно противоставлены, и затѣмъ противоставлялись втеченіе недолговременной дальнѣйшей дѣятельности Думы, принципіально отличные взгляды на задачи думской дѣятельности вообще и думскаго законодательства въ частности. Соціалдемократы высказали то, что висѣло въ воздухѣ, о чемъ говорила вся дѣйствительность думской работы, но что плохо замѣчалось одними, упорно замалчивалось другими. Тактикѣ борьбы съ „средостѣніемъ" впервые была послѣдовательно противоставлена тактика борьбы за государственную власть, придававшая и конфликту Думы съ министерствомъ принципіально отличный смыслъ. Выраженіе недовѣрія министерству должно было превратиться въ выраженіе недовѣрія всему режиму. Задачей парламентской дѣятельности должно было стать стремленіе не отдѣлить „средостѣніе" отъ режима, предъявляя обвинительный актъ первому и пытаясь склонить на свою сторону второй, а, наоборотъ, вскрывать неразрывную связь обоихъ и, за конфликтомъ съ министерствомъ, показать народнымъ массамъ наростающій и неизбѣжный конфликтъ со всѣмъ режимомъ.

Такая задача предполагала и соотвѣтственное использованіе всѣхъ парламентскихъ правъ или зародышей правъ, находившихся въ распоряженіи Гос. Думы. Примѣнительно къ законодательной работѣ она требовала отказа Думы санкціонировать своимъ согласіемъ сохраненіе орудій господства въ рукахъ стараго режима. За абстрактными „интересами общественнаго порядка" никоимъ образомъ не долженъ былъ быть скрытъ тотъ конкретный фактъ, что огражденіе „порядка" сосредоточено въ рукахъ тѣхъ, кто менѣе всего склоненъ заботиться объ интересахъ „свободы". Естественно, что, съ точки

зрѣнія тѣхъ задачъ, которыя ставила своей думской дѣятельности с.-д-ая фракція, законодательство думское должно было преслѣдовать двоякую цѣль: 1) ослабленіе позицій стараго режима путемъ отмѣны всѣхъ существующихъ ограниченій правъ гражданъ и всѣхъ чрезвычайныхъ полномочій правительственной власти и 2) санкціонированіе тѣхъ завоеваній, которыя дѣлало или будетъ дѣлать непосредственное движеніе народныхъ массъ. И было вполнѣ послѣдовательно, что въ вопросѣ о свободѣ собраній с.-д-ая фракція противоставила к.-д-ому законопроекту свой собственный, носившій такой же „отрицательный" характеръ и такъ же посвященный лишь формулированію основного положенія [1]) и отмѣнѣ всѣхъ существующихъ ограниченій, какъ упомянутый уже нами к.-д-ій законопроектъ о гражданскомъ равенствѣ.

К.-д-ому „центру" Думы и шедшему за нимъ въ политическихъ вопросахъ большинству трудовой группы приходилось не разъ становиться эмпирически на ту-же почву, на которую сознательно становились с.-д-ы. Но думское большинство было не въ состояніи ни продумать этой точки зрѣнія, ни послѣдовательно проводить ее. Первое выступленіе с.-д-овъ было встрѣчено негодованіемъ к.-д-овъ, видѣвшихъ тутъ лишь „оказательство, такъ сказать, болѣе лѣваго направленія, независимо отъ здраваго смысла и существа дѣла" (проф. Петражицкій) и заявлявшихъ, что самое присутствіе с.-д-овъ въ Думѣ, при такихъ условіяхъ, является безполезнымъ (Шершеневичъ, Гредескулъ). Вопреки оппозиціи с.-д-овъ, к.-д-ій законопроектъ былъ сданъ въ комиссію.

Но противорѣчія тактики думскаго большинства были не таковы, чтобы ихъ можно было искусственно скрыть. Выгнанныя въ дверь, они влетали въ окно. Не успѣло думское большинство справиться съ законопроектомъ о свободѣ собраній, какъ передъ нимъ всталъ еще болѣе сложный вопросъ, гдѣ противорѣчіе зіяло еще болѣе неприкрыто, ибо рѣчь шла о первомъ бюджетномъ ассигнованіи министерству, которому столько разъ уже Дума выражала недовѣріе и которое всѣми дѣйствіями своими показывало не только явное нежеланіе считаться съ постановленіями Думы, но и прямую враждебность народному представительству.

19 іюня, въ тотъ самый день, когда возмущенная появленіемъ на трибунѣ военнаго прокурора Павлова, Дума въ бурномъ порывѣ заставила его уйти изъ залы, не произнеся ни одного слова, и затѣмъ единогласно приняла

---

[1]) „Всѣ россійскіе граждане вольны собираться всегда и вездѣ, безъ всякихъ стѣсненій и ограниченій, не спрашивая на то никакого разрѣшенія, и вести обсужденіе на какомъ угодно языкѣ". Проф. М. Ковалевскій присоединился къ „англійскому" принципу не-регламентированія права собраній. И хотя политическій смыслъ позиціи проф. К. былъ совершенно иной, чѣмъ позиціи с.-д., присоединеніе его было очень цѣнно, подорвавъ попытки свести споръ съ с.-д. къ вопросамъ юридической техники.

законъ объ отмѣнѣ смертной казни,—въ этотъ самый день министрами вн. д. и финансовъ былъ внесенъ законопроектъ *объ ассигнованіи министерству 50 мил. рубл. на выдачу пособій населенію, пострадавшему отъ неурожая.* Дума приступила къ обсужденію этого законопроекта 23 іюня. Но уже за 2 недѣли до того ей пришлось заняться продовольственнымъ вопросомъ, когда 12 іюня мин. вн. дѣлъ Столыпинъ давалъ отвѣтъ на обращенный къ нему Думою запросъ по этому поводу. Въ происходившихъ преніяхъ была вскрыта не только полная неудовлетворительность и раззорительность правительственной организаціи продовольственнаго дѣла, но и прямое злоупотребленіе въ видѣ использованія продовольственной помощи, какъ орудія политическаго угнетенія: отказа въ помощи „неблагонадежнымъ" крестьянамъ (циркуляръ мин. вн. дѣлъ 11 ноября 1905 г.) и т. п. Послѣ обычной въ первой Думѣ бурной сцены, когда мин. вн. дѣлъ заявилъ, что „не будетъ отвѣчать" на „клеветы и угрозы" лѣвыхъ депутатовъ, „на ихъ угрозу захвата исполнительной власти", а Дума встрѣтила это заявленіе криками: довольно! Бѣлостокъ! Погромщикъ!—была принята формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, выразившая полное недовѣріе Думы къ продовольственнымъ операціямъ правительства [1]). Но эта формула означала въ то же время обязательство Думы не ассигновывать средствъ на продовольственное дѣло въ распоряженіе министерства. Такъ именно толковали ее не только ораторы-трудовики, но и к.-д-ы (см., напр., рѣчь Ф. И. Родичева. Стен. отч. Стр. 1250—1). Правда, когда деп. Галецкій прямо поставилъ вопросъ о внесеніи этого обязательства въ резолюцію, к.-д-ы высказались противъ его поправки, и она была провалена. Но если одни (Набоковъ) уже тогда мотивировали свое отрицательное отношеніе къ поправкѣ Галецкаго тѣмъ, что „этой поправкой дѣло продовольственное, дѣло помощи будетъ совершенно атрофировано", то другіе (Кокошкинъ) ссылались лишь на нежеланіе допустить въ резолюцію мысль, будто, „когда дѣло дойдетъ до расходованія средствъ, касающихся ассигновки на продовольственное дѣло, то власть будетъ находиться все еще въ рукахъ министерства, лишеннаго довѣрія страны".

Но попытка укрыться за эту политическую маниловщину не помогла, когда вопросъ объ ассигнованіи всталъ конкретно въ видѣ прямого требованія министерства. Думское большинство искало и здѣсь спасенія отъ бившихъ

---

[1]) „Г. Д., признавая, что дѣло помощи голодающему населенію тормозилось вмѣшательствомъ администраціи, руководившейся въ этомъ дѣлѣ соображеніями о политической благонадежности, и будетъ тормозиться и впредь, пока остается у власти нынѣшнее безотвѣтственное передъ народными представителями министерство, признаетъ, что необходима организація помощи при участіи общественныхъ элементовъ, и, поручая продов. комиссіи выработать такой планъ организаціи помощи, при которомъ ассигнуемыя средства находились бы подъ строгимъ контролемъ Г. Д., — переходитъ къ очереднымъ дѣламъ".

въ глаза противорѣчій его тактики въ указаніи на исключительность даннаго случая, на невозможность сдѣлать постановленіе, которое можетъ быть понято населеніемъ такъ, что Дума не желаетъ оказать ему помощи, на которой настаиваетъ министерство, и т. п. Но всѣ эти соображенія только прикрывали дѣйствительную шаткость позиціи, вытекавшей изъ общихъ тактическихъ взглядовъ думскаго большинства. Парализовать демагогическую агитацію противъ Думы на почвѣ отверженія министерскаго законопроекта было очень легко, ассигновавъ деньги, но связавъ ихъ ассигновку условіями, которыя устраняли бы администрацію отъ завѣдыванія продовольственными средствами. Эту точку зрѣнія, прямо и послѣдовательно вытекавшую изъ думской резолюціи 12 іюня, развивала въ своей резолюціи с.-д-ая фракція. Она требовала отказа въ ассигнованіи денегъ министерству, но въ то же время— немедленнаго образованія продовольственнаго комитета при Г. Д., командировки его членовъ на мѣста и организаціи мѣстныхъ комитетовъ изъ среды голодающихъ крестьянъ при содѣйствіи органовъ самоуправленія и общественныхъ элементовъ. Указывая цѣлый рядъ смѣтныхъ назначеній, служащихъ исключительно цѣлямъ укрѣпленія господства бюрократіи, резолюція предлагала возложить на бюджетную коммисію Думы порученіе немедленно выработать и доложить Думѣ проектъ сокращенія смѣты, которое дало бы возможность добыть обильныя средства для помощи голодающимъ.

Оставаясь на своей позиціи борьбы съ „средостѣніемъ" и аппеляціи кверху черезъ его голову, думское большинство рѣшительно отвергло данную с.-д. фракціей постановку вопроса. Оно сократило ассигнованіе съ 50 милл. рубл. до 15 милл., потребныхъ на ближайшій мѣсяцъ; оно отвергло заемную операцію, предложенную министерскими законопроектами, предложило изыскать нужныя средства путемъ сокращенія смѣтныхъ расходовъ по усмотрѣнію министра финансовъ. Но оно ассигновало средства въ распоряженіе министерства и тѣмъ самымъ признавало слабость той позиціи, на которую встало 12 іюня, невозможность удержать эту позицію и, слѣдовательно, вскрывало свое безсиліе въ борьбѣ съ „безотвѣтственнымъ министерствомъ". Это безсиліе еще подчеркивалось тѣмъ, что ассигновка была явно сдѣлана, „скрѣпя сердце, со скрежетомъ зубовнымъ" (деп. Племянниковъ), безъ всякихъ иллюзій насчетъ плодотворности и цѣлесообразности употребленія ассигнуемыхъ средствъ [1]). Гос. Совѣтъ вполнѣ оцѣнилъ политическій смыслъ этого отступленія Думы и, не считаясь съ бюрократическимъ самолюбіемъ министерства, настаивавшаго на принятіи законопроекта въ его первоначальномъ видѣ, принялъ всѣ думскія поправки большинствомъ

[1]) „Кн. П. Долгоруковъ (ст. „Продовольственный вопросъ въ 1-й Г. Д." въ сборникѣ „Перв. Гос. Дума", вып. 3) признаетъ, что рѣчи с.-д. депутата Рамишвили оказались „пророческими" и что „единственной надеждѣ" думскихъ ораторовъ с.-д. на контроль Думы „не суждено было осуществиться".

72 голосовъ противъ 45 (зас. 1 іюля). Утвержденный 3 іюля „законъ о помощи населенію губерній, пострадавшихъ отъ неурожая 1906 года“, остался единственнымъ памятникомъ законодательной работы первой Думы, внесеннымъ въ собраніе узаконеній.

* * *

Такъ и въ своей законодательной работѣ Дума билась въ тупикѣ, въ которомъ очутилась съ перваго же дня своего существованія, наталкивалась на тѣ же основные вопросы государственнаго строительства, отъ рѣшенія которыхъ хотѣла уклониться, встрѣчалась лицомъ къ лицу съ тѣмъ же министерствомъ, которому въ самомъ началѣ выразила недовѣріе. Война съ министерствомъ не прекращалась ни на минуту. Она и прямо врывалась въ законодательную дѣятельность Думы. Министерство тормозило эту дѣятельность, и Дума взяла на себя инициативу законодательной *отмѣны ст. 55—57 учрежденія Г. Д.*, дающихъ министрамъ возможность крайне замедлить теченіе законодательной думской работы. Министерство пыталось привлечь къ судебной отвѣтственности и т. о. изъять изъ Думы рядъ депутатовъ (Ульяновъ и др.); Дума отвѣчаетъ рѣшеніемъ выработать законопроектъ о *депутатской неприкосновенности*. И. т. д. и т. д.

Но главнымъ оружіемъ борьбы съ министерствомъ были *запросы*, развернувшіе передъ страной ужасающую картину его карательной и истребительной дѣятельности. Число этихъ запросовъ достигло за 72 дня существованія Думы чудовищной цифры—236 [1]), болѣе 3 запросовъ въ среднемъ въ день. Нѣтъ возможности хотя бы вкратцѣ обозрѣть содержаніе этихъ запросовъ. Нѣкоторые изъ нихъ мы упоминали. Изъ приведенной въ примѣчаніи группировки видно, что огромное большинство запросовъ касалось грубаго нарушенія самыхъ элементарныхъ основъ свободы. Насилія, аресты, тюрьма, ссылка, избіенія, исключительные суды и т. п. исчерпываютъ содержаніе почти всѣхъ запросовъ. Жалобы на административный произволъ льются такимъ обильнымъ потокомъ, что Дума вынуждена организовать особую комиссію по изслѣдованію „незакономѣрныхъ дѣйствій“ властей. Вопли страны несутся со всѣхъ сторонъ; отовсюду ждутъ отъ

---

[1]) По подсчетамъ В. Обнинскаго (цит. ст. т. 3., вып. II) запросы эти группируются по предмету своему такъ: почта и цензура—3, не закономѣрныя дѣйствія властей—9, прав. сообщенія и оффиц. печать—6, голодъ—2, военн. вѣдомство—4, увольненія служащихъ—8, аресты—10, заключеніе въ тюрьмѣ—18, содержаніе в тюрьмахъ—58, голодовки въ тюрьмахъ—6, высылка и адм ссылка—48, насилі войскъ и полиціи—16, избіенія—5, истязанія и пытки—2, убійства, совершенныя должн. лицами—4, погромы—2, карат. отряды—5, военн. суды—9, смертн. казнь—15, разные—6

Думы немедленной помощи. Чуть не всѣ запросы признаются спѣшными, немедленно передаются въ министерскія канцеляріи, а тамъ—вылеживаются въ теченіе установленнаго закономъ мѣсячнаго срока. Обсужденіе каждаго запроса передъ его принятіемъ и затѣмъ отвѣтъ правительства, когда дѣло доходитъ до отвѣта, это—все новыя и новыя стычки съ министерствомъ, новый поводъ для Думы выразить ему свое недовѣріе, новый случай для министровъ подчеркнуть свою независимость отъ Думы и ея безсиліе въ затѣянной борьбѣ. Самое количество запросовъ, буквально затопляющихъ Думу, свидѣтельствуетъ объ этомъ безсиліи. Дума работаетъ, рѣшаетъ, выноситъ постановленія, а въ странѣ событія идутъ своимъ чередомъ внѣ всякаго вліянія этой думской работы...

Изъ всѣхъ запросовъ особенно важную роль и въ судьбахъ Думы, и въ раскрытіи тайныхъ пружинъ административнаго механизма сыграли запросы о погромахъ и о смертной казни. Запросы объ участіи должностныхъ лицъ въ *организаціи погромовъ* (Вологда, Калязинъ, Царицынъ) были первыми запросами, принятыми Г. Думою (8 мая). Интерпелляциы ссылались, между прочимъ, на рапортъ чин. ос. пор. при мин. вн. д. Макарова, напечатанный еще 15 февраля въ газетѣ „Рѣчь". Рапортъ этотъ вызванъ былъ порученіемъ министра разслѣдовать справедливость заявленія литератора Оболенскаго о томъ, что въ гор. Александровскѣ Екатеринославской губ. начальникомъ екатер. губ. жанд. управленія ротмистромъ Будоговскимъ ведется систематическая агитація съ призывомъ къ избіенію евреевъ и революціонеровъ. Производя разслѣдованіе, Макаровъ нашелъ не только представленные Будоговскимъ экземпляры распространенныхъ имъ воззваній, но и рядъ донесеній его же въ департаментъ полиціи объ успѣхахъ этой агитаціи. Что агитація не была личнымъ дѣломъ Будоговскаго доказывалось не только офиціальнымъ характеромъ его донесеній деп-ту полиціи, но и констатированною рапортами Макарова освѣдомленностью въ этомъ дѣлѣ извѣстнаго Рачковскаго, завѣдывавшаго всѣми охранными отдѣленіями, и завѣд. такъ наз. особымъ отдѣломъ Тимофѣева, въ которомъ публика справедливо видѣла правую руку ген. Трепова [1]).

Опубликованіе рапорта произвело въ свое время сенсацію. Онъ относился, правда, формально къ дѣятельности министерства Витте-Дурново. Но новый министръ внутр. дѣлъ Столыпинъ не могъ не коснуться его, когда 8 іюня—по истеченіи законнаго срока—давалъ Думѣ объясненія

---

[1]) Тимофеевъ былъ юрисконсультомъ при моск. градоначальникѣ. когда Треповъ занималъ эту должность, сталъ чиновникомъ деп. полиціи. когда Треповъ занялъ должность тов. мин. вн. дѣлъ завѣд. полиціей, и. наконецъ, превратился въ чиновника особыхъ порученій при дворцовомъ комендантѣ. когда Треповъ былъ призванъ на этотъ постъ.

по ея запросу о погромахъ. Не отрицая фактовъ, сообщенныхъ о Будоговскомъ, мин. вн. дѣлъ старался представить весь эпизодъ, какъ, хотя и не похвальное, но частное дѣло отдѣльныхъ чиновниковъ, зарвавшихся въ пылу борьбы. Всѣ воззванія распространялись, по его словамъ, лишь въ „смутные“ декабрьскіе дни; никакой типографіи для печатанія погромныхъ воззваній, на существованіе которой намекалъ рапортъ Макарова, деп. полиціи не оборудовалъ: дознаніе обнаружило лишь, что пара воззваній была напечатана по собственной иниціативѣ ротмистромъ Коммиссаровымъ, которому продолженіе этой работы было рѣшительно воспрещено, лишь только о ней узналъ деп. полиціи; награжденъ былъ Будоговскій не за погромную агитацію, а за услуги по подавленію безпорядковъ; Рачковскій съ декабря былъ уволенъ отъ должности завѣдующаго политическимъ отдѣломъ и т. д. Точно такъ же отрицалъ мин. вн. д. причастность администраціи къ вологодскому погрому (жанд. ротм. Пышкинъ), хотя и допускалъ, что въ Царицынѣ полиція распоряжалась не совсѣмъ правильно. Во всякомъ случаѣ, съ точки зрѣнія министерства, все дѣло сводилось къ маленькимъ недостаткамъ административнаго механизма. А переходя къ самому организму исключительныхъ положеній и административнаго усмотрѣнія, министръ, при шумныхъ протестахъ Думы, заявилъ, что, въ интересахъ „порядка, необходимаго для развитія самыхъ широкихъ реформъ“, онъ, и сознавая всю устарѣлость „кремневаго ружья“, будетъ пользоваться имъ, пока не получитъ въ свое распоряженіе новаго.

Отвѣтомъ на рѣчь министра послужила ставшая историческою рѣчь кн. Урусова, члена партіи дем. реформъ. Въ качествѣ бывшаго товарища мин. вн. дѣлъ въ кабинетѣ Витте-Дурново, кн. Урусовъ имѣлъ возможность противопоставить утвержденіямъ мин. вн. дѣлъ совершенно исключительную освѣдомленность и раскрыть наличность цѣлой погромной организаціи, верхушка которой теряется въ кругахъ, имѣющихъ „такую власть, что находили возможнымъ исхлопатывать награды и повышенія“, а развѣтвленія захватываютъ не только черносотенные союзы, но и огромное число лицъ, стоящихъ на всѣхъ ступеняхъ административной, полицейской и жандармской іерархіи. Въ частности, кн. Урусовъ доказалъ наличность тайной типографіи при департ. полиціи для печатанія погромныхъ воззваній, типографіи, къ которой „былъ приставленъ, а не самъ сталъ Коммиссаровъ“. Организація дѣйствовала такъ успѣшно, что „приставленный“ къ ней жандармскій офицеръ хвасталъ: „погромъ устроить можно какой угодно; хотите на 10 человѣкъ, а хотите и на 10 тысячъ“. Несмолкаемый громъ аплодисментовъ привѣтствовалъ оратора, закончившаго выраженіемъ протеста противъ вліянія на судьбы страны людей—„по воспитанію вахмистровъ и городовыхъ, по убѣжденію погромщиковъ“.

Разоблаченія кн. Урусова были дополнены разоблаченіями другихъ ораторовъ. Винаверъ (к.-д.) доказалъ, что обо всемъ былъ освѣдомленъ не только Треповъ, но и бывшій мин. вн. дѣлъ Дурново; что Рачковскій, лишенный Высоч. приказомъ званія вице-директора деп. полиціи, на самомъ дѣлѣ продолжалъ занимать эту должность и получилъ даже 75.000 р. награды: что и при другихъ погромахъ агенты полиціи и жандармеріи (напр., въ Гомелѣ—графъ Подгоричани-Петровичъ) стояли во главѣ погромной организаціи, какъ то доказывается офиціальными данными. Набоковъ (к.-д.), съ своей стороны, нарисовалъ детальную картину роли ротмистра Пышкина въ Вологдѣ. Попытка отрицать вѣрность этой картины вызвала заявленіе Набокова, что все, сказанное имъ, уполномочилъ его сказать ведущій слѣдствіе по дѣлу судебный слѣдователь.

Министръ вн. дѣлъ явно растерялся передъ этой неожиданной аттакой. Его вторая рѣчь была полна смущенія. Онъ обѣщалъ, что „то, что нехорошо, того больше не будетъ", и ссылался на свое безсиліе въ области законодательства: „захватывать законодательную власть я не вправѣ, измѣнить законовъ я не могу. Законы измѣнять и дѣйствовать въ этомъ направленіи будете вы". Дума встрѣтила это заявленіе крикомъ „отставка!", но усвоенная большинствомъ ея тактика не дала ей возможности использовать выгоды своего положенія и снова вела ее въ тупикъ. С.-д-ій проектъ перехода къ очереднымъ дѣламъ, связывавшій вскрытыя язвы со всѣмъ направленіемъ послѣ-октябрьской политики, былъ отвергнутъ. Правда, и думскому большинству нельзя было закрыть глаза на то, что рѣчь идетъ въ данномъ случаѣ не только о министерствѣ. Болѣе того. По мнѣнію кн. Урусова „никакое министерство, будь оно даже взято изъ состава Г. Думы, не сможетъ обезпечить порядокъ и спокойствіе" при наличныхъ условіяхъ. Другіе ораторы большинства говорили еще опредѣленнѣе, протестуя противъ поисковъ „стрѣлочника", когда суть дѣла въ томъ, что „при старомъ режимѣ жить невозможно", что „отрицаніе права—основа всего стараго режима". (Родичевъ). И все же наклонная плоскость борьбы со „средостѣніемъ" влекла думское большинство отъ этой ясной постановки вопроса къ исканію другого выхода. Этотъ выходъ былъ указанъ еще въ рѣчи кн. Урусова. Восхваляя Г. Думу, „которую такъ легко и охотно называютъ революціонной" и которая, „съ самаго начала своей дѣятельности и до послѣдняго дня, бережно старается поднять царскую корону", „въ которой личные интересы и классовая борьба уступили мѣсто идеѣ единаго народнаго и государственнаго блага", кн. Урусовъ возлагалъ всю вину за погромъ на тѣхъ „неизвѣстныхъ намъ, людей или темныя силы", которыя „стоятъ за недосягаемой оградой" и „грубыми руками хватаются за отдѣльныя части государственнаго механизма". Этотъ мотивъ былъ развитъ въ рѣчахъ к.-д-ихъ

ораторовъ и положенъ въ основу предложенной к.-д-ами и принятой большинствомъ формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ. Въ основу формулы была положена мысль о наличности особой тайной организаціи, противостоящей и даже противодѣйствующей явной организаціи административной власти. Министерство, неповинное въ организаціи погромовъ, повинно въ безсиліи справиться съ противодѣйствіемъ „темныхъ силъ" и потому должно уступить мѣсто „кабинету, пользующемуся довѣріемъ Г. Думы".

Этотъ ходъ мыслей, на первый взглядъ, казалось, естественно вытекалъ изъ установленныхъ фактовъ. Факты эти стали неопровержимы, когда, спустя нѣкоторое время послѣ думскихъ дебатовъ, стало извѣстно письмо, адресованное министру внутр. дѣлъ бывшимъ директоромъ деп. полиціи А. Лопухинымъ [1]). Признавая себя иниціаторомъ напечатанія рапорта Макарова, Лопухинъ договаривалъ то, что было недоговорено въ Думѣ. Опровергая цѣлый рядъ неточныхъ утвержденій въ отвѣтѣ министра на думскій запросъ и дополняя сообщенія думскихъ ораторовъ [2]), Лопухинъ прямо говорилъ о Д. Ф. Треповѣ, какъ главѣ „параллельной" административной организаціи.

Но при всей вѣрности отмѣченныхъ фактовъ, двѣ тенденціи правительственной политики, какъ мы указывали въ другомъ мѣстѣ [3]), находились въ неразрывной внутренней связи, не противодѣйствовали, а дополняли другъ друга, хотя и порождали подчасъ междувѣдомственную борьбу. Согласованность этихъ тенденцій, отмѣченная уже личнымъ составомъ министерства Витте-Дурново, въ дальнѣйшемъ лишь укрѣплялась, поскольку дворянство становилось главнымъ творцомъ и направителемъ политики [4]).

Думское большинство сознательно уклонялось отъ такой постановки вопроса и хваталось за предполагаемое непримиримое противорѣчіе двухъ тенденцій и двухъ организацій, несмотря на протесты министра внутреннихъ дѣлъ, заявлявшаго о врученной ему „полнотѣ власти".

Однако, еще ранѣе, чѣмъ министерство дало отвѣтъ на думскій запросъ, разразился *бѣлостокскій погромъ* (1—3 іюня), жертвой котораго

---

[1]) Письмо помѣчено 14 іюня. Напечатано въ газ. „Товарищъ" въ № отъ 25 октября.

[2]) Наиболѣе существенныя указанія письма Лопухина: погромная агитація продолжалась значительно позже декабрьскихъ дней и о ней былъ вполнѣ освѣдомленъ дир. деп. пол. Вуичъ; печатаніе въ помѣщеніи деп. пол. было прекращено по требованію Витте, но станокъ перевезенъ на квартиру Комиссарова; Рачковскій, несмотря на „увольненіе", занималъ свою должность до 20-хъ чиселъ апрѣля; главными черносотенными дѣятелями, распространявшими воззванія деп. полиціи, были д-ръ Дубровинъ и ред. „Моск. Вѣд." Грингмутъ; и т. д.

[3]) См. 1-ую часть настоящаго тома, стр. 347 и сл.

[4]) Самъ Лопухинъ приходилъ къ общему выводу о м-вѣ вн. дѣлъ: „не полиція и жандармерія находятся въ его рукахъ, а оно находится въ рукахъ у правителей этихъ учрежденій". См. также по этому поводу рѣчь Гамартель (с.-д.) въ засѣд. 29 іюня.

пало 82 убитыхъ и 70 раненыхъ. Правительственное сообщеніе рисовало обычную картину крестнаго хода, „бомбы", брошенной въ толпу, безсилія полиціи и войскъ справиться съ „анархистами", съ одной стороны, съ шайками громилъ, съ другой, и т. д. Совершенно иную картину дало разслѣдованіе, произведенное депутатами Щепкинымъ, Араканцевымъ и Якубсономъ, въ порывѣ негодованія немедленно командированными Думою на мѣсто погрома. Съ документальными данными въ рукахъ думская делегація опровергла версію оффиціальнаго сообщенія и доказала самое активное участіе властей въ подготовкѣ организаціи и совершенія погрома. Долго сдерживаемое негодованіе нарушило всѣ тактическіе разсчеты. С.-д. формула перехода къ очереднымъ дѣламъ обращенная къ народнымъ массамъ, не встрѣтила обычной рѣзкой критики со стороны большинства. А въ засѣданіи 29-го іюня к.-д. Кокошкинъ внесъ проектъ резолюціи, въ которомъ бѣлостокскій погромъ разсматривался, какъ одно изъ звеньевъ общей погромной политики, въ свою очередь, падающей „на отвѣтственность не однихъ мѣстныхъ органовъ власти, но, главнымъ образомъ, центральнаго правительства". Критикуя всю традиціонную политику по отношенію къ евреямъ, формула кончалась требованіемъ „немедленнаго преданія суду всѣхъ отвѣтственныхъ за нихъ (погромы) высшихъ и низшихъ должностныхъ лицъ безъ различія ихъ ранга и положенія".

Практическаго значенія требованіе „немедленнаго преданія суду", разумѣется, не имѣло. Скорѣе эта апеляція къ „суду", какъ указывали с.-д. депутаты, подчеркивала безоружность Думы въ ея борьбѣ. Да за роспускомъ ея ей и вообще не пришлось принять никакого рѣшенія по вопросу о Бѣлостокскомъ погромѣ. Но аргументація к.-д-ой формулы означала явное покиданіе той позиціи, на которую Дума пыталась встать при обсужденіи общаго вопроса о погромахъ, чтобы не обострять положенія. Подъ напоромъ все растущихъ противорѣчій Думѣ приходилось—б. м. невольно и почти безсознательно—порывать съ усвоенной съ самаго начала тактикой, то и дѣло сходить съ протореннаго пути. Накоплялись симптомы назрѣвающей развязки [1]).

Эта медленно назрѣвавшая перемѣна въ настроеніи Думы сказалось и при обсужденіи вопроса о *смертной казни*. Первыя 2 недѣли засѣданій Думы прошли безъ казней. Въ своемъ адресѣ Дума, какъ мы видѣли, не только настаивала на „отмѣнѣ смертной казни навсегда", но и выразила увѣренность, что, до изданія закона объ отмѣнѣ казни, смертные приговоры не будутъ приводиться въ исполненіе. Смертный приговоръ 8 рабочимъ въ

---

[1]) 25 іюня бѣлостокскимъ войскамъ была объявлена благодарность за „честное и справедливое отношеніе къ исполненію своего долга" во время погрома.

Ригѣ послужилъ поводомъ къ спѣшному запросу Думы (12 мая). Но приговоръ въ тотъ же день былъ не только утвержденъ генералъ-губернаторомъ, но и приведенъ въ исполненіе. А черезъ 4 дня Дума была обычнымъ канцелярскимъ путемъ извѣщена, что ея запросъ переданъ „по принадлежности г. военному министру".

18-го мая въ Думу былъ внесенъ законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни. Было постановлено обсудить этотъ законопроектъ не позже, чѣмъ черезъ недѣлю. Но 26-го мая министръ морской, военный и юстиціи увѣдомили Думу, что желаютъ воспользоваться предоставленнымъ имъ мѣсячнымъ срокомъ, т. к. вопросъ „представляется въ высшей степени сложнымъ", требуетъ пересмотра массы узаконеній, а въ болѣе короткій срокъ „подобная работа не можетъ быть выполнена". Изъ среды депутатовъ-трудовиковъ раздались предложенія, не обращая вниманія на сообщенія министровъ, приступить сейчасъ же къ разсмотрѣнію законопроекта (Локоть, Михайличенко и др.). Но такія предложенія шли въ разрѣзъ со всею тактикою думскаго большинства. Съ другой стороны, оно не желало принять и другого предложенія (деп. Сипягинъ и др.), заключавшагося въ томъ, чтобы, черезъ посредство предсѣдателя Г. Д., аппелировать, согласно ст. 10 учрежденія Г. Д., непосредственно къ Верховной Власти [1]). Оно удовлетворилось принятіемъ формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ, въ которой рѣзко клеймило „дальнѣйшее исполненіе смертныхъ приговоровъ" и требовало ихъ пріостановки.

Казни не только не прекратились, а участились. А 1-го іюня, явившись отвѣчать на думскій запросъ отъ имени военнаго министра, главн. воен. прокуроръ ген. Павловъ заявилъ категорически, что смертные приговоры будутъ приводиться въ исполненіе, „пока существуетъ законъ, опредѣляющій за извѣстныя преступленія смертную казнь", и что министръ не позволитъ себѣ „совершенно незаконнаго вторженія въ права" генералъ-губернаторовъ, которымъ предоставлено утвержденіе приговоровъ военныхъ судовъ. Шумное негодованіе, встрѣтившее слова ген. Павлова, было предвѣстникомъ бури, разыгравшейся въ засѣданіи 19-го іюня, когда наступилъ, наконецъ, срокъ разсмотрѣнія думскаго законопроекта. Въ этомъ засѣданіи министръ юстиціи сообщилъ Думѣ итоги мѣсячной работы министерства, сводившейся къ предложенію отмѣнить казнь за карантинныя преступленія [2]).

---

[1]) Такой аппеляціи Дума сознательно избѣгала и тогда, когда она была прямо предусмотрѣна учрежденіемъ Г. Д. Такъ, признавъ себя неудовлетворенной объясненіями предсѣдателя Сов. Министровъ по поводу печатанія въ „Правит. Вѣстникѣ" телеграммъ черн. организацій, Дума согласилась съ деп Набоковымъ, что и въ этомъ случаѣ „нѣтъ основанія прибѣгать къ этому экстраординарному способу" (зас. 30 іюня).

[2]) Въ дѣйствительности за 40 лѣтъ ни одной такой казни не было.

Когда послѣ этого взошелъ на кафедру ген. Павловъ, разыгралась неописуемая сцена, заставившая главнаго военнаго прокурора покинуть трибуну, не произнеся ни одного слова...

Дума приняла единогласно слѣдующій законопроектъ: „1. Смертная казнь отмѣняется. 2. Во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ дѣйствующими законами [1]) установлена смертная казнь, она замѣняется непосредственно слѣдующимъ по тяжести наказаніемъ". 28 іюня думскій законопроектъ былъ переданъ Г. Совѣтомъ въ особую комиссію, гдѣ его и засталъ роспускъ Думы.

* * *

Между тѣмъ атмосфера въ Думѣ сгущалась. Большинство депутатовъ, по свидѣтельству В. Обнинскаго, до самыхъ послѣднихъ дней не вѣрили въ возможность роспуска Думы, но въ то же время безплодность Думской работы, безысходность той позиціи, на которую привела ея тактика большинства, сказывались въ начавшемся разложеніи дотолѣ сплоченныхъ думскихъ группъ [2]), „Сознаніе, что всѣ резолюціи только матеріалъ для думскаго архива, все больше проникало во всѣ умы, а между тѣмъ никто не находилъ предложить чего-либо иного, пишетъ другой бывшій депутатъ к. д. Н. Езерскій [3]) и прибавляетъ: „нельзя опредѣлить, когда это тягостное состояніе достигло высшаго напряженія, но тѣмъ, кто имѣлъ случай уѣзжать на нѣсколько времени изъ Думы и затѣмъ вернуться въ нее въ концѣ іюня, перемѣна была замѣтна очень отчетливо: Дума производила впечатлѣніе давно невентилированной комнаты, переполненной людьми, гдѣ не хватаетъ уже воздуха для дыханія и хочется хоть окно разбить, чтобы освѣжить атмосферу. Нервность возростала не только въ отношеніи къ министерству, но даже между собой, даже между представителями одной партіи. Несмотря на образцовое предсѣдательствованіе С. А. Муромцева, Дума какъ будто развинчивалась".

Въ противоположность этому „развинчиванію" Думы, министерство дѣятельно укрѣпляли свои позиціи и стягивало свои силы. Оно выступало въ Думѣ — по формѣ то рѣзко, то, особенно въ послѣдніе дни, сравнительно мягко [4]);

---

[1]) Редакціонная комиссія перечислила эти законы: уголовное уложеніе. уложеніе о наказ. угол. и исправ., воинскій и военно-морской уставы о наказаніяхъ

[2]) См. В. Обнинскій. цит. соч. с. 115 и 137.

[3]) Н. Езерскій. Госуд. Дума перваго созыва. Стр. 68—70.

[4]) Особенной мягкостью отличалось выступленіе представителя министерства юстиціи Соллертинскаго по запросу о препятствіяхъ. которыя встрѣчаютъ мировые судьи при посѣщеніи тюремъ и освобожденіи незаконно-арестованныхъ (зас. 30 іюня), а также мин. вн. дѣлъ, обѣщавшаго дать 10 іюля отвѣтъ на запросъ о бѣлостокскомъ погромѣ. Послѣднее выступленіе заслужило министру со стороны польскаго публициста Мичинскаго знаменитую характеристику: „маска джентльмена".

у отдѣльныхъ представителей его проскальзывали фразы, которыя могли быть истолкованы, какъ выраженіе глубокаго почтенія къ Думѣ и ея работамъ; разныя высокопоставленныя лица вели все время, какъ мы уже упоминали, переговоры то объ образованіи „думскаго министерства", то о вступленіи тѣхъ или другихъ членовъ Думы въ составъ кабинета. Но за всѣми этими видимыми колебаніями, продиктованными отчасти неувѣренностью въ прочности занятой позиціи, отчасти необходимостью выиграть время и усыпить подозрѣнія, правительство упорно не поступалось ничѣмъ изъ того основного, что еще въ министерской декларацiи выдвигалось, какъ задача правительственной политики.

Репрессія, нѣсколько ослабѣвшая съ началомъ дѣятельности Думы, постепенно снова входитъ въ полную силу. И если въ столицахъ административная расправа немного умѣряется, то провинція и при наличности Думы живетъ тою же необезпеченною жизнью, какъ и весь послѣ-декабрьскій періодъ [1]). Но, независимо отъ репрессій, лишь только окончательно выяснился оппозиціонный составъ Думы, правительство начинаетъ дѣятельно готовиться къ ея роспуску. Для этой цѣли приводятся въ движеніе какъ черносотенныя организаціи, такъ и административная машина. Первыя организуютъ агитацію противъ Думы и направляютъ въ Петербургъ рядъ телеграммъ и адресовъ, требующихъ принятія рѣшительныхъ мѣръ и печатающихся на столбцахъ „Правительственнаго Вѣстника". Что касается администраціи, то и въ центрѣ, и на мѣстахъ ея усилія направлены къ тому, чтобы дискредитировать Думу въ глазахъ населенія, внушить ему недовѣріе къ ея способности провести обѣщанныя ею реформы и убѣдить его возложить всѣ надежды на правительство. Мѣстная администрація не стѣсняется открыто выражать свою враждебность Думѣ. Воззваніе 14 рабочихъ депутатовъ даетъ поводъ ряду губернаторовъ выступить съ почти тождественными рѣчами и прокламаціями, содержащими не только полемику съ авторами воззванія, но и прямое нападеніе на всю Думу, противъ которой выдвигаются все тѣ же

---

[1]) Приводимъ данныя В. Обнинскаго, при всей ихъ неточности (они преуменьшены, т. к. въ подсчетъ не вошли всѣ свѣдѣнія безъ точныхъ цифровыхъ указаній, а кромѣ того газеты того времени не имѣли ни малѣйшей возможности регистрировать всѣ случаи административной репрессіи, особенно—мелкіе какъ обыски, аресты и т. п.), являющіеся интересной иллюстраціей:

	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Всего.
Аресты, обыски и т. п. .	493	464	538	3597	4092
Тюрьма и ссылка	3605	2812	967	2380	9764
Увольненіе со службы . .	6165	354	54	79	6652
Избито и ранено.	57	57	442	43	599
Убито	7	4	9	32	52
Военный судъ	16	14	5	9	44

(Цит. соч. См. вып. 1-й, стр. 73 и вып. 2-й, стр. 101).

два обвиненія, составляющія лейтъ-мотивъ всей кампаніи противъ народнаго представительства: Дума хочетъ „оставить безъ наказанія убійства, поджоги, грабежи и другія тяжкія преступленія, если они совершены изъ политическихъ побужденій“, и „упразднить право частной собственности на землю“, т. е. собственности и крестьянской.

Этотъ же лейтъ-мотивъ, звучавшій и въ рѣчахъ представителей министерства въ Думѣ, передается въ иностранную прессу. Въ интервью съ корреспондентомъ газеты Times членъ кабинета, государственный контролеръ Шванебахъ заявляетъ, что „Дума вовсе не парламентъ; Дума—просто революціонное сборище, вродѣ совѣта рабочихъ депутатовъ или союза союзовъ. Она доказала свое революціонное происхожденіе и свои революціонныя цѣли, отказавшись вотировать порицаніе политическимъ убійствамъ, внеся свой аграрный проектъ и требуя полной амнистіи и отмѣны смертной казни. Она дискредитируетъ себя, натворитъ много бѣдъ и кончитъ безславной смертью не позднѣе, чѣмъ черезъ шесть мѣсяцевъ“ [1]).

Но „смерть“ первой Думы наступила еще раньше, чѣмъ пророчилъ государственный контролеръ. Ареной послѣдней битвы правительства съ Думой послужилъ все тотъ же аграрный вопросъ. Обсужденіе его въ Думѣ сильно будоражило крестьянъ и дало новый толчокъ аграрному движенію во многихъ губерніяхъ. Среди помѣщиковъ начали воцаряться растерянность. Невозможность провести свою программу черезъ Думу стала для нихъ очевидной, и они, естественно, должны были толкать министерство къ скорѣйшему прекращенію опасной для нихъ агитаціи, связанной съ работой Думы [2]).

20-го Іюня было опубликовано *правительственное сообщеніе по земельному вопросу*. Не называя Думы, сообщеніе рѣзко критиковало проекты принудительнаго отчужденія помѣщичьихъ земель, повторяя аргументацію г.г. Гурко и Стишинскаго, доказывая неизбѣжность—при осуществленіи этихъ проектовъ—нарушенія и крестьянской собственности, пугая зажиточныхъ крестьянъ перспективой отобранія у нихъ земли, а всѣхъ крестьянъ вообще — лишеніемъ заработковъ въ помѣщичьихъ экономіяхъ и полною зависимостью отъ „тѣхъ властей, которыя распоряжались бы землей“. Напоминая крестьянству, „какъ во всѣ времена Русскіе Государи заботились о его благосостояніи“ и, перечисляя рядъ мѣръ, свидѣтельствующихъ объ этихъ заботахъ,—надѣленіе крестьянъ землею при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, учрежденіе крестьянскаго банка, установленіе неотчуждаемости надѣловъ, сложеніе выкупныхъ платежей, — сообщеніе призывало крестьянство „знать и

---

[1]) Цит. по ст. П. Милюкова въ „Рѣчи“ отъ 6 іюня—„Подготовка госуд. переворота“ Перепеч. въ сб. „Годъ борьбы“, стр. 369.

[2]) Въ поданной секретно запискѣ Совѣтъ съѣздовъ объединеннаго дворянства протестовалъ противъ дѣлаемыхъ Думѣ „уступокъ“.

помнить, что не отъ смутъ и насилія оно можетъ ожидать удовлетворенія своихъ нуждъ, а отъ мирнаго своего труда и постоянныхъ о немъ заботъ Государя Императора".

Одновременно сообщеніе излагало и положительную программу правительства по земельному вопросу. Программа эта заключалась въ слѣдующемъ: 1) „передача" малоземельнымъ крестьянамъ на выгодныхъ для нихъ условіяхъ всѣхъ годныхъ для земледѣлія казенныхъ земель; 2) покупка для той же цѣли за счетъ государства добровольно продаваемыхъ частновладѣльческихъ земель; 3) принятіе на счетъ казны разницы между покупной цѣной помѣщичьей земли и продажной, „по цѣнамъ, доступнымъ для крестьянъ"; 4) приравненіе „передаваемыхъ" крестьянамъ казенныхъ земель къ надѣльнымъ въ смыслѣ запрещенія продавать ихъ „лицамъ другихъ сословій" и обращать на нихъ взысканія частныхъ лицъ; 5) облегченіе переселенія и помощь переселенцамъ; 6) облегченіе крестьянамъ возможности продавать свои надѣлы; 7) разселеніе желающихъ, устраненіе чрезполосности и сведеніе мелкихъ полосъ въ болѣе крупные участки; 8) объявленіе надѣльныхъ участковъ частною собственностью пользующихся ими крестьянъ въ общинахъ, гдѣ въ теченіе 24 лѣтъ не было передѣловъ; 9) предоставленіе отдѣльнымъ крестьянамъ права выхода изъ общины и укрѣпленія въ частную собственность участковъ общинной земли, съ сохраненіемъ, однако, за общиною права выкупа этихъ участковъ; 10) прекращеніе правительственнаго вмѣшательства во внутренніе земельные распорядки общинъ.

При всей опредѣленности намѣченнаго направленія аграрной политики правительства, программа его, въ этой стадіи, оставляла еще открытымъ рядъ вопросовъ, то или иное рѣшеніе которыхъ, очевидно, должно было зависѣть отъ дальнѣйшаго хода и интенсивности крестьянскаго и обще-политическаго движенія. Такъ, по отношенію къ казеннымъ землямъ сообщеніе указывало на намѣреніе правительства „передать" ихъ крестьянамъ, совершенно не поясняя условій этой передачи. Вопросъ о помѣщичьихъ земляхъ, являвшійся при наличныхъ обстоятельствахъ центральнымъ, рѣшался категорически въ смыслѣ покупки лишь добровольно продаваемыхъ земель. Но что касается цѣнъ земли, которыя при такой покупкѣ должны были быть значительно выше „справедливой оцѣнки", то тутъ возможенъ былъ двоякій исходъ, одинаково допустимый по мысли правительственной программы: пріобрѣтенныя за счетъ государственнаго казначейства земли перейдутъ по тѣмъ же цѣнамъ въ руки болѣе зажиточныхъ хозяевъ, выдѣленіе которыхъ изъ общей деревенской массы входило органическою составною частью въ программу; или-же—въ случаѣ неизбѣжности надѣленія землею маломощнаго крестьянства—государство возьметъ на себя извѣстную доплату. Интересы дворянъ-землевладѣльцевъ во всякомъ случаѣ не должны были пострадать.

Правительственное сообщеніе, естественно, было понято Думою, какъ прямой вызовъ, отъ принятія котораго невозможно уклониться. Было ясно, что въ исторіи Думы наступаетъ рѣшительный поворотный моментъ. Возможно было одно изъ двухъ: либо безславно уступить, отречься отъ своей программы, признавъ право министерства диктовать направленіе земельной политики и дискредитировавъ себя окончательно въ глазахъ населенія; либо же принять бой, рѣшившись довести его до конца, что — въ данномъ фазисѣ борьбы — означало окончательное, безповоротное санкціонированіе крестьянскаго движенія и его захватовъ, объявленіе открытой войны дворянству и т. д.

Вопросъ о санкціонированіи крестьянскаго движенія не разъ выдвигался трудовою группою, но безсистемно, безъ отчетливаго сознанія, о чемъ собственно идетъ рѣчь. И даже тогда, когда эта тенденція трудовой группы была облечена въ форму конкретнаго предложенія — немедленнаго образованія *мѣстныхъ земельныхъ комитетовъ*, избираемыхъ всеобщимъ и т. д. голосованіемъ (зас. 26 мая), — группа немедленно же отступила передъ первымъ натискомъ к. д-овъ, мирнообновленцевъ и октябристовъ, присоединилась къ предложенію депутата Кокошкина (к. д.) сдать вопросъ въ аграрную комиссію и больше къ нему не возвращалась.

Теперь этотъ вопросъ въ болѣе широкой постановкѣ вставалъ самъ собою. Отступленіе было невозможно, нужно было вырваться изъ порочнаго круга, въ которомъ Дума вращалась такъ долго. Въ засѣданіи 26 іюня былъ единогласно принятъ запросъ министерству о правительственномъ сообщеніи. Но въ данномъ случаѣ было слишкомъ очевидно, что запросъ — это простая отписка, которую министерство будетъ такъ же игнорировать, какъ игнорировало другіе запросы Думы. А между тѣмъ правительственное сообщеніе въ громадномъ количествѣ распространялось по деревнямъ и, оставленное безъ отвѣта, неизбѣжно должно было толковаться, какъ отступленіе Думы въ земельномъ вопросѣ. При такихъ условіяхъ запросъ былъ недостаточенъ и, по предложенію Кузьмина-Караваева (п. дем. реф.), Дума рѣшила дополнить его *обращеніемъ къ народу* съ разъясненіемъ дѣйствительнаго положенія вопроса о земельной реформѣ.

Мы уже говорили, въ какомъ „развинченномъ" состояніи находилась Дума къ этому времени. Естественно, что „желаніе покончить съ этимъ положеніемъ, сдвинуться съ мертвой точки становилось всеобщимъ, недовольство было одинаково сильно у кадетовъ, какъ и у трудовиковъ, по крайней мѣрѣ у чисто крестьянской части ихъ. Вотъ почему съ такою жадностью схватились за мысль обратиться къ народу съ разъясненіемъ по аграрному вопросу. Это было не Богъ вѣсть что, но это было хоть что-нибудь: съ этимъ, можно было думать, наступитъ новая эра въ жизни Думы, связь съ народомъ сдѣлается крѣпче, а работа внутри Думы живѣе. Какимъ

образомъ? Этого никто еще себѣ ясно не представлялъ" [1]). Но именно въ этой неясности значенія предпринимаемаго акта для самихъ творцовъ его, въ психологіи „развинченности" и отчаянія, продиктовавшихъ обращеніе къ народу, заключалась причина того, что, избравъ изъ двухъ возможныхъ путей путь открытой борьбы, Дума остановилась на полдорогѣ, сама испугалась своего шага, хотѣла повернуть обратно, когда повернуть было уже поздно, и, въ концѣ концевъ, „разбивъ окно", не только не почерпнула новыхъ силъ въ „свѣжемъ воздухѣ" общенія съ народными массами, но собственными руками подготовила себѣ самое тяжелое морально-политическое положеніе.

Проектъ обращенія былъ выработанъ и подписанъ особою подкомиссіею въ составѣ к.-д. (Обнинскій), трудовика (Аладьина) и октябриста (Стаховича) [2]) и одобренъ аграрною комиссіею. Проектъ начинался цитатою изъ отвѣтнаго адреса Думы, касающагося земельнаго вопроса: напоминалъ, что послѣ декларацiи министерства Дума выразила ему недовѣріе; излагалъ основы вырабатываемаго Думою земельнаго закона, подчеркивалъ, что „надѣльныя земли всѣхъ наименованій, а затѣмъ также и мелкія владѣнія" принудительному отчужденію не подлежатъ, и что одновременно вырабатывается законъ о мѣстныхъ комитетахъ, въ которыхъ само населеніе сможетъ принять участіе въ земельномъ дѣлѣ. Въ противовѣсъ правительственному сообщенію, проектъ напоминалъ, что „по манифесту 17-го октября 1905 г. никакое предположеніе правительства не можетъ воспріять силу закона безъ одобренія Государственной Думы". Заявляя, что отъ принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель, какъ „основанія новаго земельнаго закона", Гос. Дума не отступитъ, проектъ выражалъ надежду, что „населеніе будетъ покойно и мирно ожидать окончанія ея (Думы) работы по изданію такого закона".

4-го Іюля проектъ былъ поставленъ на обсужденіе Думы, и сейчасъ же вскрылась та неясность, которая лежала въ основѣ предпринимаемаго шага. С.-д-ы (Рамишвили) и трудовики (Жилкинъ) желали придать обращенію послѣдовательный характеръ призыва народныхъ массъ къ организованной борьбѣ. Часть к.-д-овъ, очевидно, примыкала въ этомъ вопросѣ къ нимъ. К. д. Сафоновъ заявлялъ, что „обращеніе къ странѣ расколетъ теперешнюю власть на двѣ, и съ сегодняшняго дня передъ народомъ встанутъ двѣ силы, двѣ власти: власть бюрократіи и власть народныхъ представителей". Депутатъ Ледницкій требовалъ обращенія къ странѣ не съ простымъ опроверженіемъ правительственнаго сообщенія, а съ „манифестомъ", раскрывающимъ все положеніе дѣлъ. Депутатъ Николаевскій настаивалъ, что „Г. Д. должна

---

[1]) Н. Езерскій. Цит. соч. Стр. 70.

[2]) См. В. Обнинскій. Цит. соч. вып. II, с. 120.

принять въ свои руки временно исполнительную власть" и т. д. и т. д. Съ другой стороны члены той же фракціи к. д. (Кокошкинъ, Протопоповъ и др.) старались умалить значеніе обращенія, изображая его какъ простую справку, имѣющую цѣлью исправить невѣрности правительственнаго сообщенія, ставя ему задачу „загасить пожаръ". На этой же точкѣ зрѣнія стоялъ и иниціаторъ обращенія Кузьминъ-Караваевъ. Наконецъ, была въ средѣ к.-д-ой фракціи и группа (Петражицкій и др.), которая выступала вмѣстѣ съ правыми противъ этого „перваго активнаго движенія Думы, а не только ея сужденій" (Стаховичъ), пытался добиться, по крайней мѣрѣ, отсрочки вопроса въ надеждѣ на измѣненіе въ настроеніи Думы.

Въ концѣ концовъ, проектъ обращенія былъ все же принятъ въ первомъ чтеніи. 5 Іюля засѣданія Думы не было. Съ тѣмъ большею настойчивостью дѣйствовали внѣ-думскія вліянія, особенно сказавшіяся на поведеніи к.-д-ой фракціи. По разсказу Н. Езерскаго [1]), вліянія эти были двоякаго рода. Съ одной стороны, шли усиленные разговоры о „скорой замѣнѣ кабинета Горемыкина думскимъ кабинетомъ Муромцева". Замѣна эта представлялась столь вѣроятной, что „вопросъ былъ поставленъ на обсужденіе въ думской фракціи к.-д. партіи, вызовъ Муромцева въ Петергофъ ожидался со дня на день". Съ другой стороны, „въ среду (5-го іюля) къ вечеру стали распространяться слухи, что предположеніе образовать думскій кабинетъ, о которомъ никогда такъ много не говорили, какъ въ предшествующіе дни, начинаетъ терять почву, и колебаніе вызвано именно проектомъ обращенія къ народу".

„Развинченность" и желаніе хоть какъ нибудь выпутаться изъ положенія, отстаивать которое до конца не хватало мужества, были такъ велики въ рядахъ к.-д-ой фракціи, что она усиленно старалась увѣрить себя и другихъ въ справедливости этихъ сшитыхъ бѣлыми нитками, распускаемыхъ преднамѣренно слуховъ. Возникала мысль о замѣнѣ обращенія „мотивированнымъ переходомъ къ очереднымъ дѣламъ". Но отъ нея пришлось отказаться, такъ какъ слишкомъ ясно было, что „уступка по первому намеку сверху дискредитируетъ Думу окончательно не только въ глазахъ крайнихъ лѣвыхъ, но въ глазахъ самой камарильи". Тогда выдвинулся новый планъ, о которомъ писала „Рѣчь" въ номерѣ отъ 5 іюля: „Если тотъ простой выходъ, который въ данномъ случаѣ представляется (мотивированный переходъ), уже закрытъ, и оповѣщеніе населенія будетъ сдѣлано отдѣльно, самостоятельно, то оно должно тщательно избѣгать характера аппеляціи къ народу и, стремясь къ успокоенію, убѣдить народъ, что правительство безсильно противъ Думы, что она сумѣетъ добиться своего".

Такая постановка вопроса свидѣтельствовала о полномъ параличѣ воли

---

[1]) См. цит. соч. стр. 74—76.

была самымъ неудачнымъ изъ всего того, что можно было придумать: сохраняя всѣ невыгоды „не-конституціоннаго“ по внѣшности акта, обращеніе въ такомъ видѣ лишалось смысла. При всѣхъ колебаніяхъ и неясности взглядовъ инициаторовъ обращенія, они ссылались на „исключительное время“ и такъ или иначе, хотя бы разсчитывая лишь на пассивное сочувствіе, признавали необходимымъ втянуть народъ въ свою тяжбу съ министерствомъ. Теперь предлагалось, наоборотъ, темою обращенія сдѣлать призывъ народныхъ массъ къ полному невмѣшательству, распространенія среди нихъ убѣжденія, что Дума сама „сумѣетъ добиться своего“.

Утромъ 6-го іюля въ малолюдномъ засѣданіи к. д-ой фракціи планъ этотъ былъ принятъ 40 голосами противъ 24, и И. Петрункевичъ внесъ на засѣданіе Думы новый проектъ, представлявшій переработку стараго, но въ то же время рѣзко мѣнявшій его смыслъ [1]). Это измѣненіе произошло, главнымъ образомъ, потому, что выраженіе надежды на „покойное и мирное“ поведеніе населенія было не только поставлено во главѣ обращенія, но и усиленно подчеркивалось. Между тѣмъ какъ с.-д-ы и трудовики вели переговоры съ к.-д-ой фракціей о поправкѣ къ первоначальному проекту обращенія съ смыслѣ устраненія его конца (въ случаѣ отверженія этой поправки с.-д-ы рѣшили воздержаться отъ голосованія), к.-д-ы неожиданно вносили новый проектъ, гдѣ призывами къ „покойному и мирному ожиданію“ — и притомъ окончанія не „работъ Думы“, какъ было сказано въ первомъ проектѣ, а „работы по изданію земельнаго закона“, — мотивировалась самая необходимость обращенія.

Внесеніе этого новаго проекта означало нежеланіе к.-д-ой фракціи идти въ этомъ вопросѣ совмѣстно съ трудовиками и с.-д-ами. Но думская правая высказалась противъ обращенія, а польское коло, подъ предлогомъ отстаиванія автономныхъ правъ Польши въ земельномъ вопросѣ, уклонилось отъ голосованія. Такимъ образомъ, фактически позиція к. д-овъ вела къ тому, что обращеніе могло быть вообще отвергнуто.

Лѣвыя фракціи протестовали противъ того, что проектъ, уже принятый въ первомъ чтеніи, неожиданно замѣняется новымъ. Тогда к.-д-ы, разбивая свой новый проектъ, на части, начинаютъ вносить ихъ въ видѣ поправокъ. И. Петрункевичъ въ своей рѣчи убѣждаетъ Думу „не поддаваться на коварную удочку“, подчеркнуть, что ея обращеніе — „не революціонный шагъ“: „мы стремимся къ разрѣшенію смуты, возникшей въ странѣ, исключительно мирными средствами. Это — наша задача и заслуга“. Такая постановка вопроса вызываетъ страстный протестъ со стороны с. д-овъ, заявляющихъ,

---

[1]) Стенограммы послѣднихъ двухъ засѣданій Думы (6 и 7 іюля) не вошли въ оффиціальное изданіе. Свѣдѣнія объ этихъ засѣданіяхъ приходится черпать изъ газетъ и отдѣльныхъ книгъ о 1-ой Думѣ.

что за это отступленіе народъ назоветъ депутатовъ „трусами, продажными измѣнниками“ (Гомартели), и лидеровъ трудовой группы, вносящихъ поправку съ призывомъ народа „къ мощной и организованной поддержкѣ Думы для проведенія въ жизнь ея предначертаній“. Но всѣ такія поправки отвергаются, и 197 голосами противъ 100, т. е. к.-д ами и правыми противъ трудовиковъ и с. д-овъ принимается первая поправка Петрункевича. Трудовики и с.-д-ы покидаютъ залъ для совѣщанія. Первые возвращаются, не принявъ опредѣленнаго рѣшенія; вторые читаютъ заявленіе о томъ, что новый „текстъ обращенія, главный смыслъ котораго сводится къ укору народу и призыву его къ спокойствію“, заставляетъ ихъ отказаться отъ участія въ дальнѣйшемъ обсужденіи проекта, а при окончательномъ голосованіи вотировать противъ.

Въ третьемъ чтеніи обращеніе принимается 124 голосами членовъ к.-д. фракціи противъ 53 (правые и с. д-ы) при 101 воздержавшемся (трудовики и польское коло). Если бы воздержавшіеся голосовали противъ, обращеніе было бы отвергнуто. То же самое произошло бы, если бы правые и с.-д-ы воздержались: въ этомъ случаѣ въ голосованіи участвовало бы число депутатовъ, недостаточное для дѣйствительности голосованія. Это именно и произошло послѣ безтолковыхъ дебатовъ о распубликованіи только что принятаго обращенія въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“. Безсиліе Думы и ея неспособность къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ были такъ очевидны, что, кромѣ к.-д-ой фракціи съ ея 129 голосами, никто не пожелалъ принять участія въ этомъ голосованіи, заранѣе осужденномъ на безплодіе. Вопросъ повисъ въ воздухѣ...

Органъ к.-д-ой партіи „Рѣчь“ торжествовалъ побѣду по случаю того, что „думское большинство разрѣшило трудную задачу чрезвычайно удачно... Противъ неконституціоннаго „сообщенія“ оно отвѣтило не такимъ же неконституціоннымъ шагомъ, не „обращеніемъ къ народу“, а простымъ фактическимъ опроверженіемъ и фактическимъ сообщеніемъ о намѣреніи Думы по аграрному вопросу. Будучи совершенно неуязвимымъ съ точки зрѣнія конституціонной, это сообщеніе Думы легко, какъ бы мимоходомъ, отбрасывало отъ Думы ударъ, который готовило Думѣ министерство“. Этому наивному самодовольству поддалась и часть депутатовъ, увѣрившая себя, что роспуска не послѣдуетъ; особенно окрѣпла эта увѣренность, когда 7 іюля мин. вн. дѣлъ Столыпинъ выразилъ предсѣдателю Думы желаніе дать 10 іюля объясненія по запросу о бѣлостокскомъ погромѣ [1]). Дѣйствительность скоро показала

---

[1]) См. о послѣднихъ двухъ дняхъ Думы: (стеногр. отчеты этихъ засѣданій не опубликованы): Н. Езерскій, цит. соч., стр. 73—90; И. И. Поповъ, Дума народн. надеждъ. Москва 1907, стр. 170—179; А. Цитронъ. 72 дня перваго русскаго парламента, Спб. 1906. Стр. 156—165; М. Б-овъ и Ф. Данъ. Рабочіе депутаты въ 1-ой

всю смѣхотворность надеждъ на возможность „мимоходомъ“ обойти основныя политическія проблеммы, вплотную надвигавшіяся на Думу...

Дума еще засѣдала, обнаруживая явные признаки разложенія и „развинченности“, когда министерство начало принимать окончательныя мѣры къ ея роспуску. По свидѣтельству ген. Рейнбота подготовка началась еще съ іюня, когда онъ—въ числѣ другихъ градоначальниковъ и губернаторовъ—былъ вызванъ въ Петербургъ. Здѣсь мин. вн. дѣлъ сообщилъ ему, что Думу рѣшено распустить, но правительство опасается повторенія возстанія въ Москвѣ [1]). Съ конца іюля началось стягиваніе войскъ въ Петербургъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ министерскій оффиціозъ. газета „Россія“ заговорила о возможности вмѣшательства иностранныхъ державъ въ русскія дѣла [2]).

7 Іюля вечеромъ еще засѣдали думскія комиссіи и парламентскія фракціи, а въ то же самое время полиція закрывала типографіи соціалистическихъ газетъ, Петербургъ и петерб. губ. были объявлены на положеніи чрезвычайной охраны и уже набирался указъ о роспускѣ Думы. 8-го іюля депутаты прочли его въ газетахъ. Бросившись къ зданію Таврическаго дворца, они нашли его занятымъ войсками. Ворота были заперты, и на нихъ бѣлѣлъ листокъ указа.

Дальнѣйшее извѣстно: собравшись въ Выборгѣ въ большомъ числѣ, депутаты к.-д-ой, трудовой и с.-д-ой фракціи подписали воззваніе къ народу, въ которомъ призывали къ отказу отъ платежа податей и поставки рекрутъ. Не прошло трехъ дней съ тѣхъ поръ, какъ большинство Думы отказалось придать своему „обращенію“ хоть сколько нибудь боевой характеръ, а члены этого большинства уже обращались къ народу съ прямымъ призывомъ къ борьбѣ и обѣщали, что „въ этой вынужденной, но неизбѣжной борьбѣ ваши выборные люди будутъ съ вами“.

Но это уже былъ призывъ не отъ Думы, а отъ бывшихъ членовъ ея, не отъ борющагося учрежденія, а отъ учрежденія побѣжденнаго, вливающаго въ этотъ послѣдній актъ всѣ остатки своей энергіи. „Выборгское“ воззваніе имѣло большое агитаціонное значеніе, но для большинства подписавшихъ

Г. Д. Стр. 145—154. Окончательный текстъ обращенія въ изд. партіи дем. реформъ: „Рѣчи членовъ партіи въ 1-ой Г. Д“. Спб. 1907 стр. 175, перепечатано у Г. Савича. Новый гос. строй Россія. Спб. 1907.

[1]) Изъ книги объясненій ген. Рейнбота, представленныхъ Прав. Сенату Цитир. по „Рѣчи“ отъ 7 іюля 1910 г.

[2]) „Россія“ писала, что „былъ сдѣланъ изъ Берлина оффиціальный запросъ. на который „Вѣнскія правящія сферы“ отвѣтили, что „при извѣстныхъ условіяхъ, активное вмѣшательство этой державы во внутреннія дѣла Россіи, съ цѣлью подавленія или ограниченія аграрно-революціоннаго движенія, могло бы явиться желательнымъ и полезнымъ“. Въ Австро-Венгріи поставили, однако, условіемъ вмѣшательства не только согласіе, но также „прямо и ясно высказанное соотвѣтственное желаніе русскаго правительства“. Цит. по статьѣ П. Милюкова въ „ Рѣчи“ отъ 6 іюля 1906 г. (переп. въ сб. „Годъ борьбы“, стр. 378—381).

его депутатовъ оно было не началомъ открытой, упорной борьбы, а послѣдней вспышкой отчаянія. Народныя движенія, связанныя съ роспускомъ Думы (Свеаборгское и Кронштадтское возстанія, забастовка петербургскихъ рабочихъ и др.), не видѣли въ своей средѣ тѣхъ „выборныхъ людей", которые обратились къ народу съ революціоннымъ воззваніемъ. Послѣ рѣшительнаго удара, нанесеннаго ей правительствомъ, первая Дума кончила самоубійствомъ, и „выборгское" воззваніе было ея лебединою пѣснью...

VI.

Первое междудумье.

Обстоятельства, сопровождавшія прекращеніе занятій 1-ой Думы, ясно говорили о томъ, что для правительства дѣло идетъ не просто о новомъ „опросѣ мнѣній" страны, а объ актѣ рѣшительной борьбы съ тѣми требованіями, выразителями которыхъ явились депутаты распущеннаго парламента. Этотъ особый характеръ роспуска былъ подчеркнутъ манифестомъ, изданнымъ на слѣдующій день послѣ указа—9 іюля. Манифестъ мотивировалъ роспускъ тѣмъ, что „выборные отъ населенія, вмѣсто работы строительства законодательнаго, уклонились въ непринадлежащую имъ область и обратились къ разслѣдованію дѣйствій поставленныхъ отъ насъ мѣстныхъ властей, къ указаніямъ намъ на несовершенства законовъ основныхъ, измѣненія которыхъ могутъ быть предприняты лишь нашею Монаршею волею, и къ дѣйствіямъ явно незаконнымъ, какъ обращеніе отъ лица Думы къ населенію". Не упоминая объ аграрныхъ проектахъ Думы, манифестъ именно этой *политической* дѣятельности Думы приписывалъ „смущеніе" въ крестьянствѣ, толкнувшее его къ безпорядкамъ. Грозя карою „ослушникамъ закона" и обѣщая „поднятіе благосостояніе крестьянства" „безъ ущерба чужому владѣнію", манифестъ подтверждалъ „неизмѣнное намѣреніе сохранить въ силѣ самый законъ объ учрежденіи" Г. Думы, призывалъ „всѣхъ благомыслящихъ русскихъ людей объединиться" и выражалъ надежду, что „появятся богатыри мысли и дѣла и что самоотверженнымъ трудомъ ихъ возсіяетъ слава земли Русской".

Первымъ видимымъ и знаменательнымъ результатомъ такого роспуска Думы оказалось не только усиленіе дѣятельности „*черносотенныхъ*" *организацій*, но и ихъ открытое выступленіе въ качествѣ хозяевъ политической сцены. Организаціи эти и въ предшествующій періодъ играли достаточно видную служебную роль. Но теперь ихъ роль изъ служебной становится командующей. Онѣ не только все чаще и все громче заявляютъ свою политическую программу—возстановленіе неограниченнаго самодержавія и превращеніе Думы въ совѣщательное сословное представительство „господствующей",

русской націи,—но и встрѣчаютъ на верхахъ правительственной лѣстницы все болѣе явное и демонстративное поощреніе. Предсѣдатель „союза" русскаго народа", Дубровинъ совершаетъ тріумфальную поѣздку по Россіи, его всюду торжественно встрѣчаютъ высшіе представители мѣстной административной и духовной іерархіи; генералъ-губернаторы, губернаторы и архіереи принимаютъ участіе въ пышныхъ церемоніяхъ открытія новыхъ отдѣловъ „союза", а его видные члены, не стѣсняясь, дѣлаютъ публичныя внушенія какъ административному персоналу—вплоть до министровъ, такъ и высшимъ представителямъ церкви [1]). По указанію членовъ союза не только арестовываютъ, сажаютъ въ тюрьмы, ссылаютъ „неблагонадежныхъ", но и смѣщаютъ съ должностей чиновниковъ, судей, полицейскихъ, учителей, земскихъ врачей и т. д., почему-либо ставшихъ неугодными союзнымъ дѣятелямъ. Сами же члены черносотенныхъ организацій пользуются усиленнымъ покровительствомъ, прибѣгаютъ ко всевозможнымъ насиліямъ надъ обывателями и открыто хвастаются своею неприкосновенностью. Убійцы депутата распущенной Думы М. Я Герценштейна остаются долго неразысканными, хотя всѣ слѣды слишкомъ очевидно ведутъ къ главарямъ „союза русскаго народа", которые, впрочемъ, почти и не скрываютъ своей причастности къ этой „патріотической" расправѣ съ наиболѣе яркимъ выразителемъ аграрно-реформаторскихъ стремленій большинства 1-ой Думы.

Такъ идетъ дѣло въ дѣйствительности. Офиціально же центральное правительство занимаетъ на первыхъ порахъ выжидательное положеніе. Одновременно съ роспускомъ Думы получаетъ отставку Горемыкинъ и два члена его кабинета — кн. Ширинскій - Шихматовъ (оберъ-прокуроръ синода) и Стишинскій (главноупр. землеустройствомъ и земледѣліемъ). Во главѣ *новаго кабинета* становится П. А. Столыпинъ, мин. вн. дѣлъ. Новое министерство вначалѣ, очевидно, далеко еще не увѣрено въ прочности своего

---

[1]) См., напр., извѣстное „открытое письмо" Дубровина петербургскому митрополиту Антонію съ категорическимъ предложеніемъ: или „дать благословеніе русскимъ православнымъ людямъ, стоящимъ за вѣру, самодержавнаго царя и русскій народъ", или.. „уйти". (Переп. у Брянчанинова: Междодумье, Спб. 1907, стр. 341 и сл.). Митрополитъ Антоній предпочелъ первую половину дилеммы. Б. м. еще характернѣе для роли черносотенныхъ организацій въ эту пору необычайный обмѣнъ телеграммами между г. Юзефовичемъ, предсѣдателемъ кіевскаго съѣзда монархистовъ, и германскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, ф. Микелемъ. Юзефовичъ послалъ отъ имени съѣзда телеграмму императору Вильгельму съ выраженіемъ сожалѣнія о вниманіи и милостяхъ, оказанныхъ имъ будто бы графу Витте. Германскій мин. вн. дѣлъ счелъ нужнымъ поручить германскому послу немедленно же сообщить Юзефовичу, что его телеграмма „основана на ошибочномъ предположеніи". А на телеграмму Юзефовича совѣту министровъ, предсѣдатель совѣта, П. А. Столыпинъ отвѣтилъ, что „совѣтъ министровъ искренно благодаритъ въ лицѣ вашемъ представителей партій за привѣтствіе и готовность содѣйствовать правительству" (См. Брянчаниновъ, цит. соч. стр. 352—353).

положенія. Послѣдствія роспуска Думы и „выборгскаго“ воззванія далеко еще не выяснены [1]). Демонстративныя забастовки рабочихъ въ Петербургѣ и другихъ городахъ, крестьянскія волненія, выраженія протеста со стороны разнообразныхъ слоевъ населенія заставляли опасаться широкаго подъема общественнаго движенія, подъема, о возможности котораго, какъ мы видѣли, правительство задумывалось и до роспуска Думы. Возстанія въ Кронштадтѣ, Свеаборгѣ, Ревелѣ, Либавѣ, волненія въ другихъ частяхъ арміи и флота вселяли большія опасенія. Финансовое положеніе, несмотря на только что заключенный 800-милліонный заемъ, также было далеко не блестящимъ, заставляло ожидать новаго крупнаго дефицита и необходимости снова обращаться за займомъ къ европейскимъ банкирамъ [2]). Все это обязывало къ извѣстной осторожности.

Министерство исподволь принимало рядъ мѣръ для предотвращенія грозившихъ, по его мнѣнію, волненій [3]) и для усиленія *репрессій*. Одна мѣстность за другою объявлялись на положеніи усиленной или чрезвычайной

---

[1]) Насколько лозунгъ неплатежа податей могъ встрѣтить, при благопріятныхъ условіяхъ, широкій откликъ среди крестьянъ, видно изъ того, что, какъ сообщаетъ циркуляръ губернаторамъ и управл. казенными палатами отъ 11 авг. 1906 г. о взысканіи недоимокъ, прямые налоги, въ частности земскіе сборы, поступали за 1906 г. очень туго. Въ то время какъ въ 1905 г. за первые 6 мѣсяцевъ съ крестьянскихъ надѣльныхъ земель при годовомъ окладѣ въ 32 мил. руб. поступило 15 милл., за первые 6 мѣс. 1906 г., при окладѣ въ 33 милл. руб., поступило всего 8 мил. Циркуляръ объясняетъ это паденіе земскихъ сборовъ, м. пр., тѣмъ, что „политическія волненія повизили въ населеніи чувство законности и сознанія долга; плательщики стали намѣренно пренебрегать своими податными обязанностями“.

[2]) См. изв. письмо мин. фин. Коковцева къ предс. сов. мин., исчисляющее вѣроятный дефицитъ на 1907 г. въ 155 мил. руб. Письмо было полностью напечатано въ парижской газетѣ „Le Temps“; перепечатано въ „Рѣчи“ отъ 26 сент. 1906 г. Правда, „Прав. Вѣстникъ“ въ № отъ 8 дек. оффиціально заявилъ по поводу слуховъ о предстоящемъ новомъ займѣ, что „всѣ указаннаго рода слухи ни на чемъ не основаны и представляютъ собою совершенный вымыселъ“. Это не помѣшало тому, что уже черезъ нѣсколько дней оффиціальныя „предположенія о госуд. росписи доходовъ и расходовъ на 1907 г.“ вынуждены были констатировать, что для покрытія части расходовъ „предполагается кредитная операція въ размѣрѣ, который имѣетъ быть выясненъ впослѣдствіи“. По предварительнымъ подсчетамъ—расходы, для покрытія которыхъ необходимъ былъ заемъ, исчислялись въ 242 мил. рублей.

[3]) См., напр., циркулярную телеграмму и циркуляръ м. в. д. отъ 11 іюля. Телеграмма, немедленно опубликованная, требовала отъ губернаторовъ „самаго рѣшительнаго безъ всякихъ колебаній руководительства въ дѣлѣ быстраго, твердаго и неуклоннаго возстановленія порядка“, но въ то же время заявляла, что „огульныя репрессіи не могутъ быть одобрены. Дѣйствія незакономѣрныя и неосторожныя, вносящія, вмѣсто успокоенія, озлобленіе, нетерпимы“. Одновременно же разосланный циркуляръ требовалъ отъ губернаторовъ „особыхъ мѣръ для предотвращенія революціонныхъ волненій“, а именно—не разрѣшенія „ни собраній, ни митинговъ, возбуждающихъ къ противозаконнымъ дѣяніямъ“, и „удаленія всѣхъ лицъ, проявляющихъ склонность къ возбужденію населенія“,

охраны [1]), или на военномъ положеніи [2]). „Собраніе узаконеній и распоряженій правительства“ буквально переполняется распоряженіями объ усиленіи штатовъ полиціи, стражниковъ, жандармеріи въ различныхъ мѣстностяхъ. Всевозможныя общественныя организаціи, какъ политическія, такъ и иныя— особенно же рабочія организаціи — подвергаются усиленному притѣсненію. Высылки, обыски, аресты, конфискаціи газетъ и брошюръ льются широкимъ потокомъ. Мѣстныя власти и, особенно, вновь испеченные временные генералъ-губернаторы одинъ передъ другимъ стараются выдѣлиться рѣшительностью своихъ репрессивныхъ дѣйствій [3]). Съ своей стороны, и министерство юстиціи (цирк. 19 іюля) заботилось объ усиленіи судебной репрессіи, призывая свое „вѣдомство“ къ „особому напряженію бдительности“ и „быстрому воздѣйствію на враговъ государства и общества“.

Въ то же время, нажимая на мѣстахъ репрессивный винтъ и стягивая всѣ силы „стараго порядка“, министерство офиціально объявляетъ, что все это дѣлается лишь во имя „реформъ“. „Борьба ведется не противъ общества, а противъ враговъ общества... Старый строй получитъ обновленіе“, говоритъ та же самая циркулярная телеграмма 11 іюля, которая требуетъ отъ губернаторовъ „твердаго и неуклоннаго возстановленія порядка“. Репрессія и реформы“, или „репрессія для реформъ“ — такова офиціальная программа новаго кабинета, и въ этой программѣ онъ требуетъ „довѣрія“ общества. На основѣ этого требованія ведутся и вновь начавшіеся переговоры о вступленіи въ министерство *„общественныхъ дѣятелей“*,— переговоры, имѣющіе дѣйствительною цѣлью не передачу министерскихъ портфелей въ руки не-бюрократическихъ элементовъ, а выигрышъ времени и нащупываніе настроенія различныхъ общественныхъ группъ. Программно-политическая безпринципность переговоровъ документировалась уже тѣмъ, что они велись одновременно съ представителями весьма разнообразныхъ группъ: выразителемъ реакціонныхъ стремленій дворянства Самаринымъ, членами союза 17 октября и нарождавшейся партіи мирнаго обновленія А. Гучковымъ,

---

[1]) Дѣйствіе положенія 14 авг. 1881 г. объ охранѣ было 5 авг. 1906 г. снова продлено „до пересмотра исключит. законоположеній, но во всякомъ случаѣ на срокъ не долѣе одного года, т. е. по 4 сент. 1907 г.“

[2]) Къ 1 авг. изъ 87 г. и обл. военное положеніе было введено въ 40, усил. охр.—въ 15, чрезв —въ 27. См. „Право“ за 1906 г. № 31.

[3]) Какъ широко пользовались врем. ген. губ. своими полномочіями, видно изъ отвѣта николаевск. ген.-губ. Штерича учредителямъ проф. союза металлистовъ. Имъ было отвѣчено, что „врем. никол. ген.-губ., въ виду явно вреднаго направленія дѣятельности проф. союзовъ, образованіе таковыхъ въ ген.-губернаторствѣ въ данное время находитъ недопустимымъ“(„Рѣчь“, 5 ноября 1906 г.). Кременчугскій ген.-губ., въ свою очередь, находилъ учрежденіе проф. союзовъ вредной „модной затѣей“. Онъ же требовалъ, чтобы, при встрѣчѣ съ нимъ, прохожіе останавливались и снимали шляпы.

Д. Шиповымъ, гр. Гейденомъ, Н. Львовымъ и др., вчерашнимъ членомъ к.-д-ой думской фракціи кн. Львовымъ и т. д. [1]).

Попытка части этихъ „общественныхъ дѣятелей“ обусловить свое вступленіе въ кабинетъ принятіемъ опредѣленной программы вызвала заявленіе, что „вопросъ о принятіи и опубликованіи программы долженъ остаться открытымъ, въ виду того, что правительство рѣшило и безъ того неуклонно слѣдовать по пути реформъ“ [2]). Офиціальное сообщеніе 24 іюля констатировало неудачу переговоровъ съ „общественными дѣятелями“, самимъ сообщеніемъ характеризованными какъ люди, „которые положили въ основу своей дѣятельности закономѣрное проведеніе этихъ („дарованныхъ“) реформъ“. Попытка сообщенія приписать кн. Львову, гр. Гейдену и Д. Шипову солидарность съ правительственной программой и объяснить неудачу переговоровъ лишь разногласіемъ по вопросу о числѣ „общественныхъ дѣятелей“, которые должны были войти въ кабинетъ, вызвала немедленное опроверженіе со стороны названныхъ лицъ. А самая неудача—имѣя въ виду крайне умѣренное направленіе людей, къ которымъ обращалось правительство, — достаточно опредѣленно говорила о дѣйствительныхъ намѣреніяхъ и дѣйствительной „программѣ“ новаго министерства.

Однако, „неудача переговоровъ“ съ точки зрѣнія пошедшихъ на нихъ „общественныхъ дѣятелей“ отнюдь не означали безплодности ихъ съ точки зрѣнія тѣхъ цѣлей, которыя ставило себѣ, начиная ихъ, правительство. Наоборотъ. Эти переговоры были не только полезны новому министерству, вскрывая передъ нимъ готовность къ компромиссу извѣстныхъ „общественныхъ“ группъ, но дали и непосредственные, практическіе результаты. Эти результаты подчеркивало оффиціальное сообщеніе: „отдѣльные общественные дѣятели, изъ которыхъ Н. Н. Львовъ и А. И. Гучковъ были приняты его Величествомъ въ продолжительной аудіенціи, полагали, что они, въ цѣляхъ мирнаго проведенія реформъ, могутъ оказать большую пользу, не уходя въ настоящую минуту отъ общественной дѣятельности, которая имъ свойственна и которая требуетъ мобилизаціи всѣхъ трезвыхъ общественныхъ силъ“. Сами Н. Львовъ и А. Гучковъ не только не опровергали этого оффиціальнаго сообщенія, но послѣдній въ цѣломъ рядѣ публичныхъ заявленій и „открытыхъ писемъ“ (къ кн. Е. Трубецкому и Д. Шипову) подтвердилъ его правильность.

---

1) Впослѣдствіи выяснилось, что, одновременно съ этими переговорами, предс. сов. мин. принималъ извѣстнаго дѣятеля союза р. н. Ѳ. Булацеля и привелъ его въ восторгъ своимъ рѣзко-отрицательнымъ отношеніемъ къ „конституціонному строю“.

2) Письмо гр. Гейдена въ „Новомъ Времени“ (29 іюля 1906 г.). Однородныя сообщенія сдѣлали въ своемъ коллективномъ письмѣ въ томъ же № „Нов. Вр.“ Д. Шиповъ и кн. Львовъ.

Такимъ образомъ *реальное завоеваніе правительства* въ ходѣ переговоровъ заключалось въ пріобрѣтеніи людей, формально числившихся въ „конституціонномъ“ и даже „оппозиціонномъ“ лагерѣ и въ то же время согласившихся стать проводниками политики новаго кабинета, апологетами его репресивной дѣятельности во имя ожидаемыхъ „реформъ“. Пріобрѣтеніе это было тѣмъ болѣе цѣнно, что за этими лицами стояла политическая организація—„Союзъ 17 Октября“,—ставившая себя такимъ образомъ на службу правительству. И хотя именно этотъ открытый поворотъ октябризма далъ окончательный толчекъ выдѣленію изъ „Союза 17 Октября“ новой партіи—„мирнаго обновленія“, все же для правительства онъ имѣлъ тѣмъ бо́льшее значеніе, что за нимъ скрывался поворотъ въ настроеніи и политической позиціи не только новыхъ слоевъ землевладѣльческаго дворянства, но и значительной части капиталистической буржуазіи [1]).

Опираясь на усиленную мобилизацію дворянско-черносотенныхъ силъ, съ одной стороны, готовность капиталистической буржуазіи оказать „довѣріе“ министерству „роспуска госуд. думы“, поддержать его контръ-революціонную дѣятельность, отказаться отъ всякихъ политическихъ притязаній и сосредоточить свои силы въ экономической организаціи „съѣздовъ“, съ другой,—правительство получило возможность дѣйствовать гораздо увѣреннѣе. Явная нерѣшительность оппозиціонныхъ партій, какъ к.д-овъ, не рѣшавшихся приступить даже къ пропагандѣ ими самими брошенныхъ лозунговъ „пассивнаго сопротивленія“; политическая незрѣлость и раздробленность крестьянскаго движенія; безсиліе изолированныхъ пролетарскихъ элементовъ города;—все это укрѣпляло почву подъ ногами контръ-революціоннаго кабинета и если онъ не рѣшался еще совершить тотъ открытый переворотъ, котораго требовали отъ него дворянскій съѣздъ и черносотенная организація, то къ серединѣ августа онъ во всякомъ случаѣ почувствовалъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы приступить—подъ прикрытіемъ 87 ст. основныхъ законовъ—къ проведенію всѣхъ мѣропріятій, на пути которымъ стояла Дума, и къ подготовленію условій для измѣненія характера и обезсиленія народнаго представительства.

Въ преддверіи этой своеобразной „реформаторской“ работы стояло новое колоссальное усиленіе репрессіи. Эру „реформъ“ открылъ законъ 19 авг. о *военно-полевомъ судѣ*, превращавшій терроръ карательныхъ экспедицій въ „закономѣрное“ средство управленія [2]). Согласно этому закону и изданнымъ на слѣдующій день правиламъ, въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на

---

[1]) См. объ этомъ подробнѣе во II томѣ наст. изд. (часть 2-я), въ моей статьѣ: „Очеркъ полит. эволюціи“ и т. д. Стр. 136 и слѣд.

[2]) Поводомъ къ изданію закона послужило покушеніе на П. А. Столыпина—взрывъ его дачи на Аптекарскомъ островѣ (12 августа). Самая мѣра была предложена съѣздомъ объединеннаго дворянства.

военномъ положеніи или положеніи чрезвычайной охраны, военно-полевому суду съ примѣненіемъ законовъ военнаго времени могли предаваться гражданскія лица, когда „учиненіе преступнаго дѣянія является настолько очевиднымъ, что нѣтъ надобности въ его разслѣдованіи". Судъ—изъ строевыхъ офицеровъ—долженъ былъ „слѣдовать безотлагательно за совершеніемъ преступнаго дѣянія и по возможности въ теченіи сутокъ", приступать немедленно къ разбору дѣла при закрытыхъ дверяхъ, безъ участія защиты и кончать разсмотрѣніе его „не далѣе, какъ въ теченіи двухъ сутокъ". Приговоръ немедленно вступаетъ въ законную силу и приводится въ исполненіе во всякомъ случаѣ не позже сутокъ.

Передача дѣла на разсмотрѣніе военно-полевого суда была всецѣло предоставлена генералъ-губернаторамъ, которые и поспѣшили воспользоваться своими новыми правами, и притомъ еще значительно шире, чѣмъ то вытекало изъ самой формулировки закона. Правительственное сообщеніе 20 августа говорило, что военно-полевые суды учреждаются лишь „для сужденія обвиняемыхъ въ наиболѣе тяжкихъ" и даже „выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ" преступленіяхъ. Но уже циркуляръ 6 сентября вводилъ въ число преступленій, при которыхъ „желательно неуклонное примѣненіе" военно-полевыхъ судовъ, и вооруженныя нападенія на должностныхъ или частныхъ лицъ, и разбои, и грабежи и даже неопредѣленныя „насилія". Генералъ-губернаторы пошли еще гораздо дальше и не только заранѣе объявляли цѣлыя категоріи преступленій подлежащими сужденію военно-полевымъ судомъ въ то время, какъ законъ говорилъ лишь объ отдѣльныхъ случаяхъ и „очевидности" дѣяній, но и расширяли эти категоріи вплоть до „оскорбленія присутственныхъ мѣстъ и чиновниковъ", похищенія бумагъ изъ присутственныхъ мѣстъ", „противо-правительственной агитаціи среди войсковыхъ и полицейскихъ чиновъ" и т. д. [1]). Фактически создалось такое положеніе, что генералъ-губернаторы могли предавать и дѣйствительно предавали военно-полевому суду за всякія преступленія, даже такія мелкія, какъ кражи. Въ то же время они не считали для себя обязательнымъ указаніе закона, что приговоръ военно-полевого суда—окончательный, и не стѣсняясь, кассировали оправдательные или „мягкіе" (каторга вмѣсто казни) приговоры такихъ судовъ. Всѣ эти вопіющія нарушенія были констатированы и новымъ циркуляромъ П. Столыпина (12 Окт.), пытавшимся какъ будто ограничить сферу примѣненія военно-полевыхъ судовъ [2]). Но само собою понятно, что,

---

[1]) См. напр. обязат. пост. врем. ген.-губ. гор. Двинска. „Товарищъ", 17 сент. 1906 г.

[2]) Въ дѣйствительности этотъ циркуляръ значительно раздвигалъ рамки, намѣченныя прав. сообщеніемъ 20 авг. Такъ, вмѣсто преступленій „выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ", циркуляръ 12 окт. указывалъ и такіе, какъ „пріобрѣтеніе, храненіе, ношеніе и сбытъ взрывчатыхъ веществъ", „убійство, разбой, грабежъ" и т. п.

при сохраненіи самаго учрежденія „скорострѣльнаго“ суда и фактическомъ всемогуществѣ генералъ-губернаторовъ, всѣ такіе циркуляры имѣли лишь декоративное значеніе, и военно-полевые суды продолжали играть роль узаконеннаго орудія контръ революціоннаго террора [1]). Ими казнено за время ихъ существованія (20 Авг. 1906 г.—20 апр. 1907 г.) 683 человѣка. Въ то же время не только продолжали, но и усилили свою истребительную работу „обыкновенные“ военные суды. Тюрьма и ссылка также начали поглощать еще большее число лицъ, чѣмъ раньше [2]).

Одновременно съ закономъ о военно-полевыхъ судахъ, какъ указывало прав. сообщеніе, „въ виду развивающагося за послѣднее время новаго тягчайшаго вида преступленія — *пропаганды въ войскахъ* — изданы также временныя правила объ усиленіи наказуемости за этого рода преступленія“. Согласно этимъ правиламъ (18 авг.) обвиняемые въ такой пропагандѣ предаются военному суду и наказываются каторгою. Огражденіе отъ „вредныхъ вліяній“ и „подтягиваніе“ своего *защитнаго аппарата* — войска, полиціи, бюрократіи, магистратуры — занимаетъ въ это время очень большое мѣсто въ работахъ правительства. Съ этою цѣлью было напр., отсрочено отбываніе воинской повинности для поднадзорныхъ (6 Ноября 1906 г.). Съ этою же цѣлью былъ принятъ рядъ мѣръ, усиливавшихъ наказанія военно-служа-

---

[1]) Какое малое значеніе для предотвращенія злоупотребленій имѣлъ циркуляръ 12 окт., видно изъ того, что уже нѣсколько недѣль спустя (28 ноября) московскій ген. губ. Гершельманъ отмѣнилъ приговоръ военно-полевого суда, приговорившаго братьевъ Кабловыхъ и братьевъ Тараканниковыхъ, обвинявшихся въ нанесеніи ранъ городовому, къ безсрочной каторгѣ, и предалъ ихъ новому суду, пославшему ихъ на казнь. Случай этотъ послужилъ поводомъ къ запросу во второй Думѣ (см. стеногр. отч., зас. 30 марта, 3 и 30 апрѣля). Въ Думѣ представители правительства выступили рѣшительно въ защиту Гершельмана. Военный министръ, ген. Редигеръ, доказывалъ, что „въ данномъ случаѣ не было отмѣны приговора“, а „только непризнаніе законной силы за приговоромъ“ въ виду различныхъ дефектовъ его; мин. юстиціи, Щегловитовъ, „удостовѣрилъ“, что „резолюція ген. Гершельмана не содержитъ въ себѣ словъ: отмѣняю приговоръ военно-полевого суда“; а тов. мин. вн. д. Макаровъ находилъ, что „постановленіе, которое вечеромъ 27 ноября было представлено ген. Гершельману, въ качествѣ приговора суда, составляло не приговоръ, потому что оно исходило изъ учрежденія юридически не существовавшаго“, такъ какъ де приказъ объ учрежденіи в. п. суда былъ напечатанъ на слѣдующій день послѣ того, какъ судъ этотъ состоялся. Вопросъ деп. Маклакова, что же сдѣлали въ такомъ случаѣ съ „самозванными“ судьями, начальникомъ тюрьмы, препроводившимъ въ „не существовавшій“ судъ заключеннаго и т. д., — остался безъ отвѣта.

[2]) По даннымъ г. Вентина („Пятилѣтніе итоги“ въ декабрьской кн. „Совр. Міра“ за 1910 г.) число казненныхъ „политическихъ преступниковъ“ (кромѣ казненныхъ военно-пол. судами) было таково: въ 1906 г. —249; 1907—624; 1908—1340. 1909 — 717; 1-я полов. 1910 — 110. Всего казнено за 5-лѣтіе 17 окт. 1905 — 17 окт. 1910 г. 3741 чел., изъ нихъ „политическихъ“ — 3015. Среднее ежедневное число заключенныхъ въ тюрьмахъ было: въ 1897—1904 г.—отъ 77.255 (1897 г.) до 96.005 (1903 г.); въ 1905 г. — 85.184; 1906 — 111.403; 1907 — 138.500; 1908—166.064; къ 1 апр. 1909 г.—181.241.

щихъ и закрывавшихъ имъ и чиновникамъ доступъ въ неугодныя правительству политическія партіи [1]).

Опредѣленіемъ сената (9 Окт. 1906 г.) ограниченія въ политической дѣятельности были распространены и на магистратуру: судьямъ было запрещено вообще участвовать въ политическихъ партіяхъ, прочимъ же чинамъ судебнаго вѣдомства—въ партіяхъ, обнаруживающихъ „стремленіе къ борьбѣ съ правительствомъ". Всѣ эти циркуляры и опредѣленія имѣли для подчиненныхъ смыслъ прямого приказа—примыкать къ угоднымъ правительству,—главнымъ образомъ, черносотеннымъ — организаціямъ, активное участіе въ которыхъ обезпечивало чиновникамъ быструю карьеру.

Изъ другихъ мѣръ репрессіи за это время особенно замѣтными были: законъ 30 сент. 1906 г. о наложеніи — для предупрежденія побѣговъ — „*предупредительныхъ связокъ*" на лицъ, задерживаемыхъ полиціею, и арестантовъ и законъ 24 дек. 1906 г. объ уголовной отвѣтственности (тюрьма 2 — 8 мѣсяцевъ, арестъ до 3 мѣсяцевъ или штрафъ до 500 р.) за „*восхваленіе преступныхъ дѣяній* въ рѣчи и печати". Первый законъ имѣлъ цѣлью дальнѣйшее униженіе и приравниваніе къ уголовнымъ арестантамъ такъ наз. „политическихъ" [2]); второй — еще большую необезпеченность и зависимость отъ усмотрѣнія администраціи свободы устнаго и печатнаго слова.

Атмосфера „бѣлаго террора", въ которой очутилась страна, еще усиливалась благодаря такимъ событіямъ, какъ *погромъ въ Сѣдлецѣ* (27—28 Авг.), и обстановка, въ которой этотъ погромъ совершался. Эта обстановка была раскрыта докладомъ сѣдлецкаго жандармскаго ротмистра Пѣтухова Варшавскому генералъ-губернатору, немедленно попавшимъ въ печать. По описанію Пѣтухова, погромъ былъ подготовленъ, организованъ и выполненъ начальникомъ охраны г. Сѣдлеца, подполковникомъ 39 драгунскаго полка Тихановскимъ, полагавшимъ, что „на терроръ революціи мы должны отвѣтить еще болѣе сильнымъ терроромъ". Жертвами этого „болѣе сильнаго террора" и сопровождавшихъ его грабежей пали сотни людей. Разслѣдованіе обстоятельствъ погрома чиновникомъ особыхъ порученій мин. вн. д. Губони-

---

1) См. 1-я часть наст. тома. стр. 369—370.

2) Въ этомъ же направленіи шелъ и указъ 22 ноября 1909 г. о замѣнѣ крѣпости другими видами наказанія, а также „опредѣленіе" сената, разъяснившее, что мировые судьи имѣютъ право входа въ мѣста заключенія лишь тогда, когда у нихъ есть точныя данныя о неправильномъ задержаніи какого-либо опредѣленнаго лица. Между тѣмъ еще 30 іюня, въ отвѣтъ на запросъ Г. Д., тов. мин. юст. Соллертинскій торжественно подтвердилъ, что, по точному смыслу Суд. Уставовъ, „мировые судьи имѣютъ право безпрепятственнаго входа въ мѣста заключенія для провѣрки правильности задержанія заключенныхъ". Послѣ сенатскаго разъясненія посѣщенія мировыхъ судей должны были прекратиться, и органы охраны снова почувствовали себя совершенно свободными отъ обязанности соблюдать хотя бы формальную „законность".

нымъ подтвердило указаніе Пѣтухова. И все же въ результатѣ—ротмистръ Пѣтуховъ былъ уволенъ отъ службы, а подполковникъ Тихановскій и его сотрудники получили выраженіе „искренней благодарности“ со стороны варш. ген.-губ. Скалона. (прик. 7 Февр. 1907 г.) [1]).

Въ то же время начинается ускоренная *ликвидація политическихъ дѣлъ*, завѣщанныхъ прошлымъ, поднять которыя раньше казалось опаснымъ. Быстро проводится процессъ противъ петербургскаго совѣта рабочихъ депутатовъ (19 сент.—17 окт.), обращающійся, благодаря мужественному выступленію подсудимыхъ и сочувственной поддержкѣ рабочихъ, въ грандіозную обличительную манифестацію и заканчивающійся болѣе мягкими приговорами (ссылка на поселеніе), чѣмъ разсчитывали иниціаторы процесса. Послѣ $2^1/_2$ мѣсяцевъ колебанія составляется постановленіе о привлеченіи къ суду бывшихъ депутатовъ 1-й Думы за выборгское воззваніе (20 сент.), и одновременно этихъ депутатовъ не только вычеркиваютъ изъ списковъ избирателей, но требуютъ ихъ устраненія изъ сословныхъ и земскихъ учрежденій. Большинство дворянскихъ обществъ по собственной иниціативѣ исключаетъ изъ своей среды членовъ, подписавшихъ выборгское воззваніе [2]), а земства безъ сопротивленія идутъ навстрѣчу требованіямъ правительства. Въ провинціи также широко развертывается „ликвидаціонная“ работа и съ новой силой возобновляется „чистка“ среди „третьяго элемента“. Усиливаются репрессіи противъ печати, совершенно беззащитной передъ мѣропріятіями многочисленныхъ временныхъ генералъ-губернаторовъ. Существованіе всѣхъ общественныхъ организацій попадаетъ въ полную зависимость отъ административнаго усмотрѣнія. Не только партія к.-д. и даже партія мирнаго обновленія получаютъ отказъ въ легализаціи, но и союзъ 17 октября администрація соглашается регистрировать лишь послѣ долгихъ колебаній. Зато безъ промедленія легализуются черносотенныя организаціи, въ томъ числѣ и такія, какъ „общество активной борьбы съ революціей и анархіей“ (17 сент.), представляющее собой боевой отрядъ при „союзѣ русскаго народа“.

* * *

На фонѣ „бѣлаго террора“ и начинается *„реформаторская“ дѣятельность* новаго кабинета. Ст. 87 основныхъ законовъ, говорящая о „чрезвычайныхъ обстоятельствахъ“, при которыхъ становится возможнымъ внѣ-думское законодательство, превращается въ формальное прикрытіе для проведенія въ жизнь цѣлаго ряда мѣропріятій, не имѣющихъ ни въ малѣй-

---

[1]) См. матер. по истор. и т. д. стр. 405 и сл.

[2]) Костромское дворянство, наоборотъ, принимаетъ въ свой составъ лицъ, исключенныхъ дворянскими обществами другихъ губерній.

шей степени „чрезвычайнаго“ характера и въ то же время глубоко врѣзывающихся въ соціально-политическую жизнь страны [1]).

Въ правительственномъ сообщеніи о военно-полевыхъ судахъ была уже намѣчена программа тѣхъ мѣропріятій, которыя—по „чрезвычайной неотложности“ ихъ и въ виду того, что „направленіе ихъ уже предрѣшено“,—кабинетъ намѣревался провести въ жизнь въ періодъ междудумья. „На первомъ мѣстѣ“ въ ряду этихъ „предрѣшенныхъ“ задачъ правительство ставило „вопросъ земельный и землеустроительный“. Затѣмъ слѣдовали „нѣкоторыя неотложныя мѣропріятія въ смыслѣ гражданскаго равноправія и свободы вѣроисповѣданія“. А именно предполагалось „отмѣнить отжившія ограниченія, стѣсняющія крестьянъ и старообрядцевъ“ и „безотлагательно“ разсмотрѣть „въ области еврейскаго вопроса, какія ограниченія, какъ вселяющія лишь раздраженіе и явно отжившія, могутъ быть отмѣнены немедленно“. Наконецъ, междудумское законодательство должно было быть исчерпано „расширеніемъ сѣти народныхъ школъ въ связи съ планомъ введенія всеобщаго обученія и улучшеніемъ матеріальнаго положенія учителей“.

Изъ этой программы многое не было выполнено и, наоборотъ, въ область законодательства по 87 ст. вошло многое, что этою программою не предусматривалось. Но земельный вопросъ, дѣйствительно, былъ поставленъ „на первое мѣсто“. Дворянство, которое раньше, какъ мы видѣли [2]), настаивало на скорѣйшемъ рѣшеніи земельнаго вопроса въ Думѣ, теперь, послѣ плачевнаго для него опыта, столь же настойчиво требовало рѣшенія этого коренного вопроса соціально-политической жизни безъ всякаго участія Думы. Правительство охотно пошло на это и такимъ образомъ разрубило гордіевъ узелъ тѣхъ двухъ основныхъ вопросовъ, на почвѣ которыхъ разыгрывались его конфликты съ первою Думою. Вопросъ о государственной власти былъ, если не формально-юридически, то практически разрѣшенъ, по крайней мѣрѣ, для даннаго момента роспускомъ Думы и послѣдующею административно-законодательною дѣятельностью. Вопросъ земельный—проведеніемъ въ жизнь, подъ прикрытіемъ 87 ст., всей земельной программы, рѣшительно отвергнутой Думою. Тѣмъ самымъ значеніе Думы, какъ законодательнаго органа, сводилось до нуля.

Дворянско-бюрократическую программу „разрѣшенія земельнаго вопроса“, какъ мы видѣли, формулировало правительственное сообщеніе 20 іюня. Теперь она начала приводиться въ исполненіе. Правительственное сообщеніе, сопровож-

---

[1]) Какъ намѣрено было правительство толковать ст. 87, видно изъ замѣчанія правительственнаго оффиціоза. „Россіи“. Доказывая право пр-ва на „реформаторскую“ дѣятельность, оффиціозъ заявлялъ, что пр-во, если бы захотѣло, „могло бы освободить себя“ отъ Думы не на 7 мѣсяцевъ, а на гораздо болѣе долгій срокъ.

[2]) См. 1-ую ч. наст. тома, с. 377.

давшее указъ 27 авг. о продажѣ крестьянамъ казенныхъ земель, констатировало наличность „громаднаго числа предложеній" *частновладѣльческой земли*— крестьянскому банку, а законъ 21 окт. еще расширилъ возможность такихъ предложеній, допустивъ продажу крестьянамъ участковъ изъ заповѣдныхъ, маіоратныхъ и т. п. имѣній. 12 августа состоялось Выс. повелѣніе о „передачѣ крестьянскому банку значительной части *удѣльныхъ земель*—приблизительно въ предѣлахъ, намѣченныхъ к.-д. проектомъ о принудительномъ отчужденіи. Земли эти передавались банку, для продажи крестьянамъ, за цѣну, въ основу которой была положена капитализація изъ 5% средней годовой доходности за трехлѣтіе 1903—1905 г.г. (В. п. 28 окт.). Распредѣленіе земель для продажи крестьянамъ возлагалось на бездѣйствовавшія до того землеустроительныя комиссіи (зак. 4 марта 1906 г.). 27 авг. состоялся указъ о продажѣ крестьянамъ *казенныхъ земель*, 86% которыхъ, по признанію прав. сообщенія, и до того находились въ арендномъ пользованіи крестьянъ. Земли эти были назначены въ распродажу черезъ посредство землеустроительныхъ комиссій, по цѣнѣ, представляющей капитализацію средней годовой доходности земли въ данной мѣстности, и съ погашеніемъ ссуды по нормамъ, принятымъ крестьянскимъ банкомъ. При продажѣ этихъ земель землеустроительнымъ комиссіямъ предписано было наблюдать, чтобы количество покупаемой казенной надѣльной и ранѣе купленной земли въ рукахъ одного домохозяина не превышало, въ общей сложности, нормы, устанавливаемой для каждой мѣстности особо землеустроительной комиссіей[1]). *Кабинетскія земли* алтайскаго округа (ук. 13 сент.) въ собственность крестьянамъ не продавались. Изъ нихъ образовывались переселенческіе участки, поступающіе въ собственность казны—съ сохраненіемъ за кабинетомъ права собственности на нѣдра и уплатою ему по 22 коп. съ десятины въ теченіе 49 лѣтъ,—и передаваемые ею въ постоянное пользованіе переселенцамъ за оброчную подать.

Таковы были мѣры для *увеличенія крестьянскаго землевладѣнія*. Сюда же слѣдуетъ отнести указъ 30 авг., облегчавшій скупку кр. банкомъ земель у помѣщиковъ разрѣшеніемъ банку принимать на себя лежащіе на имѣніяхъ долги дворянскому и акціонернымъ земельнымъ банкамъ и указъ 14 окт. о пониженіи платежей заемщиковъ кр. банка съ возложеніемъ вытекающихъ отсюда убытковъ на казначейство[2]). Правительственное сообще-

---

[1]) 11 янв. 1907 г. были изданы правила о порядкѣ продажи крестьянамъ казенныхъ лѣсовъ.

[2]) По вычисленіямъ прав. сообщенія доплата казны должна была составлять 1½ мил. руб. ежегодно на ссуды, выданные уже ко времени изданія указа, и по 1 мил. руб. въ годъ на каждые вновь выдаваемые 100 мил. руб. ссуды На дѣлѣ, вслѣдствіе скопленія земель въ рукахъ банка (см. ниже), приплаты оказались гораздо выше.

ніе по поводу этого пониженія платежей много распространялось на тему о нежелательности „искусственнаго повышенія цѣнъ“ на землю. На самомъ дѣлѣ для крестьянъ всѣ проведенныя послѣ роспуска Думы мѣры по „увеличенію крестьянскаго землевладѣнія“ означали именно необходимость—или оставаться безъ земли, или платить за нее крайне вздутыя цѣны. Это привело къ тому, что продажа земель крестьянамъ шла гораздо медленнѣе, чѣмъ скупка ихъ крестьянскимъ банкомъ. Въ рукахъ банка начали скопляться огромныя земельныя имущества, а госуд. казначейству пришлось нести въ пользу помѣщиковъ, ликвидирующихъ свое землевладѣніе, громадныя приплаты [1]).

Такимъ образомъ, эта категорія мѣропріятій—для даннаго періода, по крайней мѣрѣ,—имѣла значеніе помощи не столько крестьянамъ, сколько помѣщикамъ, создавая благопріятныя условія для ликвидаціи ими своихъ земельныхъ имуществъ. Точно такъ же сравнительно малое значеніе для крестьянства имѣла и *переселенческая политика* правительства, начавшаго въ эту пору употреблять энергичныя усилія для развитія переселенческаго дѣла, переданнаго (19 авг.) въ вѣдѣніе Главнаго Управленія землеустройства и земледѣлія. 25 авг. былъ, м. пр., изданъ законъ, распространявшій податныя льготы, установленныя врем. правилами 6 іюня 1904 г. для переселенцевъ въ Алтайскій округъ и средне-азіатскія владѣнія, также и на переселенцевъ на Кавказъ и въ Сибирь. Какъ ни быстро пошло въ гору число переселенцевъ, благодаря усиліямъ правительства, вліяніе переселенія на развитіе земельнаго кризиса могло быть лишь ничтожнымъ [2]).

Гораздо большее значеніе для дальнѣйшаго хода этого кризиса имѣло законодательство, касающееся *надѣльныхъ земель*. Мы уже неоднократно говорили, какъ тѣ же самыя цѣли дворянско-бюрократической политики, которыя раньше вели на путь насильственнаго закрѣпленія „общиннаго“ землевладѣнія, теперь, въ новой обстановкѣ толкали къ попыткамъ столь же насильственнаго и притомъ быстраго разрушенія общиннаго землевладѣнія. Дѣло шло не столько объ отмѣнѣ принудительно-административнаго характера сословной „общины“ — тутъ напротивъ, правительство не слишкомъ торопилось,—сколько о крутой ломкѣ земельныхъ отношеній, съ цѣлью, по возможности, превратить борьбу сплоченнаго сословно-крестьянскаго „міра“ за помѣщичью землю въ междоусобную борьбу разнородныхъ элементовъ внутри этого „міра“, элементовъ, на которые медленно, но неуклонно разслаивалась деревня, за землю надѣльную.

---

[1]) О цѣнахъ на землю и продажѣ ея см. въ ст. П. Маслова. „Землед. хозяйство послѣ революціи“, въ 1-ой ч. наст. тома, стр. 7 и сл.

[2]) Цифровыя данныя о переселеніи см. въ цит. уже ст. Маслова въ 1-ой ч наст. тома, стр. 21 и сл.

Этой именно цѣли служилъ *указъ 9 ноября*[1]) объ укрѣпленіи въ собственность надѣльной земли[2]), а также *указъ 15 ноября* о разрѣшеніи залога надѣльныхъ земель въ крестьянскомъ банкѣ. Въ числѣ мотивовъ Совѣта министровъ къ первому указу подчеркивалось „укрѣпленіе въ широкихъ слояхъ сельскаго населенія правильныхъ взглядовъ на частную собственность вообще",—взглядовъ, слабостью которыхъ „въ значительной мѣрѣ обусловливались происходившіе почти повсемѣстно грабежи и разгромы частновладѣльческихъ земель". Своимъ законодательствомъ о надѣльныхъ земляхъ правительство стремилось создать въ лицѣ мелкихъ собственниковъ опору своей общей политикѣ въ деревнѣ и оплотъ противъ аграрнаго движенія крестьянъ мало- и безземельныхъ. Кадры этой деревенской „арміи порядка" должны были пополняться и лицами, не связанными съ уничтожаемымъ крестьянскимъ „міромъ". Для этой цѣли къ покупкѣ казенныхъ и удѣльныхъ, а также надѣльныхъ земель, заложенныхъ въ крестьянскомъ банкѣ, допускались не только крестьяне, но и „землевладѣльцы другихъ сословій". Такимъ образомъ былъ нанесенъ ударъ традиціонной политикѣ правительства по отношенію къ надѣльнымъ землямъ: земля, неподвижная въ теченіе полувѣка, была мобилизована и брошена въ товарный оборотъ.

Земельное законодательство было тѣсно связано съ *землеустроительною политикою*. Бездѣйствовавшій до того времени аппаратъ землеустроительныхъ комиссій (зак. 4 марта 1906 г.) былъ пущенъ въ ходъ. 19 сентября была утверждена подробная инструкція для ихъ дѣятельности[3]). Онѣ начали быстро формироваться во всѣхъ уѣздахъ, особенно—въ уѣздахъ, гдѣ происходили аграрныя волненія, и приступали къ работѣ—съ опредѣленною цѣлью содѣйствовать возможно скорѣйшему созданію „мелкихъ собственниковъ" путемъ устройства хуторскаго или отрубного хозяйства. Эта цѣль неоднократно подчеркивалась правительствомъ—и въ сообщеніи о продажѣ казенныхъ земель, и въ мотивахъ совѣта министровъ къ указамъ 9 и 15 ноября. Крестьянамъ, согласнымъ на заведеніе такого хозяйства, обѣщались всевозможныя льготы и ссуды.

Вся эта политика—„ставки на сильныхъ", какъ она была впослѣдствіи названа,—на первыхъ порахъ большихъ практическихъ результатовъ—въ смыслѣ передвиженія земельной собственности—не дала. Пока сохранялась надежда на возможность въ скоромъ времени получить помѣщичью землю, крестьяне неохотно пользовались всѣмъ междудумскимъ аграрнымъ законодательствомъ и лишь впослѣдствіи, послѣ роспуска 2-й Думы, оно

---

[1]) Нынѣ, послѣ принятія закона 3-й Думою,—зак. 14 іюня 1910 г.

[2]) Изложеніе указа см. въ ст. Маслова, с. 11. Отдѣльные пункты указа разъяснены циркуляромъ м. вн. д. отъ 9 дек. 1906 г. за № 70.

[3]) 16 ноября комитетъ по землеустроительнымъ дѣламъ далъ дополнительныя разъясненія къ этой инструкціи.

приводитъ къ дѣйствительно замѣтной мобилизаціи земли въ деревнѣ. Съ другой стороны, въ конечномъ счетѣ законодательство это,—хотя и крайне болѣзненнымъ для крестьянскихъ массъ и всего народнаго хозяйства путемъ быстраго обезземеленія милліоновъ крестьянства,—должно было вести къ такому перераспредѣленію земельной собственности и такому росту городовъ, которые подрывали бы самые устои дворянско-бюрократическаго господства. Но сейчасъ объ этомъ некогда было думать. На первомъ планѣ стояла непосредственная цѣль земельной и землеустроительной политики—ослабленіе крестьянскаго противопомѣщичьяго движенія путемъ разжиганія внутреннихъ антагонизмовъ крестьянскаго „міра" и созданіе въ деревнѣ, хотя бы среди отдѣльныхъ группъ, настроенія, болѣе благопріятнаго правительству, и эта цѣль до извѣстной степени была достигнута.

Земельными законами, въ сущности, была выполнена та задача, ради которой правительству было необходимо, во что бы то ни стало, скорѣе „освободить себя отъ Думы". И если фактически междудумское законодательство далеко не ограничилось этими законами, то только потому, что, вынужденное снова созвать Думу, правительство поставило передъ собою другую задачу — независимо отъ сужевія избирательнаго права и особыхъ пріемовъ предвыборной политики, о чемъ рѣчь будетъ ниже, попытаться создать болѣе благопріятное настроеніе для себя среди избирателей. Отсюда—рядъ законовъ, для которыхъ оправдывающія ихъ „чрезвычайныя обстоятельства" сводились исключительно къ тому, что каждый изъ нихъ имѣлъ въ виду воздѣйствіе на настроеніе совершенно опредѣленнаго круга избирателей.

Въ ряду этихъ законовъ самое важное мѣсто занимаетъ *указъ 5 октября* объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ограниченій въ *правахъ крестьянъ* [1]). Закономъ этимъ всѣмъ „природнымъ" россійскимъ гражданамъ (т. е. съ исключеніемъ сибирскихъ инородцевъ, кочевниковъ и евреевъ) предоставлены „одинаковыя въ отношеніи государственной службы права" [2]), и снятъ съ крестьянъ и другихъ лицъ „податныхъ сословій" рядъ личныхъ и правовыхъ ограниченій. Важнѣйшія изъ реформъ были таковы: отмѣна обязательнаго увольненія изъ общества при поступленіи въ учебныя заведенія и на гражданскую службу; разрѣшеніе выдачи безсрочныхъ паспортныхъ книжекъ; отмѣна отдачи въ заработки, какъ мѣры противъ неисправнаго платежа податей или какъ особаго наказанія—самостоятельнаго или въ замѣну штрафа; отмѣна закона 18 Марта 1866 г. о семейныхъ раздѣлахъ и запрещенія крестьянамъ, не владѣющимъ недвижимымъ имуществомъ, выдавать векселя; отмѣна права губернаторовъ утверждать земскихъ гласныхъ отъ крестьянъ;

---

[1]) См. также изданные въ разъясненіе закона циркуляры м. вн. д. отъ 16 ноября, 9 и 14 декабря.

[2]) Другой указъ того же дня опредѣлилъ порядокъ производства въ первый классный чинъ.

отмѣна права земскихъ начальниковъ налагать на крестьянъ административныя взысканія безъ формальнаго производства и т. д. При всемъ значеніи, которое могли бы имѣть эти реформы для крестьянъ, дѣйствіе ихъ было парализовано не только общей атмосферой безправія, въ деревнѣ еще болѣе ощутительной, чѣмъ въ городѣ, но и тѣмъ, что подлинное равноправіе крестьянства съ другими гражданами было бы возможно лишь при уничтоженіи сословій и, какъ признавалъ самъ указъ, при „коренномъ пересмотрѣ дѣйствующихъ узаконеній, опредѣляющихъ порядокъ устройства мѣстнаго управленія и суда". Пересмотръ же этотъ отчасти вовсе не произведенъ до сихъ поръ, а поскольку произведенъ,—отнюдь не въ духѣ „гражданскаго равноправія".

По отношенію къ *фабрично-заводскимъ рабочимъ* никакихъ законодательныхъ мѣръ по 87 ст. принято не было. Ихъ ограниченныя избирательныя права, осуществляемыя къ тому же въ особой куріи, и прочно укоренившееся революціонное настроеніе дѣлали ихъ „не интересными" съ точки зрѣнія предвыборнаго законодательства. Правительственныя комиссіи продолжаютъ, при участіи промышленниковъ, разрабатывать рабочіе законопроекты— о фабричной инспекціи, о договорѣ найма, о 10 часовомъ рабочемъ днѣ, о страхованіи, объ „училищныхъ комитетахъ", о промысловыхъ судахъ и т. д. Но работа совершается крайне вяло и почти цѣликомъ сводится къ внесенію все новыхъ и новыхъ ухудшеній въ первоначальныя предположенія. Несмотря на данное рабочимъ закономъ 4 Марта 1906 г. право профессіональной организаціи и на отмѣну еще указомъ 2 дек. 1905 г. статей 1358 и 1358-I. улож. о наказаніяхъ, каравшихъ стачки въ цѣляхъ прекращенія работъ для измѣненія условій труда, уже въ этотъ періодъ рабочимъ приходится съ величайшимъ напряженіемъ силъ отстаивать свое право на легальныя организаціи и стачечную борьбу противъ все болѣе и болѣе настойчивыхъ покушеній со стороны администраціи [1]).

За то *ремесленные рабочіе* и, особенно *приказчики*, составляющіе видный элементъ въ составѣ городскихъ избирателей, явились объектомъ „чрезвычайной" заботливости правительства. 15 ноября были изданы два закона объ отдыхѣ приказчиковъ и служащихъ, и, въ видѣ такъ называемыхъ „смѣшанныхъ комиссій" [2]), приказчики и ремесленники получили даже своего рода опорные пункты, использованные ими для организаціонныхъ и агитаціонныхъ цѣлей. Ощутительныхъ практическихъ послѣдствій законы эти для огромнаго большинства приказчиковъ и ремесленниковъ не имѣли. [3])

[1]) Эти покушенія и, въ особенности, настойчивое преслѣдованіе профессіональныхъ союзовъ въ Петербургѣ послужили предметомъ запроса, внесеннаго с.-д. фракціею во 2-ю Думу (см. стеногр. отч., зас. 9 апр., стр. 1825).

[2]) Правила объ образованіи смѣшанныхъ комиссій изданы 16 ноября.

[3]) Содержаніе законовъ 15 ноября см. въ 1-ой ч. 2-го тома наст. изд. въ ст. Д. Кольцова: Рабочіе въ 1905—1907 гг., стр. 320—321.

По адресу разношерстной *интеллигенціи* были обращены двѣ „либеральныхъ“ мѣры: упраздненіе университетской инспекціи (14 сент. 1906) и введеніе явочнаго порядка для устройства народныхъ чтеній, сначала — лишь чтеній по сельскому хозяйству (30 октября), потомъ — всѣхъ чтеній вообще (31 янв. 1907).

Воздѣйствіе на опредѣленныя, широкія группы крестьянства, городского мѣщанства и купечества преслѣдовало междудумское законодательство о *старообрядцахъ и сектантахъ*. Законъ 17 окт. 1906 г. опредѣлялъ довольно льготными правилами „порядокъ образованія и дѣйствія старообрядческихъ и сектантскихъ общинъ“, въ разсчетѣ, что „мѣра сія послужитъ къ укрѣпленію въ старообрядцахъ вѣками испытанной преданности ихъ Отечеству“. Рядъ частныхъ законовъ регулировалъ веденіе метрическихъ книгъ, узаконеніе браковъ старообрядцевъ и сектантовъ (31 янв. 1907), узаконеніе ихъ дѣтей (12 февр.) и т. д.

Въ области *національнаго вопроса*, — несмотря на начавшійся сильный націоналистическій подъемъ въ тѣхъ именно кругахъ общества, на которые правительство опиралось, — новый кабинетъ дѣйствуетъ осторожно и, ради соображеній избирательной борьбы, не прочь прибѣгать и къ мѣрамъ, имѣющимъ либеральную внѣшность. Понятно, что съ наибольшею симпатіею правительство относилось къ нѣмецкому *прибалтійскому дворянству* и вообще къ нѣмцамъ, которые уже и предыдущимъ законодательствомъ были поставлены въ культурномъ отношеніи въ лучшія условія, чѣмъ другія нерусскія народности. Указомъ 3 авг. лифляндскому и эстляндскому дворянству было разрѣшено заключить въ Берлинѣ 5-милліонный заемъ для выдачи ссудъ мѣстнымъ помѣщикамъ, пострадавшимъ отъ аграрныхъ безпорядковъ. 1 Декабря однородная льгота была дана дворянству острова Эзеля. 31 Янв. 1907 г. было разрѣшено преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ въ начальныхъ училищахъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа.

По отношенію къ *полякамъ* были приняты такія мѣры: 24 августа были отмѣнены правила 3 апрѣля 1892 года о взысканіяхъ за тайное обученіе въ Ц. Польскомъ и Западномъ краѣ. 28 ноября была узаконена секта маріавитовъ, борьбу которой съ католическимъ духовенствомъ правительство пыталось использовать въ своихъ цѣляхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, законъ 28 ноября ограждалъ всѣ имущественныя права католическаго духовенства. Было созвано правительственное совѣщаніе о введеніи городского и земскаго самоуправленія въ Царствѣ Польскомъ [1]). Но, наряду съ этимъ

[1]) Интересно отмѣтить, что 14 представителей польскаго населенія, приглашенные въ совѣщаніе по указанію варш. ген.-губернатора, единогласно высказались за предоставленіе избир. правъ въ городахъ всѣмъ грамотнымъ, до-

внѣшне-благожелательнымъ отношеніемъ къ полякамъ стали снова проскальзывать уже и другія ноты. Такъ, 29 ноября римско-католическимъ духовнымъ учрежденіямъ Царства Польскаго было предписано вести все дѣлопроизводство на русскомъ языкѣ [1]).

Изъ остальныхъ мѣръ, принимаемыхъ по отношенію къ „инородцамъ", можно отмѣтить В. п. 24 ноября, ставившее въ зависимость отъ мин. вн. дѣлъ замѣщеніе нѣкоторыхъ духовныхъ должностей въ армяно-григоріанской церкви, и 2 янв. 1907 г.—о льготахъ по отбыванію воинской повинности для ламайскаго духовенства.

Обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что *евреи* остались внѣ того круга, въ предѣлахъ котораго осуществлялось внѣ-думское законодательство, хотя, какъ мы видѣли, первоначально расширеніе „черты осѣдлости" намѣчалось правительственной программой. Слѣды этого стремленія — обнаружить „благожелательное" отношеніе къ еврейскому населенію — остались еще, напр., въ законахъ 15 ноября объ отдыхѣ приказчиковъ и ремесленниковъ: законы эти допускали возможность замѣны воскреснаго дня отдыха столь же обязательнымъ для *всего* торгово-ремесленнаго населенія другимъ днемъ отдыха въ „поселеніяхъ съ рѣзко преобладающимъ инославнымъ или иновѣрнымъ населеніемъ". Такой степени „терпимости" ни раньше, ни позже русское законодательство никогда не обнаруживало. Но никакихъ мѣръ болѣе общаго характера по отношенію къ евреямъ принято не было, а законъ 5 октября, какъ мы видѣли, подчеркивалъ исключеніе евреевъ изъ числа лицъ, получившихъ, если не равноправіе, то нѣкоторыя новыя права. Еврейскій вопросъ еще разъ оказался самымъ тонкимъ и чувствительнымъ реактивомъ на націоналистическіе мотивы, какъ разъ въ эту эпоху снова начинавшіе играть въ правительственной политикѣ роль, которая вполнѣ развернулась въ наши дни.

По отношенію къ *Финляндіи* правительство держалось выжидательной политики, и тронная рѣчь, прочитанная при закрытіи чрезвычайнаго сейма (5/18 сент.) благосклонно привѣтствовала выработанный этимъ сеймомъ новый сеймовый уставъ, уничтожавшій сословный характеръ представительства, и новый избирательный законъ, распространявшій избирательное право на все совершеннолѣтнее населеніе безъ различія пола. Поскольку правительство покушалось въ эту пору на автономныя права Финляндіи, дѣло касалось русскихъ подданныхъ, укрывавшихся отъ преслѣдованій реакціи подъ сѣнь фин-

---

стигшимъ 25 лѣтъ, и противъ какого бы то ни было ограниченія изб. правъ евреевъ, на чемъ настаивали представители правительства. См. „Товарищъ", 1 ноября 1906 г.

1) Одновременно русское правительство добилось отъ папскаго престола отмѣны постановленія конгрегаціи инквизиціи отъ 11 іюня 1877 г., запрещавшаго употребленіе русскаго языка въ такъ наз. „дополнительномъ" богослуженіи

ляндскихъ законовъ. Въ этомъ отношеніи правительство добилось и нѣкоторыхъ успѣховъ, какъ, напр., циркуляра финляндскаго сената о задержаніи и выдачѣ русскихъ уроженцевъ по требованію русскихъ властей.

Изъ остальныхъ законодательныхъ мѣръ этого періода слѣдуетъ упомянуть *правила* 19 сентября *о росписи* на 1907 г. Правила эти устанавливали такой порядокъ ежемѣсячнаго расхода двѣнадцатыхъ долей бюджета, что доли эти исчислялись не къ общей суммѣ бюджета 1906 года, а къ этой суммѣ съ добавленіемъ къ ней всѣхъ расходовъ, вызванныхъ состоявшимися за 1906 г. правительственными распоряженіями и узаконеніями.

Наряду съ законодательною дѣятельностью, направленною на завоеваніе симпатій тѣхъ или иныхъ общественныхъ группъ, правительство не устаетъ рисовать широкую *программу реформаторскихъ законопроектовъ*, подготовляемыхъ имъ къ внесенію во вторую Думу.

Слова телеграммы 11 іюля — „борьба ведется не противъ общества, а противъ враговъ общества" — становятся лейтъ-мотивомъ многочисленныхъ правительственныхъ сообщеній, повторяемымъ съ тѣмъ большею настойчивостью, чѣмъ болѣе скептическое отношеніе онъ встрѣчаетъ и чѣмъ болѣе противорѣчатъ ему факты повседневной дѣйствительности. И въ сообщеніи о военно-полевыхъ судахъ, и въ циркулярной телеграммѣ (17 янв.), опубликованной въ разгаръ выборовъ, правительство одинаково ищетъ сочувствія общества развертываніемъ своей реформаторской программы. Бюрократическій аппаратъ напряженно работаетъ, и на столбцахъ газетъ то и дѣло мелькаютъ извѣстія о новыхъ и новыхъ вырабатываемыхъ законопроектахъ.

Наибольшую лепту въ эту работу вносятъ министерства вн. дѣлъ, юстиціи и народнаго просвѣщенія. При *министерствѣ вн. дѣлъ* особая комиссія подъ предсѣдательствомъ А. Макарова вырабатываетъ законопроектъ объ *исключительномъ положеніи:* введеніе его лишь въ районѣ военныхъ дѣйствій, или мѣстностяхъ, имѣющихъ особо важное значеніе для военныхъ интересовъ, или, наконецъ, охваченныхъ внутренними волненіями; ограниченіе усмотрѣнія главно-начальствующихъ лицъ; отмѣна высылки „неблагонадежныхъ" въ отдаленныя губерніи и т. д. и т. д. Затѣмъ идутъ проекты объ *реорганизаціи губернскихъ учрежденій, неприкосновенности личности, отмѣнѣ паспортовъ*, и, наконецъ, законопроекты о *земельныхъ обществахъ* и *уѣздномъ управленіи*.

Земельныя общества предполагается превратить въ совершенно добровольные хозяйственные союзы, сохранивъ однако принципъ неотчуждаемости надѣльныхъ земель въ руки лицъ не-крестьянскаго сословія [1]), введя пре-

---

[1]) Какъ мы выше видѣли, многіе акты земельной политики правительства шли фактически въ разрѣзъ съ этимъ принципомъ.

дѣльныя нормы сосредоточенія надѣльной земли въ однѣхъ рукахъ и облегчивъ переходъ къ хуторскому хозяйству.

Въ основѣ проекта новаго *уѣзднаго управленія* лежало упраздненіе особаго сословнаго управленія крестьянъ (волостного и сельскаго) и всѣхъ особыхъ установленій, завѣдующихъ крестьянскими дѣлами (земскіе и крестьянскіе начальники, уѣздные съѣзды, губернскія присутствія). Вмѣсто этого проектировалось созданіе *поселковыхъ обществъ* съ функціями хозяйственнаго характера въ составѣ всѣхъ, безъ различія сословій, владѣльцевъ недвижимаго имущества и торгово промышленныхъ заведеній и съ правомъ вступать между собою въ добровольные союзы. Низшимъ органомъ самоуправленія должна была быть сдѣлана *всесословная волость* съ общественно хозяйственными функціями. Волостное собраніе предполагалось составлять изъ выборныхъ отъ земельныхъ обществъ и частныхъ владѣльцевъ, а также представителей казны, удѣловъ, монастырей. Члены *уѣзднаго земскаго собранія* должны были избираться, пропорціонально количеству полныхъ цензовъ (150 тыс. рубл.), отдѣльно частными землевладѣльцами, владѣльцами торгово-промышленныхъ заведеній и городскими собственниками и, наконецъ, волостными собраніями съ тѣмъ, однако, чтобы первые выбирали во всякомъ случаѣ не менѣе опредѣленнаго числа гласныхъ. Предполагалось реформировать и уѣздное управленіе, поставивъ во главѣ „его начальника уѣзда" съ подчиненными ему участковыми начальниками и состоящимъ при немъ „уѣзднымъ совѣтомъ".

Министерство юстиціи, съ своей стороны, сообщало о подготовляемыхъ имъ законопроектахъ о введеніи состязательнаго начала въ обрядъ преданія суду, объ условномъ осужденіи, о торгѣ женщинами, о взысканіи убытковъ, причиненныхъ распоряженіями должностныхъ лицъ, и т д., и т. д. Министерство *народнаго просвѣщенія* обѣщало реформы въ области низшаго и средняго образованія. Для низшаго обѣщалось: всеобщее обученіе, расширеніе правъ земскаго и городского самоуправленія и сельскихъ обществъ, облегченіе общественной и частной инициативы, объединеніе въ м-ствѣ нар. просвѣщенія наблюденія и руководства учебною частью въ школахъ всѣхъ вѣдомствъ, т. е. и церковно-приходскихъ, и т. д. Въ такомъ же духѣ проектировались и реформы въ постановкѣ средняго образованія. Допускалось также преподаваніе на родномъ языкѣ въ школахъ для не-русскаго населенія, за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ предметовъ: русскаго языка, исторіи Россіи и географіи Россіи—въ низшихъ школахъ, тѣхъ же предметовъ съ присоединеніемъ русской литературы—въ среднихъ. Однако, права учащіеся въ такихъ школахъ должны были получать лишь по выдержаніи экзамена на русскомъ языкѣ. Предполагало м-во нар. просв. и выработку новаго университетскаго устава и другихъ мѣръ, касающихся высш. учебн. заведеній.

Наконецъ правительство опубликовало и подробный проектъ *церковной реформы* съ реорганизаціей прихода, епархіальнаго управленія и суда, синода и съ предполагаемымъ періодическимъ созывомъ „помѣстнаго собора епископовъ съ участіемъ на соборѣ съ совѣщательнымъ голосомъ клириковъ и мірянъ“ [1]).

* * *

Вся выполненная и проектированная „реформаторская“ дѣятельность кабинета могла имѣть, при сохранившихся въ неприкосновенности основахъ стараго строя, лишь крайне ограниченное значеніе. Ни одинъ изъ устоевъ этого строя проектированными и выполненными „реформами“ не затрагивался. Своимъ характеромъ полу-мѣръ они свидѣтельствовали скорѣе о безсиліи правительства справиться съ приспособленіемъ стараго зданія къ новымъ потребностямъ, чѣмъ объ искренности и твердости его въ проведеніи обѣщанныхъ „реформъ“. И это тѣмъ болѣе, что междудумская работа правительства надъ различными законопроектами сводилась фактически къ умаленію того „либеральнаго“ духа, которымъ были проникнуты первоначальныя предположенія, намѣченныя въ тяжелую для старой государственной власти эпоху „смуты“. Указъ 2 января 1907 г. подчеркивалъ эту тенденцію междудумской законодательной работы, повелѣвъ взять обратно всѣ внесенные въ 1-ю Думу и ранѣе подготовленные правительственные законопроекты и подвергнуть ихъ новому пересмотру въ совѣтѣ министровъ.

Впрочемъ, правительство и само не возлагало слишкомъ большихъ надеждъ на благопріятное вліяніе своего шумнаго „реформаторства“ на настроеніе избирателей и спѣшило принять болѣе дѣйствительныя мѣры для *воздѣйствія на исходъ выборовъ* въ желательномъ направленіи. Мѣры эти были приняты не сразу, такъ какъ, я примирившись съ необходимостью созыва новой Думы, правительство еще долго оставляло для себя открытымъ вопросъ, будетъ ли она созвана на тѣхъ же основаніяхъ, что и ея предшественница. Именно поэтому, вопреки точному указанію ст. 105 осн. законовъ, указъ о роспускѣ Думы обходилъ молчаніемъ вопросъ о срокѣ выборовъ [2]).

---

[1]) Изъ не упомянутыхъ въ нашемъ обзорѣ законодательныхъ мѣръ отмѣтимъ: уничтоженіе должности завѣдующаго полиціей на Кавказѣ (24 августа), новые штаты мин. пут. сообщенія (11 ноября), реорганизація морского министерства (1 и 11 янв. 1907), продленіе чрезвычайныхъ кредитовъ, вызванныхъ войною съ Японіей (4 янв. 1907). Правительственное сообщеніе 16 дек. успокаивало публику насчетъ хода переговоровъ съ Японіею по возникшимъ несогласіямъ въ толкованіи нѣкоторыхъ пунктовъ Портсмутскаго договора. Россія вынуждена была въ этомъ спорѣ уступить.

[2]) Начало выборовъ (6 февр.) было установлено лишь указомъ 7 декабря

Еще во время работъ 1-ой Думы, и еще настойчивѣе послѣ ея роспуска, дворянство—курское, харьковское, полтавское, саратовское, тульское и др.—требовали измѣненія избирательнаго закона въ направленіи, по которому пошелъ впослѣдствіи законъ 3 іюня 1907 г. Кіевскій съѣздъ монархическихъ организацій просилъ государя, „въ силу принадлежащей ему верховной власти, повелѣть, дабы до назначенія новыхъ выборовъ въ Госуд. Думу былъ изданъ новый выборный законъ и дабы, если снова будетъ созвана Государственная Дума, ей было даровано, согласно манифесту 6 августа, лишь законосовѣщательное значеніе“ [1]).

Обстоятельства не позволили, однако, правительству рѣшиться сейчасъ же на такой шагъ, и оно пыталось достичь той же цѣли рядомъ обходныхъ мѣръ, толкованій существовавшаго избирательнаго закона, усиленіемъ вмѣшательства администраціи въ ходъ выборовъ и т. д. Надежды на достиженіе желательныхъ результатовъ были тѣмъ больше, что правительство ожидало гораздо болѣе благопріятнаго, чѣмъ въ первый разъ, исхода крестьянскихъ выборовъ. Съ одной стороны, возлагались упованія на дѣйствіе междудумскаго законодательства, съ другой—сѣрый, политически неопредѣленный и неоформленный составъ крестьянскаго представительства въ 1-ой Думѣ, внушилъ иллюзію, будто вступленіе крестьянскихъ депутатовъ на путь рѣзкой оппозиціи было лишь результатомъ пагубнаго вліянія тѣхъ „разночинцевъ“, которые прошли въ Думу по крестьянской куріи [2]). Благопріятнымъ симптомомъ являлась для правительства также и эволюція въ настроеніи и тактикѣ партіи, которая въ 1-ой Думѣ была „господствующею“. И въ своей текущей дѣятельности и прессѣ, и на своемъ сентябрьскомъ съѣздѣ к.-д-ы не только не обнаруживали намѣренія идти дальше по пути борьбы, достигшей кульминаціонной точки въ выборгскомъ воззваніи, но, наоборотъ, показывали явное тяготѣніе къ уступкамъ и соглашенію съ „безотвѣтственнымъ прави-

---

[1]) Программу желательныхъ дворянско-черносотеннымъ кругамъ измѣненій избирательнаго права наиболѣе ярко формулировалъ М. О. Меньшиковъ (Нов. Вр. 19 сент. 1906 г. ст. „Нація—это мы“). Меньшиковъ настаивалъ, чтобы изб. право было дано только „гражданамъ“, и если гражданами въ истинномъ, строгомъ смыслѣ слова окажутся лишь немногіе, „лучшіе“, то изъ этихъ лучшихъ и слѣдуетъ выбирать парламентъ“. А, между тѣмъ, „развѣ какой-нибудь бездѣльный, не способный прокормить себя молодой человѣкъ—гражданинъ? Развѣ темный, глубоко невѣжественный крестьянинъ отъ сохи—гражданинъ?.. Или безработный пролетарій, или мелкій рабочій, который никогда не имѣлъ ни бытовой культуры, ни школы, ни политической жизни, ни досуга, чтобы поразмыслить о государственныхъ дѣлахъ, развѣ они въ самомъ дѣлѣ настоящіе граждане? Или какой-нибудь отравленный ненавистью къ Русскому государству инородецъ—развѣ онъ гражданинъ Россіи?“

[2]) На эту точку зрѣнія всталъ между прочимъ, и октябрьскій съѣздъ „партіи центра“ Г. Совѣта.

тельствомъ", отставку котораго провозглашали въ 1-ой Думѣ основнымъ условіемъ для возможности плодотворной работы [1]).

Самой главной изъ обходныхъ мѣръ были извѣстныя октябрьскія *сенатскія „разъясненія"*, нанесшія огромный уронъ избирательнымъ правамъ рабочихъ, низшихъ служащихъ, разночинной интеллигенціи и крестьянъ. По отношенію къ *рабочимъ* это было достигнуто разъясненіемъ, что участники рабочей куріи не имѣютъ права участвовать одновременно въ выборахъ по другимъ куріямъ—городской, крестьянской, землевладѣльческой, хотя бы и имѣли соотвѣтствующій цензъ [2]). Еще болѣе открыто посягнулъ сенатъ на избирательныя права *низшихъ служащихъ*; прежде всего, было обращено вниманіе на желѣзно-дорожныхъ служащихъ (кондуктора, сигналисты, машинисты, кочегары, стрѣлочники, истопники, ремонтные рабочіе и т. д., и т. д.). По толкованію сената эти разряды ж.-д. тружениковъ должны быть относимы къ числу „низшихъ служителей и рабочихъ" и потому не могутъ пользоваться избирательными правами въ силу „полученія содержанія по службѣ". Съ другой стороны, они не могутъ пользоваться цензами и по занимаемымъ ими квартирамъ, т. к. отводимая имъ квартира „является эквивалентомъ части получаемаго ими содержанія". На томъ же основаніи были лишены избирательныхъ правъ по квартирному цензу и низшіе служители разныхъ учрежденій (вахтеръ, курьеръ, швейцаръ и т. п.). Избирательныя права *интеллигентской бѣдноты* и вообще мелкаго городского люда (въ томъ числѣ дворниковъ, швейцаровъ, сторожей, многихъ приказчиковъ, обитателей домовъ, состоящихъ изъ квартиръ-комнатъ и т. п.) были урѣзаны какъ тѣмъ, что „даровыя квартиры были объявлены не создающими ценза, такъ и тѣмъ толкованіемъ, которое далъ сенатъ понятію „жилое помѣщеніе". По этому толкованію обязательными признаками „квартиръ" долженъ быть: отдѣльный ходъ, неимѣніе внутренняго сообщенія съ другими помѣщеніями,

---

[1]) Заявляя, что партія нар. свободы нарушила въ 1-ой Думѣ „предѣлы благоразумія" и „пошла вмѣстѣ съ другими на „штурмъ", чтобы вести правильную осаду", лишь потому, что этого „требовала страна", „Рѣчь" (8 ноября) писала: „Но какъ бы то ни было, періодъ штурма прошелъ. Героическій періодъ борьбы—позади насъ: намъ нужно рѣшительно и твердо вступить въ періодъ историческій". А потому надо „осуществлять свои цѣли" самимъ, „сидя въ Думѣ, безъ проблематическаго содѣйствія „революціоннаго народа".

[2]) Сенатъ мотивировалъ это тѣмъ, что „право особаго классоваго (sic)! представительства... представляетъ для рабочихъ такую исключительную привилегію, которая вполнѣ и всецѣло выдѣляетъ ихъ изъ состава даннаго избирательнаго округа въ обособленную группу, пользующуюся участіемъ въ выборахъ не на имущественномъ, а на трудовомъ началѣ". Для оцѣнки этой аргументаціи напомнимъ, что правительственное сообщеніе, сопровождавшее законъ 11 декабря, оправдывало убогость „привилегіи" и скудость даннаго рабочимъ „классоваго представительства", м. пр., тѣмъ именно, что рабочіе не лишены возможности „двойного участія въ выборахъ". См. 1-ю ч. наст. т., стр. 373, прим. 2.

наличность особой кухни или очага для приготовленія пищи. Лишены были избирательныхъ правъ лица, занимающія квартиру сообща, комнатные или угловые жильцы, лица, пользующіяся по бѣдности даровыми квартирами [1]).

Разъясненія сената по отношенію къ *крестьянамъ* имѣли тенденцію не только сузить избирательныя права крестьянъ, но исказить на самомъ результаты крестьянскихъ выборовъ, сдѣлавъ невозможнымъ прохожденіе по крестьянской куріи болѣе интеллигентныхъ и передовыхъ элементовъ крестьянства, на которыхъ, какъ мы видѣли, возлагалась вина за рѣзко оппозиціонный характеръ крестьянскаго представительства въ 1-ой Думѣ. Сенатъ постановилъ, 1) что крестьяне-собственники не пользуются правомъ участія въ выборахъ по частно-владѣльческой куріи, поскольку „владѣніе и пользованіе землею опредѣляется узаконеніями, установленными для крестьянскаго землевладѣнія" (напр. при покупкѣ земли черезъ крестьянскій банкъ, при помощи землеустроительныхъ комиссій и т. д., не говоря уже о крестьянскихъ частныхъ собственникахъ въ Малороссіи, на Кавказѣ, въ Сибири и др. окраинахъ). Этимъ сводилось къ нулю вліяніе мелкаго крестьянскаго землевладѣнія на исходъ выборовъ по землевладѣльческой куріи [2]). 2) Въ уполномоченные отъ крестьянъ могутъ избираться исключительно домохозяева [3]). А одновременно сенатъ разъяснилъ, что владѣнія усадебною землею и домомъ недостаточно, чтобы быть признаннымъ „домохозяиномъ", имѣющимъ право участія въ выборахъ: „крестьяне, не имѣющіе въ обществѣ ни осѣдлости, ни хозяйства и не пользующіеся землею, а постоянно проживающіе на сторонѣ, не могутъ быть признаны полноправными домохозяевами".

Тенденція этихъ „разъясненій" была слишкомъ очевидна, а юридическая шаткость и запутанность ихъ были удобны еще тѣмъ, что создавали безчисленное количество предлоговъ для кассаціи любыхъ выборовъ, давшихъ нежелательные правительству результаты. Министерство вн. дѣлъ, съ своей

---

[1]) Къ городскому населенію относилось и позднѣйшее (13 декабря) разъясненіе сената о томъ, что внесенію въ избирательные списки не подлежатъ лица, нанимавшія квартиру втеченіе года, но не прожившія въ ней дѣйствительно этого года, хотя бы съ временными перерывами. Цирк. мин. вн. д. (17 дек.) пояснилъ, что тутъ имѣлись въ виду случаи „перехода на службу въ другую мѣстность, вступленія въ присяжные повѣренные въ другомъ округѣ и такъ далѣе".

[2]) Отмѣтимъ, что однородное ограниченіе правъ крестьянъ по земскимъ выборамъ мин. вн. дѣлъ и сов. мин. относили къ числу „стѣснительныхъ" и „несправедливыхъ". См представленіе мин. в.-д. отъ 30 авг. и особ. журн. сов. мин. отъ 9 и 12 сент. 1906 г., послужившіе мотивами къ изданію закона 5 октября.

[3]) Сенатъ мотивировалъ свое разъясненіе тѣмъ, что выборъ уполномоченныхъ предоставленъ сельскимъ сходамъ, а въ нихъ могутъ участвовать лишь домохозяева. Между тѣмъ, „меморія" сов. министровъ къ положенію 6 авг., опредѣлившему избирательныя права крестьянъ, въ которыя законъ 11 дек. не внесъ никакихъ измѣненій, категорически оговаривала, что уполномоченные вовсе не должны принадлежать къ составу волостного схода, а лишь быть членами одного изъ сельскихъ обществъ волости. См. 1-ую ч. наст. т., с. 330.

стороны развиваетъ лихорадочную дѣятельность по подготовкѣ выборовъ и высыпаетъ буквально градъ *циркуляровъ*, преслѣдующихъ все одну и ту же цѣль.

Часть этихъ циркуляровъ была посвящена выводамъ изъ сенатскихъ „разъясненій" (цирк. 3 ноября). Часть — самостоятельно истолковывала избирательный законъ въ ограничительномъ смыслѣ. Такъ, рабочимъ, входящимъ въ рабочую курію, но имѣющимъ избирательныя права и по другой куріи, было воспрещено выбирать эту другую курію для осуществленія своихъ избирательныхъ правъ съ отказомъ отъ участія въ рабочей куріи. При составленіи избирательныхъ списковъ постановлено общимъ правиломъ—исключеніе лицъ, „права коихъ на участіе въ выборахъ представляются недоказанными" (цирк. 20 окт.), чѣмъ открывался просторъ безконечной волокитѣ. Исключены изъ списковъ лица, арендующія имѣнія не прямо у владѣльцевъ, а у арендаторовъ, (субъ-арендаторъ) и ихъ управляющіе (цирк. 24 окт.). Годовой срокъ службы, дающій право на участіе въ выборахъ, велѣно исчислять лишь по службѣ въ томъ именно городѣ или уѣздѣ, гдѣ въ данное время пребываетъ служащій (цирк. 22 ноября). И т. д.

Значительное число циркуляровъ было посвящено толкованію и измѣненію инструкціи 27 февраля 1906 г. Циркуляромъ 27 окт. опредѣлено, что удостовѣренія объ арендованіи или управленіи имѣніями дѣйствительны только, если выданы земскими начальниками или полиціей.

Цирк. 10 дек. внесъ въ инструкцію существенныя измѣненія еще большимъ стѣсненіемъ агитаціи во время выборовъ, запрещеніемъ выдавать избирательные бланки нелегализованнымъ партіямъ, лишившимся такимъ образомъ возможности заранѣе заполнить ихъ списками своихъ кандидатовъ, передачей полиціи дѣла вручения бланковъ избирателямъ. Цирк. 11 дек. пояснилъ, что полиція должна вручать бланки лично адресату „по удостовѣреніи его личности". Цирк. 18 дек. запретилъ производство выборовъ на съѣздахъ уполномоченныхъ отъ волостей закрытою баллотировкою или по жребію.

Особое вниманіе было обращено на *предвыборныя собранія*. Циркуляръ 28 дек. требовалъ усиленія полицейскаго надзора за выступленіемъ ораторовъ, особенно „крайнихъ партій", и обращалъ спеціальное вниманіе полиціи на изданный за 4 дня до того законъ о „восхваленіи преступныхъ дѣяній". Мѣстныя полицейскія власти, разумѣется, поспѣшили воспользоваться этими указаніями. Одновременно съ стѣсненіемъ агитаціи оппозиціонныхъ партій стала, наоборотъ, поощряться агитація правительственныхъ чиновниковъ и черносотенныхъ организацій. А митрополитъ Антоній въ опубликованномъ письмѣ къ епископамъ (31 авг.) рекомендовалъ заблаговременно направить въ опредѣленную сторону и участіе духовенства въ избирательной борьбѣ.

Административная практика на мѣстахъ пошла, конечно, еще

гораздо дальше созданнаго сенатскими разъясненіями и министерскими циркулярами „писанаго права". Произвольныя исключенія изъ избирательныхъ списковъ неугодныхъ лицъ, запрещенія и закрытія собраній, конфискаціи газетъ, арестъ и высылка уполномоченныхъ и выборщиковъ и, наоборотъ, надѣленіе избирательными правами лицъ, таковыхъ не имѣющихъ, но благонадежныхъ, вплоть до „мертвыхъ душъ" (Кіевъ, Бессарабія), субсидированіе правой печати, безцеремонное обращеніе съ бланками и избирательными списками, все это имѣло мѣсто еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ на выборахъ въ 1-ю Думу. Такого рода манипуляціи облегчались какъ значительно расширившеюся областью господства военнаго положенія и временныхъ генералъ-губернаторовъ, такъ и ясно опредѣлившимся поворотомъ въ настроеніи верховъ городского населенія и городскихъ думъ, въ рукахъ которыхъ находится завѣдываніе избирательной процедурою.

Но достигнутые практическіе результаты отнюдь не соотвѣтствовали суммѣ затраченной энергіи. Огромное возбужденіе широкихъ массъ, получившее начало въ октябрьско-декабрьскіе дни 1905 г. и подогрѣтое дѣятельностью 1-ой Думы, далеко еще не улеглось. Народныя массы, уже начиная чувствовать свое безсиліе въ данный моментъ и теряясь въ поискахъ путей къ осуществленію своихъ требованій, еще страстно цѣплялись за эти требованія. Возбужденіе крестьянства было такъ велико, что ходъ выборовъ внушилъ правительству опасеніе насчетъ возможности новаго подъема крестьянскаго возстанія, и министерство сочло необходимымъ особымъ циркуляромъ (15 февр. 1907 г.) призвать мѣстныя власти къ энергичному подавленію безпорядковъ. Контрастъ съ незабытыми еще „днями свободы" былъ слишкомъ рѣзокъ, чтобы населеніе могло спокойно мириться съ тѣмъ царствомъ административнаго террора, анархіи и господства черносотенства, которое водворилось на развалинахъ революціоннаго движенія. Такія дѣла, какъ дѣло Гурко-Лидваль [1]), вскрывшее преступно-небрежное и легкомысленное обращеніе высшихъ представителей власти съ деньгами, ассигнованными на прокормленіе голодающихъ, служили горючимъ агитаціоннымъ матеріаломъ. Отказъ революціонныхъ партій отъ «бойкотистской» тактики и вмѣшательство ихъ

---

[1]) Суть этого дѣла заключалась въ томъ, что завѣдующій земскимъ отдѣломъ мин. вн. дѣлъ, тов. мин. Гурко поручилъ милліонныя поставки хлѣба въ голодающія губерніи владѣльцу ватерклозетной фирмы Лидвалю, съ которымъ свелъ знакомство при дѣятельномъ участіи представительницъ петербургскаго полусвѣта. Лидваль оказался несостоятельнымъ въ выполненіи принятыхъ на себя обязательствъ, въ счетъ которыхъ ему былъ выданъ авансъ въ размѣрѣ 10 милл. рублей. Еще въ большихъ злоупотребленіяхъ, осложненныхъ прямымъ взяточничествомъ, оказался повиненъ нижегородскій губернаторъ баронъ Фредериксъ. Такова оказалась судьба денегъ, ассигнованныхъ 1-ю Думою тѣмъ закономъ, который остался единственнымъ памятникомъ ея законодательной дѣятельности.

въ избирательную кампанію облегчало населенію прорывъ нагроможденныхъ рогатокъ и удесятерило его энергію въ использованіи завоеванныхъ правъ.

Такое положеніе дѣлъ вынуждены съ первыхъ же дней констатировать въ своихъ донесеніяхъ губернаторы, характеризующіе настроеніе населенія, какъ «уставшее и озлобленное» [1]). Междудумская правительственная практика не прошла безслѣдно для формированія «арміи порядка». Не говоря о размноженіи черносотенныхъ организацій и черносотенной прессѣ, земскіе выборы зимою 1906 г. дали почти повсюду реакціонное большинство и нанесли смертельный ударъ «земскому либерализму». Но попытка добиться желательнаго состава Думы безъ радикальнаго и открытаго измѣненія избирательнаго закона очень скоро выяснилась, какъ безнадежная. Правительственнымъ партіямъ и правительственной прессѣ пришлось идти въ избирательный бой подъ «конституціонной» маской. Не только «союзъ 17 октября», но и «партія центра Г. Совѣта», и даже такія партіи, какъ «партія правового порядка», объявляютъ своею цѣлью «неуклонное проведеніе въ государственную жизнь и въ народное сознаніе началъ конституціонной монархіи» [2]). А М. О. Меньшиковъ въ «Новомъ Времени» [3]) выступаетъ съ рѣзкой полемикой противъ министерской «Россіи», отрицающей «основное требованіе — парламентаризмъ, т. е. правительство, отвѣтственное передъ парламентомъ»: «объявить на весь міръ, что конституціонная реформа начата въ Россіи, но что она не будетъ завершена, это значитъ вооружить революцію самымъ страшнымъ оружіемъ, котораго ей недостаетъ».

Въ результатѣ выборовъ *партійный составъ второй Думы* опредѣлился такъ:

Соціалъ-демократы	64
Соціалисты-революціонеры	34
Народные соціалисты	14
Трудовая группа	100
Конституціоналисты-демократы	92
Мусульманская фракція	32
Польское коло	46
Партія дем. реф., прогресс., мирн. обн.	9
Союзъ 17 октября	32
Умѣренные и тяготѣющ. къ нимъ безпартійные	59
Правые	20
Союзъ русскаго народа	2

[1]) „Страна", 1 ноября 1906.

[2]) См. избир. воззваніе партіи прав. порядка въ „Новомъ Времени", 22 окт. 1906.

[3]) См. „Нов. Время", 24 окт. 1906.

По сравненію съ 1-ой Думой выборы дали замѣтное усиленіе обоихъ крыльевъ Думы—праваго и, въ особенности, лѣваго. Ослабленіе либеральнаго центра было наиболѣе замѣтнымъ и въ то же время симптоматическимъ результатомъ, указывавшимъ на рѣшительную схватку революціи и черной реакціи, какъ на единственно возможный исходъ изъ создавшагося положенія. Для даннаго историческаго момента, вопреки пораженію реакціи въ избирательной борьбѣ, исходъ этой схватки былъ предрѣшенъ. Революція съ огромнымъ напряженіемъ силъ собирала остатки разбитой арміи, «уставшей и озлобленной», для борьбы на парламентской аренѣ. На нее наступала реакція, укрѣпившая свои общественные устои и матеріальныя орудія своего господства въ странѣ и дѣлавшая первые шаги по завоеванію и приспособленію къ своимъ цѣлямъ новой думской позиціи. Ходъ и исходъ парламентскихъ битвъ зависѣлъ отъ либеральнаго центра. Но этотъ центръ, деморализованный измѣной своимъ собственнымъ лозунгамъ борьбы, потерявшій «земскую» опору и слабо связанный съ новыми соціальными слоями, ослабѣвшій численно, не могъ противоставить натиску реакціи систематическаго сопротивленія и не могъ найти въ себѣ рѣшимости безъ оглядки пойти въ бой рука объ руку съ «крайними партіями». Качаясь въ безсиліи между двумя думскими крыльями онъ фактически стремился къ замѣнѣ «героическаго» періода борьбы съ «безотвѣтственнымъ министерствомъ»—«историческимъ» періодомъ соглашенія съ нимъ, не имѣя въ то же время, подъ давленіемъ группировавшихся вокругъ него соціальныхъ слоевъ, возможности отказаться отъ программныхъ политическихъ и соціальныхъ формулъ, дѣлавшихъ дѣйствительное «соглашеніе» утопіей.

Именно поэтому, когда прошли первыя минуты растерянности, вызванныя исходомъ выборовъ, правительство почувствовало гораздо болѣе прочную почву подъ ногами въ своей борьбѣ съ Думой, чѣмъ это было по отношенію къ 1-ой Думѣ. Еще раньше, чѣмъ Дума собралась, мелкія сами по себѣ *правила объ охранѣ порядка и допущеніи постороннихъ лицъ* въ зданія Гос. Думы и Гос. Совѣта (16 февр.) подчеркнули, что правительство считаетъ для себя возможнымъ занять по отношенію къ Думѣ позицію строгаго опекуна и гораздо настойчивѣе, чѣмъ прежде, стремиться къ превращенію ея въ простую «выборную канцелярію». Смыслъ правилъ заключался въ строжайшей и придирчивой изоляціи членовъ Думы отъ общенія съ публикой и представителями прессы. Но дѣйствительное значеніе ихъ было въ томъ, что они являли собою какъ бы символъ всѣхъ будущихъ отношеній между государственною властью и «народнымъ представительствомъ».

VII.

Вторая Дума.

Большія требованія и тактика безсилія — этими словами бывшій с. д. депутатъ 2-ой Думы В. Митровъ мѣтко характеризовалъ [1]) настроеніе широкихъ народныхъ массъ, пославшихъ въ Таврическій дворецъ «лѣвую» Думу.

Октябрьско-декабрьская революція сходила въ могилу, пробивъ рядъ брешей въ старомъ государственномъ строѣ, но не рѣшивъ ни одного изъ выдвинутыхъ ею большихъ соціальныхъ и политическихъ вопросовъ. Произведя глубокія измѣненія въ направленіи развитія общественныхъ силъ, отбросивъ въ реакцію однѣ, давъ первый толчекъ политическому пробужденію другихъ, она въ данный моментъ исчерпала до дна революціонную энергію, накопленную до-октябрьскимъ періодомъ. Отсюда — одновременное и противорѣчивое существованіе «большихъ требованій» и «малой тактики».

Было очевидно, что, при такихъ условіяхъ, вторая Дума можетъ быть лишь переходнымъ этапомъ въ развитіи русской общественности, что судьба ея предрѣшена. И, дѣйствительно, еще до того, какъ Дума собралась, начали ходить слухи о предстоящемъ въ ближайшіе же дни роспускѣ ея. Считалось даже возможнымъ, что первымъ же актомъ правительства по отношенію къ Думѣ будетъ объявленіе объ ея роспускѣ. И когда наканунѣ предполагавшагося чтенія министерской деклараціи, обвалился весь потолокъ обширнаго думскаго зала, то, по свидѣтельству В. Митрова, «въ кулуарахъ Думы на минуту вздохнули свободно, такъ какъ считалось невѣроятнымъ, чтобы разгонъ послѣдовалъ непосредственно за такимъ скандаломъ, ибо это значило бы идти навстрѣчу напрашивавшемуся подозрѣнію» [2]).

Но, если немедленное возрожденіе общественнаго движенія въ прежнихъ октябрьско-декабрьскихъ формахъ было явно невозможно; если поэтому нельзя было разсчитывать на успѣхъ тактики «захвата» и приходилось сосредоточивать свои усилія на «использованіи законныхъ правъ Государственной Думы», то, съ точки зрѣнія не только послѣдовательной демократіи, но и послѣдовательнаго конституціонализма, эти «законныя права» могли и должны были быть использованы для собиранія остатковъ разбитой арміи, подготовки новаго общественнаго подъема и ослабленія начавшаго подымать голову «стараго порядка», окрасившагося въ яркій дворянскій цвѣтъ. Поскольку же внутреннія и внѣшнія условія существованія государства заставляли

---

[1]) „Изъ воспоминаній". Въ сб. „Терніи безъ розъ".

[2]) Въ атмосферѣ подозрительности возникла мысль, что паденіе потолка — не случайность, а предумышленное покушеніе на жизнь членовъ Думы. Случись паденіе на какой нибудь часъ позже, и подъ тысячепудовою тяжестью было бы погребено нѣсколько сотъ депутатовъ.

«старый порядокъ» прикрывать свое дворянско бюрократическое соціальное и политическое содержаніе мнимо-конституціонными государственными формами, задача людей боровшихся съ этимъ «порядкомъ», естественно, сводилась къ тому, чтобы, используя эти формы въ своихъ собственныхъ цѣляхъ, неуклонно лишать господствующія силы возможности укрываться подъ сѣнь мнимаго конституціонализма.

Однако, на такую точку зрѣнія встала съ самаго начала лишь с.-д. фракція. И только постепенно ей удалось стать центромъ притяженія для другихъ «лѣвыхъ» группъ Думы (с.-р., н. с., трудовики) и увлечь ихъ за собою. Въ началѣ эти группы, несомнѣнно, тяготѣли къ к.-д. фракціи, притягивавшей къ себѣ и разнородные элементы справа—прогрессистовъ, мирнообновленцевъ, членовъ партіи демократическихъ реформъ, безпартійныя и національныя группы и даже часть октябристовъ.

Позиція, занятая к.-д-ою фракціею, облегчала эту концентрацію вокругъ нея «правыхъ» элементовъ Думы. Борьба за отвѣтственное министерство, окрашивавшая собою всю дѣятельность первой Думы, стушевывается, и даже к.-д-ая печать начинаетъ все чаще говорить не объ «отвѣтственномъ министерствѣ», а о «министерствѣ изъ общественныхъ дѣятелей». Фактически, однако, въ самомъ началѣ своей дѣятельности во 2-ой Думѣ к.-д. фракція сдаетъ и эту позицію. Иллюзіей большинства первой Думы было соглашеніе съ старою государственною властью черезъ голову «средостѣнія»—безотвѣтственнаго министерства; иллюзіею, большинства второй Думы—иллюзіею, вытекавшею изъ непониманія дворянско-помѣщичьяго характера новаго этапа въ развитіи старой государственной власти—стало соглашеніе съ этою властью въ лицѣ ея министерства, черезъ голову господствующихъ соціальныхъ силъ, торжество которыхъ приписывалось исключительно «безотвѣтственнымъ», закулиснымъ вліяніямъ и подчасъ начало даже противоставляться стремленію оффиціальнаго правительства сохранить за собою всю «полноту власти» [1]).

Слѣдствіемъ такого стремленія провести въ жизнь свою программу путемъ соглашенія съ министерствомъ Столыпина былъ не только отказъ отъ системы постояннаго дискредитированіи министерства и выраженія ему недовѣрія, но и глубокій поворотъ во всей тактикѣ. Если въ 1-ой Думѣ к.-д-ая фракція пользовалась всякимъ случаемъ, чтобы сказать: никакіе законы не помогутъ, пока остается у власти безотвѣтственное министерство, то во-второй она, напротивъ, готова сказать: никакая смѣна министерства не поможетъ, пока остаются въ силѣ старые законы. Отсюда—взглядъ на текущее „законодательство", какъ на очередную задачу, непосредственные практическіе ре-

---

[1]) Этотъ мотивъ, какъ извѣстно, былъ впервые развитъ въ 1-й Думѣ, во время преній о погромахъ (рѣчь кн. Урусова и др.).

зультаты которой приведутъ къ дѣйствительному упроченію конституціоннаго строя и исподволь сдѣлаютъ исполнительную власть отвѣтственной. „Одна изъ ошибокъ, писало „Право“ [1]), ...была преувеличенная вѣра въ ея (Думы) способность... заставить правительство перемѣнить всю свою политику до перемѣны всѣхъ тѣхъ *законовъ, которыми въ значительной степени политика эта обусловливалась*“ (курс.-нашъ). Т. о. к.-д-ы усваивали себѣ ту точку зрѣнія, которую старался внушить имъ въ 1-ой Думѣ П. Столыпинъ: виноватъ не часовой, а „кремневое ружье“, которое у него въ рукахъ. Задача исправленія часового сводится къ перемѣнѣ „ружья“. Таковъ именно былъ выводъ, который „Право“ дѣлало изъ своихъ разсужденій: „Основная задача Думы не въ томъ, чтобы устранить данное министерство, но въ томъ, чтобы сдѣлать невозможнымъ подобное министерство. А этого Дума можетъ достигнуть только при помощи той дѣятельности, которая составляетъ ея основную задачу,—при помощи законодательствованія“.

Однако, конфликты, къ которымъ неизмѣнно приходила 1-я Дума и тогда, когда занималась законодательной работой, были еще слишкомъ свѣжи въ памяти. Было очевидно, что самый характеръ и предметъ „законодательствованія“ должны измѣниться, разъ ближайшей цѣлью думской тактики ставится не устраненіе „безотвѣтственнаго министерства“, а сотрудничество съ нимъ до тѣхъ поръ, пока новые законы не сдѣлаютъ невозможнымъ самое существованіе „подобнаго министерства“. Отсюда—стремленіе возможно дальше отодвинуть всѣ острые законодательные вопросы, „взяться за кирку и лопату, за тесало и топоръ“ и начать постройку „обитаемаго человѣческаго, гражданскаго жилища“ [2]) съ фундамента

Этотъ утопическій планъ медленной „перестройки“ стараго „дома“ при отсутствіи самыхъ необходимыхъ орудій въ рукахъ „строителей“ к.-д-ая печать развивала съ самаго начала существованія Думы. Отчетливо онъ былъ формулированъ уже въ самомъ концѣ работъ Думы, въ засѣданіи 24 мая к.-д-имъ депутатомъ В. Гессеномъ, раздѣлившимъ стоящіе передъ Думой политическіе вопросы на двѣ категоріи: вопросы „государственной полиціи“, къ числу которыхъ В. Гессенъ отнесъ и вопросы о смертной казни, объ амнистіи, объ отмѣнѣ исключительныхъ положеній и т. п., и вопросы „органическаго переустройства нашей государственной, преимущественно мѣстной жизни“ Рѣшеніе первыхъ вопросовъ могло имѣть, по мнѣнію В. Гессена, „единственно демонстративный характеръ“. Это—путь „горячихъ рѣчей и безплодныхъ рѣшеній“, путь „опасный и ложный“, ибо „разочарованія и неудачи“ „могутъ внушить населенію пагубное и ложное—совершенно ложное предположеніе, что Дума безсильна“. Наоборотъ, сосредоточивъ свое вниманіе на во-

---

[1]) № 8 отъ 25 февраля 1907.

[2]) „Рѣчь“, 22 февр. 1907 г.

просахъ второго порядка, „Дума можетъ многое совершить". И В. Гессенъ указывалъ на реформу мѣстнаго суда, крестьянскаго самоуправленія, школьнаго дѣла и т. д. и т. д.

Въ началѣ думской сессіи, отодвигая аграрный вопросъ и собираясь „перестраивать" зданіе, к.-д-ая фракція выдвигала все же на первый планъ крупные вопросы—неприкосновенность личности, реформа мѣстнаго управленія, всеобщее избирательное право, свобода совѣсти и т. п. [1]). Въ рѣчи В. Гессена мы видимъ, какъ за 3 мѣсяца дѣятельности Думы логика позиціи, занятой к.-д-ой фракціей, привела ее къ отказу отъ крупныхъ политическихъ задачъ и сосредоточиванію своего вниманія на вопросахъ „преимущественно мѣстной жизни", къ тактикѣ, которую можно назвать тактикой „малаго законодательства". Правый депутатъ Синадино былъ правъ, когда, возражая В. Гессену и требуя въ своей разсчитанно-провокаціонной рѣчи постановки на первую очередь вопросовъ объ амнистіи и смертной казни, глумился надъ этой тактикой испуга: „Да, господа, вы запуганы, и я очень доволенъ, что вы запуганы... Та партія, которая всегда стояла во главѣ великаго освободительнаго движенія, отходную прочла она сегодня здѣсь себѣ". И дѣйствительно, запуганность сказалась въ томъ, что и самъ В. Гессенъ не привелъ, въ сущности, другого критерія дѣленія законодательной работы на двѣ категоріи, кромѣ того, что по извѣстной категоріи вопросовъ правительство еще „въ первой Государственной Думѣ высказалось самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ" [2]).

Рѣчь Гессена лишь подвела итоги той тенденціи думской тактики, которую старалась проводить к.-д-ая фракція и которая вела Думу въ тупикъ. Дѣло было не въ выдвиганіи „законодательствованія" на первый планъ, а въ томъ, что самому „законодательствованію" старались придать такой характеръ, чтобы сдѣлать его, какъ можно болѣе незамѣтнымъ, и исподволь „пріучить" господствующія силы къ существованію народнаго представительства. Отсюда желаніе возможно умалить „шумъ" вокругъ Думы, стремленіе избѣгать яркихъ выступленій и сузить всякіе общіе дебаты [3]), перенести главную

---

[1]) „Рѣчь" (22 февр. 1907) доказывала, что начать необходимо съ законопроекта о неприкосновенности личности, не только потому, что „исторически, другими народами, она была завоевана раньше прочихъ свободъ, но и потому, что логически она составляетъ основу всѣхъ другихъ правъ личности".

[2]) „Въ концѣ концовъ, отвѣчалъ деп. Демьяновъ (н.-с.) В. Гессену, мы дойдемъ до того, что будемъ съ покорностью разсматривать вопросы о томъ, чтобы устроить при Юрьевскомъ университетѣ прачешную. Я думаю, что вы къ этому приведете Думу, если пойдете по пути дальнѣйшихъ уступокъ". С. о. т. II, с. 1161.

[3]) Яркій свѣтъ на смыслъ этого стремленія бросаетъ, напр., такая мотивировка „Рѣчью" (24 марта 1907) необходимости сокращенія бюджетныхъ преній и скорѣйшей сдачи бюджета въ комиссію: „Когда и у насъ конституціонная жизнь войдетъ въ правильное русло, и бюджетныя права думы будутъ расши-

часть работы въ комиссіи [1]), придать всѣмъ занятіямъ Думы будничный, „дѣловой“ видъ,—словомъ усвоить себѣ всѣ внѣшніе пріемы обыденной парламентской работы при отсутствіи того содержанія, которымъ эти пріемы порождаются и оправдываются. Такимъ путемъ Дума должна была демонстрировать „работоспособность“, которой требовало отъ нея правительство. Только въ то время, какъ правительство вкладывало въ это понятіе требованіе вполнѣ опредѣленнаго *направленія* думской работы, готовности Думы поддержать его въ его контръ-революціонной дѣятельности, думское большинство, группировавшееся вокругъ к.-д-ой фракціи, старалось увѣрить себя, будто вопросъ „работоспособности“ сводится къ соблюденію „мирныхъ“, „корректныхъ“ *формъ* парламентской работы: въ представленіи этого большинства Дума должна была незамѣтно—и чѣмъ незамѣтнѣе, тѣмъ лучше,—„врости“ въ старый государственный строй [2]).

Со ступеньки на ступеньку эта тактика логически вела и привела къ тому, что вопреки всѣмъ разговорамъ о „законодательствованіи“, вторая Дума за 103 дня своего существованія посвятила гораздо меньше вниманія круп-

---

рены, тогда бюджетныя пренія и въ Россіи получатъ выдающееся политическое значеніе. Но въ настоящее время,—какой особенный интересъ могутъ имѣть именно *эти* пренія, когда бюджетъ, все равно, можно измѣнить лишь въ деталяхъ“, и т. д. Т. о. бюджетное безправіе должно было служить лишнимъ аргументомъ въ пользу преобладанія комиссіонной работы надъ общей бюджетной критикой въ открытыхъ засѣданіяхъ Думы. Иногда стремленіе устранить общеполитическія пренія (см. напр., пренія по запросу объ истязаніяхъ въ Алгачинской тюрьмѣ въ зас. 6 апр.—стен. отч. т. I, стр. 1681—4, 1749) вызывало рѣзкіе протесты лѣвой части Думы противъ дѣйствія предсѣдателя, шедшаго навстрѣчу этому стремленію. Въ засѣданіи 30 III, когда, по предложенію к.-д. фракціи, при поддержкѣ „правыхъ“ и противодѣйствіи „лѣвыхъ“, было сильно сокращено время общихъ засѣданій Думы, произошелъ такой діалогъ: *Родичевъ* (к.-д.) „...Господа, мы по закону выбраны на 5 лѣтъ...“. *Алексинскій* (с.-д., съ мѣста): „А вы этому вѣрите?“ *Род.*: „Мы живемъ въ такой атмосферѣ, въ которой всѣ говорятъ объ актѣ роспуска Думы, какъ о чемъ то такомъ, что само собою разумѣется. Но: господа, когда намъ правительство заявило, что оно ищетъ путей для совмѣстной работы съ Г. Думой...“ *Алекс.* (съ мѣста): „А вы ему вѣрите?“ *Род.*: „Оно торжественно обязалось вопросъ о роспускѣ изъять изъ обращенія (смѣхъ слѣва). Вы ему можете не вѣрить, но обязаны ему довѣрять и вести себя такъ, какъ будто эти слова были бы для васъ правдой“ (аппл. справа и въ центрѣ). См. стеногр. отч. т. I, с. 1416.

[1]) Такъ, напр., цѣлый рядъ важнѣйшихъ правительственныхъ законопроектовъ (объ отвѣтственности должн. лицъ, о неприкосновенности личности, объ отмѣнѣ ограниченій, связанныхъ съ вѣроисповѣданіемъ и т. д.) былъ сданъ въ комиссію, вопреки протестамъ с.-д., безъ предварительныхъ преній. См. стен. отч. т. I, с. 880—7. Практику сокращеннаго порядка рѣшеній по „направленію“ вопросовъ увѣковѣчилъ думскій наказъ.

[2]) „Рѣчь“ (4 апр. 1907) писала: „День, когда дебаты въ Таврическомъ дворцѣ будутъ казаться такой же неизбѣжной принадлежностью дня, какъ обѣдъ днемъ и театръ вечеромъ, когда программа дня будетъ интересовать не всѣхъ вмѣстѣ, а тѣхъ или другихъ спеціально, когда дебаты объ общей политикѣ станутъ исключеніемъ,—этотъ день можно будетъ привѣтствовать, какъ день окончательнаго торжества представительнаго правленія въ Россіи“.

нымъ законодательнымъ вопросамъ, чѣмъ первая—за 72 дня. Правительство завалило Думу сотнями законопроектовъ, среди которыхъ были весьма крупные, составлявшіе плодъ его междудумской дѣятельности. Инициативѣ членовъ Думъ были обязаны своимъ возникновеніемъ законопроекты по важнѣйшимъ политическимъ и соціальнымъ вопросамъ. Но весь этотъ матеріалъ безъ преній сдавался въ многочисленныя комиссіи, гдѣ и покоился, не привлекая ничьего вниманія за предѣлами тѣснаго круга членовъ комиссіи. Въ области *законодательной* работы Думы общественное вниманіе привлекъ только законъ объ *уничтоженіи военно-полевыхъ судовъ*, принятый окончательно 17 апрѣля [1]), а также *отклоненіе* Думою *изданныхъ по 87 ст. законовъ*: 24 окт. 1906 г.—о восхваленіи преступныхъ дѣяній, 6 ноября—объ острочкѣ отбыванія воинской повинности для поднадзорныхъ (зас. 21 мая), 30 сент.—о предупредительныхъ связкахъ и 18 авг.—объ усиленіи наказаній за пропаганду въ войскахъ (зас. 22 мая), а также утвержденіе состоявшейся въ порядкѣ 87 ст. отмѣны правилъ 3 апр. 1892 г. о наказаніяхъ за тайное обученіе въ Царствѣ Польскомъ и Западномъ Краѣ. Въ остальномъ—кромѣ обсужденія земельнаго вопроса, бюджета, контингента арміи и т. п., о чемъ мы скажемъ еще ниже, Дума исчерпала свою законодательную дѣятельность принятіемъ ряда мелкихъ финансовыхъ законовъ и смѣтныхъ ассигнованій [2]). И лишь за нѣсколько дней до своего роспуска она приступила къ разсмотрѣнію перваго законопроекта, имѣвшаго сколько-нибудь крупное принципіальное значеніе,—законопроекта о мѣстномъ судѣ. По иронии судьбы, именно въ номерѣ, помѣченномъ 3 іюня—днемъ роспуска Думы, „Право" (№ 221) сочло возможнымъ облегченно вздохнуть: „наконецъ, Дума приступила къ настоящей законодательной работѣ"!..

Антагонизмомъ между двумя тактическими тенденціями, наиболѣе полно выраженными с.-д-ой фракціей, съ одной стороны, к.-д-ой, съ другой, окрашена вся дѣятельность второй Думы. Этотъ тактическій антагонизмъ ярко сказался уже на выборахъ, на которыхъ лидеръ к.-д-ой партіи, П. Н. Милюковъ, счелъ нужнымъ презрительно отмежеваться отъ „красной тряпки". Вполнѣ опредѣленно началъ онъ проявляться съ перваго же дня работъ Думы. Уже *выборъ президіума* далъ поводъ къ столкновенію. С.-д-ая фракція, какъ и вся думская „лѣвая", поддерживала кандидатуру Ф. А. Головина, на предсѣдательское кресло, но, по ея настоянію была снята кандидатура к.-д-а

---

[1]) Практическаго значенія этотъ законъ не имѣлъ: за невнесеніемъ въ Думу изданный по 87 ст. законъ объ отмѣнѣ в.-п. судовъ все равно терялъ свою силу 20 апрѣля. Къ тому же Г. Совѣтъ отвергъ думскій законъ.

[2]) Такъ, напр., въ зас. 18 мая были приняты законопроекты о пароходствѣ на Ленѣ и Дальнемъ Востокѣ; въ зас. 20 мая—объ обложеніи земель въ Туркестанѣ и рядъ мелкихъ пособій различнымъ промышленно-художественнымъ учрежденіямъ, и т. д.

Н. В. Тесленко въ товарищи предсѣдателя, и оба поста товарищей замѣщены кандидатами „лѣвыхъ"—М. Е. Березинымъ (труд.) и Н. Н. Познанскимъ, а въ секретаріатѣ всѣ „лѣвыя" фракціи получили представительство.

Раздраженіе к.-д-ой фракціи противъ с.-д. еще усилилось, когда стало извѣстно, что с.-д-ы, вопреки желанію всѣхъ другихъ фракцій, намѣрены съ самаго начала работъ Думы поднять вопросъ объ *амнистіи*, что шло въ разрѣзъ съ новой тактической позиціей к.-д. [1]). Питавшіяся вначалѣ к.-д-ою фракціею надежды, что с.-д-ы войдутъ въ составъ думскаго „лѣваго блока" и черезъ его посредство будутъ втянуты въ сферу к.-д-аго вліянія, были немедленно разрушены, и—въ связи съ вопросомъ объ амнистіи и отказомъ с.-д. отъ „лѣваго блока"—„Рѣчь" [2]) озлобленно писала: „чѣмъ скорѣе они (с.-д.) отдѣлятъ свое дѣло отъ дѣла Государственной Думы, тѣмъ спокойнѣе и ровнѣе Дума будетъ въ состояніи заняться своими собственными дѣлами".

Но с.-д-ая фракція не желала довольствоваться уготованной ей позиціей „блестящей изолированности", а, въ свою очередь, старалась подчинить своему вліянію какъ народническія „лѣвыя" фракціи, такъ и демократическіе элементы к.-д-ихъ и безпартійныхъ круговъ. Борьба за вліяніе на направленіе Думской работы не прекращается за все время существованія Думы, особенно обостряясь послѣ апрѣльскаго пасхальнаго перерыва и мало-по-малу склоняясь въ пользу соціалъ-демократіи [3]), вопреки формулированной въ первые же дни работъ Думы угрозѣ к.-д-ой фракціи—при невозможности составить „конституціонный центръ", опираясь на „лѣвыя" фракціи, аппелировать къ „подозрительнымъ услугамъ М. А. Стаховича" [4]), т. е. вовлечь въ предполагаемый „центръ" правые элементы Думы.

Такое положеніе, понятно, сильно укрѣпляло позицію „праваго" крыла Думы при всей его сравнительной немногочисленности. Кромѣ того, фрак-

---

1) Отказъ предсѣдателя Думы дать слово с.-д. Герусу для внѣочереднаго заявленія „впредь до конституированія Думы" (зас. 24 февр., стен. о. т. I, с. 45 помѣшалъ с.-д. выполнить этотъ планъ и вопроса объ амнистіи они коснулись лишь въ своей извѣстной „декларацін".

2) 23 февр. 1907.

3) „Послѣ Пасхи сильно бросалась въ глаза полная сплоченность всѣхъ лѣвыхъ до трудовиковъ включительно и полная дезорганизація центра". А. Зурабовъ. „Вторая Дума". СПБ. 1908, с. 52. О томъ уже настроеніи депутатовъ вернувшихся въ Думу послѣ поѣздки на мѣста втеченіе пасхальныхъ каникулъ, пишетъ А. Цитронъ („103 дня второй Думы", СПБ. 1907, с. 137): „Депутаты, считающіеся съ народнымъ настроеніемъ, учитывающіе общій упадокъ, какъ минусъ для народнаго представительства, готовы обострить всякій вопросъ, лишь бы поддержать честь лѣвой Думы. Умирающее вліяніе центра, подъ вліяніемъ слишкомъ болѣзненныхъ событій передъ перерывомъ засѣданій (NB.: „Зурабовскій инциндентъ", см. ниже, Ф. Д.), совершенно исчезаетъ. Партіи рѣзко отмежевались".

4) „Рѣчь", 21 февр.

ціонный составъ Думы создавалъ особое положеніе для польскаго коло: при дѣленіи Думы на двѣ части—„лѣвую", подъ руководствомъ с.-д-ів, и „правую", гдѣ к. д-ы смѣшивались съ различными группами безпартійныхъ, умѣренныхъ, октябристовъ и т. д.—Дума распадалась на двѣ почти равныя половины, и коло получало возможность играть рѣшающую роль. Такъ было, напр., при рѣшеніи такихъ важныхъ для второй Думы вопросовъ, какъ вопросъ о помощи безработнымъ, о бюджетѣ, контингентѣ арміи и др. Естественно, что коло стремилось использовать это положеніе въ своихъ собственныхъ интересахъ [1]).

Правительство энергично использовало всѣ слабые пункты думской позиціи. Угроза роспускомъ, висѣвшая надъ головой Думы, какъ мы видѣли, съ перваго же дня ея существованія, систематически выдвигалась передъ постановкой на очередь каждаго новаго крупнаго вопроса. Такимъ путемъ поддерживалось состояніе испуга, въ которомъ вошли въ Думу нѣкоторыя ея фракціи. Усиленно подчеркивалось, что „побѣда Думы надъ революціей", „самоочищеніе" ея отъ „лѣвыхъ" обезпечитъ ея существованіе и откроетъ эру упроченія „конституціоннаго строя" и „либеральныхъ реформъ". „Дума имѣетъ смыслъ только при одномъ условіи,—если она погашаетъ революцію", писало „Новое Время" черезъ нѣсколько дней послѣ созыва Думы въ редакціонной статьѣ, требовавшей блока к.-д. съ „правыми" для побѣды надъ думской „лѣвой". „Безъ этого самоочищенія, безъ этого подавленія бунта противъ Думы въ самой Думѣ, ей невозможно существовать" [2]). А, наряду съ запугиваніемъ, кажущееся и ни къ чему не обязывающее желаніе министерства пойти навстрѣчу к.-д-амъ въ различныхъ частныхъ вопросахъ поддерживало въ нихъ стремленіе идти дальше и дальше по характеризованному выше пути „малаго законодательства". Искусно муссируемые слухи о „безотвѣтственныхъ вліяніяхъ", только будто бы и обусловливающихъ видимое господство реакціонно-черносотенныхъ элементовъ, съ которымъ, скрѣпя сердце, приходится до поры, до времени мириться министерству, проникнутому искренними конституціонными намѣреніями,—въ свою очередь, вносили деморализующій элементъ въ среду думскаго большинства и порождали готовность протянуть руку министерству, извѣстные акты котораго толковались, какъ вынужденные, и которое фигурировало въ роли „жертвъ" вліятельной камарильи.

Такимъ путемъ мало-по-малу „*береженіе Думы*" цѣною отказа не только отъ борьбы за расширеніе правъ народнаго представительства, но и

---

[1]) Этимъ именно положеніемъ коло думало воспользоваться, внося—полный компромиссовъ—проектъ объ автономіи Царства Польскаго (зас. 10 апр. стен. отч. т. I. стр. 1914 и сл.).

[2]) „Новое Время", 26 февр. 1907.

отъ всесторонняго использованія правъ, ему, несомнѣнно, принадлежащихъ, стало основнымъ лозунгомъ руководящей думской фракціи—к.-д. „Пріученіе" господствующихъ соціально-политическихъ силъ къ факту функціонированія Думы стало казаться единственнымъ путемъ для упроченія конституціоннаго строя въ Россіи. Голой оборонительной борьбой за существованіе почти исчерпывается содержаніе трехмѣсячной работы Думы, и каждый—мелкій и крупный—вопросъ, встающій передъ нею, разсматривается, прежде всего, подъ угломъ зрѣнія этой борьбы.

Всѣ указанные выше факторы проявили себя въ полной силѣ при первой же встрѣчѣ министерства съ Думою. Въ интересахъ „береженія Думы" к.-д-ая фракція рѣшила молчаніемъ встрѣтить *программную декларацію министерства* и отвѣтить на нее простымъ переходомъ къ очереднымъ дѣламъ. Къ этому рѣшенію примкнули и всѣ „лѣвыя" фракціи Думы за исключеніемъ с.-д-овъ [1]). Декларація министерства, прочитанная въ зас. 6 марта, была сухимъ изложеніемъ той программы либеральныхъ реформъ, которую правительство непрестанно выдвигало за время междудумья, какъ доказательство, что борьба ведется не противъ „общества", а лишь противъ „враговъ общества". Въ основу всѣхъ правительственныхъ законопроектовъ, заявляла декларація, положена „одна общая руководящая мысль"—„создать тѣ матеріальныя нормы, въ которыя должны воплотиться новыя правоотношенія, вытекающія изъ всѣхъ реформъ послѣдняго времени... Отечество наше должно превратиться въ государство правовое" [2]). Декларація кончалась выраженіемъ увѣренности, что „лишь обдуманное и твердое проведеніе въ жизнь высшими законодательными учрежденіями новыхъ началъ государственнаго строя поведетъ къ успокоенію и возрожденію великой нашей родины", и—покрытымъ бурными аплодисментами справа—заявленіемъ, что „трудъ, добрая воля, накопленный опытъ правительства предоставляются въ распоряженіе Государственной Думы, которая встрѣтитъ, въ качествѣ сотрудника, правительство, сознающее свой долгъ хранить историческіе завѣты Россіи и возстановить въ ней порядокъ и спокойствіе, т. е. правительство стойкое и чисто русское, каковымъ должно быть и будетъ правительство Его Величества".

Предсѣдателю совѣта министровъ отвѣчалъ с.-д-ій депутатъ Церетели. Въ сильной рѣчи, безпрестанно прерываемой протестами правыхъ, онъ сопо-

---

[1]) Мотивируя тактику „молчанія" „Рѣчь" писала: „вотумъ недовѣрія по строго-конституціоннымъ порядкамъ ведетъ за собой или отставку министерства или роспускъ Думы", а при настоящемъ положеніи—„выборъ между Столыпинымъ и Думою будетъ сдѣланъ не въ пользу Думы". Т. о. эта мотивировка расширяла вопросъ и отъ частнаго случая аппелировала къ общему правилу отказу отъ выраженія недовѣрія министерства или, иначе, готовности работать съ нимъ во имя „строго конституціонныхъ порядковъ".

[2]) О программѣ обѣщанныхъ „реформъ" см. главу: „Первое междудумье".

ставилъ дѣла министерства со словами его, характеризуя всю правительственную дѣятельность, какъ доказательство „неразрывной связи правительства съ кучкой помѣщиковъ-крѣпостниковъ, живущихъ на счетъ милліоновъ обездоленнаго крестьянства“ [1]). Прочитанная Церетели декларація с.-д-ой фракціи стояла на той же точкѣ зрѣнія, что правительство междудумья „является правительствомъ дворянъ, дѣйствующимъ въ тѣсномъ союзѣ съ крѣпостниками и паразитическими элементами общества“. Въ этомъ же духѣ и съ подчеркиваніемъ очередной задачи — „подчинить исполнительную власть законодательной“ — была составлена и формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, предложенная Думѣ отъ имени с.-д-ой фракціи депутатомъ Джапаридзе. Бурное негодованіе думской „правой“ показывало, что выступленіе с.-д-ой фракціи ударило по больному мѣсту [2]). Но оно не заставило отказаться отъ тактики „молчанія“ фракціи думскаго большинства. Одинъ за другимъ всходили на трибуну ораторы к.-д., с.-р., н.-с., трудовиковъ, мусульманской группы и польскаго коло, чтобы заявить о своемъ присоединеніи къ формулѣ простого перехода къ очереднымъ дѣламъ. Различные представители „правой“ постарались отмѣтить это молчаніе, какъ выраженіе желанія совмѣстной работы съ министерствомъ. „Совмѣстная работа съ правительствомъ возможна“, говорилъ епископъ Платонъ. „Первая Дума хотѣла сразу взять въ свои руки инициативу въ работѣ, а мнѣ думается, что наша Дума могла бы совмѣстно работать съ правительствомъ и потомъ уже въ работѣ инициатива можетъ перейти въ ея руки“ [3]). „Правые и центръ желаютъ труда“, вторилъ ему Крупенскій [4]). „Правительство, которое дало намъ 17 октября“, заявлялъ Пуришкевичъ, „...не есть правительство реакціи, но мы хотимъ, мы, правыя партіи, и всѣ тѣ лица, которыя стремятся къ благу изможденной Россіи, мы хотимъ, чтобы историческое развитіе Россіи было эволюціоннымъ, а не революціоннымъ“ [5]). Но ни это выраженіе „правыми“ полной солидарности съ министерствомъ, ни насмѣшки Синадино, ни настойчивое истолкованіе ими молчанія, какъ отказа второй Думы отъ дѣла, завѣщаннаго ей первою, — ничто не сдвинуло думское большинство съ занятой имъ позиціи.

---

[1]) Стен. отч. т. I, с. 121.

[2]) О рѣчи Церетели правая печать писала: „никогда въ стѣнахъ первой Думы не было произнесено такихъ страшныхъ словъ. Бывали глупыя, дерзкія глупо-оскорбительныя рѣчи, но такой сосредоточенной, сжатой до ужаса ненависти, такого звѣрски-честнаго объявленія безпощадной войны власти еще не было. Нисколько не соглашаясь съ прямолинейностью его революціонной мысли, рвущейся точно изъ вулкана, все-таки поддаешься впечатлѣнію этой силы“. Цитир. у А. Цитрона. 103 дня Второй Думы. СПБ. 1907, стр. 43.

[3]) Ст. о. т. I с. 143.

[4]) Ib. с. 144.

[5]) Ст. отч. т. с. 142.

Оно осталось на ней и тогда, когда для отвѣта с.-д-амъ выступилъ снова Столыпинъ и въ своей рѣчи подтвердилъ и подкрѣпилъ всѣ комментаріи, которые давала его деклараціи думская „правая". Второе выступленіе Столыпина было какъ бы выраженіемъ готовности правительства отдѣлить „центръ" отъ „лѣвыхъ", оппозицію отъ революціи. Первой правительство обѣщало, съ своей стороны, готовность стремиться къ „совмѣстной работѣ", „найти тотъ языкъ, который былъ бы одинаково понятенъ намъ всѣмъ"; министерство сулило оппозиціи возможность „провести тутъ свои взгляды, хотя бы они были противоположны взглядамъ правительства", и обѣщало „привѣтствовать всякое открытое разоблаченіе какого-либо неустройства, какихъ-либо злоупотребленій". Но все это—на извѣстныхъ условіяхъ: „общимъ языкомъ" „не можетъ быть языкъ ненависти и злобы"; Дума должна помнить, что ей „волею Монарха не дано право выражать правительству неодобреніе, порицаніе и недовѣріе"; она должна примириться съ тѣмъ, что, ударяя по революціи, правительство не могло не задѣть и частныхъ интересовъ"; она должна отказаться отъ критики междудумской дѣятельности правительства, ибо „тутъ волею Монарха нѣтъ ни судей, ни обвиняемыхъ, и эти скамьи—не скамьи подсудимыхъ, а мѣсто правительства"; наконецъ, она не должна забывать, что правительство будетъ безпощадно къ „нападкамъ, ведущимъ къ созданію настроенія, въ атмосферѣ котораго должно готовиться открытое выступленіе". И тутъ, переходя къ „лѣвымъ, къ революціи", предсѣдатель совѣта министровъ бросилъ имъ: „не запугаете".

Сохраняя молчаніе и послѣ этой рѣчи, думское большинство молчаливо принимало поставленныя ему условія и покрывало „амнистіей" междудумье. Правительство вышло побѣдителемъ въ первой парламентской битвѣ, и его положеніе на внутренней и международной аренѣ усилилось ровно настолько, насколько слабѣе стала позиція народнаго представительства. Формулы мотивированнаго перехода къ очереднымъ дѣламъ—с.-д-овъ, съ рѣзкой критикой министерства, и правыхъ, связавшихъ одобреніе дѣятельности правительства съ „осужденіемъ террора и революціи",—не были поставлены на голосованіе, ибо значительнымъ большинствомъ Дума рѣшила простой переходъ [1]).

---

[1]) Впослѣдствіи, во время бюджетныхъ преній (зас. 22 марта), к.-д. Родичевъ заявилъ: „мы сознательно подавили въ себѣ голосъ сомнѣнія, и мы въ настоящее время тоже стоимъ передъ судомъ исторіи: не вмѣнится ли намъ въ вину исторіей русскаго народа, что мы на возгласъ „не запугаете" отвѣтили молчаніемъ и подавили въ себѣ голосъ сомнѣній, говорившій: не обманете". Правда, это не помѣшало Родичеву въ той же рѣчи, черезъ нѣсколько фразъ формулировать такое положеніе: „я думаю, господа, уже тѣмъ, что вы явились въ Думу, вы возложили на себя обязанность борьбы за право; вы возложили на себя обязанность предположенія, что противникъ вашъ добросовѣстенъ". Ст. отч. т. 1, с. 978, 979.

* * *

Позиція, занятая к.-д-ой фракціею, не замедлила дать знать себя въ первомъ же вопросѣ, обсужденномъ Думою, — вопросѣ о *продовольственной помощи* голодающему населенію.

Вопросъ о продовольственной помощи возникъ въ засѣданіи 7 марта довольно случайно, въ связи съ предложеніемъ деп. Пьяныхъ (с.-р.) выбрать, въ числѣ прочихъ намѣченныхъ комиссій, и „комиссію для голодающихъ" [1]). Предложеніе это было подхвачено с.-д-ой фракціей, которая придала ему болѣе широкую постановку, связала съ вопросомъ о помощи безработнымъ въ городахъ, и попыталась сдѣлать вопросъ о помощи голодающимъ и безработнымъ однимъ изъ средствъ для связыванія Думы съ демократическими массами населенія [2]). Лѣвая часть Думы приняла эту постановку. Въ предложеніи с.-д. на комиссію возлагалась задача 1) провѣрки продовольственныхъ операцій правительства, 2) анкеты, необходимой для выработки законопроектовъ объ оказаніи помощи голодающимъ и безработнымъ. Притомъ выполненіе той и другой задачи должно было, м. пр., производиться путемъ „разслѣдованія на мѣстахъ".

Послѣ отдѣленія вопроса о помощи безработнымъ, главный бой закипѣлъ именно по вопросу о „разслѣдованіи на мѣстахъ". С.-д. и другія „лѣвыя" фракціи отстаивали право Думы на произведеніе парламентской анкеты на мѣстахъ, ссылаясь, м. пр., на извѣстную комиссію, посланную первою Думою въ Бѣлостокъ для разслѣдованія обстоятельствъ погрома. К.-д-ы, въ виду этой ссылки, не могли формально отрицать наличности такого права у Думы. Но они рѣшительно возставали противъ посылки думскихъ депутатовъ на мѣста и защищали ограниченіе функцій будущей комиссіи разсмотрѣніемъ министерскихъ отчетовъ по продовольственной операціи, исходя изъ соображеній, которыя наиболѣе отчетливо были выражены депутатомъ Родичевымъ, требовавшимъ разсмотрѣнія вопроса „съ точки зрѣнія политической, которая въ настоящее время имѣетъ, м. б., наибольшее значеніе" [3]).

---

[1]) Ст. отч. т. I, с. 185.

[2]) См. рѣчи деп. Алексинскаго, Измайлова, Геруса, Ломтатидзе и др. и формулу перехода с.-д. фракціи. С. о. т. I с. 200, 236, 240, 241, 248 и сл., а также рѣчь Джапаридзе въ зас. 9 марта—с. 296.

[3]) Ib. с. 250. Деп. Кизеветтеръ пояснилъ эту „политическую точку зрѣнія" такъ: „это будетъ бой съ представителями бюрократіи на такой почвѣ, допустимость которой долженъ будетъ признать самъ предсѣдатель совѣта министровъ".— С. 230. А въ засѣданіи 9 марта, развивая дальше тѣ же мысли и отстаивая образованіе комиссіи въ томъ видѣ, какъ предложилъ ее Родичевъ, деп. I. Гессенъ высказалъ убѣжденіе, что „достаточно одного учрежденія такой комиссіи, чтобы отношенія администрація сдѣлались совершенно иными". 306—7. Изъ к.-д. только деп. П. Струве ставилъ, въ связи съ выборами комиссіи, принципіальный вопросъ о „компетенціи полномочій и правахъ самой Г. Д."—с. 255.

Эта позиція слабости и отступленія была немедленно использована правыми, которые, оспаривая принципіально право Думы производить „разслѣдованія на мѣстахъ“ и заявляя, что такія функціи превратятъ продовольственную комиссію въ „филіальное отдѣленіе революціи“ [1]), въ то же время „всецѣло“ присоединялись къ предложенію „товарища Родичева“, какъ иронически выразился Пуришкевичъ [2]).

Однако, разстройство, внесенное въ ряды самой к.-д-й фракціи нападеніемъ слѣва, было такъ велико, что к.-д. употребили всѣ усилія для того, чтобы вопросъ былъ отложенъ [3]). Имъ это удалось. Въ слѣдующемъ засѣданіи выступилъ предсѣдатель совѣта министровъ, воспользовавшійся случаемъ, чтобы явиться толкователемъ правъ Думы. По его толкованію только предложеніе к. д-й фракціи покрывалось законными правами Думы. А потому, сообщивъ, что „надняхъ долженъ быть обнародованъ отчетъ о продовольственной и сѣменной кампаніяхъ“, П. Столыпинъ заявилъ, что „правительство всецѣло и всемѣрно присоединяется къ предложенію, внесенному членомъ Думы Родичевымъ [4]). Послѣ этого, съ отверженіемъ всѣхъ поправокъ, была принята голосами центра и правой противъ лѣвой части Думы формула к.-д.

Чтобы покончить съ продовольственнымъ вопросомъ, надо отмѣтить, что уже въ рѣчи П. Столыпина заключались указанія на намѣреніе правительства потребовать у Думы *продовольственныхъ ассигнованій* на продовольственныя нужды сверхъ назначенныхъ по бюджету. Въ засѣданіи 17 апр. Дума, дѣйствительно, ассигновала дополнительно 6 мил. руб. вопреки протестамъ с.-д. и н.-с., требовавшимъ передачи денегъ не правительственнымъ учрежденіямъ, а обще-земской организаціи [5]). Новое ассигнованіе—въ 17.500.000 р. пришлось Думѣ обсуждать въ засѣданіи 11 мая. Теперь, ссылаясь на выяснившееся уже отсутствіе возможности какого-бы то ни было дѣйствительнаго контроля у продовольственной комиссіи, и с.-д., и трудовики требовали рѣшительнаго отказа въ ассигнованіи — или, точнѣе, въ утвержденіи уже

---

1) См. рѣчь Пуришкевича, с. 233.

2) Изъ среды правыхъ за посылку депутатовъ на мѣста, „во имя живого и прямого рѣшенія вопроса“, стоялъ Крушеванъ. Но для него депутаты, выбранные Думою, должны были просто служить уполномоченными министерства по раздачѣ пособій населенію. Ib. с. 234—6.

3) Аргументируя въ пользу отсрочки и желая внушить членамъ Думы мысль, что откладываніе нужно исключительно въ цѣляхъ приданія рѣшеніямъ Думы технически совершенной формы, деп. Родичевъ заявилъ даже, что будетъ голосовать за первую часть с.-д. формулы (обслѣдованіе дѣйствій правительства, м. пр., и на мѣстахъ), а, м б., и за вторую. См. ст. отч. т. I, с 258.

4) См. отч. т. I, с. 331—2.

5) См. рѣчи Церетели, Алексинскаго, Джапаридзе, Карачевскаго-Волка. Ст. отч. т. I, с. 2254—2267. Изъ правыхъ неожиданно присоединился къ с.-д. предложенію деп. Келеповскій на томъ основаніи, что „въ настоящее время земства являются самымъ консервативнымъ элементомъ“. Ib. с. 2260.

произведеннаго правительствомъ расхода [1]). Рѣшеніе зависѣло отъ польскаго коло. Послѣ перерыва коло заявило о своемъ воздержаніи отъ голосованія [2]), и переходъ къ постатейному чтенію былъ принятъ 176 голосами противъ 149, и затѣмъ былъ принятъ и законопроектъ въ цѣломъ.

Вопросъ о *помощи безработнымъ* былъ, какъ мы видѣли, выдѣленъ въ засѣданіи 7 марта. По иниціативѣ с.-д. Дума приступила къ его обсужденію 15 марта и наткнулась немедленно на тѣ же самые вопросы, которые ей пришлось обсудить при образованіи продовольственной комиссіи. Въ данномъ случаѣ задача облегчалась тѣмъ, что фракція с.-р. представила готовыя основныя положенія законопроекта объ организаціи помощи безработнымъ [3]), которыя и могли послужить матеріаломъ для работъ комиссіи. Но этимъ не устранялся вопросъ о другихъ ея функціяхъ, въ особенности о томъ же „разслѣдованіи на мѣстахъ", которое и тутъ предлагали лѣвыя фракціи. Ораторы к.-д-й фракціи теперь еще меньше отрицали право Думы производить такія разслѣдованія, чѣмъ при обсужденіи продовольственнаго вопроса.

Но мин. торговли и промышленности категорически заявилъ, что считаетъ посылку депутатовъ на мѣста незаконною [4]). Колеблясь между нежеланіемъ открыто отречься отъ своихъ правъ и соображеніями, продиктованными „политической точкой зрѣнія", думское большинство признало вопросъ „невыясненнымъ" и, вопреки настояніямъ деп. Церетели, онъ такъ и не былъ рѣшенъ ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ, повисъ въ воздухѣ [5]).

Но вопросъ о помощи безработнымъ представлялъ острый политическій интересъ еще и въ другомъ отношеніи. Въ своей первой же рѣчи деп. Джапаридзе (с.-д.) выяснилъ дѣйствительный характеръ массовой безработицы [6]), угнетавшій рабочій классъ въ Россіи. Джапаридзе указалъ, что безработица эта является слѣдствіемъ не только и, б. м., даже не столько экономическаго кризиса, сколько тѣхъ преслѣдованій, въ видѣ локаутовъ, массовыхъ разсчетовъ за забастовки и т. п., которыми побѣдившая контръ-революція мстила рабочему классу за роль,

---

[1]) См. рѣчи Измайлова (с.-д.) и Березина (труд.). Ст. отч. т. II, с. 466 и 493. „Или это есть преступленіе, или это есть сумасшествіе", заявилъ о позиціи с.-д. и труд. деп. Родичевъ. Ib. с. 512.

[2]) Ib., с. 515.

[3]) См. рѣчь деп. Архангельскаго. С. о. т. I, с. 573.

[4]) Ст. отч. т. I, с. 612.

[5]) Ib. с. 625—627. Вопросъ о посылкѣ депутатовъ для разслѣдованія на мѣста былъ возбужденъ еще разъ въ засѣданіи 12 апрѣля въ связи съ запросомъ о пыткахъ въ Ригѣ. Но и въ этомъ случаѣ онъ былъ оставленъ безъ отвѣта. Соотвѣтствующее предложеніе с.-д. было, согласно мнѣнію I. Гессена передано въ комиссію по запросамъ „для постановки вопроса о возможности посылки депутатовъ на мѣста для разслѣдованія вообще". Въ этой комиссіи оно и было погребено. Ст. отч. т. I, с. 1977—1980.

[6]) Ib. с. 556—566.

сыгранную имъ въ освободительномъ движеніи. Т. о. помощь безработнымъ дѣлалась элементарною политическою обязанностью классовъ и партій, продолжавшихъ стоять на почвѣ этого движенія.

Но поэтому именно правительство выступило рѣшительно противъ широкой постановки вопроса о помощи безработнымъ. Министръ торговли и промышленности категорически и съ особеннымъ удареніемъ заявилъ: „правительство можетъ идти на помощь безработнымъ, когда идетъ вопросъ о помощи безработнымъ, не имѣющимъ работы вслѣдствіе промышленнаго кризиса или стихійныхъ причинъ. Но когда поднимается вопросъ о томъ, чтобы правительство, чтобы государство приходило на помощь безработнымъ, страдающимъ отъ безработицы не вслѣдствіе непреодолимыхъ условій, а по собственной волѣ отъ забастовокъ, то я долженъ заявить, что правительство на такого рода ассигновки не пойдетъ никогда“. [1]).

К.-д-ая фракція, вѣрная принятой ею политической линіи, склонилась и передъ этимъ требованіемъ. Ея формула предусматривала обсужденіе вопроса о помощи лишь „безработнымъ, пострадавшимъ отъ промышленнаго кризиса“ [2]), а ея ораторъ, Кутлеръ, мотивировалъ это предложеніе тѣмъ, что иначе Дума поставитъ передъ собою „задачу необъятную [3]). Т. о. къ отказу отъ пользованія своими правами въ настоящемъ присоединялось въ вопросѣ о безработныхъ, во имя „береженія Думы“, отреченіе отъ недавняго прошлаго. За бортъ выкидывались не только забастовщики „дней свободы“, но и тѣ рабочіе, которые еще недавно откликнулись на призывъ „выборгскаго воззванія“.

Это было, однако, уже слишкомъ для тѣхъ, чья „политическая точка зрѣнія“ не допускала—въ данный моментъ, по крайней мѣрѣ,—такого откровеннаго разрыва съ недавнимъ прошлымъ. Не только польское коло, но и часть членовъ к.-д-ой фракціи отказались поддерживать к.-д-ую формулу и, при голосованіи выходомъ въ двери, 223 голосами противъ 202 при 11 воздержавшихся была принята поправка с.-д. объ исключеніи словъ „пострадавшихъ отъ промышленнаго кризиса“ [4]).

Практическихъ результатовъ въ смыслѣ помощи ни продовольственная комиссія, ни комиссія о безработныхъ не дали. Но, какъ при самомъ возникновеніи ихъ, такъ и въ дальнѣйшемъ вокругъ нихъ фактически велась борьба за права народнаго представительства. Разъ начатое отступленіе логически вело къ тому, что Дума все дальше и дальше катилась по наклон-

---

1) Ib., c. 614.

2) Ib., c. 551.

3) Ib., c. 586

4) Ib., c. 624. Въ зас. 18 мая въ Г. Д. былъ внесенъ 34 депутатами проектъ закона объ ассигнованіи средствъ для выдачи городскимъ обществ. управленіямъ ссудъ на производство обществ. работъ для безработныхъ. С. о. т. II, с. 829.

ной плоскости. Правительство, „всецѣло и всемѣрно“ поддержавшее предложеніе Родичева, на практикѣ показало дѣйствительный смыслъ этого предложенія въ данной обстановкѣ. Продовольственная комиссія тщетно пыталась сквозь груду бумажной отчетности, которою ее заваливали, пробиться къ дѣйствительной провѣркѣ, хотя бы тѣхъ операцій по продовольственному дѣлу, которыя уже были произведены [1]). Когда-же ея члены попытались выйти изъ этого заколдованнаго круга, вопросъ о правахъ Думы, который тщательно избѣгала подымать к.-д. фракція, выплылъ немедленно-же въ видѣ вопроса о *правахъ комиссій*. Обращеніе предсѣдателя продовольственной комиссіи за свѣдѣніями къ земскимъ управамъ вызвало тотчасъ же рѣшительный отпоръ со стороны министерства. Письмомъ на имя предсѣдателя Думы П. А. Столыпинъ заявилъ категорически, что „подобнаго положенія вещей правительство, конечно, допустить не можетъ и ни въ какомъ случаѣ не допуститъ“. а циркуляромъ губернаторамъ предписалъ передать земскимъ управамъ запрещеніе пересылать какія бы то ни было свѣдѣнія въ думскія комиссіи [2]).

Тогда продов. комиссія попыталась выйти изъ тупика, приглашая на свои засѣданія „свѣдущихъ лицъ“. Но и этотъ шагъ ея встрѣтилъ немедленно протестъ со стороны премьеръ-министра, хотя право думскихъ комиссій приглашать на свои засѣданія экспертовъ не только вытекало изъ предоставленнаго Думѣ учрежденіемъ 20 февраля права совершенно самостоятельно опредѣлять внутренній распорядокъ своихъ работъ, но и было формулировано въ § 44 выработанной первой Думою части наказа, своевременно распубликованной сенатомъ [3]).

Положеніе складывалось такъ, что уклониться дальше отъ прямой постановки вопроса сдѣлалось невозможнымъ, и предсѣдатель Думы обратился къ П. А. Столыпину съ вопросомъ, „на основаніи какихъ статей закона предсѣдатель совѣта министровъ можетъ обращаться съ подобнаго рода запросомъ къ предсѣдателю Государственной Думы“. „Въ учрежденіи Г. Д.. писалъ Ф. Головинъ, есть ст. 36, которая даетъ Гос. Думѣ право обращаться къ министрамъ и главноуправляющимъ съ запросами по поводу ихъ незакономѣрныхъ дѣйствій, но нѣтъ статьи, которая давала бы право министрамъ дѣлать запросъ Государственной Думѣ или ея предсѣдателю“. На это письмо П. Столыпинъ отвѣтилъ, что лишь „законы вѣжливости“ заставляли его вступать въ переписку съ предсѣдателемъ Думы. Въ подтвержденіе же своего права вмѣшиваться въ вопросъ о приглашеніи „свѣдущихъ лицъ“ комиссіями сослался на правила о допущеніи постороннихъ лицъ на засѣданія Г. Д. и объ охранѣ Таврическаго дворца. Пользуясь этими пра-

---

[1]) См. „Изъ продов. комиссіи“ въ газ. „Народная Дума“ № 11 отъ 23 марта.
[2]) Сообщеніе „Освѣдом. бюро“ въ „Нар. Думѣ“, № 13, отъ 25 марта.
[3]) См. ст. „Казенные законники“ въ „Н. Думѣ“, № 14 отъ 27 марта.

вилами, онъ далъ начальнику думской охраны прямой приказъ не допускать въ зданіе дворца „свѣдущихъ лицъ". Фактически вопросъ, о которомъ шелъ споръ, вопросъ о правахъ Думы, былъ рѣшенъ въ пользу министерства, но не путемъ казуистическаго толкованія юридическихъ правъ Думы, а путемъ открытаго примѣненія полицейской силы [1]). „Вопросъ сразу потерялъ свое принципіальное значеніе", писало по этому поводу „Право". Въ дѣйствительности, наоборотъ, лишь на этой стадіи раскрывался во всемъ своемъ принципіальномъ содержаніи вопросъ о взаимоотношеніи между Думою и силами „стараго порядка", который министерство старалось прикрыть либеральною фразеологіею, а думскій либерализмъ—непрерывнымъ отступленіемъ и сдачей позицій парламентской борьбы безъ боя. За праздничной декораціей „совмѣстной работы" ясно проступали неприглядныя черты грубой дѣйствительности... [2]).

Еще нагляднѣе выступили эти черты въ вопросѣ объ отмѣнѣ *военно-полевыхъ судовъ*. Для думскаго большинства, скомпрометировавшаго себя въ глазахъ демократическихъ массъ своими первыми шагами и имѣвшаго въ виду и дальше идти по пути попытокъ „совмѣстной работы" съ министерствомъ, вопросъ этотъ пріобрѣталъ особое значеніе. Онъ не только долженъ былъ привлечь симпатіи широкихъ слоевъ къ Думѣ, но разрѣшеніе его должно было послужить доказательствомъ правильности избраннаго пути. Правительство не внесло въ Думу закона о в.-п. судахъ, изданнаго въ порядкѣ 87 статьи. Правда, у него было еще 2 мѣсяца впереди для такого внесенія, но пока что невнесеніе толковалось такимъ образомъ, что черезъ 2 мѣсяца законъ падаетъ самъ собою. Думскому большинству было, однако, важно добиться немедленной отмѣны закона. Согласіе правительства на такую отмѣну должно было послужить доказательствомъ искренности предложеннаго министерствомъ Думѣ „сотрудничества". К.-д-ая фракція ожидала даже, что пред. сов. министровъ не воспользуется предоставленнымъ ему мѣсячнымъ срокомъ для дачи своего заключенія по думскому законопроекту, а немедленно выразитъ свое согласіе на него: „если его (П. А. Столыпина) декларація не только слова, не одни обѣщанія, то министерство присоединится къ намъ въ этомъ вопросѣ и, не выжидая мѣсячнаго срока, само скажетъ: позора военно-полевого убійства въ Россіи больше не будетъ" [3]).

Но еще раньше, чѣмъ Дума приступила къ обсужденію вопроса о направленіи законопроекта, въ оффиціальной печати начало усиленно прово-

---

[1]) См. „Право" № 13, отъ 1 апр., передовая и ст. „Законъ вѣжливости вмѣсто законовъ конституціонныхъ" въ „Н. Думѣ", № 18, отъ 31 марта.

[2]) Совершенно однородныя здоключенія испытывали и другія думскія комиссіи. См., напр., о затрудненіяхъ, чинившихся м-омъ комиссіи о мѣстномъ судѣ, въ рѣчи докладчика І. Гессена. Ст. отч. зас. 28 мая, т. 2 с. 1342.

[3]) Рѣчь деп. Маклакова (к.-д.) въ зас. 12 марта. Ст. о. т. І, с. 392.

диться мнѣніе, по которому Дума вовсе не вправѣ приступить самостоятельно къ отмѣнѣ закона о в.-п. судахъ. Ст. 87 толковалась такимъ образомъ, что законы, изданные по этой статьѣ, могутъ быть отмѣнены лишь въ томъ случаѣ, если правительство внесетъ ихъ въ законодательныя учрежденія, а эти послѣднія ихъ отклонятъ. Въ противномъ случаѣ законы, изданные въ порядкѣ 87 ст., прекращаютъ свое дѣйствіе лишь по истеченіи двухъ-мѣсячнаго срока со дня созыва законодательныхъ учрежденій. Юридическая сила этой попытки ограничительнаго толкованія правъ Думы была ничтожна. Но дѣло было не въ юридической аргументаціи, а въ томъ, что за казуистикой оффиціозовъ ясно проглядывало намѣреніе самаго министерства идти все дальше и дальше по пути урѣзыванія компетенцій и полномочій народнаго представительства. И, дѣйствительно, предсѣдатель сов. министровъ всталъ цѣликомъ на точку зрѣнія оффиціозовъ, заявивъ притомъ, что „если даже принять другую точку зрѣнія", „то и въ этомъ случаѣ обсуждаться по существу этотъ вопросъ можетъ не ранѣе мѣсяца", т. е. не ранѣе 12 апрѣля[1]).

Такая позиція П. А. Столыпина была большимъ ударомъ для к.-д-ой фракціи и шедшихъ за нею группъ. Еще бо́льшимъ ударомъ оказалась позиція предс. сов. министровъ по существу вопроса. Что юридическая природа военно-полевыхъ судовъ ничего общаго съ природой дѣйствительныхъ судовъ не имѣетъ,—насчетъ этого въ Думѣ споровъ не было[2]). Это признавалъ и самъ П. А. Столыпинъ: „въ этой плоскости мышленія (въ оцѣнкѣ в.-п. судовъ, „какъ судебнаго, какъ юридическаго института") я думаю, что я ни съ г. Маклаковымъ, ни съ другими ораторами, отстаивающими тотъ же принципъ,—я думаю, что я съ ними не разошелся бы".

Но въ томъ и было дѣло, что для дѣйствительности борьбы противъ в.-п. судовъ эту борьбу приходилось поставить вовсе не въ „эту плоскость мышленія". Никакія, поистинѣ потрясающія рѣчи, какъ рѣчь свящ. Тихвинскаго, рисовавшаго ужасное положеніе духовника, являющагося для послѣдняго напутствія къ осужденному на смертную казнь[3]); никакія описанія кровавыхъ жестокостей; никакія юридическія обличенія не могли подѣйствовать на тѣхъ, кто требовалъ „муравьевскаго галстуха"[4]) для всѣхъ, еще не казненныхъ революціонеровъ, кто самъ видѣлъ въ этихъ „судахъ" актъ „расправы" и, какъ выяснилъ с.-д. ораторъ, пускалъ ихъ въ ходъ въ видѣ

---

[1]) Рѣчь П. А. Столыпина въ зас. 13 марта. С. о. т. I, с. 512—3.

[2]) „Это есть не судъ, это есть расправа", заявилъ правый депутатъ Синадино. С. о. т. I, с. 473.

[3]) Ст. отч. т. I, с. 431 и сл.

[4]) Выраженіе Пуришкевича. Ib. с. 380.

орудія борьбы за существованіе контръ-революціонной „государственности", окрашенной въ яркій дворянско-бюрократическій цвѣтъ[1]).

Не только вся лѣвая часть Думы и ея центръ, но и польское коло, и октябристы были единодушны въ требованіи отмѣны закона о в.-п. судахъ. С.-р.[2]) и трудовики[3]) требовали единовременной отмѣны всѣхъ военныхъ судовъ и исключительныхъ положеній, а с.-д. внесли поправку, по которой лица, не состоящія на дѣйствительной военной службѣ, ни при какихъ условіяхъ не могли бы предаваться военному суду[4]). Изъ правыхъ за отмѣну в.-п. судовъ высказался Крушеванъ на томъ основаніи, что эта отмѣна развяжетъ народный самосудъ[5]). Въ общемъ же правые—и въ этомъ къ нимъ примыкали октябристы—требовали отъ Думы „осужденія террора", какъ необходимаго условія для досрочной отмѣны в.-п. судовъ. Врядъ-ли, однако, въ такой постановкѣ вопроса сказывалось нѣчто большее, чѣмъ желаніе заставить думское большинство, и особенно к.-д. фракцію, сдѣлать шагъ, политическое значеніе котораго мы уже неоднократно выясняли И, б. м., откровеннѣе высказалъ дѣйствительное отношеніе „правыхъ" къ в.-п. судамъ деп. Крупенскій, когда неожиданно заявилъ, что, для возможности отмѣны в.-п. судовъ, необходимо предварительное разрѣшеніе вопросовъ 1) еврейскаго, 2) польскаго и 3) земельнаго,—т. е. тѣхъ именно вопросовъ воинствующаго націонализма и землевладѣнія, разрѣшеніе которыхъ контръ-революціонная „государственность" ставила своею задачею или писала на своемъ знамени[6]).

Точно такъ же и предсѣдатель совѣта министровъ придалъ вопросу объ „осужденіи террора" лишь ограниченное значеніе. Въ случаѣ, если „Дума толкнетъ Россію на спокойную работу", П. А. Столыпинъ обѣщалъ лишь „ограничить этотъ суровый законъ только самыми исключительными случаями" и не вносить его „на утвержденіе законодательнаго собранія" въ теченіе остающагося еще до истеченія 2 мѣсяцевъ срока[7]). Оправданіе же „расправы" въ глазахъ П. Столыпина заключалось въ „государственной необходимости", которая „стоитъ выше права", разъ „государство" находится въ „состояніи необходимой обороны": „когда домъ горитъ, господа, вы вламываетесь въ чужія квартиры, вы ломаете двери, ломаете окна", и

---

[1]) См. рѣчь Алексинскаго. Ib. с. 465 и сл.

[2]) Рѣчь Ширскаго. Ib. с. 364—5.

[3]) Рѣчь Булата. Ib. с. 371.

[4]) Рѣчь Геруса. Ib. с. 420.

[5]) Ib., с. 377—9. Во время рѣчи деп. Тесленко (к.-д.), говорившаго объ авторахъ погромовъ, деп. Крушеванъ вызывающе всталъ и раскланялся. См. „Нар. Дума" 13 марта. № 2. Ст. „Въ Гос. Думѣ".

[6]) Рѣчь Крупенскаго. Ib. с. 446.

[7]) Ib. с. 516—7. Эти слова П. А. Столыпина подтверждали, что, въ началѣ дѣятельности Думы, правительство вовсе еще не оставляло мысли внести законъ въ Думу.

„Россія сумѣетъ отличить кровь на рукахъ палачей отъ крови на рукахъ добросовѣстныхъ врачей". И Столыпинъ рѣшительно отказывался дать свое согласіе на законопроектъ, какъ на „гласную уступку революціи".

Рѣчь П. А. Столыпина вызвала глубокое разочарованіе въ тѣхъ думскихъ кругахъ, которые разсчитывали на готовность правительства пойти навстрѣчу Думѣ. Разсчеты эти казались настолько достовѣрными, что к.-д. фракція сначала внесла предложеніе, чтобы комиссія, въ которую долженъ былъ поступить законопроектъ, окончила свою работу въ 24 часа. Теперь—разъ Дума не рѣшалась или не могла выйти за предѣлы своихъ законныхъ правъ,— эта спѣшка становилась излишнею, и законопроектъ былъ сданъ въ комиссію въ обычномъ порядкѣ [1]).

Изъ комиссіи законопроектъ вышелъ къ 17 апрѣля, когда и былъ принятъ единогласно съ тѣмъ существеннымъ дополненіемъ, что всѣ дѣла, по которымъ приговоры в. п. судовъ еще не приведены въ исполненіе или по которымъ осужденные отбываютъ еще наказаніе, должны быть немедленно заново разсмотрѣны въ обще-судебномъ порядкѣ. Единогласіе было достигнуто лишь потому, что въ голосованіи фактически не приняли участіе правые, протестовавшіе къ тому же противъ того, что законопроектъ обсуждался въ день, когда не былъ поставленъ на повѣстку. Это обстоятельство дало поводъ къ агитаціи, обвинявшей Думу въ незаконномъ образѣ дѣйствій. Предполагалось, что Г. С., ссылаясь на формальныя правонарушенія, откажется принять законъ къ разсмотрѣнію. Этого однако не случилось, и Гос. Совѣтъ просто отвергъ законъ. Правительство же законъ 19 авг. 1906 г. на утвержденіе Думы не внесло.

Мы уже говорили, что позиція министерства въ вопросѣ о в. п. судахъ вызвала большое разочарованіе въ фракціяхъ к. д. и примыкавшихъ къ нимъ. Но для к. д-ой фракціи это разочарованіе было поводомъ не свернуть съ разъ избраннаго пути „малаго законодательства", а, наоборотъ, еще настойчивѣе идти по нему, еще большую уступчивость проявить по отношенію къ министерству, занявшему по отношенію къ Думѣ явно наступательную позицію. Это сказалось уже въ томъ самомъ засѣданіи 13 марта, когда П. А. Столыпинъ произнесъ свою рѣчь о в.-п. судовъ. Упорное требованіе „правыхъ" — принять немедленно же резолюцію, осуждающую тер-

---

[1]) „Когда мы предложили обязать комиссію представить работу въ 24 часа, говорилъ к.-д. депутатъ В. Гессенъ, мы, разумѣется, имѣли въ виду возможность немедленнаго обсужденія проекта въ Г. Д., разсчитывая на то, что г. предсѣдатель совѣта министровъ не пожелаетъ воспользоваться тѣмъ мѣсячнымъ срокомъ, который предоставленъ ему по закону. Въ настоящее время, разъ выяснилось, что точка зрѣнія г. предсѣдателя совѣта министровъ иная, я полагаю, что обязывать комиссію опредѣленнымъ срокомъ представляется совершенно ненужнымъ и безполезнымъ". С. о. т. I с. 524.

ворь и революцію, „чтобы снять обвиненіе съ Г. Д. въ томъ, что (требуя отмѣны в.-п. судовъ. Ф Д.) она покровительствуетъ революціонному террору"— вызвало, очевидно, такую панику въ части к. д-ой фракціи, что, спасаясь отъ натиска правыхъ, к.-д. Кизеветтеръ счелъ умѣстнымъ— „попросить присутствующаго здѣсь предсѣдателя совѣта министровъ дать намъ свое заключеніе: входитъ ли по учрежденію о Г. Д. въ компетенцію Г. Д. принятіе... общей резолюціи, декларацін общаго этическаго характера" [1]). Благодаря рѣзкой отповѣди предсѣдательствовавшаго Ф. Головина [2]), непосредственныхъ практическихъ результатовъ эта унижающая Думу выходка не имѣла, но она характерно иллюстрировала настроеніе извѣстной части думскаго большинства. Настроеніе это наложило свою печать и на всю дальнѣйшую работу Думы.

* * *

Настроеніе упадка и нерѣшительности сказалось и при обсужденіи *земельнаго вопроса*, поглотившаго значительную часть думскаго времени: общія пренія, начавшіяся 19 марта, закончились лишь къ 26 мая.

Въ характеристику принципіальной позиціи думскихъ фракцій эти пренія внесли мало новаго по сравненію съ преніями въ 1-ой Думѣ. Всѣ фракціи сохранили свои принципіальныя точки зрѣнія, но только аграрныя программы с. д-овъ [3]) и с. р-овъ и н. с.-овъ получили болѣе опредѣленное и яркое выраженіе, благодаря наличности сильныхъ и хорошо организованныхъ фракцій.

Полнѣе развернулась и *программа партій праваго крыла* Думы. Въ сущности, эта программа сводилась къ поддержкѣ и развитію положенія, созданнаго и намѣченнаго междудумскимъ законодательствомъ [4]). Вопросъ о пагубности, съ точки зрѣнія партій патріархальной реакціи, разрушенія общины указомъ 9 ноября не ставился сколько-нибудь отчетливо и послѣдовательно. Первый же ораторъ „правой"—кн. Святополкъ-Мирскій почти исчерпалъ варіировавшуюся затѣмъ на разные лады аграрную программу контръ-революціи, когда говорилъ: „Итакъ, господа, оставьте мысль объ увеличеніи площади крестьянскаго землевладѣнія, кромѣ исключительныхъ случаевъ дѣйствительной земельной тѣсноты; всѣ силы своего духа обратите на разселеніе крестьянства, а чтобы вамъ было съ кѣмъ работать, поддер-

---

[1]) С. о. т. I с. 529.

[2]) „Лицами, компетентными въ разрѣшеніи вопроса о томъ, что подлежитъ сужденію Думы и что нѣтъ, являются предсѣдатель Думы и сама Дума (громкіе аплодисменты слѣва и центра). Слова предсѣдателю совѣта министровъ я по этому вопросу не даю". Ib.

[3]) Литовская с.-д. внесла свой собственный проектъ. См. ст. о. т. II, с. 681.

[4]) См., напр., „программу" Пуришкевича. Ст. о. т. I, с. 1532—3.

жите и сохраните частныхъ владѣльцевъ... Если мы не будемъ дорожить нашими частными владѣльцами... то мы рискуемъ въ недалекомъ будущемъ поставить наше сѣрое, темное, невѣжественное крестьянство въ положеніе стада безъ пастыря" [1]).

Итакъ - разселеніе и поднятіе „культуры", какъ единственный путь разрѣшенія аграрнаго вопроса, и поддержка „частныхъ владѣльцевъ", помѣщиковъ, какъ необходимый первый шагъ на этомъ пути, — такова офиціальная „программа" правыхъ. Какъ мы уже говорили, всѣ другіе ораторы „правыхъ"—за исключеніемъ части крестьянъ, о чемъ еще скажемъ ниже,— въ томъ или иномъ видѣ повторяли ходъ разсужденій кн. Святополкъ-Мирскаго [2]). Особую ноту въ эти разсужденія вносили лишь демагогическіе ораторы „правой", старавшіеся изобразить покушеніе на помѣщичью собственность—покушеніемъ и на крестьянскую и даже покушеніемъ на всякую собственность вообще, изобразить не только конфискацію дворянскихъ земель, но и принудительное отчужденіе ихъ по фиксированной оцѣнкѣ—непосредственнымъ прологомъ соціальной революціи. Утопическіе проекты „соціализаціи земли", развивавшіеся фракціей с. р-овъ, давали до нѣкоторой степени благодарный матеріалъ для такого рода демагогіи, разсчитанной на запугиванье крестьянъ и буржуазіи. Но этого матеріала было все же недостаточно, и ораторы правой дополняли его собственными разсужденіями. „Мы ожидали услышать сокрушающіе аргументы противъ самаго понятія о собственности, говорилъ деп. Келеповскій. Однако, мы ихъ не слыхали". Но, во всякомъ случаѣ, „если собственность прикосновенна, то мы не понимаемъ, почему собственникъ земли долженъ потерять свое имущество, а собственникъ закладныхъ листовъ, которыми эта земля обезпечена (которые этою землею обезпечены? Ф. Д.), терять его не долженъ" [3]).

---

[1]) Ст. о. т. I, с. 707.

[2]) Изъ не крестьянскихъ правыхъ депутатовъ неожиданнымъ сторонникомъ расширенія крестьянскаго землевладѣнія и чуть-ли не принудительнаго отчужденія явился еп. Евлогій, депутатъ Холмской Руси: „отъ имени 3000 русскаго населенія Холмскаго края мнѣ поручено горячо просить Г. Думу не забыть при рѣшеніи аграрнаго вопроса, и этотъ отдаленный бѣдный уголокъ русской земли. Наши холмскіе крестьяне, страдающіе отъ малоземелья и безземелья, также ждутъ расширенія площади крестьянскаго землевладѣнія. Они желаютъ рѣшить этотъ вопросъ точно такъ же, какъ онъ будетъ рѣшенъ для всего всероссійскаго крестьянства". Эта готовность поддержать на „всероссійскихъ" основаніяхъ отчужденіе земель польскихъ помѣщиковъ, вопреки требуемой польскимъ коло автономіи Польши въ аграрномъ вопросѣ, подчеркивалась еп. Евлогіемъ, какъ „новое и весьма сильное доказательство необходимости скорѣйшаго выдѣленія Холмской Руси изъ состава Царства Польскаго". Ст. отч. т. I, с. 1942.

[3]) Ст. отч. т. I, с. 1507—8. См. также рѣчи другихъ правыхъ ораторовъ и, особенно, деп. Шульгина съ его шутовской программой партіи „соціаль-капиталистовъ". Ib. с. 1142. Или рѣчь деп. Крупенскаго: „несомнѣнно, что если дѣлить землю, то нужно дѣлить логически и капиталъ", и т. д. Ib. с. 784. Деп. Келеповскій указалъ, впрочемъ,—вполнѣ въ духѣ демагогически-націоналистической

Особую позицію занимали правые депутаты-крестьяне—за исключеніемъ крестьянъ такого типа, какъ депутаты западнаго края Балло, Мельникъ и др., являвшіеся представителями сравнительно крупныхъ арендаторовъ и съ тѣмъ большею готовностью поддерживавшіе „правыхъ", что демагогически-націоналистическая часть „правой" программы давала — на словахъ, по крайней мѣрѣ,—полное удовлетвореніе ихъ мѣстнымъ интересамъ. Рядовые же правые крестьяне, подчеркивая свой монархизмъ, націонализмъ, антисемитизмъ и т. д., въ то же время по земельному вопросу отдѣлились отъ своихъ ближайшихъ сосѣдей по думскимъ скамьямъ. Такъ деп. Шиманскій предлагалъ „членамъ Думы, помѣщикамъ, чтобы они вышли на эту каѳедру и сказали, что они желаютъ уступить крестьянамъ по справедливой оцѣнкѣ землю" [1]), а деп. Петроченко шелъ еще дальше и заявлялъ о предложенной деп. Кутлеромъ „справедливой оцѣнкѣ", что „мы, крестьяне, бѣдные, столько не можемъ заплатить" [2]).

Главное значеніе аграрныхъ преній во 2-ой Думѣ состояло, однако, не въ детальномъ развитіи тѣхъ или иныхъ программъ, а въ роли, которую они играли въ *политической борьбѣ*, кипѣвшей вокругъ Думы.

программы, на почвѣ которой стоялъ и еп. Евлогій,—обширный источникъ для надѣленія землею „русскихъ" крестьянъ, а именно—„инородческія" земли: татарскія,- ибо Херсонская и Таврическая губерніи—„это 10 мил. десятинъ земли, завоеванныхъ у мусульманъ", а „главное значеніе этихъ завоеваній въ томъ, что они образовали запасный фондъ, которымъ русскій народъ можетъ воспользоваться тогда, когда онъ ему понадобится"; киргизскія,—ибо „мы вовсе не покривимъ душою и не нарушимъ законовъ, если скажемъ киргизамъ: настало время уступить землю, которою вы временно пользовались, русскому народу"; кавказскія,—ибо „для того и существуютъ казенныя земли, чтобы селить на нихъ русскій народъ"; польскія,—ибо часть конфискованныхъ послѣ возстанія земель была отдана полякамъ обратно, а „земли, конфискованныя за преступленія противъ русскаго народа, должны быть ему возвращены"; наконецъ, такъ какъ „сочли необходимымъ и полезнымъ для русскаго народа ослабить польскіе элементы", то долженъ быть возстановленъ отмѣненный, „благодаря польской интригѣ" законъ о принудительной продажѣ земли польскими помѣщиками, и „это дастъ земельный фондъ въ сѣверо-западномъ краѣ". Ib. с. 1509—1510. Какъ извѣстно, часть этой программы—по отношенію къ киргизскимъ землямъ—была приведена въ исполненіе третьей Государственной Думой; вся же она въ цѣломъ была съ тѣхъ поръ неоднократно используема въ агитаціонной платформѣ націоналистической демагогіи.

[1]) С. о. т. I, с. 1617.

[2]) С. о. т. I, с. 1616. Доводъ, что принудительное отчужденіе противорѣчитъ закону, Петроченко отводилъ тѣмъ, что „закона надо придерживаться, но для того, чтобы устранить малоземелье, нужно написать такой законъ, чтобы все это и сдѣлать по закону", а попытки направить вниманіе крестьянъ на другую землю, кромѣ помѣщичьей, или на поднятіе „культуры" вызвали у него ядовитую реплику: „сколько преній не ведите, другого земного шара не создадите. Придется, значитъ, эту землю намъ отдавать... А что мы невѣжественны, такъ мы ничего иного и не просимъ, какъ земли, чтобы по своей глупости въ ней же ковыряться. Со своей стороны я думаю, что, конечно, дворянину и неприлично возиться съ землей". Ib. 1615.

„Государственная Дума, писалъ правительственный офиціозъ [1]), своимъ отношеніемъ къ земельнымъ законамъ ясно покажетъ Россіи, желаетъ ли и можетъ ли она работать на благо страны, или, по примѣру ея печальной предшественницы, будетъ лишь создавать затрудненія правительству и Родинѣ". Вопросъ былъ, такимъ образомъ, поставленъ ясно: отношеніе правительства къ Г. Думѣ и къ самому существованію ея ставилось въ зависимость отъ ея отношенія къ междудумскому земельному законодательству, имѣвшему цѣлью „огражденіе неприкосновенности частной собственности отъ всякихъ на нее посягательствъ". Думѣ предстояло либо санкціонировать это законодательство, либо вступить на почвѣ аграрнаго вопроса въ безпощадную борьбу съ тѣми соціальными силами, политическое господство которыхъ нашло въ этомъ законодательствѣ свое выраженіе. Аграрный вопросъ выступилъ, въ первую голову, какъ вопросъ политическій.

Такъ именно поставилъ его первый же с.-д. ораторъ, депутатъ Церетели. Онъ исходилъ изъ того, что „Россія переживаетъ теперь такую минуту", когда, говоря недавними словами предсѣдателя совѣта министровъ, „государственная необходимость стоитъ выше права". „Но почему же, спрашивалъ Церетели, государственная власть возвышается надъ правомъ лишь тогда, когда дѣло идетъ о раздачѣ народныхъ земель помѣщикамъ или о томъ, чтобы давить живыя силы страны, рвущіяся къ свободѣ, и отказывается стать выше права тогда, когда рѣчь идетъ о защитѣ такого сомнительнаго права, какъ право помѣщиковъ на землю?" Отвѣтъ Церетели находилъ въ дворянски-помѣщичьемъ характерѣ новѣйшей русской „государственности". „И вотъ, вся задача настоящаго момента заключается именно въ томъ, чтобы разрушить эту государственность съ ея помѣщичье-бюрократической основой и на развалинахъ этой государственности создать государственность современную, на новыхъ, культурныхъ началахъ. Во имя этой высокой задачи, во имя этой новой государственности должно быть разрушено священное право помѣщиковъ, должно быть принесено въ жертву помѣщичье землевладѣніе" [2]). Т. о., предоставляя будущему подробное рѣшеніе вопроса о судьбахъ отобранной у помѣщиковъ земли, с.-д-ая фракція выдвигала уничтоженіе помѣщичьяго землевладѣнія, борьбу съ дворянствомъ, какъ очередную политическую задачу всего буржуазнаго общества, устраняя тѣмъ самымъ, съ одной стороны, безконечные и безплодные дебаты о дѣлежѣ шкуры неубитаго еще медвѣдя, въ которыхъ потонула первая Дума,, а съ другой, — отрѣзывая всякую возможность домагогическаго истолкованія своей позиціи, какъ непосредственнаго акта пролетарской „соціальной революціи".

---

1) „Россія" 28 февр. 1906.
2) С. о. т. I, с. 727—8.

Но эта ясная, открытая и послѣдовательная постановка не была принята большинствомъ Думы. Для ея принятія нужна была такая степень готовности къ безпощадной борьбѣ у однихъ, пониманія связи между соціальными запросами крестьянской массы и вопросами политическаго освобожденія у другихъ,—какой въ Думѣ не было въ наличности. Трусливая политика компромиссовъ к.-д-ой фракціи, соціальный утопизмъ фракцій революціоннаго и демократическаго народничества, политическая наивность и иллюзіи рядовыхъ крестьянскихъ депутатовъ соединились, чтобы заставить вторую Думу покатиться по той же наклонной плоскости многорѣчивыхъ и безплодныхъ преній, какъ и первую. Первый же ораторъ к.-д., говорившій непосредственно вслѣдъ за Церетели, деп. Кутлеръ, заявивъ о вѣрности своей принципу принудительнаго отчужденія, обошелъ полнымъ молчаніемъ вытекавшую отсюда политическую проблемму и всю свою рѣчь посвятилъ исключительно критикѣ распредѣленія отчужденной земли по проекту трудовой группы. Его примѣру послѣдовали почти всѣ другіе ораторы, и пренія вылились либо въ страстный вопль о землѣ, либо въ критику различныхъ земельныхъ программъ въ ущербъ основному политическому вопросу,—тому самому, о которомъ правительственный оффиціозъ говорилъ въ самомъ началѣ работъ Думы. Этотъ вопросъ оставался въ тѣни вплоть до самаго конца земельныхъ преній, когда, въ засѣданіи 26 мая, его снова попытался выдвинуть на первый планъ тотъ же деп. Церетели [1]).

Актуально-политическое значеніе аграрныхъ преній еще уменьшалось благодаря тому *порядку*, въ которомъ онѣ велись. Вокругъ этого порядка неоднократно возникали въ Думѣ споры, въ которыхъ отражалась общая тактическая позиція различныхъ думскихъ фракцій. Еще въ преніяхъ, возникшихъ въ засѣданіи 6 марта послѣ декларацiи П. А. Столыпина, деп. Пуришкевичъ и Крупенскій возвѣстили, отъ имени правыхъ, намѣреніе потребовать постановки въ 1-ю очередь земельнаго вопроса [2]). И, дѣйствительно, на слѣдующій же день, одновременно съ заявленіемъ трудовой группы и крестьянскаго союза, поступило и заявленіе за подписью 34 „умѣренныхъ крестьянъ“ о выборѣ земельной комиссіи, а въ засѣданіи 15 марта, когда с.-д-ы настаивали на обсужденіи вопроса о безработныхъ, правые и октябристы [3]) поддерживали требованіе „умѣренныхъ крестьянъ“ [4]) о немедленномъ приступѣ къ земельному вопросу.

Къ такой тактикѣ правое крыло Думы побуждало отчасти стремленіе

---

[1]) См. рѣчь Церетели. Ст. отч. т. II, с. 1220—1235.
[2]) С. о. т. I, с. 141, 145
[3]) См. рѣчи гр. Бобринскаго и Стаховича. Ib., с. 540, 541.
[4]) Рѣчь Петроченко. Ib., с. 538.

сохранить вліяніе на „правые“ элементы крестьянства [1]), отчасти общая линія, намѣченная „правыми“ съ самаго начала и направленная къ тому, чтобы скомпрометировать Думу „революціонными эксцессами“, запугать к.-д-ій центръ, подвинуть его на дальнѣйшее отступленіе и углубленіе пропасти между собою и „лѣвыми“ и, ослабивъ, такимъ образомъ, позицію Думы, подготовлять ея роспускъ и измѣненіе избирательнаго закона, которое уже открыто выставляли дворянскіе съѣзды въ своей программѣ [2]). Естественно, что въ преніяхъ по такому острому вопросу, какъ земельный, „правые“ разсчитывали найти богатый матеріалъ для такого рода провокаціонной дѣятельности. Поэтому они не только голосовали за скорый приступъ къ земельному вопросу, но систематически противились всякой попыткѣ сокращенія преній. „Лѣвыя группы Думы, естественно, стояли за возможно болѣе широкій характеръ земельныхъ дебатовъ совершенно изъ иныхъ соображеній: они разсчитывали на агитаціонное значеніе ихъ. И, т. о., голосами праваго и лѣваго крыла Думы неоднократно отклонялись предложенія тѣмъ или инымъ способомъ пренія сократить.

Наоборотъ, фракція к.-д., вѣрная своей позиціи, старалась возможно дальше отодвинуть земельный вопросъ и особенно возможно меньше времени отвести гласному обсужденію его на открытыхъ засѣданіяхъ Думы. Еще 15 марта, въ противовѣсъ правымъ, деп. Булгаковъ (к.-д.) предложилъ отвести аграрному вопросу одинъ день въ недѣлю, а остальное время посвятить разсмотрѣнію „очередныхъ конституціонныхъ законовъ, внесенныхъ правительствомъ“ [3].) Рѣшеніе объ ограниченіи аграрныхъ преній однимъ днемъ въ недѣлю и было, дѣйствительно, принято въ засѣданіи 19 марта [4]). А въ первый же „аграрный“ день — 26 марта — деп. Шингаревъ (к.-д.) внесъ предложеніе — либо совсѣмъ прекратить общія пренія, либо сильно сократить ихъ и немедленно избрать комиссію [5]), Послѣ продолжительныхъ преній Дума приняла рѣшеніе: немедленно избрать комиссію, прекратить запись ора-

---

[1]) Достаточно напомнить, что въ числѣ „умѣренныхъ крестьянъ“ были такіе, какъ Петроченко, рѣчь котораго мы цитировали выше.

[2]) Еще въ февралѣ совѣтомъ объединенныхъ дворянскихъ обществъ былъ разосланъ предводителямъ дворянства циркуляръ, предупреждавшій о неизбѣжности пересмотра избирательнаго закона „въ цѣляхъ согласованія его со степенью политической зрѣлости русскаго народа“ и рекомендовавшій немедленно же приступить къ собиранію матеріала для того, чтобы „представить правительству своевременно соотвѣтственныя ходатайства“. Особенно настоятельно требовались матеріалы „по вопросу о вліяніи на выборы закономъ установленнаго преобладанія многочисленной группы крестьянъ надъ другими общественными группами“. См. газ. „Русская Жизнь“, 1 марта, № 2, ст., Готовятся“.

[3]) С. о т. I. с. 548.

[4]) С. о. т. I, с. 790.

[5]) Ib., с. 1058.

торовъ и отвести аграрнымъ преніямъ 2 дня въ недѣлю вмѣсто одного [1]).

Получилось противорѣчіе: пренія велись по вопросу о „направленіи" представленныхъ законопроектовъ; вопросъ этотъ былъ рѣшенъ передачей всѣхъ законопроектовъ въ коммиссію; а въ то же время общіе дебаты о „направленіи" продолжались. Безпредметность преній скоро стала еще очевиднѣе, благодаря тому политически мало актуальному характеру, который эти пренія приняли съ самаго начала. Интересъ къ нимъ началъ явно падать, и неоднократно къ моменту, когда на очередь дня ставился аграрный вопросъ, въ Думѣ не оказывалось законнаго состава, и пренія приходились отмѣнять. Для „правыхъ" это было лишней причиной упорно противиться всякому сокращенію преній. Но „лѣвое" крыло Думы должно было скоро убѣдиться въ сравнительно ничтожной агитаціонной цѣнности такихъ безпредметныхъ преній на думской аренѣ. Въ засѣданіи 16 мая, при содѣйствіи „лѣвыхъ" и противъ "правыхъ" сначала было ограничено 10 минутами время и закрыта запись ораторовъ [3]), а потомъ—и совсѣмъ прекращены пренія [4]), съ предоставленіемъ слова лишь одному оратору по каждому изъ внесенныхъ проектовъ.

Но тактическая позиція к.-д. въ земельномъ вопросѣ давала себя знать не только въ стремленіи отодвинуть аграрные дебаты и замкнуться въ комиссіонной работѣ, но еще больше—въ способахъ защиты ими своей позиціи. Они не отказывались, да и не могли отказываться отъ своего требованія „принудительнаго отчужденія", но, не отдавая себѣ яснаго отчета въ соціальной природѣ „государственности", съ которою имѣло дѣло, они и эту часть своей программы разсчитывали провести въ жизнь исподволь, незамѣтно, путемъ искусныхъ парламентскихъ маневровъ, добившись „строго-конституціонными" средствами согласія министерства на предлагаемую реформу. Мы уже упоминали, какъ одинъ изъ главныхъ ораторовъ ихъ въ аграрныхъ дебатахъ, Кутлеръ, обошелъ молчаніемъ всѣ острые вопросы, связанные съ принудительнымъ отчужденіемъ помѣщичьихъ земель. И если въ 1-ой Думѣ, к.-д. фракція, обращаясь со своей программой къ народнымъ массамъ, старалась выяснить имъ грандіозность предлагаемой аграрной реформы, то теперь, сохраняя ту же программу, но заботясь, главнымъ образомъ, о нахо-

---

1) Ib., с. 1062, 1063, 1069. Нѣкоторые правые, напр., Крупенскій, требовали, чтобы земельная комиссія состояла исключительно изъ крестьянъ и помѣщиковъ поровну: „рабочіе Петербурга не могутъ рѣшать земельнаго вопроса,— это было бы абсурдомъ, они не могли бы рѣшать правильно. Да и мы рабочаго вопроса, мы, земельные собственники, рѣшать не желаемъ, не собираемся, и если бы меня пригласили въ такую комиссію, я такого приглашенія не принялъ бы. Его можно было бы принять развѣ для политической агитаціи". Ib. с. 785.

2) С. о. т. II, с. 619.

3) Ib., с. 676.

жденіи „совмѣстнаго языка“ для разговоровъ съ министерствомъ, она, наоборотъ, усердно старалась умалить дѣйствительное значеніе своего программнаго требованія, показать его скромные размѣры по сравненію съ требованіями „лѣвыхъ“ партій. Въ 1-ой Думѣ грани между фракціей к.-д. и „лѣвыми“ фракціями въ аграрномъ вопросѣ нерѣдко стирались; во 2-й спеціальной заботой к.-д. фракціи стало возможно рѣзче подчеркнуть эти грани, подчеркнуть, что „принудительное отчужденіе въ программѣ правительства, принудительное отчужденіе въ программѣ партіи народной свободы, принудительное отчужденіе въ программахъ партій, лѣвѣе этой фракціи стоящихъ, это все вещи различныя. Здѣсь рѣчь идетъ не только о томъ,—что, сколько о томъ—какъ“ [1]).

Только что цитированная рѣчь Булгакова была отвѣтомъ на предложеніе всѣхъ „лѣвыхъ“ фракцій закрѣпить окончаніе аграрныхъ преній принятіемъ принципіальной резолюціи, которая возвѣщала бы населенію твердую рѣшимость Думы добиваться аграрной реформы въ извѣстномъ направленіи. Т. о. упоминаніе о правительственной программѣ „принудительнаго отчужденія“ (?) имѣло тутъ чисто академическое значеніе; практически же—это былъ актъ „отмежеванія“ отъ „лѣвыхъ“ программъ.

Наоборотъ, по отношенію къ позиціи правительства, к.-д-ая фракція все время сохраняетъ оптимистически-выжидательное положеніе, не теряя надежды, что правительство согласится еще сдѣлать извѣстные шаги навстрѣчу к.-д-ой программѣ. Еще первое выступленіе представителя правительства, главноуправляющаго земледѣліемъ и землеустройствомъ, кн. Васильчикова, съ упоминаніемъ о допустимости „въ извѣстномъ случаѣ принудительнаго передвиженія границъ [2]), толковалось оптимистически, хотя было довольно ясно, что подъ этими, намѣренно-двусмысленными, словами правительственный ораторъ подразумѣвалъ ничто иное, какъ принудительное разверстаніе при переходѣ крестьянъ, выдѣлившихся изъ общины, на отрубное или хуторское хозяйство.

Столь же оптимистически было встрѣчено второе и послѣднее выступленіе правительства по земельному вопросу—*„аграрная декларація“* П. А. Столыпина въ засѣданіи 10 мая. „Право“ увидѣло въ этой „декларацiи“ „признаніе допустимости принудительнаго отчужденія“ и заявляло, что „это—только первый и далеко не достаточный [3]) шагъ, но все же шагъ по тому направленію, по которому должно пойти рѣшеніе аграрнаго вопроса, совершенно независимо отъ вопроса о томъ, кто будетъ стоять во главѣ правительства“ [4]).

---

[1]) Рѣчь Булгакова въ засѣ. 26 мая. С. о. т. II, с. 1241.

[2]) С. о. т. I, с. 755.

[3]) Право, 13 мая 1907 г., № 19. Передовая.

Между тѣмъ, въ самой „декларацiи“ было ясно оговорено, что „обязательное отчужденiе“ можетъ явиться необходимымъ лишь „въ видѣ исключенiя“, и пояснено, что эти „исключительные“ случаи сводятся къ устройству водопоя, дорогъ, уничтоженiю чрезполосицы и т. п. [1]). Т. о. рѣшительно никакихъ основанiй къ оптимистическому толкованiю „декларацiя“ эта не давала, если не считать такимъ основанiемъ ни къ чему не обязывающихъ и нарочито разсчитанныхъ на поддержанiе настроенiя уступчивости фразъ вродѣ заявленiя, что „мнѣнiя, несогласныя со взглядами правительства, не могутъ почитаться послѣднимъ за крамолу“ [2]). Какъ мы видѣли, правительственный оффицiозъ заблаговременно уже пояснилъ, въ какихъ тѣсныхъ предѣлахъ допустима для Думы „свобода мнѣнiя“ въ земельномъ вопросѣ...

Въ дѣйствительности, заявленiе П. А. Столыпина было—сдѣланнымъ въ болѣе вѣжливой формѣ, но столь же рѣшительнымъ—„нѣтъ“ въ отвѣтъ на аграрные проекты Думы, какимъ было въ свое время правительственное сообщенiе Горемыкина, да и непосредственнымъ поводомъ къ заявленiю послужило рѣшенiе аграрной комиссiи—положить въ основу своихъ работъ принципъ „принудительнаго отчужденiя“ [3]). Въ своей рѣчи П. А. Столыпинъ собралъ воедино всю аргументацiю праваго крыла Думы. Онъ обрушился, главнымъ образомъ, на аграрные проекты, предложенные „партiей лѣвыхъ“, не разбираясь въ различныхъ программахъ „лѣвыхъ“ фракцiй, рисовалъ страшную картину „соцiальной революцiи“, при которой земля будетъ находиться въ рукахъ „соцiалъ-демократическихъ присутственныхъ мѣстъ“, будетъ уничтоженъ „стимулъ къ труду“ и подвергнется опасности „самая цѣлость Россiи“. Что же касается к. д-аго проекта, то онъ неизбѣжно ведетъ логически къ нарушенiю и крестьянскаго владѣнiя „въ будущемъ“. Вся эта, явно-несерьезная часть рѣчи служила введенiемъ къ изложенiю извѣстной уже намъ и формулированной въ перiодъ междудумья правительственной программы „государственнаго соцiализма“: покупка земли крестьянами черезъ крестьянскiй банкъ съ доплатами изъ государственнаго казначейства и сохраненiе „очаговъ культуры“ въ видѣ дворянскаго землевладѣнiя; созданiе „крѣпкой индивидуальной собственности“ и „упорядоченiе переселенiя“; мелiоративный кредитъ и т. п.—словомъ, вся совокупность аграрныхъ мѣропрiятiй, намѣченныхъ дворянствомъ и исходившихъ изъ посылки, что вообще „разрѣшить этого (аграрнаго) вопроса нельзя, его надо разрѣшать“ [4]).

---

[1]) С. о. т. II, с. 444.

[2]) Ib. 433.

[3]) Рѣшенiе это было принято единогласно противъ правыхъ и поляковъ. См. А. Зурабовъ. Вторая Дума. С. 43.

[4]) С. о. т. II, с. 433—445.

Не высказывая угрозъ открыто, эта „декларація“ была на дѣлѣ угрозой, ибо формулировала непримиримое противорѣчіе между позиціей большинства Думы и позиціей министерства. А между тѣмъ, какъ мы видѣли, одна часть этого большинства считала необходимымъ снять борьбу противъ министерства съ очереди дня, а само министерство еще въ декларацiи 6 марта подчеркнуло не только полную необязательность для себя подчиняться волѣ Думы, но и обязанность Думы считаться съ „единою мыслью“ правительства. Безнадежность положенія при такихъ условіяхъ вскрылась сейчасъ же, лишь только „лѣвыя“ фракціи потребовали, чтобы Дума—въ видѣ отвѣта на „аграрную декларацію“ министерства—формулировала, по окончаніи аграрныхъ преній, свою собственную точку зрѣнія на земельный вопросъ въ особой формулѣ перехода къ очереднымъ дѣламъ. Всѣ „лѣвыя“ фракціи внесли свои собственные проекты такой формулы. Но общую мысль, руководившую ими, выразилъ деп. Березинъ (труд.), пояснившій, что дѣло идетъ о томъ, чтобы формулировать: 1) твердую рѣшимость Думы не отступать отъ принципа принудительнаго отчужденія и 2) отрицательное отношеніе ея къ аграрнымъ законамъ, изданнымъ по 87 ст. въ періодъ междудумья“ [1]).

Но противъ этого именно возстали к.-д., хотя въ сущности рѣчь шла лишь о томъ, чтобы высказать отъ лица Думы то, что уже высказала думская комиссія. Но софистическая аргументація к.-д., образчики которой мы видѣли выше въ цитатахъ изъ рѣчи деп. Булгакова, прикрывала лишь ихъ дѣйствительное желаніе „не обострять“ вопроса,—желаніе, порожденное какъ общей тактической позиціей к.-д., такъ и спеціально иллюзіей, будто, за оптимистически втолкованнымъ въ рѣчь П. А. Столыпина „первымъ шагомъ“ министерства навстрѣчу к.-д-ой программѣ, могутъ послѣдовать дальнѣйшіе шаги въ томъ же направленіи — вплоть до мирнаго и постепеннаго осуществленія аграрной реформы.

При поддержкѣ праваго крыла Думы, к.-д-ы добились (238 гол. противъ 191) постановленія, что „принимать какія либо формулы не слѣдуетъ“ [2]). Это была ихъ побѣда, но одна изъ тѣхъ, которыя разлагали Думу извнутри, обнаруживали ея внутреннюю слабость врагамъ и порывали нити, связывавшія ее съ демократическими массами...

* * *

Земельный вопросъ—это было наслѣдіе 1-ой Думы. Съ *бюджетомъ* 2-ой Думѣ приходилось столкнуться впервые. Съ января 1907 г. дѣйствовалъ временный бюджетъ съ расходованіемъ $^1/_{12}$ доли въ мѣсяцъ. Теперь Думѣ

[1]) С. о. т. II, с. 1245.
[2]) С. о. т. II, с. 1246.

предстояло высказать свое отношеніе къ представленному ей бюджетному проекту. Бюджетное безправіе Думы не составляло тайны ни для кого. Не говоря уже о томъ, что огромная и самая важная часть бюджета была „забронирована“ отъ воздѣйствія Думы,—частью вовсе не подлежала ея обсужденію, частью могла быть измѣнена лишь въ законодательномъ порядкѣ, т. е. путемъ отмѣны или измѣненія тѣхъ законовъ, повелѣній и т. п., которые лежатъ въ основѣ бюджетныхъ ставокъ [1]),—самый отказъ Думы въ утвержденіи всего бюджета въ цѣломъ не лишалъ правительство возможности расходовать деньги, обрекая его лишь на незначительныя неудобства пользованія „системою двѣнадцатыхъ долей“.

Это открыто призналъ въ своей первой рѣчи и мин. финансовъ Коковцевъ. Требуя скорѣйшаго разсмотрѣнія и утвержденія бюджета, онъ счелъ нужнымъ подчеркнуть, что предъявляетъ это требованіе „вовсе не потому, что безъ утвержденія государственной росписи трудно правительственной власти выполнять своевременно тѣ или иные расходы. Такой трудности на самомъ дѣлѣ не существуетъ: въ распоряженіи правительства имѣются въ настоящее время всѣ необходимые къ тому способы, дарованные къ тому закономъ. Это необходимо по соображенію высшаго государственнаго порядка“ [2]). И только уже впослѣдствіи, когда пренія были закончены и выяснилось, что судьбу бюджета, хотя и сданнаго въ комиссію, нельзя еще считать обезпеченной, министръ финансовъ попытался доказывать, что бюджетныя права Думы не такъ малы, какъ кажется, и что „черная кружевная“ работа ея комиссіи можетъ дать значительные реальные результаты. А чтобы усилить дѣйствіе своихъ доказательствъ, министръ не прочь былъ третировать членовъ Думы, какъ школьниковъ, которымъ нужно „учиться“ бюджетной работѣ. Опредѣливъ сумму „незабронированныхъ“ расходовъ въ 1.280.000 р. [3]), В. Коковцевъ увѣрялъ депутатовъ, что, разъ они „свободны разбираться“ въ этой суммѣ, „то я думаю, что на первый годъ весьма достаточно работы Государственной Думѣ, чтобы показать, насколько она своей работой можетъ принести ту пользу, которой ожидаетъ отъ нея страна“ [4]).

---

1) О бюджетныхъ правахъ Думы см. I-ю часть настоящаго тома, стр. 378 и сл.

2) Зас. 20 марта. С. о. т. I, с. 796. Еще съ большей откровенностью констатировала бюджетное безправіе Думы „Россія“, заявившая, что, если правительству не дадутъ денегъ на покупку „новой шляпы“, оно спокойно надѣнетъ „старую“ и скажетъ „до свиданья“.

3) Какъ мы уже говорили (см. I-ю часть настоящей работы), въ эту сумму входятъ, гл. обр., операціонные расходы.

4) Рѣчь мин. фин. въ зас. 27 марта. С. о. т. I, с. 1249—1268. Неудивительно, что послѣдняя фраза была встрѣчена „смѣхомъ справа“. Это не помѣшало октябристу Шидловскому стоять именно на только что приведенной точкѣ зрѣнія мин. финансовъ. Онъ говорилъ, что бюджетныя права Думы должны быть рас-

Бюджетное безправіе Думы было очевидно и для всѣхъ ея членовъ, и ихъ рѣчи достаточно ярко характеризовали положеніе. Были въ Думу внесены и проекты измѣненія бюджетныхъ правилъ: сначала деп. Щербиной отъ имени фракціи народныхъ соціалистовъ [1]), потомъ членами к.-д .фракціи [2]). Но до окончанія работъ Думы эти проекты дальнѣйшаго движенія не получили.

Однако, въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ приходилось работать второй Думѣ, дѣло было не столько въ юридическихъ правахъ Думы, сколько въ политическомъ значеніи ея бюджетнаго вотума. Какъ мы видѣли, несмотря на полную возможность пользоваться „старой шляпой", министръ финансовъ признавалъ, что утвержденіе бюджета Думою необходимо „по соображеніямъ высшаго государственнаго порядка". О характерѣ этихъ соображеній говорили довольно прозрачно слова самого В. Коковцева: „бюджетъ вездѣ и всюду приковываетъ къ себѣ вниманіе общества; онъ возбуждаетъ интересъ не только въ той странѣ, до которой онъ касается, но и въ странахъ сосѣднихъ, соединенныхъ общностью экономическою, финансовою и политическою" [3]).

При такихъ условіяхъ вопросъ о направленіи бюджетной работы Думы рѣшался въ зависимости отъ того, пожелаетъ ли она сдѣлать бюджетъ орудіемъ парламентской борьбы за сохраненіе и расширеніе своихъ правъ, или нѣтъ. О томъ, что такого желанія не было и не могло быть у праваго крыла Думы, незачѣмъ, разумѣется, говорить. Но его не было въ данное время и въ партіи к.-д. Мы уже приводили выше мнѣніе „Рѣчи", заключавшей отъ бюджетнаго безправія Думы къ безплодности политической борьбы на почвѣ бюджета и къ необходимости самоограниченія „дѣловою" работою въ комиссіи. На той же точкѣ зрѣнія стояла и думская фракція к.-д. Ея первый ораторъ, Кутлеръ, началъ съ указанія, что повсюду, и съ полнымъ основаніемъ, въ связи съ бюджетомъ происходятъ „пренія, касающіяся общаго направленія правительственной политики", но тутъ же оговорилъ, что онъ „по возможности останется въ предѣлахъ бюджета" [4]). И, дѣйствительно, рѣчи обоихъ к.-д-ихъ ораторовъ, Кутлера и Струве, за предѣлы критики отдѣльныхъ частностей бюджета не выходили. Для дальнѣйшей „дѣловой" работы к.-д-ая фракція предлагала сдать бюджетъ въ комиссію. Къ ней примыкали въ данномъ случаѣ и трудовики, не высказавшіе вообще опредѣленнаго взгляда на бюджетъ и бюджетныя задачи Думы.

ширены тогда, когда „мы докажемъ, что научились тому дѣлу, о которомъ теперь большинство изъ насъ никакого представленія не имѣетъ...Я, конечно, убѣжденъ, что тогда Государь Императоръ не откажетъ и дастъ необходимыя намъ права". С. о. т. I, с. 962.

1) Зас. 20 марта. Ib. с. 869.

2) Зас. 2 апрѣля. Ib. с. 1535.

3) Ib., с. 794.

4) Ib. с. 809—810.

Дѣло было, однако, не въ сдачѣ въ комиссію, а именно въ отношеніи къ бюджетнымъ задачамъ Думы. За сдачу въ комиссію стояло и польское коло, но оно съ самаго начала поставило бюджетный вопросъ, какъ вопросъ политическій. Соотвѣтственно этому и рѣчи его ораторовъ—Стецкаго и Жуковскаго—носили характеръ ярко политическій. Деп. Жуковскій охарактеризовалъ „параллелизмъ между политической реакціей и государственнымъ капитализмомъ", системой казенныхъ регалій и монополій, создающей „независимый отъ податей и обложеній бюджетъ" [1]). Деп. Стецкій, обрисовавъ правительственную политику въ Польшѣ, намекнулъ на зависимость позиціи коло въ бюджетномъ вопросѣ отъ отношенія правительства къ полякамъ. Онъ началъ свою рѣчь съ указанія, что „отпускать правительству средства—значитъ давать свое согласіе на его планъ и дѣйствія; отказывать ему въ этихъ средствахъ—значитъ принуждать его подчиниться требованіямъ и указаніямъ народныхъ представителей"; и кончилъ заявленіемъ: „отнять, наконецъ, у правительства тѣ позиціи, занимая которыя оно не перестаетъ мечтать о наступленіи,—вотъ наша задача. При этомъ разрѣшеніи поляки встрѣтятся дружно съ представителями оппозиціонныхъ фракцій Г. Думы" [2]).

Противъ сдачи бюджета въ комиссію высказались послѣдовательно н.-с-ы, с.-д-ы и с.-р ы. Ораторъ н.-с-овъ, Волкъ-Карачевскій заявилъ, что „только тогда, когда правительство будетъ отвѣтственно передъ народнымъ представительствомъ, когда мы... сможемъ съ полною серьезностью взять на себя нравственную отвѣтственность за тѣ назначенія, которыя значатся въ росписи доходовъ и расходовъ, только тогда мы будемъ въ состояніи утверждать эту роспись. До тѣхъ поръ отъ такого утвержденія ея мы воздерживаемся и оставляемъ за собою право обсуждать бюджетъ во всякомъ данномъ случаѣ и подвергать критикѣ то или другое назначеніе" [3]). На такой же точкѣ зрѣнія стояла и фракція с.-р-овъ [4]).

Принципіально шире и глубже поставила критику бюджета с.-д-ая фракція, также требовавшая отверженія бюджета безъ сдачи ея въ комиссію. Ея ораторы, Алексинскій и Зурабовъ, подвергли критикѣ расходный и доходный бюджетъ и обрушились не на злоупотребленія его, а на самое его употребленіе, какъ орудія дворянско-бюрократической государственности, враждебной не тѣмъ или инымъ отдѣльнымъ классамъ, но всему буржуазному обществу въ цѣломъ. Именно поэтому, оговоривъ, что с.-д-ы сами отвергаютъ бюджетъ всякаго классового государства, деп. Алексинскій, внесшій по пору-

---

1) Ib., с. 927.

2) Ib., с. 900, 907. На эту рѣчь деп. Стецкаго мин. финансовъ отвѣтилъ раздраженной филиппикой по адресу поляковъ Ib. 907—910.

3) Ib., с. 900.

4) См. рѣчь деп. Ширскаго и формулу перехода къ очер. дѣламъ. Ib., с. 1047—1050.

ченію с.-д. фракціи, формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, могъ заявить: „эту резолюцію мы считаемъ безусловно пріемлемой не только для соціаль-демократіи, но и для всѣхъ истинныхъ демократовъ и для всѣхъ истинныхъ представителей народа“ [1]).

Выступленіе с.-д-овъ въ значительной степени измѣнило картину дебатовъ по бюджетному вопросу. Пока критика ограничивалась указаніемъ злоупотребленій и частныхъ несовершенствъ, представители министерства парировали ее вѣсокомѣрно и насмѣшливо. Отвѣчая деп. Кутлеру, В. Коковцовъ иронизировалъ насчетъ „послѣдней копѣйки“, которую казна отнимаетъ, будто бы, у народныхъ массъ, и которая, „съ Божьей помощью, ...пропивается и до сихъ поръ“ [2]). А предсѣдатель совѣта министровъ, обличая деп. Кутлера въ неправильномъ указаніи бюджетныхъ злоупотребленій по главному управленію по дѣламъ печати, закончилъ свою рѣчь насмѣшкой: „Здѣсь былъ нанесенъ ввѣренному мнѣ вѣдомству ударъ сильный и смѣлый, но пришелся онъ во истину, не по коню, а по оглоблямъ“ [3]). Но, несмотря на этотъ насмѣшливо-ироническій тонъ правительства, чувствовалось, что въ той плоскости мелкихъ поправокъ и улучшеній, на которую встала к.-д-ая фракція, серьезныхъ конфликтовъ быть не можетъ. Привѣтствуя начало „серьезной и основательной критики общаго основанія бюджета и бюджетныхъ правъ“, „Рѣчь“ констатировала „готовность министерства уступить и столковаться“ [4]).

Выступленіе с.-д-овъ сдѣлало сохраненіе этой позиціи мелкихъ домогательствъ и мелкихъ уступокъ невозможной. К.-д-ій ораторъ, Струве, рѣзко обрушился на с.-д-овъ, обвиняя ихъ въ любви къ „эффектнымъ жестамъ“, въ тактикѣ „безотвѣтственнаго меньшинства“ и „политической игрѣ за чужой счетъ“, и увѣряя, что именно „въ мелочахъ скрыты язвы стараго порядка“ [5]). Ему отвѣчалъ язвительною рѣчью деп. Зурабовъ, указавшій на странность „осады стараго порядка“, о которой говорилъ П. Струве, путемъ доставленія „пищевыхъ продуктовъ осажденному“ [6]). Но уже эта полемика показывала, что бюджетъ сталъ тѣмъ, чѣмъ его не хотѣла сдѣлать к.-д-ая фракція,—орудіемъ парламентской борьбы. И если для с.-д-овъ онъ былъ орудіемъ борьбы со всѣмъ послѣ-декабрьскимъ строемъ, то для значительной части Думы, б. м., для ея большинства, онъ сталъ орудіемъ борьбы, по крайней мѣрѣ, за отдѣльныя политическія права.

---

[1]) Ib., c. 959.
[2]) Ib., c. 842.
[3]) Ib., c. 851.
[4]) Цит. по рѣчи деп. Алексинскаго. Ib. 958.
[5]) Ib., c. 1035.
[6]) Ib., c. 1174—5.

Это дѣлало положеніе очень натянутымъ. Правительство сочло нужнымъ снова употребить привычное средство давленія. Слова о „чиновническомъ“ характерѣ объясненій В. Коковцова, сказанныя деп. Родичевымъ [1]), мотивировавшимъ необходимость скорѣйшей сдачи бюджета въ комиссію, послужили поводомъ для министра финансовъ и сопровождавшихъ его чиновниковъ покинуть залъ засѣданія. И снова поползли слухи о неминуемомъ роспускѣ.

Бюджетъ былъ сданъ въ комиссію. Но постановка вопроса въ общихъ преніяхъ не осталась безъ вліянія на направленіе ея работъ. По показанію деп. Салтыкова [2]), послѣ двухмѣсячныхъ занятій „бюджетная комиссія выяснила, что необходимо внести сначала на разсмотрѣніе Г. Думы общія основанія русскаго бюджета, и затѣмъ уже приступить къ его разсмотрѣнію по отдѣльнымъ смѣтамъ или параграфамъ“ [3]).

Независимо отъ бюджета въ цѣломъ Думѣ пришлось высказаться по двумъ *финансовымъ законамъ*, внесеннымъ В. Коковцовымъ. Первый — объ измѣненіи росписанія окладовъ государственнаго поземельнаго налога — Дума, по предложенію финансовой комиссіи, отклонила [4]); второй — о взиманіи налога съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ на 1907 г. — приняла, вопреки протестамъ с.-д-овъ [5]), при воздержаніи трудовиковъ [6]).

Аналогичнымъ бюджету, по его значенію для Думы, былъ другой вопросъ — о *контингентѣ арміи*. И здѣсь рѣчь шла объ одномъ изъ самыхъ главныхъ орудій господства старой власти. И здѣсь Дума была лишена юридической возможности помѣшать набору: согласно 119 ст. осн.

---

[1]) Ib., с. 967.

[2]) См. его рѣчь въ зас. 22 мая. С. о. т. II, с. 1034. То же сообщаетъ А. Зурабовъ (l. c. с. 54): „въ бюджетной комиссіи при обсужденіи вопроса о томъ, въ какомъ порядкѣ его (бюджетъ) разсматривать, взяло верхъ, хотя и однимъ голосомъ, мнѣніе, требующее сперва разсмотрѣнія бюджета въ его общемъ видѣ, а потомъ уже постатейное“. Т. о. В. Мандельбергъ (Т. б. р., с. 26) ошибается, говоря, что на повѣсткѣ засѣданія 2-го іюня стояло „предложеніе бюджетной комиссіи — разрѣшить ей вносить въ Думу бюджетъ не цѣликомъ, а отдѣльными частями“.

[3]) Вопросъ о „порядкѣ внесенія бюджетною комиссіею въ Думу докладовъ по разсмотрѣнію гос. росписи“ былъ поставленъ на повѣстку въ послѣдній день жизни Думы, 2 іюня. До разсмотрѣнія его дѣло не дошло. С. о. т. II, с. 1607.

[4]) Зас. 22. мая. Ib. с. 1070.

[5]) Рѣчи деп. Салтыкова и Озола. Ib. с. 1457—1462 и 1466—1468. Зас. 29 мая.

[6]) Различное отношеніе Думы къ только что упомянутымъ двумъ финансовымъ законамъ дало поводъ деп. Озолу указать, что „наша Дума страдаетъ извѣстнымъ пристрастіемъ къ сельскимъ аграріямъ, и когда рѣчь шла о поземельномъ налогѣ, тогда она съ большимъ удовольствіемъ отклоняла законопроектъ именно по тѣмъ же соображеніямъ, по какимъ теперь предлагаютъ этотъ законопроектъ принять“. Ib. с. 1466. Наоборотъ, во время общихъ бюджетныхъ преній правый депутатъ Келеповскій жаловался на поддержку крупной промышленности въ ущербъ землевладѣльцамъ, какъ на причину раззоренія страны. С. о. т. I с. 1242.

законовъ, если законъ о контингентѣ арміи не будетъ изданъ къ 1 мая [1]), Государь Императоръ призываетъ на военную службу необходимое число людей, не свыше назначеннаго въ предшествующемъ году. И здѣсь, наконецъ, при всемъ юридическомъ безправіи, вотумъ Думы долженъ былъ имѣть огромное морально-политическое значеніе.

Естественно, что и позиціи различныхъ фракцій Думы въ вопросѣ о контингентѣ арміи были приблизительно однородны съ позиціями, которыя онѣ занимали въ вопросѣ о бюджетѣ. Исключеніе составляло польское коло, въ которомъ вопросъ возбудилъ острыя разногласія, но которое, въ концѣ концовъ, безъ оговорокъ заявило, что „во имя государственности, недѣлимости и нераздѣльности Россіи высказывается за утвержденіе проекта" [2]). Значительныя тренія вызвалъ вопросъ и во фракціяхъ н.-с-овъ и трудовиковъ. И хотя и тамъ, и тутъ большинство высказалось за неутвержденіе контингента, разногласія нанесли уронъ сплоченности и дисциплинѣ фракціи [3]).

Подкомиссія бюджетной комиссіи, куда поступилъ законопроектъ, пыталась сократить контингентъ до нормы 1903 года, т. е. года до войны. Но ей пришлось скоро убѣдиться, что въ предѣлахъ ея полномочій находится лишь сказать—да или нѣтъ. Большинствомъ 4 голосовъ противъ 2 она сказала „да" [4]). Въ общемъ засѣданіи Думы пренія съ самаго начала шли въ довольно повышенномъ тонѣ. Предложеніе докладчика подкомиссіи, деп. Кузьмина-Караваева, принять формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ съ указаніемъ на необходимость и возможность уменьшенія состава арміи путемъ освобожденія ея отъ несенія полицейскихъ обязанностей и отмѣны института деньщиковъ—вызвало рѣзкій и раздраженный отпоръ со стороны военнаго министра, ген. Редигера. А во время рѣчи с.-д-аго депутата Зурабова, критиковавшаго употребленіе арміи для внутренне-политическихъ цѣлей.

---

[1]) Необходимость спѣшить заставила передать въ тотъ же день въ комиссію представленіе воен. министра о величинѣ контингента новобранцевъ на 1907 г., внесенное 10 апр. за 7 дней до пасхальныхъ каникулъ. См. Ст. отч. т. I. с. 1844—6.

[2]) А. Цитронъ. Цит. Соч. Стр. 125 и 126. Засѣданія 16 17 апрѣля, въ которыхъ разсматривался вопросъ о контингентѣ, происходили, по требованію воен. министра, при закрытыхъ дверяхъ. Поэтому мы лишены возможности пользоваться стенографическими отчетами этихъ засѣданій, хотя отчеты эти (съ пропускомъ отдѣльныхъ цифръ и т. п.) и напечатаны были неизвѣстными издателями въ 1907 г. (безъ обозначенія типографіи и мѣста печатанія). И здѣсь, и въ дальнѣйшемъ мы пользуемся исключительно свѣдѣніями, опубликованными своевременно въ офиціальныхъ сообщеніяхъ, газетахъ, журналахъ и брошюрахъ.

[3]) Изъ фракціи н. с. вынужденъ былъ уйти деп. Щербина, подавшій въ комиссіи голосъ за утвержденіе; трудовики должны были предоставить меньшинству право не участвовать въ голосованіи. А. Цитронъ Ib. с. 123.

[4]) Ib., с. 123.

произошелъ извѣстный „инцидентъ". Правые подняли крикъ объ „оскорбленіи арміи". Къ нимъ присоединилась часть к.-д. [1]).

Попытка предсѣдателя исчерпать инцидентъ, давъ деп. Зурабову возможность объяснить отсутствіе „оскорбленія арміи" въ его словахъ, вызвали новый протестъ со стороны праваго крыла Думы и демонстративный уходъ его изъ зала засѣданій. Одновременно покинули свои мѣста военный министръ и чины военнаго министерства. Среди хаоса криковъ и огромнаго возбужденія былъ объявленъ перерывъ на 10 минутъ.

Немедленно же возникъ слухъ о неминуемомъ роспускѣ Думы [2]). „Правые" грозили к.-д-ой фракціи своимъ уходомъ, означавшимъ образованіе въ Думѣ „лѣваго" большинства, готоваго отказать въ утвержденіи контингента. К.-д-ая фракція и предсѣдатель Думы сочли нужнымъ смириться, и послѣ перерыва, длившагося 2 часа, предсѣдатель заявилъ, что „ознакомившись во время перерыва по стенограммѣ съ рѣчью Зурабова, онъ находитъ, что въ ней заключались выраженія, недопустимыя по адресу арміи. Въ виду этого онъ дѣлаетъ автору третье замѣчаніе, лишаетъ его слова и проситъ Г. Думу баллотировкой высказаться, одобряетъ ли она его дѣйствія въ этомъ отношеніи или нѣтъ [3]). Вся „лѣвая" съ протестомъ покидаетъ залъ засѣданія [4]), и засѣданіе снова кончается посреди хаоса и шума.

Но лишеніемъ деп. Зурабова слова не исчерпался еще „инцидентъ". Слухи о роспускѣ не замираютъ, и ночью предсѣдатель Думы считаетъ необходимымъ сдѣлать визитъ военному министру. На утро въ газетахъ появляется сообщеніе „Осв. Бюро" объ „инцидентѣ" [5]), правительственные оффиціозы и правая печать требуютъ рѣшительныхъ мѣръ, отдѣльныя лица изъ офицерской среды вызываютъ деп. Зурабова на дуэль, и въ такомъ видѣ весь „инцидентъ" становится орудіемъ рѣзкой агитаціи противъ Думы и особенно „лѣваго" крыла ея.

Въ такой обстановкѣ 193 голосами противъ 129 законопроектъ военнаго министерства былъ принятъ [6]). Принята была и предложенная комиссіей формула перехода къ очереднымъ дѣламъ. А затѣмъ предсѣдатель Думы

---

1) См. А. Зурабовъ. Вторая Дума. Спб. 1908, с. 76. Г. Струве „даже стучалъ кулаками по пюпитру и кричалъ—вонъ!"

2) Между прочимъ ушли изъ финансовой комиссіи и чиновники, дававшіе тамъ въ этотъ день объясненія. См. А. Цитронъ. l. c., с. 130.

3) Ib., с. 128.

4) Ib., с. 129. По словамъ А. Зурабова, къ „лѣвымъ" присоединилось въ этомъ случаѣ и польское коло. См. открытое письмо деп. Зурабова въ ред. газ. „Товарищъ" — „по поводу моего инцидента". Перепеч. въ кн. А. Зурабова. Вторая Дума. С. 176—181.

5) По словамъ А. Зурабова, сообщеніе это является „тенденціознымъ извращеніемъ фактовъ". Ib., с. 177.

6) Противъ голосовали с.-д., с.-р., н.-с. и 19 трудовиковъ. Остальные трудовики отсутствовали или воздержались отъ голосованія. А. Цитронъ, l. c., с. 131.

сдѣлалъ заявленіе [1]), въ которомъ, упомянувъ объ „обидномъ мнѣніи", высказанномъ въ Г. Думѣ „по отношенію къ нашей доблестной арміи", сказалъ, что „наша армія всегда отличалась своею самоотверженностью въ исполненіи тяжелаго долга, всегда отличалась высокою дисциплиною, непоколебимою преданностью отечеству и своему верховному вождю", и потому „Г. Дума протестуетъ противъ выраженій", употребленныхъ деп. Зурабовымъ.

Формально „зурабовскій инцидентъ" этими объясненіями предсѣдателя Думы закончился. Попытка с.-д. еще въ тотъ же день, по открытіи засѣданія, поставить вопросъ о дѣйствіяхъ предсѣдателя и о возможности для него оставаться на своемъ посту, разъ онъ не пользуется уже довѣріемъ большинства голосовъ Думы [2]), осталась безрезультатной за отказомъ предсѣдателя поставить этотъ вопросъ на обсужденіе [3]).

Но все значеніе „инцидента" сказалось впослѣдствіи, когда Дума снова собралась послѣ пасхальныхъ каникулъ [4]). Возможность для „правыхъ" терроризовать думскій центръ угрозой своего ухода; моральное униженіе предсѣдателя Думы, мѣнявшаго свой образъ дѣйствій подъ очевиднымъ вліяніемъ правительственнаго давленія; глубокая трещина, залегшая между центромъ и „лѣвыми"; явное трусливое безсиліе Думы:—все это не могло не сказаться на дальнѣйшихъ судьбахъ ея. Было слишкомъ очевидно, что дни ея близятся къ концу.

Создавшееся подъ вліяніемъ этого положенія настроеніе сказалось, несомнѣнно, и въ той теоріи думскаго законодательства, которую развилъ деп. В. Гессенъ [5]) и которая окончательно оформилась именно въ послѣ-пасхальную сессію Думы. Теорія эта означала окончательный и рѣшительный переходъ думскаго центра въ отступленіе, въ ожиданіи лучшаго будущаго. Для характеристики того, какъ далеко сдвинулся думскій центръ съ позиціи, которую онъ занималъ въ 1-ой Думѣ, стоитъ отмѣтить самый поводъ для формулировки теоріи „малаго законодательства". Этимъ поводомъ послужило рѣшеніе думскаго президіума поставить на повѣстку законопроекты народническихъ фракцій, и трудовой группы объ амнистіи и смертной казни [6]), т. е. подойти, наконецъ, къ вопросамъ, начать съ которыхъ считала своею обязанностью первая Дума. Въ противовѣсъ этому предложенію и развита была

---

1) Заявленіе это, по желанію военнаго министра, было тогда же опубликовано.

2) С. о. т. I, с. 2285—7.

3) Ib., с. 2265—6.

4) Вопросу о контингентѣ были посвящены 2 послѣднихъ засѣданія передъ Пасхою.

5) См. объ этомъ выше.

6) Комиссію, разсматривавшую законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни, принятый 1-ю Думою, Гос. Сов. рѣшилъ закрыть и т. о. уничтожить плоды работъ Думы.

ораторами к.-д й фракціи, предлагавшими заняться, прежде всего, законопроектомъ о мѣстномъ судѣ, упомянутая выше теорія [1]). Мѣстный судъ долженъ былъ послужить, какъ выразился впослѣдствіи деп. І. Гессенъ [2]), тѣмъ „фундаментомъ", на основѣ котораго можетъ быть построено „зданіе" неприкосновенности личности и мѣстнаго самоуправленія, увѣнчиваемое „куполомъ" народнаго представительства, который иначе „грозитъ ежеминутнымъ паденіемъ".

Но, какъ-бы стройны ни были на бумагѣ эти теоріи, „куполъ" былъ уже въ наличности и, при всей шаткости своей, обязывалъ къ дѣйствіямъ стоявшимъ въ противорѣчіи съ теоріей архитектурнаго законодательства. И если думскій центръ отказывался выполнять эти обязательства, то причины такого отказа никакими теоріями невозможно было скрыть отъ враждебныхъ Думѣ силъ. Эти причины, заключавшіяся въ страхѣ передъ роспускомъ, открыто формулировалъ и органъ к.-д. партіи, когда писалъ по поводу требованія поставить на очередь законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни: „Правые въ этомъ вопросѣ могутъ сыграть роль вершителей думской судьбы. Очевидно, если этой эвентуальности можно избѣжать, то ее избѣжать нужно" [3]). Но демонстрированіемъ своего испуга центръ лишь побуждалъ „правые" элементы Думы добиваться постановки на очередь дня „опасныхъ" вопросовъ и пользоваться ими для дальнѣйшаго наступленія на к.-д. фракцію. Въ результатѣ продолжительныхъ и подчасъ бурныхъ преній центру удалось, правда, снять съ повѣстки законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни (194 голосами протовъ 165), но за то законопроектъ объ *амнистіи* 193 голосами противъ 173 былъ поставленъ на первую очередь" [4]).

Мы уже упоминали о—не увѣнчавшейся успѣхомъ—попыткѣ с.-д. поставить Думу лицомъ къ лицу съ вопросомъ объ амнистіи въ самомъ началѣ сессіи. Теперь, въ зас. 28 мая, этотъ вопросъ вставалъ передъ Думою въ видѣ разработаннаго законопроекта, 8 статей котораго предусматривали освобожденіе и полное возстановленіе въ правахъ всѣхъ, пострадавшихъ такъ или иначе, въ судебномъ или административномъ порядкѣ, по дѣламъ политическаго, аграрнаго, религіознаго и т. п. характера [5]).

Лишь только возникъ вопросъ о законопроектѣ, офиціозная печать и правыя партіи, которыя своимъ голосованіемъ помогли поставить законопроектъ на повѣстку, подняли крикъ о „нарушеніи прерогативы короны", о самовольномъ захватѣ Думою права обсуждать вопросъ, не подлежащій ея

---

1) Ст. о. т. II, с. 1146 и сл. Зас. 24 мая.

2) Ib., с. 1344, зас. 28 мая.

3) Цит. въ рѣчи деп. Демьянова. С. о. т. II, с. 1161.

4) С. о. т. II, с. 1163—4.

5) Текстъ законопроекта см. въ кн. П. И. Люблинскаго. „Право амнистіи". 1907 г. Стр. 361.

компетенціи. На эту же точку зрѣнія всталъ и министръ юстиціи, назвавшій амнистію „групповымъ помилованіемъ“, составляющимъ, какъ и помилованіе индивидуальное, „исконную прерогативу русскихъ монарховъ“, осуществляемую—въ силу ст. 23 основныхъ законовъ —„Государемъ Императоромъ единолично“. При громкихъ апплодисментахъ справа, министръ объявилъ „совершенно недопустимымъ“ такого рода прикосновеніе къ „правамъ Верховной Самодержавной власти“, а самый законопроектъ — не подлежащимъ обсужденію Думы [1]).

Иниціаторы законопроекта исходили изъ другого взгляда на амнистію. Они не отождествляли амнистіи съ помилованіемъ хотя бы и цѣлой группы лицъ или всѣхъ лицъ, осужденныхъ по извѣстной категоріи дѣлъ, и въ подтвержденіе своего взгляда ссылались, между прочимъ, на то, что помилованіе по ст. 23 не возстанавливаетъ лицъ, освобожденныхъ отъ наказанія, въ правѣ быть избирателями и выбранными на выборахъ въ Думу, спеціальный же законъ можетъ ихъ и въ этомъ правѣ возстановить. Эту точку зрѣнія отстаивалъ ораторъ трудовой группы свящ. Тихвинскій въ рѣчи, сказанной имъ по поводу предложенія, внесеннаго к.-д-й фракціей,—передать законопроектъ въ предварительную комиссію для выясненія компетенціи Думы въ данномъ вопросѣ [2]).

Это предложеніе, пренія по которому, согласно наказу, исчерпывались двумя рѣчами—за и противъ, мотивировалъ отъ имени к.-д-й фракціи деп. Маклаковъ. По существу вопроса к.-д-й ораторъ заявилъ отъ имени своей фракціи, что считаетъ амнистію—„прерогативой Монарха“, но все же полагаетъ необходимымъ обсужденіе вопроса о компетенціи Думы въ этомъ случаѣ въ „предварительной“ комиссіи, такъ какъ законопроектъ содержитъ, между прочимъ, пунктъ, говорящій о возвращеніи административно-сосланныхъ, которое прерогативы монарха не составляетъ, а и до сихъ поръ дѣлается постановленіемъ особаго совѣщанія при министрѣ внутреннихъ дѣлъ [3]).

За юридической контроверзой и въ данномъ случаѣ скрывались знакомыя уже намъ тактическія разногласія. „Лѣвыя„“ группы Думы не считали возможнымъ практиковать дальше обезсиливавшую Думу тактику отступленія и закрыванія глазъ на острые вопросы. „Правые“ хотѣли частью документировать отказъ Думы отъ завѣщаннаго ей предшествующимъ періо-

---

1) С. о. т. II, с. 1300.

2) С. о. т. II, с. 1306 и сл.

3) Ib., с, 1301 и сл. Мин. юстиціи отвѣчалъ на эти указанія деп. Маклакова ссылкой на ст. 10 осн. зак. — о принадлежности Государю Императору власти управленія во всемъ объемѣ—и на то, что власть эта осуществляется безъ содѣйствія Г. Думы. Ib., с. 1306. Впрочемъ, деп. Маклаковъ и самъ не намѣренъ былъ отстаивать это свое указаніе. Въ дальнѣйшей части своей рѣчи онъ самъ заявилъ, что и возвращенія сосланныхъ можно добиться лишь „уничтоживъ законодательнымъ порядкомъ самое административное наказаніе“. Ib., с. 13

домъ наслѣдія, частью—поставить ее снова въ „опасное“ положеніе. К.-д-я фракція, безсильная отказаться отъ требованія амнистіи и безсильная поддержать его, отказывалась не только отъ той юридической постановки, которую дали вопросу объ амнистіи народническія фракціи, но и отъ постановки этого вопроса вообще. „Единственный путь, которымъ, по нашему мнѣнію, можетъ начать Дума это дѣло, — путь обращенія къ Монарху“, сказалъ въ той же своей рѣчи деп. Маклаковъ. Но „мы хорошо понимаемъ, что обстоятельства политическаго момента не таковы, чтобы предлагать теперь подобное обращеніе [1]).

Тремя рѣчами—депутатовъ Маклакова и Тихвинскаго и министра юстиціи—пренія, по наказу, были исчерпаны. Но самая постановка на голосованіе подала поводъ къ крайне бурнымъ сценамъ. Отчасти это вытекало изъ неясности постановки вопроса. Ораторъ трудовиковъ свящ. Тихвинскій, также закончилъ свою рѣчь предложеніемъ сдать законопроектъ въ комиссію—но не для предварительнаго выясненія вопроса о компетенціи, а для обсужденія законопроекта, какъ принятаго въ принципѣ, по существу. „Правые“ и октябристы ухватились за эту путаницу двухъ „комиссій“, чтобы, подъ предлогомъ непониманія, высказать свое отношеніе къ „этому позорному предложенію“ [2]) и попытаться добиться возможности поставить по существу вопросъ о законопроектѣ, какъ о „беззаконіи, въ которомъ мы (правые) принимать участія не будемъ“ [3]). Послѣ безтолковыхъ и бурныхъ дебатовъ, вопросъ о сдачѣ законопроекта въ „предварительную“ комиссію былъ рѣшенъ большинствомъ 260 голосовъ противъ 165 [4]), причемъ трудовая группа неожиданно покинула защищавшуюся ея ораторомъ позицію и присоединилась къ предложенію к.-д. Умѣренные и правые отказались отъ участія въ выборахъ комиссіи. Отказались, „по совершенно противоположнымъ причинамъ“ (Церетели) и с.-д-ы [5]). Изъ „предварительной“ комиссіи до роспуска Думы законопроектъ выйти не успѣлъ.

* * *

Въ пользованіи правомъ *запросовъ* вторая Дума также существенно отличалась отъ первой. Жалобы и мольбы о помощи, по прежнему, летѣли тучею съ мѣстъ. Но депутаты были скупы на внесеніе запросовъ, а Дума—еще скупѣе на срочный порядокъ ихъ проведенія и на ихъ принятіе. Въ результатѣ вмѣсто сотенъ запросовъ, внесенныхъ въ 1-ю Думу, мы имѣемъ всего

---

1) Ib., с. 1301.
2) Слова гр. В. Бобринскаго. Ib., с. 1313.
3) Рѣчь Крупенскаго. Ib., с. 1316,
4) Ib., с. 1321.
5) Ib... с. 1321—2.

40, внесенныхъ во вторую [1]), причемъ запросъ — объ избіеніи депутатовъ Сигова и Ершова былъ внесенъ 19 марта, т. е. не ранѣе, какъ черезъ мѣсяцъ послѣ ея созыва. Срочность, противъ которой систематически боролась к.-д-я фракція, была признана лишь въ 4 случаяхъ [2]). Изъ всего числа запросовъ лишь 10 успѣли быть приняты Думою [3]) и лишь по 5 были выслушаны отвѣты правительства и приняты постановленія [4]) 15 мая [5]). Дума, по предложенію к.-д., рѣшила отводить запросамъ всего 1 день въ недѣлю.

Иногда отверженіе срочности и предварительная обработка запроса въ комиссіи вызывались дѣйствительною потребностью въ лучшемъ обоснованіи и формулировкѣ запроса. Такъ было, напр., съ „рижскимъ" запросомъ, когда внесшіе его с.-д-ы сами отказались отъ срочности съ тѣмъ, чтобы комиссія покончила свою работу въ одинъ день [6]). Но, вообще говоря, отношеніе думскаго большинста къ запросамъ диктовалось отнюдь не желаніемъ усилить впечатлѣніе, производимое ими, ограничивая область примѣненія запроснаго права лишь самыми крупными, выдающимися или имѣющими принципіальное значеніе случаями „незакономѣрности". Наоборотъ, вся тактика думскаго центра вела его къ тому, чтобы, по возможности, рѣже пользоваться правомъ запроса, а въ тѣхъ случаяхъ, когда такое пользованіе навязывалось обстоятельствами,—притуплять остроту этого оружія. Изъ орудія политическаго обличенія и политической борьбы, какимъ служили запросы въ рукахъ 1-ой Думы, вторая—имѣла тенденцію превратить ихъ въ способъ содѣйствія правительству въ его мнимой борьбѣ съ тѣми „злоупотребленіями", о которыхъ говорилъ предсѣдатель совѣта министровъ въ своей декларацiи 6 марта [7]). Поэтому и въ рѣчахъ ораторовъ центра по запросамъ политическій анализъ

---

[1]) Эти запросы распредѣляются такъ: 1) нарушеніе неприкосновенности депутатовъ—6; 2) карательныя экспедиціи, огульные штрафы, военное положеніе—5; 3) насилія и избіенія—5; 4) тюремныя жестокости и насилія—4; 5) насилія надъ стачечниками и рабочими союзами—5; 6) пересел., аграрн. и продов. политика—3; 7) погромы, притѣсненія иновѣрцевъ—2; 8) Военно-полевые суды—1.

[2]) Запросы: объ избіеніи рабочихъ на фабрикѣ Чешера въ Пб.-грѣ (12 апр. С. о. т. I, с. 1994), объ обыскѣ въ квартирѣ деп. Озола (7 мая. С. о. т. II, с. 203) о преслѣдованіи депутатовъ священниковъ (15 мая, Ib., с. 594), о переселенческомъ дѣлѣ (17 апр., с. о. т. 1, с. 2277).

[3]) Кромѣ 3 срочныхъ: о пыткахъ въ Ригѣ (13 апр.), о забастовкѣ каспійскихъ моряковъ и полномочіяхъ ген. Таубе (6 апр.), объ отмѣнѣ ген. Гершельманомъ приговора военно-пол. суда (3 апр.), объ избіеніяхъ въ Алгачинской кат. тюрьмѣ (6 апр)., о переселенческой политикѣ (15 мая), о штрафахъ въ Елисаветпольской губ. (24 мая).

[4]) Запросы: о пыткахъ въ Ригѣ (17 мая), о Ланчхутахъ (24 мая), о Гершельманѣ (30 апр.), объ Алгачахъ (7 мая), о перес. политикѣ (24 мая).

[5]) С. о. т. II, с. 577.

[6]) См. заявленіе деп. Церетели. С. о. т. I, с. 1561.

[7]) См., напр. рѣчь деп. Маклакова по запросу о ген. Гершельманѣ. С. о. т. I, с. 2303. Иногда ораторы к.-д. фракціи высказывали взгляды на значеніе запросовъ, не мирившіеся даже и съ этой тенденціей. Такъ, напр., деп. Роди-

отступаетъ совершенно на задній планъ передъ анализомъ юридическимъ. При отсутствіи же прочной конституціонной почвы, дѣлающей возможнымъ *такое* использованіе запроснаго права, при отсутствіи у Думы юридическихъ способовъ претворенія своей воли въ жизнь, при всесиліи бюрократіи и господствѣ исключительныхъ положеній, каждый запросъ заставляетъ думскій центръ безсильно биться въ тенетахъ юридической схоластики. На свои юридическія соображенія ораторы центра получаютъ въ отвѣтъ ироническія возраженія, еле-еле прикрытыя для вида quasi-юридическими же мотивами [1]). Побѣдоносно разбивая эту сомнительную аргументацію, думское большинство все же въ безсиліи останавливается передъ вытекающими изъ преній выводами.

Въ первой Думѣ, какъ извѣстно, большинство запросовъ вело къ выраженію недовѣрія „безотвѣтственному министерству". Во второй—объ этомъ нѣтъ уже и рѣчи. Болѣе того. Поставивъ себѣ задачей всякою цѣною избѣгать конфликта съ министерствомъ, думское большинство всячески избѣгаетъ формулировать свое враждебное отношеніе къ общей политикѣ правительства и въ принимаемыхъ имъ „формулахъ перехода къ очереднымъ дѣламъ" тщательно старается ограничиваться высказываніемъ отношенія лишь къ тому частному случаю „незакономѣрности", который является предметомъ даннаго запроса [2]). На этой же почвѣ ст. 60 учр. Г. Думы [3]) даетъ поводъ къ странной на первый взглядъ борьбѣ по каждому запросу между к.-д-ой фракціей, съ одной стороны, и с.-д-ой, за которой идутъ обычно и всѣ „лѣвыя" группы, съ другой. К.-д-ая фракція упорно противится внесенію въ „формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ" указанія на то, что Дума признаетъ объясненія правительства „неудовлетворительными", и, наоборотъ, с.-д-ая фракція съ такимъ же упорствомъ добивается упоминанія этого слова [4]). За споромъ о словѣ скрывается глубокое различіе двухъ тактикъ: тактики обо-

---

чевъ, оспаривая спѣшность „рижскаго" запроса, между прочимъ, сказалъ: „мы чужого самолюбія затрагивать не должны и своимъ должны пожертвовать". С. о. т. I, с. 1549. Въ этихъ словахъ запросъ превращается уже въ способъ ходатайства Думы передъ генералъ-губернаторомъ.

1) Образецъ такихъ возраженій см. выше въ отвѣтѣ министра юстиціи по запросу о ген. Гершельманѣ.

2) См., напр., формулы к.-д. по запросу о Гершельманѣ (с. о. т. I, с. 2321), по „рижскому" запросу (с. о. т. II, с. 759) и др. „Они (к.-д.) вносили резолюцію не объ *отношеніи правительства* къ данному преступленію, т. е. не о томъ, что въ данный моментъ подлежитъ суду Г. Думы,— а о *самомъ преступленіи*", говоритъ бывш. деп. В. Мандельбергъ. См. его статью въ сб. „Т. б. р.", с. 69.

3) Ст. 60: „Если Г. Дума большинствомъ двухъ третей ея членовъ не признаетъ возможнымъ удовлетвориться сообщеніемъ министра или главноуправляющаго отдѣльною частью (ст. 59), то дѣло представляется предсѣдателемъ Г. Совѣта на Высочайшее благоговѣніе".

4) См. споры о формулѣ по запросу о Гершельманѣ (с. о. т. I, с. 2341), объ Алчагинской тюрьмѣ (с. о. т. II, с. 285). Послѣ отклоненія поправки о „неудовлетворительности" с.-д. систематически воздерживаются отъ голосованія.

стренія всѣхъ противорѣчій строя и обличенія всѣхъ его господствующихъ силъ и тактики сглаживанія противорѣчій и примиренія [1]).

При всемъ томъ и немногочисленные запросы второй Думы раскрывали ужасающую картину дѣйствительности. И хотя правительство находило уже при обсужденіи запросовъ дѣятельную поддержку себѣ въ „правомъ" крылѣ Думы, поддержка эта далеко еще не приняла такого откровеннаго характера поощренія, какой она получила впослѣдствіи, въ 3-ей Думѣ [2]). Однако, думская „правая" не скрывала своей готовности покрыть всякое „незакономѣрное" дѣйствіе правительства, разъ это дѣйствіе вызывалось истребительною войною противъ революціи. И она пользовалась каждымъ запросомъ, чтобы, въ неоднократно характеризованныхъ уже нами цѣляхъ, ставить думскій центръ снова и снова лицомъ къ лицу съ вопросомъ о борьбѣ съ революціей.

„*Осужденіе террора*"—это требованіе думскаго „праваго" крыла—висѣло постоянной угрозой надъ кадетской фракціей. Мы уже говорили, что дѣло шло не о „террорѣ" въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а о цѣлой полосѣ общественнаго движенія съ ея революціонными цѣлями и методами. „Осужденія" этой полосы правое крыло Думы добивается съ величайшимъ упор-

---

[1]) С.-д-я фракція добилась своей цѣли только одинъ разъ—въ „рижскомъ" запросѣ, но и то случайно, благодаря отказу отъ участія въ голосованіи к.-д. вмѣстѣ со всѣмъ правымъ крыломъ Думы послѣ того, какъ одна за другой были отклонены всѣ предложенныя формулы перехода, а предсѣдатель разрѣшилъ трудовой группѣ внести послѣ перерыва новую формулу. К.-д. и „правыя" группы сочли это нарушеніемъ наказа. При такихъ условіяхъ была принята с.-д.-я поправка (о „неудовлетворительности") къ формулѣ трудовой группы, а затѣмъ — 184 голосами противъ 8 при 40 воздержавшихся, т. е. болѣе чѣмъ 2/3 наличнаго состава,—и самая формула. Однако, по словамъ деп. В. Мандельберга („Т. б. р.", с. 71), ст. 60 и въ этомъ случаѣ въ исполненіе приведена не была.

[2]) Отдѣльные ораторы „правой" уже тогда, впрочемъ, начали усваивать себѣ столь характерный для позднѣйшаго времени цинично-откровенный тонъ. Такъ, при обсужденіи запроса объ избіеніи политическихъ каторжанъ въ Алгачинской тюрьмѣ, деп. Келеповскій заявилъ, что не можетъ „понять смысла всѣхъ этихъ запросовъ, которые сводятся къ протесту противъ того, что въ тюрьмахъ истязаютъ какихъ-то бубновыхъ тузовъ". С. о. т. I, с. 1681. Зато никто другой, какъ деп. Пуришкевичъ, поддерживая Келеповскаго, счелъ все же нужнымъ высказать въ своей рѣчи такія положенія: „не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всякаго рода избіенія, откуда бы они ни происходили,—мерзость, и не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что, если всѣ тѣ случаи, которые здѣсь были приведены намъ въ видѣ выдержекъ изъ газетъ лѣваго направленія, съ одной стороны, а съ другой стороны процитированы изъ письма Сазонова, вѣрны, то, конечно, это заслуживаетъ нашего глубокаго порицанія. Въ такомъ случаѣ мы должны поставить запросъ во всей его полнотѣ, такъ какъ политическіе, пострадавшіе, хотя за искаженную, но тѣмъ не менѣе за идею, не могутъ быть подвергнуты такимъ истязаніямъ... розги и вообще насилія по отношенію къ политическимъ заключеннымъ не должны быть примѣняемы". Ib., с. 1687—9. Запросъ былъ принятъ единогласно. Ib., с. 1693. Представители правительства иногда признавали, по крайней мѣрѣ, часть фактовъ, положенныхъ въ основаніе запроса. См., напр., двѣ рѣчи тов. мин. вн. дѣлъ Макарова по „рижскому" запросу: въ зас. 10 апр. (с. о. т. I, с. 1899) и въ зас. 17 мая (с. о. т. II, с. 694—5).

ствомъ, начиная съ перваго „дѣлового“ засѣданія Думы—6 марта, когда прочитана была правительственная декларація. Епископъ Платонъ первый ставитъ вопросъ [1]). Его поддерживаетъ вся правая, отъ имени которой деп. Шульгинъ вноситъ соотвѣтствующую формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ [2]). Формула отнюдь не ограничивается осужденіемъ террористическихъ актовъ: она обвиняетъ окраины, инородцевъ, печать, высшія учебныя заведенія, чиновниковъ и суды и призываетъ Думу и правительство направить всѣ силы „къ подавленію безумнаго и злобнаго движенія, стремящагося опрокинуть вѣру въ собственность, Царскій престолъ и самую Россію“.

Когда Дума проходитъ мимо этой формулы, принявъ простой переходъ къ очереднымъ дѣламъ, правые возобновляютъ свою аттаку при обсужденіи закона о военно-полевыхъ судахъ (12 и 13 марта) [3]) и вносятъ опредѣленное предложеніе: „выразить глубокое порицаніе всѣмъ революціоннымъ убійствамъ и насиліямъ“, чтобы—въ виду отмѣны в.-п. судовъ—„снять обвиненіе съ Г. Д. въ томъ, что она покровительствуетъ революціонному террору, поощряя бомбометателей, и старается имъ предоставить возможно большую безнаказанность“ [4]). Состояніе духа к.-д-аго центра, боявшагося одинаково какъ принятія резолюціи „осужденія террору“, такъ и отверженія ея, хорошо сказалось въ извѣстной выходкѣ деп. Кизеветтера [5]), искавшаго спасенія отъ поставленнаго въ упоръ вопроса—въ готовности предсѣдателя совѣта министровъ играть роль толкователя компетенціи Думы, и при томъ толкователя въ ограничительномъ смыслѣ.

Но, чѣмъ болѣе очевиденъ испугъ думскаго центра, съ тѣмъ большею настойчивостью наступаетъ „правая“. Чуть не изо дня въ день ея ораторы требуютъ постановки вопроса о террорѣ на первую очередь [6]). Думскій центръ подъ всякими предлогами оттягиваетъ рѣшеніе вопроса. Наконецъ, 9 апрѣля Думѣ приходится высказаться по поводу требованія срочности. Правыхъ энергично поддерживаетъ октябристъ Шидловскій (могилевск. губ.), мотивирующій необходимость „порицанія террористическихъ убійствъ“ предстоящей отмѣной в.-п. судовъ и требующій кромѣ того, взамѣнъ этихъ судовъ, для огражденія „мирныхъ гражданъ Россійской Имперіи отъ террористовъ, созданія закона, который былъ бы скорый и правый, но не милостивый“ [7]). С.-д-ы и с.-р-ы высказываются за срочное обсужденіе вопроса, считая по-

---

1) С. о. т. I, с. 144.
2) Ib., с. 151.
3) См. рѣчи Шульгина и Крушевана (Ib., с. 374, 378).
4) Ib., с. 527.
5) Ib., с. 529.
6) См., напр., с. о. т. I. с. 791, 1533, 1715 и др.
7) Ib., с. 1834.

литику уклоненія—дискредитирующей Думу [1]). Но к.-д-овъ поддерживаютъ трудовики [2]), и противъ обоихъ крайнихъ крыльевъ Думы срочность отклоняется [3]).

Но уже на слѣдующій день, 10 апр., правые вносятъ предложеніе—назначить для вопроса о „террорѣ" одинъ изъ дней на Ѳоминой недѣлѣ. 12 апр. Дума обсуждаетъ это предложеніе. Октябристъ Рейнъ открыто грозитъ Думѣ роспускомъ [4]). Гр. Бобринскій обращаетъ вниманіе партіи народной свободы, что у нея „является случай доказать, что она партія конституціонная, а не революціонная" [5]). Но центръ, вѣрный своей тактикѣ, предложеніе правыхъ отклоняетъ. Послѣ Пасхи правые почти ежедневно повторяютъ свое предложеніе [6]) и уже не скрываютъ своихъ дѣйствительныхъ намѣреній. 10 мая деп. Крупенскій, еще разъ требуя осужденія „политическихъ убійствъ", ссылается на „надвигающіяся грозныя событія, въ которыхъ можетъ погибнуть наша молодая конституція" [7]).

Между тѣмъ приближеніе этихъ „грозныхъ событій" было слишкомъ очевидно. 5 мая происходитъ нашествіе полиціи и обыскъ въ помѣщеніи с.-д-ой фракціи. 7 мая, въ тотъ самый день, когда въ думу вносятся срочные запросы объ этомъ обыскѣ, предсѣдатель совѣта министровъ заявляетъ желаніе дать разъясненія по дѣлу о такъ наз. „террористическомъ заговорѣ". Разъясненія эти служили отвѣтомъ на вопросъ (въ порядкѣ 40 ст.) правыхъ, хотя П. А. Столыпинъ оговорился, что, въ сущности, вопросъ этотъ выходитъ за предѣлы компетенціи Думы [8]). Вся лѣвая сторона Думы—с.-д., с.-р., н.-с. и трудовики—отсутствовала изъ залы засѣданія [9]), и въ ея отсутствіи была единогласно принята слѣдующая формула перехода къ очереднымъ дѣламъ: „Охваченная чувствомъ живѣйшей радости по поводу счастливо избѣгнутой опасности, грозившей Его Императорскому Величеству, относясь съ глубокимъ негодованіемъ къ обнаруженному преступному замыслу, Г. Дума переходитъ къ

---

1) Рѣчи деп. Джапаридзе и Ширскаго. Ib., с. 1831, 1833.

2) Рѣчь деп. Березина. Ib., с. 1826—8.

3) Ib., с. 1835, 1837.

4) Ib., с. 1927.

5) Ib., с. 1928.

6) См. С. о. т. I, с. 2344, т. II, с. 52, 298, 363, 455 и др.

7) О о. т. II, с. 363.

8) С. о., т. II, с. 196. Отмѣтимъ тутъ же, что ст. 40 вторая Дума воспользовалась еще 2 раза: правые внесли въ этомъ порядкѣ вопросъ о высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (с. о. т. I, с. 887), а трудовики—о дѣятельности землеустроительныхъ учрежденій по надѣленію крестьянъ землею (с. о. т. II, с. 1026—7). При разсмотрѣніи думскаго наказа, по предложенію деп. Демьянова, была отброшена вторая часть ст. 75 проекта наказа, ограничивавшая права Думы въ постановкѣ вопросовъ въ порядкѣ 40 ст. Проектъ предоставлялъ такое право лишь комиссіямъ—„по поводу переданныхъ имъ для разработки дѣлъ", а отдѣльнымъ членамъ Думы—„при разсмотрѣніи сихъ дѣлъ въ общемъ собраніи ея". С. о. т. II, с. 352—3.

9) С. о. т. II, с. 193.

очереднымъ дѣламъ" [1]). Сопротивленіе к.-д аго центра настойчивому требованію правыхъ явно начинаетъ слабѣть. Это сказывается и въ засѣданіи 15 мая, когда Думѣ приходится, наконецъ, выяснить свое отношеніе къ резолюціи, внесенной правыми. Эту резолюцію снова поддерживаютъ октябристы: Рейнъ, ссылающійся на съѣздъ октябристовъ, который „высказался за то, что долгъ и честь наша требуютъ скорѣйшаго осужденія террора" [2]), и Капустинъ, видящій въ „осужденіи террора" необходимое условіе для ослабленія правительственной репрессіи, отмѣны смертной казни и т. п. [3]). С.-д.-ы, с.-р-ы и н.-с-ы [4]) требовали отъ Думы высказыванія по существу. „Мы голосуемъ за обсужденіе этого вопроса", говорилъ с.-д. Салтыковъ, ибо „за то, чтобы не сокращать компетенціи Г. Думы, мы стояли всегда и считаемъ этотъ вопросъ нисколько не выходящимъ изъ поля нашего сужденія" [5]).

Салтыкову возражалъ отъ имени к.-д-ой фракціи говорившій немедленно послѣ него І. Гессенъ: „отказываясь отъ обсужденія вопроса, мы не раздѣляемъ всѣхъ доводовъ, которые приводились здѣсь [6]), а присоединяемся къ доводамъ дѣловымъ. Кромѣ того, мы еще болѣе протестуемъ противъ того заявленія, которое только что раздалось съ этой кафедры" [7]).

215 голосовъ противъ 146 Дума отказалась принять вопросъ объ „осужденіи террора" къ разсмотрѣнію [8]). Но уже черезъ день, 17 мая, при обсужденіи „рижскаго" запроса, онъ всплылъ снова. Подъ натискомъ правыхъ, толковавшихъ постановленіе 15 мая, какъ „актъ общаго благословленія со стороны Думы политическимъ убійствамъ и террору" [9]), грозившихъ тѣмъ, что „въ деревняхъ будутъ рвать на части бунтовщиковъ и поджигателей бросать въ огонь, будутъ массовые погромы, гдѣ никому пощады не будетъ" [10]), центръ поколебался. Формула к.-д., слабо реагировавшая на ужасныя пытки въ рижскомъ „музеѣ", содержала въ то же время еле прикрытое осужденіе прибалтійскихъ революціонеровъ: „совершавшіяся въ этомъ краѣ многочисленныя убійства и другія возмутительныя преступленія

---

[1]) Ib., с. 197.

[2]) С. о. т. II, с. 600.

[3]) Ib., с. 604.

[4]) Ib. с. 609. Изъ н.-с.-овъ депутатъ Алашеевъ высказался въ противоположномъ духѣ. Ib. с. 604—606.

[5]) Ib., с. 609.

[6]) „Доводы", на которые намекалъ деп. Гессенъ, принадлежали деп. Алашееву, мотивировавшему отказъ отъ обсужденія вопроса тѣмъ, что правые „желаютъ еще болѣе уронить достоинство народнаго представительства, заставивши его сдѣлать постановленіе подъ вліяніемъ чувства страха за разгонъ Думы". Такое постановленіе „не только не будетъ имѣть реальнаго значенія въ странѣ, но унизитъ авторитетъ народнаго представительства". „Поэтому я предполагалъ бы не принимать этого предложенія только потому, что оно исходитъ изъ праваго лагеря„. Ib., с. 605—6

[7]) Ib., с. 609.

[8]) Ib., с. 608.

[9]) Рѣчь еп. Платона. Ib., с. 744.

[10]) Рѣчь деп. Шульгина Ib., с. 746.

не должны быть терпимы" [1]). Но эта попытка компромисса, естественно, никого не удовлетворила. Въ глазахъ „правыхъ" она оставалась простой отговоркой. Въ глазахъ „лѣвыхъ" она была равносильна измѣнѣ и нападенію съ тыла. Результатомъ былъ полный провалъ к.-д-ой формулы, какъ и всѣхъ другихъ [2]). А вопросъ, скрывавшійся за требованіемъ „осужденія террора", вопросъ объ отношеніи к.-д. центра къ той революціонной почвѣ, на которой выросла Дума, оставался открытымъ. Скоро онъ долженъ былъ предстать передъ Думой въ совершенно обнаженномъ видѣ...

Требованіе „осужденія террора" было въ рукахъ „правыхъ" отнюдь не единственнымъ орудіемъ провокаціонной политики, разсчитанной на запугиваніе к.-д-аго центра и дискредитированіе Думы—ея „революціонностью" въ глазахъ реакціи, ея безхарактерностью въ глазахъ народныхъ массъ. Они пользуются всякими предлогами, чтобы констатировать то мнимый „призывъ къ вооруженному возстанію" [3]), то „раздираніе Россіи на части" [4]), то „оскорбленіе Величества" [5]), то „оскорбленіе арміи". Когда нѣтъ подходящаго предлога, правые сами придумываютъ его. Деп. Шульгинъ, обращаясь къ депутатамъ „лѣвой", спрашиваетъ, нѣтъ ли у кого-либо изъ нихъ бомбы въ карманѣ [6]). Черезъ двѣ недѣли послѣ „безмолвнаго" почтенія вставаніемъ памяти убитаго Іоллоса [7]), депутата 1-ой Думы, деп. Пуришкевичъ вноситъ демонстративное предложеніе— почтить вставаніемъ память убитыхъ городовыхъ [8]). Тотъ же Пуришкевичъ шумно протестуетъ, когда предсѣдатель Думы отказывается дать слово тов. мин. дѣлъ Крыжановскому, желающему произнести общую рѣчь по вопросу о штатахъ думской канцеляріи въ то время, когда Дума перешла уже къ постатейному чтенію [9]). Всѣ такого рода выходки и протестъ сопровождаются шумными скандалами, влекущими за собою исключеніе ихъ виновниковъ на одно или нѣсколько засѣданій. Исключенія эти подаютъ поводъ къ новымъ протестамъ, и Дума живетъ въ атмосферѣ непрерывныхъ скандаловъ. „Зурабовскій инцидентъ" показалъ, что и въ этой сферѣ тактика „правыхъ" была отнюдь

---

1) Ib., с. 759. Еще опредѣленнѣе была въ этомъ отношеніи формула польскаго коло. Ib., с. 758.

2) Выше мы указали, какія неожиданныя послѣдствія имѣло это отклоненіе Думою всѣхъ формулъ перехода къ очер. дѣламъ.

3) С. о. т. I, с. 125.

4) Ib., с. 1916.

5) Ib., с. 982.

6) Ib., с. 450, 530, 1973.

7) Ib., с. 1554.

8) Ib., с. 589, зас. 15 марта. Іоллосъ былъ убитъ 14 марта въ Москвѣ у воротъ дома предсѣд. мѣстнаго отдѣла союза русскаго народа, Торопова. Свѣдѣнія, сообщенныя впослѣдствіи его убійцей, рабочимъ Федоровымъ, указываютъ на организацію убійства главарями союза.

9) Ib., с. 1275.

9) С. о. т. II, с. 4—5.

не безнадежна. Инцидентъ этотъ имѣлъ самое разлагающее вліяніе на Думу. Поведеніе предсѣдателя заставило с.-д-ую фракцію не только требовать его смѣщенія, но и воздерживаться отъ содѣйствія дисциплинарнымъ мѣрамъ, принимавшимся имъ по отношенію къ правымъ депутатамъ. Думская же „правая" почерпнула въ безхарактерности к.-даго центра силу для все новыхъ и новыхъ скандаловъ [1]). Реальная цѣль всего этого похода—добиться отъ Думы того „самоочищенія" отъ „лѣвыхъ", о которомъ говорили правительственные оффиціозы въ самомъ началѣ ея работъ, добиться затѣмъ, чтобы нанести ударъ и самому народному представительству въ томъ видѣ, какъ оно сложилось послѣ октябрьско-декабрьскихъ дней.

Мы уже говорили о томъ, что „объединенное дворянство" открыто требовало измѣненія избирательнаго закона и условій функціонированія народнаго представительства. Одновременно оно требовало и пересмотра всѣхъ законопроектовъ, выработанныхъ правительствомъ въ періодъ междудумья. Эти законопроекты—особенно, касающіеся мѣстнаго самоуправленія—казались дворянству недостаточно обезпечивающими его господство [2]). Голосъ дворянства энергично поддерживался оффиціозною печатью, подготовлявшею роспускъ Думы и измѣненіе избирательнаго закона [3]).

Между тѣмъ правительство съ самаго начала работъ Думы также настойчиво преслѣдуетъ цѣль—заставить Думу вступить на путь „самоочищенія". Мы говорили выше о томъ, какъ правительство стремилось заста-

---

[1]) Особенно грандіозный скандалъ былъ произведенъ правыми во время преній о сдачѣ въ комиссію законопроекта о всеобщемъ обученіи. Слова деп. Хасанова, что „теперь наша страна конституціонная", вызвали цѣлую бурю. Правая сторона неистовствовала, обвиняя предсѣдателя въ томъ, что онъ „поддерживаетъ человѣка, который оскорблялъ Государя, нашу страну, нашу армію". Исключенные на одно засѣданіе деп. Пуришкевичъ, Келеповскій и Созоновичъ отказались подчиняться постановленію Думы и въ наказаніе были исключены (при воздержаніи с.-д.) на 15 засѣданій. Дальнѣйшій отказъ Пуришкевича покинуть залъ Г. Д. вызвалъ закрытіе засѣданія. С. о. т. II, с. 186—190. Зас. 4 мая.

[2]) Какъ извѣстно, послѣ роспуска 2-ой Думы правительство пошло навстрѣчу всѣмъ этимъ притязаніямъ дворянства. Въ частности, законопроекты о поселковыхъ обществахъ и волостномъ земствѣ были подвергнуты переработкѣ въ дворянскомъ „совѣтѣ по дѣламъ земскаго хозяйства"

[3]) Послѣ обсужденія въ Думѣ вопроса объ амнистіи М. О. Меньшиковъ писалъ, напр., въ „Новомъ Времени": „Роспускъ парламента есть конституціонное право монарха, а отмѣна гибельной статьи, ошибкой проникшей въ основные законы, есть не только право, но и долгъ той власти, которая эти основные законы даровала. Измѣненіе одной статьи вовсе не есть отмѣна конституціи. Это всего лишь необходимый ремонтъ, который всюду неизбѣженъ и всюду считается за укрѣпленіе зданія, а не за разрушеніе его. Основные законы вовсе не есть договоръ, сколько бы софистики ни тратили еврейскіе публицисты, старающіеся опутать нашу власть контрактами. Ложь, повторенная милліонъ разъ, будто конституція наша *отнята* у короны, — остается ложью. Въ созданіи акта нашей конституціи не было договаривающихся сторонъ. Была одна сторона, которая сочла за благо установить нѣкоторые принципы съ намѣреніемъ ихъ держаться". Цит. у А. Цитрона, l. c., с. 177—8.

вить Думу суживать предѣлы своей собственной компетенціи и умалять свое значеніе. Этой же задачѣ служитъ отчасти и походъ, предпринятый противъ отдѣльныхъ депутатовъ: отказъ духовной власти освободить избраннаго депутатомъ свящ. Григорія Петрова отъ отбыванія наказанія въ Черменецкомъ монастырѣ, отобраніе отъ отдѣльныхъ депутатовъ „подписки о невыѣздѣ" [1]), избіеніе депутатовъ (Сигова и Ершова) при попыткахъ общенія съ населеніемъ и т. п.

Но этотъ походъ преслѣдовалъ и другую цѣль—направить думское большинство на путь „самоочищенія" со всѣми тѣми послѣдствіями, ради которыхъ толкали Думу на этотъ путь и „правые". Наконецъ, устраненіе нѣкотораго, хотя бы небольшого, числа лѣвыхъ депутатовъ могло имѣть и практическое значеніе въ смыслѣ вліянія на результаты голосованія въ тѣхъ случаяхъ, когда к.-д. центръ соединялся съ правымъ крыломъ Думы, и исходъ голосованія цѣликомъ зависѣлъ отъ польскаго коло [2]). И вотъ, Думѣ представляются одно за другимъ требованія объ устраненіи ряда с.-д-ихъ депутатовъ, какъ привлеченныхъ къ слѣдствію или суду по политическимъ преступленіямъ—Геруса, Кузнецова, Кунстаса, Баташева, Кирієнко, Шпагина, Измайлова [3]). Думскій центръ старался, по возможности, и этотъ вопросъ откладывать въ долгій ящикъ. До самаго роспуска Думы ни по одному изъ предъявленныхъ ей требованій окончательнаго постановленія не состоялось. Но Думѣ пришлось высказаться по имѣвшему принципіальный характеръ вопросу о направленіи дѣлъ такого рода. По толкованію министра юстиціи, при привлеченіи депутата къ суду, ст. 21 Учр. Г. Думы вступаетъ въ дѣйствіе автоматически и Дума лишь отмѣчаетъ устраненіе даннаго депутата [4]). К.-д-ая фракція, стоя также исключительно на юридической почвѣ, толковала компетенцію Думы иначе. „Государственная Дума, говорилъ деп. І. Гессенъ, не можетъ ограничиться регистраціей постановленій судебнаго слѣдователя; она... разсматриваетъ вопросъ съ точки зрѣнія, во-первыхъ, правдоподобности предъявленныхъ обвиненій и, во-вторыхъ, съ точки зрѣнія достаточности основанія въ предъявленномъ обвиненіи для признанія члена Думы несоотвѣтствующимъ участію въ засѣданіяхъ во время производства этого дѣла о немъ". Въ виду этихъ соображеній к.-д-ая фракція предлагала сдать всѣ внесенныя уже дѣла въ комиссію по наказу,

---

[1]) Сенатъ разъяснилъ, что отобраніе такой подписки не составляетъ предусмотрѣннаго Учр. Г. Думы „лишенія свободы". Право, 1907, № 12, с. 906—8.

[2]) По словамъ А. Зурабова, въ Думѣ говорили, что П. А. Столыпинъ просилъ предсѣдателя Думы поторопиться съ дѣлами объ устраненіи отдѣльныхъ депутатовъ, „такъ какъ участіе въ голосованіяхъ депутатовъ, привлеченныхъ къ слѣдствію, составляетъ незаконное большинство". А. Зурабовъ, l. c., с. 53.

[3]) См. о. т. I, 442, 1274, 1418, II 534, 539, 593, 1293, 1572. Изъ не-с.-д. былъ привлеченъ Красселюкъ. Ib., т. I, с. 1275.

[4]) С. о. т. I, с. 1427—1433.

поручивъ ей выработать и общій порядокъ направленія такихъ дѣлъ [1]). На иную—политическую—почву встали въ этомъ вопросѣ с.д-ы и примыкавшіе къ нимъ „лѣвыя" фракціи: „сдавая его (вопросъ) въ комиссію, мы какъ бы косвенно соглашаемся съ тою постановкою вопроса о неприкосновенности депутатовъ, которую стремится навязать намъ наша русская юстиція. Она привлекаетъ за такія вещи, за которыя по нашему мнѣнію привлекать нельзя, и мы должны, ясно и опредѣленно, отказомъ сдать въ комиссію показать, что мы не считаемъ возможнымъ дѣлать въ этомъ отношеніи никакихъ уступокъ русской юстиціи"; „мы стоимъ не на почвѣ вашего формальнаго права, а на почвѣ интересовъ тѣхъ, кто насъ послалъ сюда; эти интересы требуютъ, чтобы органъ борьбы народа, какимъ должна являться Гос. Дума, не былъ обезсиленъ" [2]). Пренія въ Думѣ, обостренныя вторымъ выступленіемъ министра юстиціи, стихійно пошли именно по политическому руслу и вылились въ рѣзкую критику суда, въ которой на-ряду съ с.-д. Наливкинымъ [3]), принялъ дѣятельное участіе и к.-д. Родичевъ [4]). Но рѣшеніе было принято именно то, которое предлагала к.-д-ая фракція, и вопросъ былъ сданъ въ комиссію по наказу.

Въ другой разъ Думѣ пришлось высказаться по вопросу о правахъ депутатовъ по поводу запроса о преслѣдованіи „лѣвыхъ" депутатовъ-священниковъ [5]). Вопреки протестамъ еп. Евлогія, полагавшаго, что „запросъ касается области чисто церковной, имѣетъ отношеніе къ внутренней жизни церкви и не подлежитъ обсужденію Г. Думы" [6]),—запросъ былъ признанъ срочнымъ и принятъ. Отвѣта на него Дума до своего роспуска отъ правительства не получила.

Между тѣмъ приближалась развязка. Мы уже говорили объ обыскѣ 5 мая въ помѣщеніи с.-д-ой фракціи. Это былъ не первый обыскъ.

---

1) С. о. т. I, с. 1422—3.

2) См. двѣ рѣчи деп. Алексинскаго. Ib., с. 1425, 1453.

3) Ib., 1463.

4) Ib. с. 1461.

5) Текстъ запроса такъ излагалъ обстоятельства дѣла: „14 мая 1907 года члены Думы священники: Архиповъ, Бриллiантовъ, Гриневичъ, Колокольниковъ и Тихвинскій были вызваны особыми повѣстками къ митрополиту С.-Петербургскому и Ладожскому Антонію, который объявилъ явившимся указъ св. Синода отъ 12 мая за № 5577. На основаніи этого указа они должны выйти изъ состава партій, къ которымъ они принадлежатъ, и публично заявить объ этомъ выходѣ; причемъ митрополитъ Антоній объявилъ имъ, что они не должны принадлежать также къ безпартійнымъ лѣвымъ, но только къ монархистамъ, октябристамъ или безпартійнымъ правымъ и высказываться въ Думѣ только въ духѣ этихъ партій. Срокомъ для исполненія этого указа митрополитъ Антоній назначилъ пятницу 18 мая. Отказъ перемѣнить свои убѣжденія до пятницы 18 мая поведетъ къ лишенію ихъ сана". Какъ извѣстно, послѣдняя угроза была приведена въ исполненіе по отношенію къ опальнымъ священникамъ-депутатамъ послѣ роспуска Думы. С. о. т. II, с. 595.

6) Ib., с. 596.

Еще до начала засѣданій Думы полиція заняла фракціонную квартиру, но эпизодъ этотъ прошелъ безрезультатно. Теперь походъ на с.-д. фракцію носилъ характеръ очевиднаго наступленія на самое Думу [1]). Въ печати появились слухи о раскрытіи республиканскаго „заговора", во главѣ котораго стояла будто бы с.-д-ая фракція. На эту же почву старалась поставить вопросъ думская „правая", связывавшая этотъ „заговоръ" съ тѣмъ „террористическимъ заговоромъ" [2]), по которому давалъ объясненія П. А. Столыпинъ въ томъ самомъ засѣданіи 7 мая, когда были внесены запросы объ обыскѣ въ квартирѣ с.-д. фракціи. Деп. Шульгинъ восклицалъ, что, „если дальше будетъ продолжаться такая же исторія въ Россійской имперіи, какъ и сейчасъ, то она можетъ увидать въ рядахъ полиціи лучшихъ своихъ сыновъ... И меня также". И онъ упрекалъ правительство за то, что „заставляютъ насъ... сидѣть вмѣстѣ вотъ съ этой (жестъ влѣво) компаніей" [3]). Ему вторилъ октябристъ Шидловскій, восхвалявшій дѣйствія полиціи и, наоборотъ, нападавшій на судебную власть за ея „нерѣшительность" и „попустительство", выразившіяся въ томъ, что прокуроръ петербургской судебной палаты Камышанскій не арестовалъ на мѣстѣ с.-д-ихъ депутатовъ [4]). Представители правительства были сдержаннѣе въ своихъ объясненіяхъ. Министръ юстиціи призналъ, что „и представитель судебной власти въ указанную ночь" думалъ, что „обыскъ былъ лишенъ всякаго законнаго основанія", но увѣрялъ, что это произошло лишь потому, что „полиція опоздала на полчаса", въ настоящее же время „у судебнаго слѣдователя возбуждено предварительное слѣдствіе" о посѣщеніи квартиры деп. Озола „представителями революціонной военной организаціи" и с.-д-ая фракція обвиняется въ допущеніи такихъ посѣщеній съ цѣлью „использовать народное представительство для участливаго отношенія къ нижнимъ чинамъ" [5]). О томъ же говорилъ П. А. Столыпинъ: „На слѣдующій день... было обнаружено отношеніе квартиры деп. Озола къ военно-революціонной организаціи, поставившей своей цѣлью вызвать возстаніе въ войскахъ". Предсѣдатель совѣта министровъ добавлялъ, что „полиція и впредь будетъ такъ же дѣйствовать, какъ она дѣйствовала" [6]).

С. д-имъ депутатамъ и ораторамъ народническихъ фракцій было нетрудно разрушить сшитую бѣлыми нитками мотивировку „закономѣрности" дѣйствій полиціи и обнаружить непримиримыя противорѣчія въ рѣчахъ да-

---

1) Объ обстоятельствахъ обыска въ помѣщеніи с.-д. фракціи и послѣдовавшаго затѣмъ привлеченія къ суду и ареста ея членовъ, см. въ т. III, наст. изданія, въ статьѣ Л. Мартова.

2) См. рѣчи гр. Бобринскаго и Красковскаго. С. о. т. II, с. 214, 239.

3) Ib., с. 236.

4) Ib., с. 249.

5) Ib., с. 221—2.

6) Ib., с. 207—8.

вавшихъ объясненія министровъ, съ одной стороны, прокурора судебной палаты, присутствовавшаго при обыскѣ, съ другой [1]).

Но было слишкомъ очевидно, что дѣло шло не объ юридическихъ основаніяхъ дѣйствій правительства въ данномъ случаѣ, а о политической тенденціи ихъ. Было очевидно, какъ сказалъ депутатъ Салтыковъ, что эти дѣйствія „грозятъ самому составу Думы“ [2]). Болѣе того. Они составляютъ лишь часть системы, которая стремится поставить Думу „въ положеніе парламента плѣненнаго“ [3]) и такъ или иначе—путемъ-ли внутренняго разложенія Думы, или путемъ обвиненія ея въ содѣйствіи „заговору“—подготовить ея роспускъ и измѣненіе избирательнаго закона. „Чѣмъ хуже,—тѣмъ лучше, воскликнулъ депутатъ „правой“, Крупенскій: авось правительство проснется и разгонитъ! [4]).

Запросы были приняты и признаны срочными. Но для характеристики политическаго положенія было знаменательно, что к. д.-ій центръ, поставленный передъ дилеммой—либо подвергнуть народное представительство униженію, либо стать грудью за послѣдовательное использованіе его правъ, не боясь обвиненія въ сочувствіи „революціи“,—не внесъ со своей стороны запроса и не проронилъ за все время преній ни одного слова. Его молчаніе краснорѣчиво говорило о томъ, что стойкаго и послѣдовательнаго сопротивленія ждать съ этой стороны нельзя...

Нельзя было его ждать въ данный моментъ и со стороны широкихъ слоевъ населенія. Распадъ старой революціонной арміи продолжался неудержимо. Новыя силы находились еще въ зародышѣ. Народныя массы оставались, хотя и сочувствующими, но молчаливыми свидѣтелями думской драмы. Дворянство, опиравшееся на субсидируемыя и покровительствуемыя бюрократіей черносотенныя организаціи, наступало все рѣшительнѣе и, поскольку рѣчь шла о расправѣ съ движеніемъ народныхъ массъ и водвореніи „порядка“, встрѣчало сочувствіе и поддержку въ капиталистической буржуазіи. При такихъ условіяхъ Дума шла неудержимо къ гибели. Весь вопросъ былъ въ томъ, сумѣетъ-ли она погибнуть съ достоинствомъ, нанеся уронъ торжествующей контръ-революціи и своею смертью завѣщая традиціи непримиримой борьбы съ возрождающимся „старымъ порядкомъ“.

Правительству приходилось между тѣмъ торопиться. Переворотъ былъ

---

1) См. рѣчи деп. Салтыкова, Мандельберга, Сталинскаго, Шярскаго, Измайлова, Хвоста, Аникина, Озола, Березина и др. С. о. т. II, с. 209—251. Деп. Шярскій воспользовался случаемъ, чтобы заявить о непричастности партіи с.-р. къ „террористическому заговору“, о которомъ говорилось выше.

2) Ib., с. 209.

3) Рѣчь деп. Карташева. Ib., с. 234.

4) Ib., с. 239.

вполнѣ подготовленъ и новый избирательный законъ разработанъ во всѣхъ деталяхъ. Нуженъ былъ только подходящій предлогъ. Ждать дольше было нельзя, ибо, какъ мы говорили выше, бюджетная комиссія закончила свои предварительныя работы, и грозила явная опасность, что бюджетъ будетъ отвергнутъ въ первомъ чтеніи. Польское коло, отъ котораго зависѣлъ исходъ голосованія, держалось двусмысленно. Какъ мы видѣли, еще во время преній по направленію бюджета, коло отнюдь не связывало себя обѣщаніемъ голосовать за бюджетъ. Теперь, послѣ Пасхи, потерявъ надежду получить отъ к.-д. фракціи дѣйствительную поддержку въ проведеніи своего законопроекта объ автономіи Польши, коло было не прочь заигрывать съ лѣвымъ крыломъ Думы [1]). Въ бюджетной комиссіи его представитель своимъ голосомъ далъ перевѣсъ мнѣнію о необходимости предпослать разсмотрѣнію отдѣльныхъ статей бюджета общее обсужденіе его, и онъ же взялъ на себя роль докладчика комиссіи. Бюджету грозилъ провалъ [2]). А это сильно ослабило бы позицію правительства.

Приходилось спѣшить. 1-го іюня, въ тотъ самый день, когда впередъ было поставлено на повѣстку предложеніе бюджетной комиссіи о порядкѣ обсужденія бюджета, П. А. Столыпинъ внезапно потребовалъ закрытія засѣданія. Планы министерства были такъ хорошо законспирированы, а эпизодъ съ обыскомъ въ квартирѣ с.-д. фракціи за истекшій мѣсяцъ такъ потерялъ свою остроту, что, по свидѣтельству В. Мандельберга [3]), только „въ шутку" высказывалось нѣкоторыми предположеніе, что предсѣдатель совѣта министровъ намѣренъ потребовать устраненія изъ Думы всей с. д-ой фракціи. Предположеніе о причинахъ закрытія засѣданія вертѣлось больше въ области вопросовъ иностранной политики и государственной обороны. Тѣмъ неожиданнѣе было, что „шуточное" предположеніе оказалось правильнымъ.

Съ самаго начала засѣданія П. А. Столыпинъ заявилъ, что правительство предъявитъ сейчасъ, черезъ прокурора Камышанскаго, Гос. Думѣ требованіе, которому оно придаетъ чрезвычайно важное значеніе, и что всякое промедленіе въ исполненіи этого требованія можетъ имѣть самыя серьезныя послѣдствія для Думы. Послѣ этого прокуроръ петербургской судебной палаты прочелъ помѣченное 31 мая постановленіе судебнаго слѣдователя о привлеченіи къ суду всего состава с.-д. фракціи и о немедленномъ заклю-

---

1) См. А. Цитронъ, l. c., с. 165.

2) См. А. Зурабовъ, l. c., с. 54. Желаніе правыхъ и к.-д. приступить непосредственно къ постатейному чтенію бюджета, понятно, означало принципіальное принятіе его и, какъ показалъ опытъ 3-ей Думы, поступавшей въ первыя сессіи свои именно такимъ образомъ, лишило бы бюджетныя пренія почти всякаго политическаго значенія.

3) Т. б. р., с. 20.

ченіи подъ стражу 16 членовъ ея. Фракціи предъявлялось обвиненіе (по 1 ч. ст. 102) въ устройствѣ заговора съ цѣлью осуществленія насильственнаго государственнаго переворота, лишенія Государя Императора верховной власти и учрежденія демократической республики съ соціалистическимъ въ ней укладомъ общественныхъ отношеній.

Правительство требовало немедленнаго согласія Думы на преслѣдованіе с.-д. депутатовъ, и уже во время самаго засѣданія Думы квартиры ихъ были обысканы полиціей. Лѣвое крыло Думы настаивало на немедленномъ же отказѣ правительству въ его требованіи, такъ какъ политическій характеръ его былъ очевиденъ. Центръ колебался и, по своему обыкновенію, нашелъ выходъ въ образованіи комиссіи для обсужденія вопроса.

Въ кулуарахъ Думы уже открыто передавали содержаніе вновь выработаннаго избирательнаго закона [1]). Правительственная печать не скрывала значенія предъявленнаго Думѣ требованія: „сегодня писало „Новое Время", Дума очутилась лицомъ къ лицу съ вопросомъ, отъ котораго она такъ старательно увертывалась съ первыхъ дней нынѣшней сессіи—съ вопросомъ о томъ: служить ли она революціи или законному порядку? Но на сей разъ вопросъ этотъ поставленъ такимъ образомъ, что отказаться отъ прямого и яснаго на него отвѣта, кажется, немыслимо" [2]).

Все это не помѣшало распространенію слуховъ, разсчитанныхъ на податливость и безхарактерность думскаго центра. Говорили, что предсѣдатель совѣта министровъ является такою же жертвою насилія, какъ и Дума; что онъ подастъ въ отставку, если Дума будетъ распущена; что онъ проситъ Думу „выдать" хоть только 16 „наиболѣе виновныхъ", или хотя бы лишь 5 депутатовъ, чтобы спасти Думу и т. д. и т. д.

Всѣ эти слухи находятъ себѣ благопріятную почву въ части к.-д-ой фракціи. Избранная Думою комиссія серьезно приступаетъ къ юридическому разбору представленныхъ ей прокуроромъ судебной палаты данныхъ. Когда же выясняется, что въ 24 часа своей работы она закончить не можетъ, она проситъ у Думы отсрочки, а Дума приступаетъ къ обсужденію законопроекта о мѣстномъ судѣ. Тщетно с.-д-ы и другія лѣвыя фракціи указываютъ на недостойность такого поведенія, когда „мы стоимъ наканунѣ государственнаго переворота" [1]). Тщетно требуютъ они нарушенія наказа и немедленнаго обсужденія бюджета и законовъ, изданныхъ по 87 ст., съ цѣлью ихъ отверженія. Всѣ эти предложенія, какъ и неоднократныя настоянія прекратить или, по крайней мѣрѣ, сократить пренія, чтобы перейти къ стоявшему на повѣсткѣ

---

[1]) См. А. Цитронъ, l. c., c. 183.
[2]) Цит. у А. Цитрона, l. c., c. 181.
[3]) Рѣчь Церетели. С. о. т. II, с. 1591.

докладу бюджетной комиссіи,—систематически отклоняются по иниціативѣ к.-д-овъ, энергично, хотя и съ явной ироніей, поддерживаемыхъ правыми [1]).

„Конституціонно-демократическая партія всегда стремилась оставаться на строго конституціонной почвѣ и дѣйствовать въ рамкахъ существующихъ законовъ, и съ этой почвы к.-д. партія въ настоящее время при серьезныхъ условіяхъ, переживаемыхъ Думой и страной, не сойдетъ", отвѣчалъ В. Гессенъ на пламенный призывъ деп. Церетели „поставить на обсужденіе тѣ вопросы, которые могутъ показать народу, на какой почвѣ создается конфликтъ и подготовляется государственный переворотъ (показывая направо) . . . этихъ заговорщиковъ" [2]). „Необходимо предоставить высказаться всѣмъ въ этомъ столь важномъ, столь наболѣвшемъ вопросѣ, говорилъ кн. Долгоруковъ въ отвѣтъ на предложеніе о прекращеніи преній о мѣстномъ судѣ, „для того, чтобы направить дѣятельность комиссіи по извѣстному пути, чтобы дать ей извѣстныя директивы. Отъ тѣхъ положеній, которыя предлагается сейчасъ принять безъ преній, зависитъ весь дальнѣйшій ходъ работъ комиссіи" [3]). Кн. Долгорукову вторилъ насмѣшливо деп. Пуришкевичъ: „Полагая, что Дума доживаетъ послѣдніе моменты, они (лѣвые депутаты) желаютъ занять думскія засѣданія нѣкоторыми вопросами, которые не имѣютъ серьезнаго значенія, но могутъ показать странѣ, что вотъ-де мы являемся мучениками; вотъ правительство, вотъ кто кровопійцы, вотъ какъ они относятся къ народнымъ нуждамъ"; но „будетъ-ли Дума завтра существовать или нѣтъ, во всякомъ случаѣ въ лѣтописяхъ думскихъ засѣданій должно быть вполнѣ выражено все то, что накипѣло въ душахъ ораторовъ по вопросу о мѣстномъ судѣ" [4]). Слова деп. Пуришкевича были слишкомъ прозрачны, насмѣшка слишкомъ очевидна... Но думское большинство рѣшило „не нарушать наказа", при общемъ невниманіи полились длинныя рѣчи на тему о томъ, „что у ораторовъ накипѣло въ душѣ по вопросу о мѣстномъ судѣ" [5]). Первая Дума гибла въ атмосферѣ нерѣши-

---

[1]) „Я всецѣло присоединяюсь къ тому, что говорилъ почтенный ораторъ В. Гессенъ", заявилъ деп. Пуришкевичъ (с. о. т. II, с. 1595), какъ бы нарочно напоминая въ этотъ послѣдній день существованія Думы выраженіе солидарности съ „товарищемъ Родичевымъ", которое онъ же высказалъ, когда Дума (во время преній по продовольственному вопросу) совершила первый актъ открытаго отреченія отъ своихъ правъ.

[2]) С. о. т. II, с. 1593—4.

[3]) С. о. т. II, с. 1580.

[4]) Ib., с. 1595—6.

[5]) Любопытно отмѣтить, что правые ораторы очень мало думали о томъ, что говорить, и старались лишь затянуть пренія. Такъ вышло, что деп. Крупенскій явился неожиданнымъ защитникомъ введенія земства въ Царствѣ Польскомъ и употребленія мѣстныхъ языковъ въ судѣ: «Нельзя судить на языкѣ непонятномъ. Нельзя судить по русски, если люди, которые подлежатъ суду, не понимаютъ его. Я стою за національные языки на судѣ и вмѣняю знаніе ихъ въ обязанность судей». С. о. т. II, с. 1597—8.

тельности и растерянности. Вторая—тонула въ смѣшномъ и позорномъ желаніи показать свою „лояльность" и потому отказывалась „поставить въ порядокъ дня обсужденіе насущнѣйшихъ вопросовъ народной жизни въ тотъ моментъ, когда правительство, по безсмертному выраженію Карла Маркса, поставило штыки въ порядокъ дня" [1]). И когда—уже въ полномъ соотвѣтствіи съ наказомъ—деп. Джапаридзе внесъ предложеніе назначить вечернее засѣданіе для обсужденія доклада бюджетной комиссіи, к.-д. ораторъ П. Струве нашелъ въ себѣ печальное мужество возразить: „если вы будете искать повода, чтобы устроить засѣданіе для произнесенія громкихъ рѣчей, то вы можете устроить его по какому угодно поводу. Но, если вы желаете до конца сохранить спокойствіе и помнить о возложенныхъ на васъ задачахъ, то вы такимъ образомъ не поступите" [2]).

201 голосомъ противъ 157 вечернее засѣданіе было отвергнуто. Своимъ поведеніемъ думскій центръ заранѣе давалъ обѣщаніе не оказывать планамъ министерства никакого сопротивленія. И, какъ бы нарочно для того, чтобы подчеркнуть жалкое и смѣшное положеніе, въ которое ставило Думу ея большинство, 4 к.-д.-ихъ члена слѣдственной комиссіи (П. Струве, В. Маклаковъ, С. Булгаковъ и М. Челноковъ) отправились ночью къ предсѣдателю совѣта министровъ для переговоровъ о „спасеніи" Думы...

Ночью были арестованы всѣ наличные члены с.-д-ой фракціи, а утромъ 3 іюня появился указъ о роспускѣ Думы и манифестъ. Перечисливъ погрѣшенія Думы („духъ вражды" въ ея средѣ, медленность разсмотрѣнія правительственныхъ законопроектовъ, отклоненіе законовъ о восхваленіи преступныхъ дѣяній и пропагандѣ въ войскахъ, отказъ „отъ осужденія убійствъ и насилій", медленное разсмотрѣніе бюджета, превращеніе права запросовъ въ „способъ борьбы съ правительствомъ" и т. п.), манифестъ продолжалъ:

„Наконецъ, свершилось дѣяніе, неслыханное въ лѣтописяхъ исторіи. Судебною властью былъ раскрытъ заговоръ цѣлой части Г. Думы противъ Государства и Царской Власти. Когда же Правительство Наше потребовало временнаго, до окончанія суда, устраненія обвиняемыхъ въ преступленіи этомъ 55 членовъ Думы и заключенія наиболѣе уличаемыхъ изъ нихъ подъ стражу, то Г. Дума не исполнила немедленно законнаго требованія властей, не допускавшаго никакого отлагательства.

„Все это побудило Насъ Указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 3-го сего іюня, Г. Думу второго созыва распустить, опредѣливъ срокъ созыва новой Думы на 1 ноября сего 1907 года.

„Но вѣря въ любовь къ Родинѣ и государственный разумъ народа

---

[1]) Ib., c. 1607.
[2]) Ib., c. 1608.

Нашего, Мы усматриваемъ причину двукратнаго неуспѣха дѣятельности Г. Думы въ томъ, что, по новизнѣ дѣла и несовершенству избирательнаго закона, законодательное учрежденіе это пополнялось членами, не явившимися настоящими выразителями нуждъ и желаній народныхъ.

„Посему, оставляя въ силѣ всѣ дарованныя подданнымъ Нашимъ Манифестомъ 17-го октября 1905 года и Основными Законами права, воспріяли Мы рѣшеніе измѣнить лишь самый способъ призыва выборныхъ отъ народа въ Г. Думу, дабы каждая часть народа имѣла въ ней своихъ избранниковъ.

„Созданная для укрѣпленія Государства Россійскаго, Г. Дума должна быть русскою и по духу.

„Иныя народности, входящія въ составъ Державы Нашей, должны имѣть въ Г. Думѣ представителей нуждъ своихъ, но не должны и не будутъ являться въ числѣ, дающемъ имъ возможность быть вершителями вопросовъ чисто русскихъ.

„Въ тѣхъ же окраинахъ Государства, гдѣ населеніе не достигло достаточнаго развитія гражданственности, выборы въ Г. Думу должны быть временно пріостановлены.

„Всѣ эти измѣненія въ порядокъ выборовъ не могутъ быть проведены обычнымъ законодательнымъ путемъ черезъ ту Г. Думу, составъ коей признанъ Нами неудовлетворительнымъ, вслѣдствіе несовершенства самого способа избранія ея членовъ. Только Власти, дарованшей первый избирательный законъ, исторической Власти Русскаго Царя, довлѣетъ право отмѣнить оный и замѣнить его новымъ“.

Этотъ новый избирательный законъ, подробно разработанный, былъ опубликованъ въ тотъ же день...

VIII.

3-е іюня 1907 г.

О соціально-политическомъ смыслѣ акта 3-го іюня выразительно говорятъ какъ самый способъ совершенія этого акта, такъ и характеръ измѣненій, внесенныхъ имъ въ избирательные законы 6 августа и 11 декабря 1905 г.

Измѣненія эти отразились, между прочимъ, и на самомъ числѣ членовъ Г. Думы, которое понизилось съ 524 до 442. Убыль 82 депутатовъ явилась, главнымъ образомъ, въ результатѣ стремленія сдѣлать Думу „русскою по духу“. Это стремленіе выразилось въ сокращеніи избирательныхъ правъ *окраинъ и инородцевъ*. Число депутатовъ Польши сокращено съ 37 до 14:

Кавказа—съ 29 до 10; Сибири—съ 21 до 15 [1]). Совсѣмъ лишены были избирательнаго права: области Степного и Туркестанскаго генералъ-губернаторствъ [2]), Тургайская, Уральская и Якутская, казаки Сибирскаго войска, калмыки и киргизы Астраханской и Ставропольской губ.

Въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ была выдѣлена особая „русская" курія, и кромѣ того новый законъ давалъ министру внутреннихъ дѣлъ широкую возможность дѣлить избирателей всѣхъ разрядовъ и на всѣхъ ступеняхъ избирательной лѣстницы на „отдѣленія" по мѣстностямъ, роду владѣемаго ценза или національностямъ.

Главнѣйшія измѣненія по отдѣльнымъ избирательнымъ куріямъ таковы:

Въ куріи *землевладѣльцевъ* лишены права участія въ избирательныхъ съѣздахъ управляющіе и арендаторы хотя бы и полноцензовыхъ имѣній. Возможность созданія особыхъ „отдѣленій" крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, съ распредѣленіемъ между ними выборщиковъ пропорціонально количеству владѣемой земли, обезпечивала преобладаніе крупныхъ землевладѣльцевъ. Число выборщиковъ отъ землевладѣльцевъ сильно увеличено. Прежде лишь въ 2 губерніяхъ (Минской и Полтавской) выборщики отъ землевладѣльцевъ составляли половину или болѣе половины всего числа выборщиковъ по губерніи; по закону 3 іюня—въ 32 изъ 53 губерній и областей Евр. Россіи (со включеніемъ губерній Томской и Тобольской).

Городская курія была раздѣлена на 2 разряда. Въ первый вошли лишь крупные владѣльцы недвижимыхъ имуществъ и крупные торговцы и фабриканты; во второй—всѣ остальные городскіе избиратели. При этомъ первой куріи дано право посылать почти въ $1^1/_2$ раза больше выборщиковъ, чѣмъ второй. Изъ 26 городовъ, пользовавшихся правомъ самостоятельнаго представительства, это право сохранено лишь за 7-ю (Петербургъ, Москва, Варшава, Кіевъ, Лодзь, Одесса, Рига). При этомъ лишь въ 2 городахъ (Варшавѣ и Лодзи) сохраненъ прежній порядокъ выборовъ [3]). Въ остальныхъ же 5 введены прямые выборы и раздѣленіе на 2 разряда, каждый изъ которыхъ выбираетъ по 3 депутата въ Петербургѣ, по 2—въ Москвѣ и по 1—въ Кіевѣ, Одессѣ, Ригѣ.

Въ *крестьянской куріи* главнѣйшее измѣненіе сводится къ уменьшенію болѣе чѣмъ на половину числа крестьянскихъ выборщиковъ. Затѣмъ были внесены въ законъ всѣ тѣ ограниченія избирательныхъ правъ кресть-

---

[1]) Сокращеніе избирательныхъ правъ Сибири при неприкосновенности правъ Прибалтійскаго края показываетъ, что въ противо-окраинной политикѣ новаго закона не всегда играли роль націоналистическія соображенія. При сокращеніи числа депутатовъ отъ окраинъ были лишены самостоятельнаго представительства города: Тифлисъ, Баку, Иркутскъ.

[2]) Лишился представительства (самостоятельнаго) и городъ Ташкентъ.

[3]) Впрочемъ въ Варшавѣ одно изъ 2 депутатскихъ мѣстъ предоставлено «русскимъ» избирателямъ, которые выбираютъ отдѣльно 20 выборщиковъ.

янъ, которыя были установлены сенатскими „разъясненіями". Наконецъ, ст. 83 новаго закона требуетъ, чтобы избраніе крестьянскихъ уполномоченныхъ производилось „наличнымъ составомъ выборныхъ отъ сельскихъ и станичныхъ обществъ, избранныхъ для рѣшенія текущихъ дѣлъ". Т. е. допускавшіеся раньше перевыборы волостныхъ сходовъ спеціально для выборовъ въ Г. Думу теперь отмѣнялись.

По *рабочей куріи* особыхъ измѣненій произведено не было, но число выборщиковъ отъ рабочихъ сократилось, т. е. исчезли особыя отъ губернскихъ рабочія куріи въ тѣхъ городахъ, которые раньше имѣли самостоятельное представительство [1]), а теперь его лишились.

Общій характеръ измѣненій въ избирательномъ правѣ можно видѣть изъ слѣдующаго сопоставленія числа выборщиковъ по законамъ 11 декабря 1905 г. и 3 іюня 1907 года по 53 губерніямъ и областямъ [2]).

КУРІИ.		Число выборщиковъ.			То-же въ %% къ общему числу выб.		
		По зак. 11 д.	По зак. 3 іюня.		По зак. 11 д.	По зак. 3 іюня.	
Землевладѣльцы		1952	2594 [3])		31,8	49,0 [4])	
Горожане	I разр.	1372	788	1378	22,4	14,9	26,0
	II разр.		590			11,1	
Крестьяне		2659	1168		43,4	22,1	
Рабочіе		150	150		2,4	2,8	
Всего		6133	5290		100,0	100,0	

Эта табличка ярко иллюстрируетъ смыслъ акта 3 іюня: въ пользу помѣщиковъ противъ рабочихъ, крестьянъ и городской демократіи. Крупная буржуазія городовъ получила львиную долю того вліянія на исходъ выборовъ, которое было представлено городской куріи. Но тѣ же цифры говорятъ о томъ, что она можетъ по новому закону реально использовать эту долю

---

[1]) Изъ этихъ 26 городовъ особой рабочей куріи не было лишь въ 5: Вильнѣ, Иркутскѣ, Кишиневѣ, Самарѣ и Ташкентѣ. Здѣсь рабочіе выбирали только какъ квартиронаниматели. Само собою понятно, что уничтоженіе самостоятельнаго представительства городовъ, гдѣ рабочіе могли оказывать наибольшее вліяніе на исходъ выборовъ, означало полное лишеніе рабочихъ избирательнаго права

[2]) Сюда входятъ 51 губ. и обл. Европейской Россіи (безъ Польши и Кавказа) и 2 сибирскія губерніи (Томская и Тобольская). Въ цифры выборщиковъ по городской куріи не входятъ выборщики по городамъ, имѣвшимъ или сохранившимъ самостоятельное представительство.

[3]) Т. к. въ губ. Арханг., Ставроп., Тобольской и Томской особой землевл. куріи не существуетъ и землевл. выбираютъ вмѣстѣ съ город. избир. 1-го разр., то эти 2594 выборщика приходятся лишь на 49 губ. съ общимъ числомъ выборщиковъ 5025. Т. е. въ этихъ 49 губ. выборщикамъ отъ землевладѣльцевъ принадлежитъ абсолютное большинство.

[4]) См. предыд. прим.

лишь въ той мѣрѣ, въ которой прислоняется къ помѣщикамъ, въ рукахъ которыхъ фактически находится судьба выборовъ.

Правда, закономъ 3 іюня право на полученіе по крайней мѣрѣ одного депутатскаго мѣста по губерніи, принадлежавшее раньше лишь крестьянской куріи, распространено въ извѣстной степени и на остальныя куріи [1]).

Но въ то время, какъ по старому закону избраніе „обязательнаго" крестьянскаго депутата было предоставлено самимъ крестьянскимъ выборщикамъ, теперь „обязательные" депутаты отъ всѣхъ курій выбираются всѣмъ составомъ избирательнаго собранія. Нуженъ очень однородный составъ выборщиковъ по отдѣльнымъ куріямъ, чтобы воля чисто-помѣщичьяго или помѣщичье-крупнобуржуазнаго большинства этихъ собраній не могла идти рѣзко въ разрѣзъ съ волею самой куріи [2]).

Такимъ образомъ, актомъ 3 іюня была создана для дворянства возможность осуществленія своихъ цѣлей посредствомъ того аппарата „представительнаго строя", который былъ порожденіемъ революціонной эпохи. Всѣ внѣшнія формы этого аппарата были сохранены въ виду необходимости считаться какъ съ европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ, такъ и съ тѣми кругами капиталистической буржуазіи, на испугѣ которыхъ и готовности содѣйствовать „твердой власти" въ ея борьбѣ съ революціей была основана новая политическая комбинація. Но, въ дѣйствительности, былъ сдѣланъ рѣшительный шагъ къ опустошенію того содержанія, которое было въ эти формы вложено 17-го октября, была на практикѣ примѣнена къ новому „представительному строю" теорія „самодержавія, осуществляемаго въ новыхъ путяхъ"

Правительственная печать почти не скрывала этого. „Новое Время"

---

1) Въ 49 изъ 53 губ. обязательно избраніе 1 деп. изъ куріи землевладѣльцевъ; въ 25—одного изъ I или II разряда городской куріи; въ 26—по одному отъ каждаго разряда городской куріи; въ 3—одного отъ казачьихъ станицъ; въ 6—одного отъ рабочихъ. Отъ крестьянъ въ каждой губерніи должно быть выбрано обязательно по 1 депутату.

2) Сравненіе партійнаго состава 3-ей Думы съ партійнымъ составомъ 1-ой и 2-й показываетъ, какъ отразился новый избирательный законъ на результатахъ выборовъ. Вотъ цифры для 3-ей Думы по подсчетамъ приставской части (цит. по Рѣчи, 29 ноября 1910):

		Въ % %
Правые	52	11,8
Націоналисты	93	21,1
Правые октябристы	12	2,7
Октябристы	118	26,8
Безпартійные	19	4,3
Польское коло	18	4,1
Мусульм. фракція	9	2,0
Прогрессисты	40	9,1
К.-д.	51	11,6
Трудовики	13	3,0
С.-д.	15	3,4
	440	

писало: „Говорили, что этимъ (актомъ 3 іюня) нарушена неприкосновенность основныхъ законовъ, а слѣдовательно вся наша конституція оказывается зданіемъ на пескѣ. Совершенно вѣрно, но если таковъ фактъ нашей юной конституціонной жизни, то не доказываетъ ли онъ съ несомнѣнностью, что въ ходячемъ учетѣ нашего положенія и нашихъ политическихъ силъ очень крупную, едва-ли даже не самую крупную роль играютъ не реальныя величины, а мнимыя, созданныя всецѣло воображеніемъ тѣхъ, кто считалъ эти мнимыя величины за дѣйствительныя, и даже за большія силы?"[1]).

Актъ 3-го іюня и имѣлъ цѣлью выразить господство „реальныхъ величинъ" даннаго момента. Но именно поэтому онъ создалъ положеніе, пропитанное противорѣчіями и носившее въ самомъ себѣ залогъ близкой гибели. Политическая диктатура дворянства опиралась отнюдь не на возрастаніи его соціальной мощи и крѣпости въ результатѣ революціонныхъ потрясеній. Наоборотъ, соціальные корни дворянскаго землевладѣнія были революціей окончательно подорваны, и, какъ мы видѣли, дворянство и выполнявшее его программу правительство всѣ усилія напрягали не столько на то, чтобы задержать ликвидацію дворянскаго землевладѣнія, сколько на то, чтобы сдѣлать эту ликвидацію для себя наиболѣе выгодною. Для огражденія своихъ экономическихъ выгодъ дворянство вынуждено было собственными руками проводить въ жизнь систему аграрныхъ мѣропріятій, которыя, при всей болѣзненности ихъ для крестьянскихъ массъ, въ конечномъ счетѣ двигали впередъ буржуазное развитіе деревни и тѣмъ самымъ подрывали возможность сохраненія патріархально-кабальныхъ формъ эксплоатаціи крестьянъ помѣщиками.

На фонѣ этого основного противорѣчія развивались и всѣ другія противорѣчія третье-іюньской политической диктатуры дворянства, использовавшаго въ своихъ интересахъ не только политическое безсиліе старой бюрократіи, но и временныя настроенія верховъ буржуазнаго общества, не удовлетворенныхъ соціально-политическими результатами революціи, но напуганныхъ ея быстрымъ развитіемъ.

Такъ создался строй, офиціальной цѣлью своей выставлявшій „успокоеніе" и въ то же время, для оправданія своего существованія, самъ констатировавшій вездѣ и всюду наличность неумирающихъ элементовъ революціонизированія страны, требующихъ увѣковѣченія режима „бѣлаго террора": строй, въ которомъ былой абсолютизмъ бюрократіи возстанавливается въ конституціонной оболочкѣ, а въ формѣ законодательныхъ палатъ функціонируютъ учрежденія, имѣющія фактически законосовѣщательный характеръ, строй, въ которомъ усиленіе репрессіи и бюрократическаго воздѣйствія на всѣ сферы народной жизни достигается путемъ ослабленія централизаціи власти, а царство административнаго произвола сочетается съ наличностью формально сохра-

[1]) „Новое Время", 12 іюня 1907 г. „Новый избирательный законъ"

нившейся легальной арены для открытой организаціи общественныхъ силъ; строй, въ которомъ демагогическій великорусскій націонализмъ покоится на устраненіи русскихъ народныхъ массъ отъ участія въ политической жизни, и стремленіе играть болѣе активную роль въ міровой политикѣ опирается на глубокій застой внутри страны.

Глубокая противорѣчивость третье-іюньскаго строя дѣлала его съ самаго начала крайне неустойчивымъ. Каждое противорѣчіе создавало въ третье-іюньскомъ зданіи щель, напирая на которую общественныя силы буржуазнаго общества, получившія отъ революціи могучій импульсъ къ развитію, расшатывали и подготовляли крушеніе всего зданія. И только затяжной экономическій кризисъ, совпавшій съ пораженіемъ революціи и обусловившій сравнительную вялость развитія всѣхъ общественныхъ отношеній, замедлялъ и этотъ процессъ разложенія ублюдочнаго строя, оформленнаго актомъ 3 іюня 1907 года.

Но и ублюдочнаго характера этого строя было достаточно, чтобы закончить начатое революціей и ея предвѣстниками сведеніе старой государственной власти съ того „надклассоваго", мистическаго пьедестала, на который она пыталась поставить себя „великими реформами", и превращеніе ея—очевидно для всѣхъ и для нея самой—въ активную участницу той классовой борьбы, развитію которой дала мощный толчокъ революція...

Ф. Данъ.

Національныя движенія.

К. ЗАЛЕВСКІЙ.

Національныя движенія [1]).

I.

Освободительное движеніе 1905 г. дало сильный толчекъ развитію національной культуры народовъ, населяющихъ Россійское Государство. Національный вопросъ, игравшій, впрочемъ, всегда важную роль въ общественной жизни, въ настоящее время выступаетъ, какъ одинъ изъ наиболѣе насущныхъ и злободневныхъ вопросовъ.

Борьба, охватившая въ 1905 г. все россійское государство, втянула въ водоворотъ политической жизни широкія массы его разноплеменнаго населенія, вывела ихъ изъ подполья, возбудила въ нихъ интересъ къ тѣмъ многочисленнымъ вопросамъ, которые тогда впервые встали на очередь дня, расширила ихъ умственный кругозоръ, обогатила ихъ духовную жизнь. Когда же широкія народныя массы проснулись къ духовной жизни, послѣдняя приняла у нихъ форму національно-культурнаго самоопредѣленія; сталъ развиваться и обогащаться національный языкъ, стали развиваться публицистика, литература, искусство. Все это усложнило разрѣшеніе національнаго вопроса въ Россіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, придало ему особенно важное значеніе.

Въ теченіе этихъ памятныхъ лѣтъ впервые намѣчена была формула національнаго самоопредѣленія различныхъ народовъ, соотвѣтствующая современнымъ условіямъ ихъ жизни.

Такъ какъ въ развитіи этихъ условій замѣтны, съ одной стороны, тенденціи, содѣйствующія сплоченію ихъ отдѣльныхъ классовъ, какъ то общія условія развитія, формы національной культуры, политическій и въ частности національный гнетъ, а съ другой стороны—тенденціи, разъединяющія эти классы, создаваемыя развивающеюся подъ вліяніемъ капиталистическаго развитія классовой борьбой, то поэтому формула національнаго самоопредѣленія явилась общей для всѣхъ классовъ каждой націи, но у каждаго изъ

---

1) *Отъ редакціи*: статья К. Залевскаго „Національныя движенія" и слѣдующая за ней статья А. Коллонтай „Общественное движеніе Финляндіи" печатается въ этомъ томѣ, по случайнымъ обстоятельствамъ не войдя во 2-й томъ, посвященный описанію массовыхъ движеній.

нихъ получила специфическое классовое содержаніе. Если, напр., данная нація выставляла требованіе территоріальной автономіи той страны, которую она населяетъ, то зато каждый изъ ея общественныхъ классовъ представлялъ себѣ иначе степень демократизаціи автономныхъ учрежденій, а иногда и предѣлы ихъ компетенцій.

Но процессъ національнаго самоопредѣленія достигъ въ 1905 и послѣдующихъ годахъ сравнительно незначительной степени развитія; онъ на своемъ пути встрѣтилъ крупныя препятствія въ сложности создаваемыхъ капиталистическимъ развитіемъ общественныхъ отношеній и прежде всего въ томъ смѣшеніи національностей на каждой территоріи, которое является продуктомъ этого развитія. Если во многихъ случаяхъ намѣчено отношеніе окраинъ къ центру, необходимое въ интересахъ ихъ общественнаго развитія, то зато почти ничего не сдѣлано для опредѣленія взаимныхъ отношеній націй, населяющихъ отдѣльныя окраины. У многихъ же народовъ сама попытка національнаго самоопредѣленія проявилась лишь въ самой примитивной формѣ.

Характеристика національныхъ движеній въ Россіи представляетъ очень обширную тему [1]), даже несмотря на то, что характеристика классовыхъ организацій отдѣльныхъ націй въ нее не входитъ.

Для того, чтобы разработать ее во зможно полнѣе, мы дѣлимъ народы, населяющіе Россію, на 4 категоріи и по порядку разсмотримъ каждую изъ нихъ: 1) народы западныхъ окраинъ: поляки, литовцы, латыши, эсты, малороссы и бѣлоруссы; 2) экстерриторіальная нація, населяющая разныя окраины Россіи—евреи; 3) кавказскіе народы и примыкающіе къ нимъ: грузины, армяне, татары; 4) инородцы Сибири и мелкія племенныя группы, разсѣянныя въ Восточной и Сѣверной Россіи.

Мы, конечно, должны будемъ сосредоточить наше вниманіе на тѣхъ народахъ, у которыхъ національное движеніе приняло самые крупные размѣры.

Начнемъ поэтому съ поляковъ.

* * *

Царство Польское—территорія, на которой сосредоточено большинство поляковъ, заселено также и другими народами; въ немъ именно живутъ: поляки въ количествѣ 7.810.000, евреи—1.700.000, литовцы—600 тысячъ слишкомъ, малороссы и русскіе,—740.000, нѣмцы—451.000. Равнымъ образомъ, поляки, наряду съ Царствомъ Польскимъ, населяютъ также разныя

[1]) Мы считаемъ лишнимъ опредѣленіе количества народовъ, населяющихъ Россію, ибо опредѣленіе національной физіономіи многихъ изъ нихъ находится еще въ процессѣ развитія.

губерніи Литвы и даже центральной Россіи и Сибири, а также страны, не входящія въ составъ Россіи; а именно въ остальной части государства ихъ живетъ свыше 2.000.000, въ Австрійской и Прусской Польшѣ вмѣстѣ— около 2.000.000; въ Америкѣ и Австраліи свыше—2 000.000.

Царство Польское является центромъ развитія польской культуры; оно вмѣстѣ съ тѣмъ отличается высокою степенью экономическаго развитія и относится къ наиболѣе промышленнымъ областямъ государства. Сумма производства польской промышленности наканунѣ революціи достигала 600 м. р.; сумма производства земледѣльческихъ продуктовъ—300 м. р. Высокой степенью своего промышленнаго развитія Царство Польское обязано прежде всего сбыту продуктовъ его производства на русскихъ и восточныхъ рынкахъ, а равно спеціальнымъ заботамъ русскаго правительства, руководимаго, конечно, своими узкими фискальными интересами. Но въ значительной мѣрѣ развитію этому содѣйствовало введенное въ краѣ еще въ началѣ XIX ст. гражданское законодательство, основанное на кодексѣ Наполеона I.

Если съ одной стороны, русское правительство выказывало заботы о промышленномъ развитіи Царства Польскаго, то съ другой оно сильно тормозило его культурное развитіе, надѣясь, что путемъ преслѣдованія польскаго языка и другими репрессивными мѣрами ему удастся достигнуть полнаго культурнаго и политическаго сліянія этого края съ остальной Россіей. И вотъ, польскій языкъ былъ удаленъ изъ школъ, гдѣ раньше велось на немъ преподаваніе, и изъ государственныхъ и общественныхъ учрежденій, гдѣ по закону допускалось его употребленіе. Въ теченіи 47 лѣтъ край находился подъ давленіемъ исключительныхъ положеній. Лица польскаго происхожденія и даже лишь католическаго вѣроисповѣданія не допускались на государственную службу.

Въ 9 западныхъ губерніяхъ имъ воспрещалась даже покупка земли. Въ результатѣ этой политики получилось паденіе культурнаго уровня населенія Царства Польскаго. По послѣднимъ даннымъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, средняя цифра безграмотныхъ среди происходящихъ оттуда новобранцевъ—61,7%, въ то время какъ среди новобранцевъ изъ 48 губерній Европейской Россіи лишь 37%. Характерно, что число малолѣтнихъ преступниковъ возросло въ этомъ краѣ до 46%, во внутреннихъ же губерніяхъ составляетъ 14%; изъ числа осужденныхъ судомъ—80% безграмотныхъ. Такое положеніе дѣлъ особенно тяжело для рабочихъ массъ и для интеллигенціи. Но оно отражается косвенно и на промышленности и на интересахъ всего населенія, не исключая крупной капиталистической буржуазіи, ибо низкій культурный уровень массъ не благопріятствуетъ экономическому развитію страны, не говоря уже о томъ, что и бюрократическая политика вообще и въ частности существующая въ Польшѣ налоговая система вредны

въ большей или меньшей степени для всѣхъ слоевъ населенія Польши. Не смотря на все это, культурное развитіе Польши сдѣлало въ теченіе 100 лѣтъ ея принадлежности къ Россіи крупные успѣхи, что въ значительной мѣрѣ было слѣдствіемъ быстраго ея экономическаго развитія.

На основаніи анализа послѣдняго можно было заключить еще задолго до начала россійской революціи, что поляки, составляющіе около 70% населенія этого края, въ соотвѣтствующій моментъ энергично выступятъ на борьбу за необходимыя для нихъ политическія и національныя права, но что сложившаяся въ процессѣ этой борьбы формула національнаго самоопредѣленія найдетъ себѣ выраженіе не въ стремленіи къ отторженію Польши отъ Россіи, а въ требованіи демократизаціи государственнаго строя послѣдней и на этой почвѣ особыхъ правъ, гарантирующихъ свободное развитіе польскаго народа. Первое было очевидно изъ того, что въ Царствѣ Польскомъ быстро развивался капитализмъ, давая толчекъ развитію польской національной культуры и создавая пролетаріатъ,—классъ, способный отстаивать ея права; второе—изъ того, что капитализмъ, вслѣдствіе присущихъ ему тенденцій, сплачиваетъ узами общности интересовъ отдѣльные классы польскаго народа съ соотвѣтствующими классами населенія Россіи. И формула національнаго самоопредѣленія была намѣчена въ этомъ направленіи польскими марксистами въ то время, когда въ средѣ широкихъ народныхъ массъ еще не замѣчалось проявленій самодѣятельности. Для того, чтобы уяснить, какимъ образомъ постепенно складывались тѣ политическіе идеалы, которые опредѣлились въ періодъ 1905—1907 гг., мы должны бросить бѣглый взглядъ на развитіе польской политической мысли. Въ 70 г.г. дифференціація народныхъ массъ Польши еще очень слаба. Большинство интеллигенціи группируется около А. Свентоховскаго и нѣсколькихъ его сотрудниковъ, превозгласившихъ т. н. „программу органическаго труда“ и извѣстныхъ подъ названіемъ „позитивистовъ“. Это періодъ „просвѣщенія“.

Суть новой программы состоитъ съ томъ, что съ точки зрѣнія ея творцовъ не вооруженная борьба, а дѣятельность, направленная на развитіе внутреннихъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ польскаго народа ведетъ къ возрожденію. Привязанности польскихъ патріотовъ къ политической формѣ—къ идеалу независимой Польши—позитивизмъ противоставляетъ привязанность къ внутреннему содержанію національной жизни—къ культурѣ націи; красивымъ демократическимъ фразамъ—демократическое дѣло: развитіе самодѣятельности массъ и повышеніе ихъ умственнаго уровня; націонализму—хорошо понятый національный интересъ: сближеніе съ другими націями и признаніе ихъ правъ на національное развитіе.

Позитивисты впервые въ Польшѣ взялись за осуществленіе лучшихъ стремленій „Демократическаго Общества“ 30 г.г. XIX ст.

Позитивизмъ содѣйствовалъ глубокому духовному перерожденію польской интеллигенціи. Онъ отразился и въ области изящной литературы, давъ толчекъ къ ея развитію, къ преобладанію въ ней реалистическаго направленія, вдохнувъ въ нее духъ демократизма и здороваго индивидуализма, присущаго обыкновенно періоду просвѣщенія,

А. Свентоховскій, Б. Прусъ, А. Асныкъ, Э. Оржешко, М. Конопницкая, Северъ и др.—вотъ представители изящной литературы въ періодъ позитивизма.

На почвѣ, удобренной его идеями, развилась польская политическая мысль какъ соціалистическаго, такъ и буржуазныхъ направленій.

„Программа органическаго труда“ была лишь реакціей противъ политической романтики предыдущаго періода; она не содержала политическихъ требованій.

Таковыя впервые послѣ 1863 г. выставляются соціалистическими партіями. Конечно, надо помнить, что это не были партіи въ западно-европейскомъ значеніи этого слова, а небольшія тайныя группки интеллигенціи и рабочихъ, имѣвшія очень ограниченную связь съ рабочими массами, относившимися тогда еще очень пассивно къ вопросамъ политической жизни.

Эти партіи впервые вносятъ сознаніе въ среду рабочихъ массъ, первыя будятъ въ нихъ интересъ къ этимъ вопросамъ, и потому, несмотря на свою малочисленность, имѣютъ крупное общественное значеніе. Первой и единственной въ свое время революціонной партіей была соціалистическая группа „Пролетаріатъ“. Принадлежавшіе къ ея руководителямъ піонеры польскаго марксизма К. Длусскій, В. Пекарскій и одинъ изъ ея организаторовъ Л. Варынскій учли тенденціи общественнаго развитія Польши и указали путь къ созданію формулы національнаго самоопредѣленія польскаго народа, выяснивъ, что польскій пролетаріатъ можетъ достигнуть своего національнаго и политическаго освобожденія, вообще лишь борьбой, совмѣстной съ революціонными элементами Россіи, за радикальное преобразованіе ея политическаго устройства. Два первыхъ писателя полагали, что интересы польской буржуазіи указываютъ и ей тотъ же путь. 12 лѣтъ спустя Роза Люксембургъ, произведя анализъ промышленнаго развитія Польши, дала богатый матеріалъ для обоснованія политическаго прогноза первыхъ польскихъ марксистовъ. Когда же въ средѣ массъ появляются первые, еще очень слабые проблески политическаго сознанія, Соціалъ-демократія Польши и Литвы на своемъ III съѣздѣ выставляетъ требованіе автономіи польскаго народа на почвѣ демократизаціи государственнаго строя Россіи.

Такъ намѣчается формула самоопредѣленія польскаго народа на основаніи анализа тенденцій общественнаго развитія населенной имъ страны.

Правда, наряду съ С.-Д. Ц. П. и Л. пользуется вліяніемъ среди ра-

бочихъ другая группа—Польская Соціалистическая партія (П. П. С.), выставившая въ своей программѣ требованіе возстановленія Польши, какъ независимаго государства, но она выставляетъ этотъ постулатъ не на основаніи анализа той объективной обстановки, въ которой развивается Польша, а выводитъ таковой изъ общихъ положеній соціализма и субъективной оцѣнки интересовъ польскаго пролетаріата.

И ея программу слѣдуетъ разсматривать, съ одной стороны, какъ реакцію противъ національнаго гнета, подъ игомъ котораго страдаетъ польскій народъ, и примиренческой политики по отношенію къ виновницѣ этого гнета—русской бюрократіи, политики, обнаружившейся въ средѣ польскихъ буржуазныхъ классовъ; съ другой, какъ слѣдствіе невозможности бороться съ національнымъ гнетомъ въ виду индифферентизма польскихъ народныхъ массъ и затишья въ русскомъ революціонномъ движеніи.

Польское дворянство и духовенство уже вскорѣ послѣ пораженія возстанія 1863 г. пошло на путь соглашеній съ феодальными элементами Россіи, покорно преклонивъ голову передъ ихъ могуществомъ. Что касается буржуазіи, то бюрократическій строй не отвѣчаетъ ея интересамъ, разсматриваемымъ въ ихъ цѣломъ; но заботы бюрократіи о развитіи польской промышленности, потребность польской буржуазіи въ защитѣ ея интересовъ на международномъ рынкѣ, потребность особенно сильная въ странахъ съ запоздалымъ экономическимъ развитіемъ, и наконецъ интенсивная борьба польскихъ рабочихъ за ихъ повседневные экономическіе интересы, начавшаяся въ концѣ 80 г.г.,—все это надолго сближаетъ ее съ бюрократіей: интересы одного періода развитія берутъ верхъ надъ интересами классовыми въ ихъ цѣломъ.

Развитіе рабочаго движенія и распространеніе въ Польшѣ привнесенныхъ туда съ запада идей соціализма упрочили это сближеніе и въ то же время заставили польскую буржуазію искать союза съ польскимъ дворянствомъ и защиты у католическаго духовенства, пользующагося вліяніемъ на широкія народныя массы, и примириться съ гегемоніей польскихъ феодальныхъ элементовъ. Такимъ образомъ, наиболѣе значительная часть польскаго народа отказалась не только отъ идеала независимой Польши, за осуществленіе котораго боролись участники польскихъ возстаній, но и отъ борьбы за ограниченіе власти бюрократіи и встала на путь вымаливанія у послѣдней мелкихъ реформъ. Выразительницей стремленій этихъ классовъ явилась группа „примирителей", т. н. „угодовцевъ".

Борьба съ крупнымъ капиталомъ на экономической почвѣ, примиренческая политика его представителей, національный гнетъ, отъ котораго наряду съ рабочими и крестьянствомъ сильно страдали средніе слои населенія и особенно интеллигенція, вызвали въ этихъ слояхъ идейную реакцію.

Эта реакція отразилась на характерѣ политическихъ платформъ съ одной стороны образовавшейся въ концѣ 80 г.г. т. н. „Польской Лиги", представлявшей интересы средней и мелкой буржуазіи и дворянства, съ другой—П. П. С., сгруппировавшей въ своихъ рядахъ слои революціонной интеллигенціи, ставшей подъ знамя соціализма, какъ наиболѣе революціонной идеологіи, а равно находящихся подъ ея вліяніемъ рабочихъ. Обѣ эти организаціи выставляютъ постулатъ возстановленія независимаго польскаго государства. Но мѣняются не только политическія требованія части общества. Реакція постепенно распространяется на всѣ отрасли общественной жизни. Начинается борьба не только противъ политической программы капиталистической буржуазіи, но и противъ „позитивизма", отъ котораго ведутъ свое происхожденіе и „угода", и соціализмъ, какъ правое и лѣвое крыло его идейныхъ наслѣдниковъ. Замѣчается поворотъ къ націонализму, къ тактикѣ національныхъ вооруженныхъ возстаній. Постепенно развивается антисемитизмъ, являющійся идейнымъ отраженіемъ конкуренціи польскихъ и еврейскихъ мелкобуржуазныхъ элементовъ на всѣхъ поприщахъ общественной дѣятельности. Правда, и „Польская Лига" и особенно П. П. С. требуютъ въ своихъ программахъ равноправія для всѣхъ населяющихъ страну національностей, но въ ихъ повседневной борьбѣ ярко намѣчаются узко-націоналистическія тенденціи. Программа же Націоналдемократической партіи, возникшей изъ Польской Лиги въ 1903 г., носитъ уже опредѣленный антисемитскій характеръ. Реакція противъ „позитивизма" отражается и въ области изящной литературы, гдѣ постепенно развивается модернизмъ, а мѣсто индивидуализма эпохи просвѣщенія и демократизма занимаетъ индивидуализмъ періода распада буржуазнаго общества, націонализмъ, мистицизмъ, интересъ къ проблемѣ пола, символизмъ, аристократизмъ духа. Представителями новой эпохи выступаютъ К. Тетмайеръ, С. Пшибышевскій, Я. Каспровичъ, Миріамъ и др.

Но революціонное движеніе, развившееся въ 1904 и 1905 г.г. въ Россіи и Польшѣ, выдвинуло силы для борьбы за политическое и національное освобожденіе польскаго народа и дало толчекъ сближенію революціонныхъ элементовъ обѣихъ странъ и соотвѣтствующему измѣненію въ характерѣ польской политической мысли.

Борьба рабочихъ подъ знаменемъ марксизма была важнѣйшей силой, разбудившей въ 1905 г. стремленіе къ національному освобожденію въ разныхъ слояхъ населенія Польши. Поэтому отличительной чертой польскаго революціоннаго и въ частности національнаго движенія является его международный характеръ, взаимное уваженіе представителей разныхъ слоевъ отдѣльныхъ націй къ правамъ на культурное развитіе каждой изъ нихъ, проявившееся въ ихъ политическихъ требованіяхъ и тождественности этихъ требо-

ваній съ выставленными въ остальныхъ частяхъ государства. И въ теченіи 1905 г. мы не видимъ тамъ никакихъ серьезныхъ признаковъ націонализма вообще и антисемитизма въ частности. Во главѣ массъ находилось революціонное ядро, состоявшее изъ небольшой, наиболѣе сознательной части рабочихъ и интеллигенціи, ставшей на точку зрѣнія интересовъ рабочаго класса.

Отдѣльныя части этого ядра находились въ обѣихъ соціалистическихъ партіяхъ, формально признавали двѣ различныхъ программы, но въ рѣшительные моменты революціонной борьбы 1905 г. онѣ выступали солидарно. во имя вполнѣ тождественныхъ политическихъ требованій.

И все, что было жизнеспособнаго въ странѣ, содѣйствовало этимъ выступленіямъ прямо или косвенно.

Памятный 1905 г. прошелъ въ Польшѣ подъ знакомъ марксизма.

Развитіе сознанія и активности въ средѣ рабочихъ въ теченіе предшествовавшаго революціи продолжительнаго періода ихъ борьбы за повседневные экономическіе интересы подготовило ихъ къ выступленію на ареву политической борьбы въ революціонный періодъ; экономическія условія, создавшіяся въ Россіи и Польшѣ подъ вліяніемъ русско-японской войны, благопріятствовали этому выступленію. Такъ какъ польская промышленность развивается, главнымъ образомъ, благодаря сбыту ея продуктовъ на восточныхъ рынкахъ, то война нанесла ей сильный ударъ. Уже въ 1904 г. фабрики стали сокращать производство, и къ началу 1905 г. около 100.000 рабочихъ потеряли работу; положеніе же работавшихъ значительно ухудшилось.

Отношеніе къ войнѣ польскихъ рабочихъ и буржуазіи было очень различно.

Буржуазія, заинтересованная въ гегемоніи Россійскаго государства на Востокѣ, смотрѣла на войну, какъ на близкое ей дѣло. Буржуазная печать заявляла объ общности интересовъ Польши и Россіи на Дальнемъ Востокѣ. Архіепископъ Попель во главѣ зажиточныхъ классовъ населенія занялся сборами въ пользу русской арміи. Наоборотъ, въ рабочей средѣ замѣчалось крайне недоброжелательное отношеніе къ войнѣ: благодаря ухудшенію ихъ экономическаго положенія, массы стали болѣе чувствительны и къ проявленію политическаго и національнаго гнета. Выставленный соціалъ-демократіей лозунгъ „война противъ войны!“ сразу нашелъ откликъ среди городского рабочаго населенія. Въ теченіе 1904 г. происходятъ въ Варшавѣ и другихъ городахъ Польши антимилитарныя демонстраціи рабочихъ. Онѣ оказали сильное содѣйствіе подготовкѣ массъ къ дальнѣйшимъ выступленіямъ. Эти демонстраціи встрѣтили рѣзкое осужденіе не только со стороны „угодовцевъ“, но и со стороны образовавшейся изъ „Польской Лиги“—Націоналъ-демократической партіи.

Когда же бюрократія потерпѣла рядъ пораженій со стороны японцевъ, а въ Россіи началось либеральное движеніе, тогда и польскіе буржуазные классы выставили требованія политическихъ правъ и гарантій національнаго развитія. Эти требованія отнюдь не отличались сепаратистскимъ храктеромъ. И представители Національъ-демократіи на ноябрьской конференціи въ Парижѣ и „угодовцы", принявшіе вскорѣ названіе партіи реальной политики, въ „меморіалѣ 23" требуютъ лишь улучшенія положенія польскаго народа въ предѣлахъ россійскаго государства; разница лишь въ томъ, что требованія Н. Д. радикальнѣе, требованія „реалистовъ" умѣреннѣе.

Въ меморіалѣ 23 и въ другомъ, составленномъ по порученію Святополкъ-Мирскаго—гр. В. Тышкевичемъ, мы находимъ требованія: введенія въ Польшѣ городскаго и земскаго самоуправленія, введенія польскаго языка въ школахъ и канцелярскомъ дѣлопроизводствѣ, уравненія въ правахъ католическаго и греко-уніатскаго вѣроисповѣданій съ православнымъ.

Одновременно, по иниціативѣ Н-Д. началась „борьба за право", состоявшая въ томъ, что по всей Польшѣ устраивались гминныя собранія, на которыхъ крестьяне вмѣстѣ съ помѣщиками принимали резолюціи, требовавшія возстановленія въ правахъ польскаго языка, допускавшагося къ употребленію въ дѣлопроизводствѣ по закону, но вытѣсненнаго оттуда администраціей.

Таковы были общественныя отношенія въ Польшѣ наканунѣ январьскихъ событій 1905 г.

* * *

Борьба петербургскихъ рабочихъ, начавшаяся 9 января 1905 г., дала, какъ извѣстно, толчекъ ко всеобщей всероссійской забастовкѣ. Черезъ нѣсколько дней забастовали рабочіе во всей Польшѣ.

Передъ этимъ среди нихъ были распространены воззванія трехъ соціалистическихъ партій—С.-Д. Ц. П. и Л., „Пролетаріата" и П. П. С. Ихъ содержаніе служитъ до извѣстной степени показателемъ настроенія и стремленіе рабочихъ массъ; поэтому, бросимъ взглядъ на заключавшіяся въ нихъ политическія требованія.

С. Д. Ц. П. и Л. призывала рабочихъ на борьбу, солидарную съ рабочими всей Россіи за созывъ всероссійскаго учредительнаго собранія, съ цѣлью измѣненія существующаго въ Россіи порядка на демократически-республиканскій и надѣленія Царства Польскаго автономіей. Одинаково по своему характеру было воззваніе „Пролетаріата". П. П. С. въ первомъ воззваніи выставила лишь экономическія требованія, а во-второмъ—требованіе особаго сейма въ Варшавѣ. Всѣ три партіи выясняли въ своихъ воз-

званіяхъ необходимость полнаго равноправія всѣхъ другихъ національностей Россіи и всеобщаго, равнаго, прямого, тайнаго голосованія при выборахъ во всѣ государственныя и общественныя учрежденія. Забастовка охватила почти весь польскій пролетаріатъ. Число бастовавшихъ въ городахъ, мѣстечкахъ и сельскихъ фабрикахъ достигло въ концѣ января 600 тысячъ.

Какъ мы уже отмѣтили, лишь незначительное меньшинство рабочихъ выступало во имя вполнѣ опредѣленныхъ политическихъ требованій. Причины выступленія массъ коренились въ ихъ недовольствѣ своимъ экономическимъ положеніемъ и политическимъ и національнымъ гнетомъ. Онѣ чувствовали потребность выхода изъ создавшагося тяжелаго положенія и пошли за соціалистическими партіями потому, что во 1-хъ лозунги, выставленные послѣдними, указывали такой выходъ, а во 2-хъ рѣшительныя мѣры борьбы, рекомендуемыя ими, отвѣчали революціонному ихъ настроенію. Выступленіе широкихъ рабочихъ массъ въ Польшѣ въ январѣ 1905 г. отнюдь не свидѣтельствуетъ объ ихъ вполнѣ развитомъ политическомъ сознаніи, о томъ, что борьба именно за революціонные лозунги того момента стала ихъ жизненною потребностью, а лишь объ ихъ революціонномъ настроеніи и о томъ, что выходъ изъ положенія, въ которомъ онѣ находились, былъ указанъ партіями въ томъ направленіи, въ которомъ развивались не вполнѣ сознанныя а, быть можетъ, еще и вовсе несознанныя стремленія массъ.

Такъ или иначе, мы видимъ въ январьскихъ событіяхъ въ Польшѣ первое проявленіе среди рабочихъ массъ національнаго самоопредѣленія, мы видимъ, что именно требованіе автономіи Польши на почвѣ демократизаціи государственнаго строя Россіи выражаетъ ихъ стремленія и становится формулой ихъ національнаго самоопредѣленія. Характерно, что это требованіе, правда, тогда еще въ невполнѣ опредѣленной формѣ, выставляется и П. П. С., которая въ теченіе 12 лѣтъ видѣла единственное средство освобожденія польскаго народа въ борьбѣ за возстановленіе независимаго польскаго государства.

Въ большинствѣ случаевъ выраженіемъ политическихъ стремленій рабочихъ массъ являются лишь лозунги, выставленные соціалистическими партіями. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Польши, мы встрѣчаемъ попытки формулированія рабочими непосредственно ихъ національныхъ требованій. Такъ, напр., въ мартѣ 1905 г. въ Домбровецкомъ каменноугольномъ районѣ состоялось собраніе делегатовъ, выбранныхъ всѣми фабриками и копями этого района. Это собраніе приняло рядъ требованій, среди которыхъ, на ряду съ требованіями 8 час. рабочаго дня, уничтоженія поштучной платы, государственнаго страхованія рабочихъ, мы находимъ слѣдующія:

1. Обязательное для всѣхъ образованіе; 2. преподаваніе на польскомъ языкѣ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, 3. употребленіе этого языка въ судѣ, администраціи и полиціи.

Майскія забастовки и демонстраціи въ Варшавѣ и другихъ городахъ Польши, іюньская баррикадная борьба рабочихъ въ Лодзи, всеобщія рабочія забастовки въ октябрѣ и декабрѣ того же года происходили во имя тѣхъ же политическихъ лозунговъ.

Для характеристики революціоннаго рабочаго движенія въ Польшѣ въ 1905 г. необходимо отмѣтить, что въ немъ приняли дѣятельное участіе и еврейскія рабочія массы, призванныя на борьбу „Бундомъ", который, выставивъ въ своихъ воззваніяхъ требованіе созыва всероссійскаго учредительнаго собранія на демократическихъ началахъ гражданскаго и политическаго равноправія всѣхъ угнетенныхъ народовъ, въ области польскаго вопроса занялъ позицію, тождественную съ позиціей С.-Д. Ц. П. и Л.

Въ теченіе всего 1905 г., на ряду съ забастовками фабричныхъ и ремесленныхъ рабочихъ, происходитъ рядъ забастовокъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Эти забастовки носятъ чисто-экономическій характеръ.

Это отнюдь не значитъ, что въ средѣ этой части польскихъ рабочихъ массъ не проявлялась потребность въ измѣненіи не отвѣчавшаго ихъ интересамъ политическаго строя; политическія стремленія сельско-хозяйственныхъ рабочихъ нашли свое выраженіе, главнымъ образомъ, въ резолюціяхъ, принимавшихся ими совмѣстно съ хозяевами на гминныхъ сходахъ, происходившихъ во второй половинѣ 1905 г., характеристику коихъ мы дадимъ, говоря о крестьянскомъ движеніи.

Рабочее движеніе дало толчекъ движенію непролетарскихъ элементовъ. Подъ его давленіемъ выступили мелкобуржуазныя массы, профессіональная интеллигенція, началась борьба учащейся молодежи за польскую школу, усилилась начатая еще въ 1904 г. „борьба за право", наконецъ выступили съ своими требованіями зажиточные классы націи.

Всѣ эти элементы приняли формулу національнаго самоопредѣленія рабочаго класса, нѣсколько измѣнивъ ее, сообразно своимъ интересамъ и стремленіямъ и вложивъ въ нее свое классовое содержаніе; всѣ они требовали тѣхъ или иныхъ правъ, гарантирующихъ свободное развитіе польскаго народа въ рамкахъ государственнаго строя Россіи.

Стремленія мелкой буржуазіи полнѣе всего выразились въ программѣ Н.-Д., но ея широкія массы часто выступали солидарно съ рабочими; это было съ одной стороны слѣдствіемъ ея боевыхъ традицій, съ другой—подчиненія могуществу пролетарскихъ выступленій; такъ, напр. лавочники неоднократно закрывали лавки, какъ они объясняли, потому, что „такъ приказалъ соціалъ-демократическій комитетъ".

На ряду съ забастовками въ 1905 г. развивается т. н. „митинговое движеніе". На немъ слѣдуетъ остановиться въ виду того, что резолюціи, принимавшіяся на митингахъ, выражаютъ стремленія различныхъ классовъ

народа. Митинги созывались обыкновенно „Союзомъ общественной самопомощи“; кромѣ того, происходили собранія профессіональной интеллигенціи— адвокатовъ, инженеровъ, учителей. И на тѣхъ, и на другихъ большею частью выставлялись требованія созыва всероссійскаго учредительнаго собранія, избраннаго на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого голосованія, и автономіи Польши.

Но бывали случаи, когда въ резолюціяхъ принятыхъ на митингахъ или профессіональныхъ собраніяхъ проявлялись давнія сепаратистскія стремленія интеллигенціи и выставлялись требованія созыва двухъ учредительныхъ собраній—одного для Россіи, другого для Польши и установленія федеративныхъ отношеній между этими странами.

Всѣ эти собранія требовали введенія польскаго языка въ школахъ и правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. Консультація присяжныхъ повѣренныхъ при Варшавской Судебной Палатѣ въ особой докладной запискѣ, поданной Генералъ-Губернатору, подробно обосновывала необходимость и законность этого послѣдняго требованія.

Гигіеническія общества въ Варшавѣ и Лодзи, составляя проектъ „созданія нормальныхъ санитарныхъ условій“, связываютъ эту задачу съ задачами, выдвинутыми политическимъ моментомъ, и въ виду этого требуютъ: введенія мѣстнаго самоуправленія на широкихъ демократическихъ началахъ съ высшимъ центральнымъ областнымъ органомъ; содѣйствія развитію самодѣятельности массъ и подъему ихъ умственнаго уровня путемъ гарантіи гражданскихъ свободъ и введенія польскаго языка въ преподаваніе и дѣлопроизводство.

Создаются общества профессіональной интеллигенціи, какъ, напр., инженеровъ, адвокатовъ, и входятъ въ составъ общероссійскихъ союзовъ этихъ профессій.

Борьба за польскую школу начинается подъ непосредственнымъ вліяніемъ январьской рабочей забастовки.

Уже 15 января состоялись собранія студентовъ Варшавскаго Политехникума, а затѣмъ Университета, постановившія начать борьбу за введеніе преподаванія на польскомъ языкѣ и свободу для учащихся собраній и союзовъ.

Въ обоихъ этихъ заведеніяхъ занятія прекратились.

Центральный Комитетъ организацій учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній призвалъ этихъ послѣднихъ къ бойкоту русскихъ школъ, и хотя за бойкотъ высказалась лишь $^1/_3$ учениковъ и хотя въ первый же день борьбы начались репрессіи, все же бойкотъ быстро распространился по всей странѣ и охватилъ всѣхъ учащихся. Организаціи бойкота содѣйствовали соціалистическія партіи и различныя организаціи учащейся молодежи, но болѣе всего организаціи учителей, какъ то „Группа воспитателей“ и „Союзъ національзаціи школъ“, возникшіе еще въ концѣ 1904 г.

Въ движеніи приняли участіе не только поляки, но и евреи и русскіе. Въ борьбѣ за польскую школу сыгралъ крупную роль состоявшійся въ Варшавѣ 6 февраля митингъ родителей и опекуновъ молодежи, въ которомъ приняло участіе 1500 человѣкъ. Митингъ призналъ себя общенаціональнымъ и постановилъ въ теченіе года не посылать учащейся молодежи въ русскія школы. Къ борьбѣ присоединились и ученики начальныхъ школъ. „Союзъ общественной самопомощи" организовалъ временное обученіе молодежи на польскомъ языкѣ. Въ концѣ лѣта сочувствіе бойкоту въ средѣ буржуазныхъ сферъ общества стало слабѣть; часть буржуазной интеллигенціи начала агитацію за его прекращеніе, доказывая, что онъ уже выполнилъ свою задачу, обнаруживъ въ глазахъ польскаго и русскаго общества банкротство русской школы въ Польшѣ и что его продолженіе вредно для края, а въ частности для бѣдной части его населенія. Но учителя, значительная часть учащихся, соціалистическія партіи и организаціи профессіональной интеллигенціи высказываются за продолженіе бойкота, и таковой длится до сихъ поръ. Но число его участниковъ въ настоящее время очень незначительно, что вполнѣ понятно, ибо, будучи слѣдствіемъ развитія революціоннаго движенія, онъ не могъ продолжаться съ прекращеніемъ послѣдняго.

Одновременно съ борьбой рабочихъ и учащейся молодежи развивается крестьянское движеніе.

Въ немъ замѣтно, на ряду съ вліяніемъ обѣихъ соціалистическихъ партій, также вліяніе буржуазныхъ элементовъ, особенно же Н.-Д. Поэтому раньше, чѣмъ дать характеристику этого движенія мы остановимся на выступленіяхъ польской буржуазіи и на программахъ партій, ее представляющихъ, а именно партіи Реальной Политики, Націоналдемократической и образовавшейся въ 1905 г. Прогрессивно-демократической группы.

Если до революціи польская буржуазія находилась подъ вліяніемъ феодальныхъ элементовъ, то во время революціи она, выступая со своими классовыми требованіями, въ свою очередь побуждаетъ высказываться эти элементы. Мы уже видѣли ихъ общую платформу въ запискахъ 23 и Гр. В. Тышкевича, составленныхъ въ 1904 г. И въ дальнѣйшемъ буржуазія не могла оставаться индифферентной къ вопросу о свободѣ культурнаго народа, ибо этимъ развитіемъ въ значительной мѣрѣ обусловливается развитіе промышленности и ростъ прибавочной стоимости. Не принимая непосредственнаго участія въ борьбѣ, буржуазія неоднократно косвенно поддерживала ее и выставляла свои требованія, стараясь использовать революціонное движеніе для ихъ осуществленія. Позиція ея въ области національнаго вопроса оставалась прежней: она была обусловлена тенденціями развитія польской промышленности и сложившихся на этой почвѣ общественныхъ отношеній, выразившихся, между прочимъ, въ сплоченіи этой страны съ Россіей въ одно цѣлое. Въ виду этого

буржуазія стремилась къ созданію условій, благопріятствующихъ культурному развитію польскаго народа въ предѣлахъ россійскаго государства. Будучи же заинтересована въ спокойномъ ходѣ экономической жизни, она придала своимъ требованіямъ умѣренный характеръ, который давалъ возможность расчитывать на скорое ихъ осуществленіе мирнымъ путемъ. Изъ польскихъ политическихъ партій наиболѣе вѣрно отражала стремленія капиталистической буржуазіи партія Реальной Политики, ограничивавшаяся требованіями: введенія земскаго и городскаго самоуправленія, гарантій польскаго языка въ частной и публичной жизни и равноправія всѣхъ гражданъ, а равно римско-католическаго и уніатскаго вѣроисповѣданій.

Національдемократическая партія, отличавшаяся раньше сепаратистскими стремленіями, бывшими слѣдствіемъ принадлежности къ ней среднихъ слоевъ народа, въ періодъ революціи, по общему характеру своихъ требованій, приближается къ только что охарактеризованной нами партіи Реальной Политики. Она требуетъ: обоснованія государственной принадлежности Польши къ Россіи на началахъ автономіи края, сообразующихся съ національными его особенностями, историческимъ развитіемъ и соціально-экономическимъ строемъ, а именно на началахъ: 1. возстановленія польскаго языка въ публичной жизни и учебныхъ заведеніяхъ; 2. возстановленія правъ католической и греко-уніатской церкви, и полной свободы всѣхъ вѣроисповѣданій; 3. обоснованія управленія края и его администраціи на мѣстномъ элементѣ; 4. введенія самоуправленія съ участіемъ всѣхъ слоевъ населенія; 5. отбыванія военной службы мѣстными уроженцами въ мирное время въ предѣлахъ края; 6. упраздненія во всемъ государствѣ всѣхъ исключительныхъ законовъ; 7. сообразованія съ мѣстными условіями и традиціями края его законодательства, администраціи, судопроизводства, народнаго просвѣщенія и выработки реформы выбранными лицами, знакомыми съ нуждами и условіями края. Прогрессивно-демократическая партія въ своихъ требованіяхъ, выставленныхъ въ 1905 г., была чужда оппортюнизма партій Реальной Политики и Н.-Д., но занимала идентичную съ ними позицію; она требовала тогда тѣхъ же, что и онѣ, гражданскихъ и политическихъ правъ и, какъ гарантіи ихъ, созыва всероссійскаго учредительнаго собранія и учредительнаго сейма для Польши. Но самой лучшей иллюстраціей политической позиціи буржуазіи служатъ документы, составленные во время непосредственныхъ ея выступленій—какъ-то резолюціи польскихъ промышленниковъ, выработанныя ими совмѣстно съ русскими, а также докладныя записки, подававшіяся польскими промышленниками на имя Генералъ-Губернатора; особенно интересны послѣднія. Во всѣхъ этихъ запискахъ выставлены требованія: 1) введенія органовъ самоуправленія и 2) польскаго языка. Въ нѣкоторыхъ говорится о необходимости, въ интересахъ промышленнаго развитія страны, облегченія

открытія фабричныхъ и заводскихъ школъ съ преподаваніемъ на польскомъ языкѣ, усовершенствованія программы этихъ школъ, права устройства вечернихъ курсовъ для рабочихъ. Промышленники высказываютъ взглядъ, что реорганизація школьнаго дѣла въ вышеотмѣченномъ направленіи, между прочимъ, содѣйствовала бы смягченію конфликтовъ между рабочими и предпринимателями. Въ нѣкоторыхъ запискахъ высказывается даже мнѣніе о необходимости конституціи на началахъ автономіи польскаго края.

Требованія гражданскихъ правъ, введенія во всеобщее употребленіе въ краѣ польскаго языка, равноправія католическаго вѣроисповѣданія и автономіи Царства Польскаго были выставлены даже съѣздомъ католическаго духовенства, состоявшимся въ Варшавѣ въ концѣ 1905 г.

Выяснивъ позицію въ области національнаго вопроса господствующихъ классовъ польскаго народа и ихъ идеологовъ, имѣвшихъ также сильное вліяніе на крестьянство, перейдемъ теперь къ крестьянскому движенію.

Благодаря рабочему движенію, выступленія крестьянъ получили въ 1905 г. боевой характеръ. Ихъ проявленія были самыя разнообразныя.

Съ одной стороны развилось т. н. „погромное" движеніе: мѣстами крестьяне нападали на гминныя управленія, уничтожали царскіе портреты, русскія вывѣски и книги, мѣстами совершали самовольныя порубки помѣщичьихъ лѣсовъ; бывали также случаи нападеній на имѣнія, разгрома и поджога усадебныхъ построекъ. Съ другой стороны развивалась „борьба за право". Развитіе революціонной борьбы дало сильный размахъ выступленіямъ деревенскаго населенія.

Гминныя собранія уже не ограничивались требованіями введенія польскаго языка, а выставляли наряду съ ними болѣе широкія требованія. Знакомясь съ послѣдними, легко замѣтить, что крестьянскія массы очень слабо оріентировались въ вопросахъ государственнаго устройства и большею частью слѣпо шли за интеллигенціей; въ виду этого въ однѣхъ резолюціяхъ видно вліяніе С-Д. Ц. П. и Л., въ другихъ вліяніе П. П. С., въ иныхъ вліяніе Н.-Д. Къ первой категоріи принадлежитъ, между прочими, резолюція гмины Ренчно Петроковскаго уѣзда и губерніи, принятая 362 крестьянами-хозяевами и требующая конституціи для всего государства и самоуправленія для Польши съ сеймомъ въ Варшавѣ, избраннымъ на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого, тайнаго голосованія; вліяніе П. П. С. замѣтно въ резолюціяхъ, принятыхъ 110 крестьянами гмины Станиславовъ и 1.500 крестьянами гмины Лятовичи и содержавшихъ требованіе созыва особаго учредительнаго собранія для Польши; вліяніе третьей категоріи обнаружилось, напр., въ резолюціяхъ гмины Бонки, гдѣ просто выставляется требованіе созыва сейма въ Варшавѣ и въ то же время видно преклоненіе передъ традиціями.

Крестьянское движеніе оказало сильное вліяніе на тактику національдемократической партіи, какъ организаціи буржуазно-дворянскихъ элементовъ, тѣсно связанной съ крестьянскими массами.

Прежде всего, имѣя въ виду интересы дворянства, она опасалась, чтобы въ Польшѣ не получило широкаго распространенія погромное движеніе и чтобы въ то же время крестьяне не потребовали отчужденія въ свою пользу помѣщичьихъ земель. Поэтому именно Н.-Д. признала необходимымъ расширеніе компетенціи требуемаго ею особаго сейма для Польши и передачу ему разрѣшенія въ Польшѣ аграрнаго вопроса; ибо если бы таковое составляло задачу общероссійскаго законодательнаго собранія, то требованіе отчужденія земель могло бы быть проведено, какъ обязательное и для Польши.

Съ осени 1905 г. сепаратистскія стремленія въ рядахъ этой партіи вновь начинаютъ усиливаться.

Н.-Д. рѣшила использовать польское крестьянское движеніе въ интересахъ борьбы за политическія права для буржуазныхъ классовъ Польши и съ этой цѣлью взять руководство имъ въ свои руки. Преслѣдуя эту цѣль она созвала въ началѣ декабря въ Варшавѣ крестьянскій съѣздъ, въ которомъ приняло участіе около 1.500 человѣкъ; громадное большинство составляли крестьяне, но, наряду съ ними, въ немъ приняли участіе представители буржуазіи и профессіональной интеллигенціи. Работами съѣзда руководили Р. Дмовскій и другіе лидеры Н.-Д. Общее содержаніе принятыхъ имъ резолюцій слѣдующее. Успѣшное общественное развитіе Царства Польскаго нуждается въ надѣленіи этого края національной автономіей и учрежденіи въ Варшавѣ польскаго сейма съ широкими законодательными функціями, избраннаго на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого, тайнаго голосованія. Исполнительная власть страны должна состоять изъ поляковъ и быть отвѣтственной передъ сеймомъ; въ школахъ и во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ долженъ быть введенъ польскій языкъ.

Слѣдуетъ добиваться проведенія въ жизнь послѣдней мѣры сейчасъ же. Равнымъ образомъ слѣдуетъ требовать, чтобы монархъ сейчасъ же присягнулъ конституціи, объявленной манифестомъ 17 октября. Въ виду дезорганизаціи, господствующей въ правительственномъ аппаратѣ, гмина должна совершенно независимо отъ него выполнять свои функціи. Въ концѣ своихъ засѣданій съѣздъ высказалъ пожеланіе, чтобы всѣ слои польскаго народа солидарно боролись за вышеуказанныя требованія, выразилъ свое осужденіе соціалистическимъ партіямъ и организуемой ими классовой борьбѣ, какъ якобы тормозящей солидарное выступленіе массъ на защиту національныхъ интересовъ, а также констатировалъ привязанность широкихъ массъ крестьянства къ католической религіи, къ отечеству и національнымъ традиціямъ.

* * *

Революціонное движеніе въ Польшѣ, на ряду съ революціоннымъ движеніемъ всего государства, заставило, какъ извѣстно, бюрократію пойти на уступки. Каковы же были завоеванія революціи въ Польшѣ?

Кромѣ свободъ, дарованныхъ манифестомъ 17 октября, населеніе этой страны добилось еще раньше нѣкоторыхъ улучшеній въ своемъ тяжеломъ политическомъ положеніи. Я имѣю въ виду извѣстныя положенія отъ 5 и 6 апрѣля и 3 мая 1905 г. Ими было обѣщано 1) преподаваніе закона Божія на польскомъ языкѣ во всѣхъ школахъ; 2) преподаваніе на польскомъ языкѣ польскаго же языка въ начальныхъ училищахъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; 3) преподаваніе на томъ же языкѣ ариѳметики въ одноклассныхъ начальныхъ училищахъ и первыхъ классахъ другихъ училищъ; 4) преподаваніе на польскомъ языкѣ въ частныхъ школахъ всѣхъ предметовъ, за исключеніемъ русскаго языка, исторіи и географіи; 5) учрежденіе при варшавскомъ университетѣ кафедръ польскаго языка и польской словесности и исторіи съ преподаваніемъ же на польскомъ языкѣ; 6) употребленіе польскаго языка, наряду съ русскимъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ гминномъ самоуправленіи; 7) перечисленіе поляковъ—жителей Царства Польскаго—въ западныя и прилегающія къ нимъ губерніи съ разрѣшенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ генералъ-губернатора; 8) введеніе въ Царствѣ Польскомъ земскаго и городского самоуправленія; 9) допущеніе лицъ польскаго происхожденія къ покупкѣ земель; 10) введеніе должностей почетныхъ мировыхъ судей.

На Польшу распространялось также объявленное для всей Россіи право свободнаго перехода изъ православія въ другія вѣроисповѣданія. Но это право вскорѣ было ограничено, вслѣдствіе массоваго перехода въ католичество бывшихъ греко-уніатовъ, присоединенныхъ насильно къ православной церкви.

Объявленіе манифеста 17 октября и вышеприведенныхъ постановленій не удовлетворило, правда, ни одного класса населенія Польши, но подало надежду буржуазнымъ классамъ на возможность дальнѣйшаго расширенія правъ польскаго народа путемъ мирнаго соглашенія съ правительствомъ.

Вслѣдствіе этого съ 17 октября освободительное движеніе входитъ въ Польшѣ въ новую фазу своего развитія.

Рабочій классъ, руководимый соціалистическими партіями, продолжаетъ борьбу въ томъ же направленіи, въ какомъ она велась до 17 октября. Буржуазные классы считаютъ дальнѣйшее веденіе революціонной борьбы излишнимъ и даже вреднымъ для дѣла освобожденія польскаго народа. Уже 18 октября подъ руководствомъ Г. Сенкевича въ Варшавѣ устраивается

буржуазными элементами торжественная демонстрація, въ которой принимаетъ участіе около 200.000 населенія. Въ тотъ же самый день соціалистическія партіи организуютъ демонстрацію протеста и противъ манифеста 17 октября, и противъ буржуазныхъ классовъ, торжествующихъ по поводу его изданія.

Но такъ или иначе съ объявленіемъ манифеста появилась возможность открытой общественной дѣятельности и прежде всего организаціи народныхъ массъ.

Использовать эту возможность стало насущной задачей всѣхъ общественныхъ элементовъ, стало условіемъ гарантіи осуществленія и расширенія завоеванныхъ правъ. И тутъ польскіе буржуазные элементы и въ частности Н.-Д. оказались предусмотрительнѣе соціалистическихъ партій.

Послѣднія, правда, стараются использовать дни свободы, но смотрятъ на организаціонную дѣятельность лишь какъ на средство объединенія рабочихъ непосредственно для революціонныхъ выступленій, вслѣдствіе чего плоды этой ихъ дѣятельности очень ограничены, а онѣ сами принимаютъ болѣе революціонно демократическій, чѣмъ соціалистическій характеръ, и постепенно теряютъ связь съ широкими рабочими массами. Соціалистическія партіи бойкотируютъ I Гос. Думу и этимъ толкаютъ широкія массы народа въ объятія Н.-Д., единственной политической партіи, принявшей дѣятельное участіе въ избирательной кампаніи. Онѣ организуютъ тайные профессіональные союзы, при чемъ С-Д. Ц. П. и Л. придаетъ имъ партійный характеръ, и рабочія массы все болѣе группируются въ „польскихъ" профессіональныхъ союзахъ, организуемыхъ Н.-Д., какъ открытыхъ, легальныхъ организаціяхъ. Онѣ игнорируютъ просвѣтительную и кооперативную дѣятельность и тѣмъ самымъ содѣйствуютъ гегемоніи буржуазныхъ элементовъ и на этомъ полѣ. Безпрестанная же организація соціалистическими партіями экономическихъ забастовокъ ведетъ къ утомленію рабочихъ постоянной борьбой и все болѣе толкаетъ ихъ въ ряды буржуазной Н.-Д.

Созданные С-Д. Ц. П. и Л. партійные профессіональные союзы, сначала благодаря вліянію, пріобрѣтенному этой партіей на рабочихъ, и потребности въ организаціи помощи стачечникамъ и безработнымъ, быстро усиливаются; въ октябрѣ 1906 г. число ихъ членовъ достигаетъ 35.000. Но, достигнувъ такихъ крупныхъ размѣровъ, союзы эти начинаютъ падать, и въ началѣ 1909 г. насчитываютъ уже не больше 3.000 членовъ. Не лучше обстоитъ дѣло и съ безпартійными классовыми союзами, организованными П. П. С. Только послѣ того, какъ въ 1907 г. они были легализованы, число ихъ членовъ быстро растетъ и достигаетъ 40.000 слишкомъ.

Наоборотъ, „польскіе" союзы безпрерывно усиливаются, и въ концѣ 1907 г. насчитываютъ около 45.000 членовъ.

Но основой могущества Н.-Д. является ея просвѣтительная дѣятель-

ность, въ частности организованная ею „Польская Школьная Матица". Это общество было основано на деньги, отчасти пожертвованныя частными лицами, отчасти поступившія изъ самообложенія, которому подвергли себя широкія массы. Собрано было пожертвованій 810.678 рублей, не считая недвижимости. Въ теченіе двухъ неполныхъ лѣтъ возникло 781 отдѣленіе „Матицы", съ 400.544 членами; были открыты 681 школа, 317 пріютовъ, 505 библіотекъ и читаленъ, устроены курсы и лекціи для взрослыхъ. Въ школахъ обучалось 63.000 человѣкъ, въ пріютахъ находилось 14.000 дѣтей, библіотеками пользовалось—116.341 человѣкъ. Общество „Польской Школьной Матицы" достигло столь крупныхъ размѣровъ, несмотря на препятствія, которыя встрѣчало со стороны властей; такъ, напр., послѣднія разрѣшили открыть только половину того числа школъ, которое должно быть открытымъ; въ одной Люблинской губ. изъ 228 просимыхъ школъ были допущены только 32. Дѣятельность „Матицы" была сильнымъ двигателемъ культурно-національнаго развитія польскаго народа. Но она же содѣйствовала упроченію гегемоніи Н.-Д., что имѣло, благодаря близорукой торгашеской политикѣ этой партіи, и крайне отрицательныя послѣдствія. Впрочемъ, въ области культурнаго развитія „Матица" работала не одна.

Часть прогрессивной польской буржуазіи и примыкающей къ ней интеллигенціи, составившая т. н. Прогрессивно-демократическую партію, не игравшую, впрочемъ, болѣе или менѣе значительной роли въ событіяхъ 1905 г., въ концѣ этого года и началѣ слѣдующаго энергично занялась культурною дѣятельностью. Благодаря ея стараніямъ, возникли въ Варшавѣ „Университетъ для всѣхъ" и „Общество польской культуры" съ развѣтвленіями въ провинціи. На ряду съ этими учрежденіями провинціальной прогрессивной интеллигенціей были организованы разныя культурныя общества въ Люблинѣ, „Университетъ земли Радомской"—въ Радомѣ, „Общество распространенія образованія" въ Ченстоховѣ, „Польское общество курсовъ для безграмотныхъ" въ Здунской Волѣ, „Общество популярныхъ курсовъ имени А. Асныка" и Кружокъ любителей народнаго театра" въ Калишѣ, „Общество распространенія просвѣщенія"—въ Лодзи и мн. др.,

Нѣсколько данныхъ о развитіи этихъ обществъ покажетъ, что и ихъ дѣятельность не осталась безъ вліянія на культурное развитіе страны, несмотря на то, что условія этой дѣятельности были крайне неблагопріятны, какъ потому, что наиболѣе зажиточная часть общества содѣйствовала не имъ, а „Матицѣ", такъ и потому, что представители и русской и польской реакціи усиленно тормозили ея развитіе. Изъ отчета о дѣятельности „Университета для всѣхъ" за первый годъ его существованія узнаемъ слѣдующее. Доходъ его за этотъ годъ равнялся—5.895 р., расходъ—4.377 р., число

членовъ—2.558; число слушателей постоянныхъ систематическихъ лекцій 21.243; „Ун. для всѣхъ" имѣлъ и еврейское отдѣленіе, гдѣ лекціи читались на народномъ еврейскомъ языкѣ; число слушателей этихъ лекцій было—15.812; число слушателей отдѣльно устраиваетыхъ рефератовъ: на польскомъ языкѣ—27.361; на еврейскомъ—6.061. Открыто кромѣ того 12 отдѣленій этого общества.

„Общество польской культуры" за время съ 12 ноября 1906 г. по 18 декабря 1907 г. открыло 16 отдѣленій въ разныхъ городахъ края. Его доходъ за это время—19.624 р. 38 к.; расходъ—5.818 р. 50 к. Имъ организованы читальни, библіотеки, театральныя представленія и лекціи и рефераты по естественнымъ и общественнымъ наукамъ.

Дѣятельность двухъ послѣднихъ обществъ была такъ интенсивна, что часто не доставало помѣщеній для лекцій и онѣ читались въ городахъ—на фабрикахъ, въ частныхъ квартирахъ, въ подвалахъ, а въ деревняхъ—въ амбарахъ.

Провинціальныя прогрессивныя общества успѣшно конкурировали съ консервативной „Матицей".

Такъ, Люблинское „Святло" уже въ 1906 г. насчитывало 16 отдѣленій съ 1.200 постоянныхъ членовъ; оно развивалось, благодаря самообложенію интеллигенціи, крестьянъ и ремесленниковъ; народные учителя, напр., платили 2% со своихъ доходовъ. Число членовъ „Университета земли Радомской"—въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, прошедшихъ со времени его открытія, достигло 2.000 слишкомъ.

Нѣсколько медленнѣе подвигалось развитіе кооперативовъ. Все же число ихъ членовъ въ концѣ 1908 г. достигло 66.151, а ихъ оборотъ—11.153.436 руб. На быстроту ихъ роста указываетъ тотъ фактъ, что до 1906 г. возникло 49 кооперативныхъ обществъ, въ 1906 г.—32, а въ 1907 г.—120. По даннымъ, приведеннымъ г. Страсбургеромъ въ его книгѣ, 40% членовъ кооперативовъ составляютъ рабочіе. Говоря объ организаціяхъ, возникшихъ въ 1905—1907 г., слѣдуетъ упомянуть объ обществахъ „Соколовъ",—организованныхъ Н.-Д. гимнастическихъ обществахъ, имѣющихъ патріотическій характеръ. Общества эти составляли одну изъ основъ могущества Н.-Д.

Развитіе польскаго національнаго движенія и усиленіе самодѣятельности народныхъ массъ отразилось и въ области религіозныхъ отношеній. Началось броженіе въ лонѣ католической церкви: возникъ союзъ маріавитовъ.

Отличительными чертами маріавитскаго вѣроисповѣданія являются: богослуженіе на національномъ языкѣ — польскомъ въ Польшѣ, литов-

скомъ—въ литовскихъ губерніяхъ,—выборность священниковъ, расторжимость брака.

Появленіе маріавитизма вызвало сильное преслѣдованіе его приверженцевъ со стороны католическаго духовенства. Ксендзы прибѣгали неоднократно къ содѣйствію полиціи, изгоняли маріавитовъ изъ ихъ храмовъ, запечатывалы таковые. Бывали и случаи нападеній на нихъ со стороны „Соколовъ", что, напр., имѣло мѣсто въ Люблинѣ въ концѣ августа 1906 г.

Несмотря на преслѣдованія, число маріавитовъ увеличивается. Въ г. Лодзи ихъ насчитываютъ 40.000, въ нѣкоторыхъ сельскихъ приходахъ въ Люблинской и Сѣдлецкой губерніяхъ—по 4.000—5.000 человѣкъ. Въ настоящее время уставъ союза маріавитовъ утвержденъ властями. Они устраиваютъ съѣзды, издаютъ свой органъ—„Маріавитъ". Въ своихъ приходахъ они организуютъ кооперативы, основываютъ школы, пріюты, заботятся объ улучшеніи земледѣльческой техники. Какъ эксплоатація, которой народныя массы подвергаются со стороны католическаго духовенства, такъ и культурная работа маріовитовъ содѣйствуютъ распространенію ихъ вліянія.

Нѣкоторые польскіе писатели предполагаютъ, что маріавитскія общества составятъ зародышъ польской національной церкви.

Въ началѣ характеристики второго періода польскаго освободительнаго движенія мы прежде всего разсмотрѣли организаціонную дѣятельность различныхъ классовъ польскаго народа. Мы сдѣлали это потому, что въ этотъ періодъ она была главнымъ факторомъ національнаго развитія и что ею было обусловлено соотношеніе силъ въ борьбѣ за національное освобожденіе. Перейдемъ теперь къ политическому движенію. Дни свободы въ Польшѣ длились не долго. Уже въ концѣ ноября было объявлено военное положеніе. Въ постановленіи о введеніи его правительство мотивируетъ этотъ свой шагъ тѣмъ, что якобы въ польскомъ обществѣ проявилось стремленіе, угрожающее цѣлости Россіи. Въ отвѣтъ на это въ польской печати были опубликованы два документа. Въ одномъ изъ нихъ Главное Правленіе С.-Д. Ц. П. и Л. въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ выяснило безпочвенность вышеуказаннаго упрека по адресу польскаго народа, заявляя, что политическое освобожденіе Польши можетъ быть только дѣломъ совмѣстной борьбы демократическихъ элементовъ всей Россіи за ея политическое освобожденіе. Въ другомъ, подписанномъ 30.000 поляковъ всѣхъ классовъ народа, заявляется, что весь польскій народъ добивается лишь автономіи и гражданскихъ правъ въ предѣлахъ россійскаго государства, а отнюдь не отдѣленія отъ него польскаго края. „Мы утверждаемъ—пишутъ авторы—что правительственныя сообщенія являются актами, стремящимися, ради интересовъ реакціи и бюрократіи, къ возбужденію розни двухъ народовъ, которые путемъ свободы могли достигнуть согласія и укрѣпить полученныя права".

Протестъ противъ введенія военнаго положенія былъ послѣднимъ солидарнымъ выступленіемъ различныхъ слоевъ польскаго народа противъ политическаго и національнаго гнета. Съ тѣхъ поръ различіе въ тактикѣ пролетарскихъ и буржуазныхъ элементовъ, обусловленное противоположностью ихъ интересовъ, все углубляется. С.-Д. и идущія за нею рабочія массы остаются изолированными въ своей революціонной борьбѣ. Буржуазные классы всецѣло подчиняются феодальнымъ элементамъ; они подаютъ руку правительству для окончательнаго подавленія революціоннаго движенія. Начинается періодъ контръ-революціи, періодъ реакціи противъ революціонной борьбы и противъ марксизма, подъ флагомъ котораго она велась. Происходитъ опять поворотъ къ націонализму; начинается эпоха оппортюнизма, апатіи, застоя.

Реакція охватываетъ и буржуазію, и крестьянъ, и значительную часть рабочихъ. Постепенно суживается сфера вліянія соціалистическихъ организацій на рабочія массы. Причины этого коренятся въ слишкомъ продолжительномъ промышленномъ застоѣ, въ крайней нищетѣ массъ и ихъ истощеніи, въ вышеуказанной ошибочной тактикѣ соціалистическихъ партій и въ быстро развивающейся организаціонной дѣятельности консервативныхъ элементовъ, содѣйствовавшей имъ въ дѣлѣ подчиненія ихъ вліянію широкихъ народныхъ массъ. Въ виду всего этого въ декабрьской забастовкѣ рабочіе принимаютъ участіе въ гораздо меньшемъ количествѣ, чѣмъ въ октябрьской. Изъ остальныхъ выступленій рабочихъ слѣдуетъ отмѣтить стихійную всеобщую забастовку—протестъ противъ военнаго положенія въ Лодзи въ сентябрѣ 1906 г. и экономическія забастовки городскихъ и сельскихъ рабочихъ того же года.

Во время декабрьской забастовки буржуазные элементы польскаго общества и часть перешедшихъ на ихъ сторону рабочихъ впервые начинаютъ активную борьбу съ революціоннымъ движеніемъ. Н.-Д. употребляетъ для этой цѣли „Соколовъ". Революціонному движенію приходится бороться на два фронта: съ русской и съ польской реакціей. Послѣдняя все усиливается; наступаетъ рядъ убійствъ на партійной почвѣ въ разныхъ городахъ Польши; организуются локауты и, между прочимъ, извѣстный лодзинскій локаутъ.

Періодъ реакціи кладетъ свой отпечатокъ на развитіе соціалистическихъ партій. Въ эволюціи взглядовъ С.-Д. Ц. П. и Л. замѣчается все большая оторванность отъ массъ; методъ ея идеологовъ становится все болѣе упрощеннымъ. Въ началѣ 1906 г. этой партіей издается ея программная брошюра „Чего мы хотимъ", написанная Р. Люксембургъ. Въ ней мы находимъ требованіе введенія въ Россіи „такихъ учрежденій, которыя гарантируютъ свободное духовное и культурное развитіе всѣмъ народамъ", то есть—какъ выяснено дальше,—полнаго равноправія и свободы пользованія роднымъ языкомъ въ школахъ и въ „частной и публичной жизни". Въ ней

мы находимъ требованіе для Царства Польскаго—автономіи, въ виду того, что „нашъ край—какъ говорится въ брошюрѣ—составляетъ внутри россійскаго государства извѣстнаго рода особое цѣлое, отличающееся въ своей культурной, а отчасти и общественно-экономической жизни отъ остальной части государства". Но изъ дальнѣйшаго содержанія брошюры оказывается, что автономія должна касаться администраціи, школьнаго дѣла, судопроизводства, но отнюдь не законодательства. Авторъ какъ бы забываетъ объ особенностяхъ края въ области аграрныхъ отношеній, объ его особомъ гражданскомъ кодексѣ, однимъ словомъ, обо всемъ томъ, что дѣлаетъ необходимымъ надѣленіе польскаго сейма законодательными функціями.

Какъ видно изъ разныхъ статей органа партіи „Czerwony Sztandar" нѣкоторые представители ея считали необходимой не только административно-культурную, но и законодательную автономію края. Но VI съѣздъ С.-Д. Ц. П. и Л. занимаетъ позицію Р. Люксембургъ. Такимъ образомъ, идеологи С.-Д. Ц. П. и Л., подмѣтивъ вѣрно тенденціи развитія Польши, но замѣтили, что это развитіе далеко не завершилось.

Гораздо крупнѣе тѣ измѣненія, которыя произошли въ періодъ реакціи въ П. П. С. Еще въ концѣ 1906 г. въ ней наступилъ расколъ. Націоналисты-заговорщики, входившіе въ составъ этой партіи, вышли изъ нея, образовавъ т. н. революціонную фракцію П. П. С. и удержавъ въ программѣ старое требованіе возстановленія независимаго польскаго государства.

Большинство продолжаетъ существовать подъ названіемъ П. П. С. На X своемъ съѣздѣ, происшедшемъ въ концѣ 1907 г., эта партія приняла новую программу, идентичную съ программой С.-Д. Ц. П. и Л., каковой эта программа была до и въ періодъ революціи, но чуждую той упрощенности марксистскаго метода, которой отличаются вышеуказанные пореволюціонные документы этой партіи. Въ революціяхъ X съѣзда съ одной стороны отмѣчается тенденція экономическаго развитія Польши, обнаруживающаяся въ сплоченіи ея „съ тѣми странами и народами, съ которыми она вмѣстѣ преобразовывается въ новѣйшее капиталистическое общество"; съ другой стороны, неизбѣжность, по мѣрѣ демократизаціи государственнаго строя Россіи, уничтоженія въ немъ и бюрократическаго централизма. Опираясь на эти тенденціи, П. П. С. требуетъ преобразованія государственнаго строя Россіи на началахъ децентрализаціи и широкой автономіи Польши съ законодательнымъ сеймомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она выставляетъ требованіе равноправія всѣхъ національностей, населяющихъ Россію и Польшу, и гарантія правъ національныхъ меньшинствъ.

Въ резолюціяхъ X съѣзда П. П. С. мы видимъ завершеніе той эволюціи ея политическихъ взглядовъ, которая обнаружилась еще въ ея выступленіи въ январѣ 1905 г.

Въ рядахъ буржуазныхъ элементовъ все усиливается примиреніе съ положеніемъ, создавшимся послѣ 17 октября, и вражда къ революціонному движенію. Иллюстраціей служитъ, между прочимъ, тактика буржуазныхъ партій. Въ 1906 г. замѣчается упадокъ явно консервативной—партіи реальной политики; ея тактика прямолинейна и не отвѣчаетъ потребностямъ новаго времени, когда въ политическомъ движеніи принимаютъ участіе широкія массы; ея принципъ умѣренности, „сообразованія стремленій съ силами" отталкиваетъ тѣ элементы буржуазнаго общества, въ которыхъ еще силенъ тотъ размахъ политической мысли, какой развился подъ вліяніемъ событій 1905 г. Наоборотъ, Н.-Д. не только группируетъ въ своихъ рядахъ элементы мелко- и средне буржуазные и дворянскіе, но и значительную часть капиталистической буржуазіи и часть рабочихъ. Причина ея усиленія коренится въ ея успѣшной энергичной дѣятельности, направленной на организацію массъ, въ гибкости ея тактики, въ ея безпринципности, въ ея демагогіи, въ той энергіи, которую она выказала въ борьбѣ съ революціоннымъ рабочимъ движеніемъ. Взглядъ ея лидера Р. Дмовскаго, что Н.-Д., а не русская бюрократія, успѣшно справляется со смутой въ Польшѣ, его гордое заявленіе во время выборовъ во II Думу, что Н.-Д. въ борьбѣ съ революціей была такъ энергична и самоотверженна, что даже не останавливалась передъ пролитіемъ братской крови,—встрѣтили сочувствіе въ широкихъ кругахъ зажиточныхъ классовъ населенія. Монархизмъ и вѣрноподданническія выступленія Н.-Д., съ одной стороны, ея націонализмъ съ другой—упрочиваютъ ея позицію и среди представителей капитала, и среди малосознательныхъ народныхъ массъ; одни считаютъ ее благоразумной и умѣренной, другія—патріотической, радикальной.

Изъ внесеннаго Коло во II Госуд. Думу проекта автономіи Польши явствуетъ, что Н.-Д., дѣломъ которой является этотъ проектъ, совершенно примирилась съ существующимъ нынѣ въ Россіи политическимъ строемъ и заботится лишь о внутреннемъ устройствѣ Польши. Вотъ его краткое содержаніе. „Царство Польское, составляя нераздѣльную часть россійскаго государства, управляется во внутреннихъ своихъ дѣлахъ особыми установленіями на основаніи особаго законодательства".

Для внутреннихъ дѣлъ Польши устанавливаются особые: сеймъ, казна и роспись, административное управленіе съ намѣстникомъ во главѣ, судебныя учрежденія съ особымъ сенатомъ и особый, въ совѣтѣ министровъ, министръ статсъ секретарь по дѣламъ Царства Польскаго. Сеймъ собирается по Высочайшему повелѣнію. Намѣстникъ и министръ статсъ-секретарь назначаются верховною властью. Ею же въ окончательной формѣ утверждаются всѣ постановленія и законы, принятые сеймомъ. Изъемлются: дѣла православной церкви, иностранныя, армія, флотъ, монетное дѣло, за-

конодательства: таможенное. акцизное, почтовое, желѣзнодорожное, касающееся товарныхъ знаковъ и привилегій, литературной и художественной собственности, общегосударственные займы и обязательства. Изъ вѣдѣнія сейма изъемлются также законодательства по дѣламъ о бунтѣ противъ верховной власти и государственной измѣнѣ. Общія гарантіи гражданской и политической свободы устанавливаются центральнымъ законодательнымъ органомъ для всѣхъ областей государства, но польскимъ сеймомъ могутъ быть измѣнены для Польши. Установленіе законодательства о внутреннемъ устройствѣ царства принадлежитъ первому сейму, избранному на широкихъ демократическихъ началахъ. Въ этомъ законодательствѣ будутъ обезпечены права языка литовскаго и малорусскаго во всѣхъ учрежденіяхъ.

Въ приведенномъ здѣсь проектѣ въ отличіе отъ программы Н.-Д., опубликованной въ 1905 г. бросаются въ глаза двѣ особенности: болѣе децентралистическій характеръ, выразившійся въ требованіи учредительнаго сейма для Царства Польскаго и въ тоже время передача въ руки центральной власти такихъ учрежденій какъ армія и законодательство по дѣламъ о преступленіяхъ противъ верховной власти. Эти особенности говорятъ сами за себя.

Не менѣе достойны вниманія тактическіе пріемы Н.-Д.

Во время выборовъ въ I Думу она не брезгуетъ угрозами по адресу еврейскаго населенія, лишь бы заставить его голосовать за ея кандидатовъ. Что касается тактики Кола въ Думѣ всѣхъ трехъ созывовъ, то въ I Думѣ оно еще по временамъ выступаетъ солидарно съ оппозиціей. Но во второй и особенно въ III Думѣ все болѣе сближается съ октябристами и правыми. Стоитъ упомянуть лишь такой фактъ какъ голосованіе за увеличеніе контингента новобранцевъ во II Думѣ, голосованіе за школьный законопроектъ съ поправкой фонъ-Анрепа — въ III-ей.

И вышеуказанная тактика Н.-Д. не только не возстановляетъ противъ нея буржуазные классы, но, наоборотъ, послѣ роспуска II Думы вызываетъ упреки по ея адресу за ея якобы радикализмъ. Очень знаменателенъ для характеристики польскихъ буржуазныхъ классовъ тотъ фактъ, что ни законъ 3 іюня, ни закрытіе „польской школьной матицы“ не вызвали усиленія въ ихъ средѣ оппозиціонныхъ теченій. Эти классы, благодаря специфическимъ условіямъ промышленнаго развитія Польши, способны, и то очень робко, заявлять свои политическія требованія изъ-за плечъ борющагося польскаго пролетаріата, но они же первые берутся за успокоеніе послѣдняго, безъ разбора въ средствахъ, лишь только его борьба ослабѣваетъ.

Послѣ объявленія Царства Польскаго на военномъ положеніи оппозиціонные элементы начинаютъ усиливаться въ польскомъ буржуазномъ обществѣ. Развивается П.-Д., появляется анти-клерикальное теченіе съ А. Нѣ-

моевскимъ и П. Радлинскимъ во главѣ. Организуется „Крестьянскій Союзъ". Онъ имѣетъ строго демократическій характеръ, рѣзко отличающій его отъ Н.-Д. Въ области національнаго вопроса „Крестьянскій Союзъ" требуетъ: преобразованія государственнаго строя Россіи на демократическихъ началахъ, полнаго равноправія національностей, автономіи для Польши, основанной на собственномъ законодательствѣ, которое, будучи выработано автономнымъ сеймомъ, должно быть утверждено центральнымъ законодательнымъ органомъ. Когда Коло вноситъ въ Думу требованіе автономіи Польши, П.-Д. вырабатываетъ и опубликовываетъ свой проектъ автономіи, отличающійся отъ Н.-Д. болѣе демократическимъ характеромъ. Но политическая дѣятельность польской буржуазной оппозиціи была непродолжительна.

Послѣ роспуска II Думы П.-Д. отказывается отъ этой дѣятельности и сосредоточиваетъ всѣ свои силы на культурно-образовательной работѣ. „Крестьянскій Союзъ" фактически перестаетъ существовать послѣ массовыхъ арестовъ, лишившихъ его наиболѣе энергичныхъ и сознательныхъ элементовъ.

Одновременно во всѣхъ слояхъ народа усиливается индифферентизмъ къ вопросамъ политической жизни, иллюстраціей чего являются выборы въ г. Варшавѣ въ Государственную Думу; такъ, напр., во время выборовъ въ I Думу изъ 69.875 избирателей голосуютъ—67.060, во время выборовъ во II Думу—68.500 и во время послѣдней избирательной кампаніи—19.323.

Чѣмъ болѣе оппортюнистскимъ становится польское буржуазное общество, чѣмъ болѣе слабѣютъ соціалистическія партіи и усиливается политическій индифферентизмъ, тѣмъ болѣе усиливаются репрессіи со стороны бюрократіи. Въ теченіе времени, истекшаго съ 1 февраля 1905 г. по іюль 1907 г., въ Польшѣ было казнено—305 человѣкъ; число же сосланныхъ по политическимъ дѣламъ достигло такихъ размѣровъ, что за указанное время ихъ прошло черезъ варшавскую пересыльную тюрьму около 40.000.

* * *

Періодъ революціи и контрреволюціи отразился и въ изящной литературѣ. Но въ ней получили отраженія лишь событія революціоннаго года и то настроеніе, которое создалось въ обществѣ подъ вліяніемъ ужасовъ контрреволюціи; художники-беллетристы воодушевлялись лишь геройствомъ революціонеровъ и горемъ народа въ виду побѣды реакціи, но отнюдь не идеями, господствовавшими въ моментъ высшаго напряженія революціонной борьбы. Революція по своимъ объективнымъ задачамъ была буржуазной. Пролетаріатъ не могъ стать въ ней выразителемъ интересовъ большинства народныхъ массъ въ ихъ цѣломъ. По отношенію къ буржуазіи, крестьянамъ, интеллигенціи онъ былъ внѣшней силой, разрушившей своимъ выступленіемъ ихъ индифферентизмъ къ

вопросамъ общественной и политической жизни, но силой чуждой, а значительной ихъ части даже грозной и враждебной. Художники, связанные по своимъ привычкамъ и интересамъ съ буржуазной средой, не были въ состояніи проникнуться идеалами и стремленіями пролетарской среды. Они не могли найти матеріала для содержанія ихъ произведеній и въ преисполненной узкими корыстными стремленіями буржуазной средѣ. И энтузіазмъ возбужденный въ нихъ событіями революціоннаго года, большею частью заставлялъ ихъ обратить свои взоры къ старой Польшѣ и будилъ въ ихъ душѣ привязанность къ національнымъ традиціямъ. Поэтому въ большинствѣ произведеній, вызванныхъ революціоннымъ моментомъ, проявляются идеи, чуждыя послѣднему. Поэтому также періодъ революціи породилъ гораздо меньшее количество художественныхъ произведеній, чѣмъ періодъ контрреволюціи. Полякъ-художникъ способенъ былъ или звать на подвигъ вообще, не указывая цѣли геройской борьбы, или давать выраженіе боли, вызванной давленіемъ тяжелыхъ условій жизни. О. Жеромскій въ единственномъ своемъ разсказѣ, написанномъ въ 1905 г., „Повѣсть о героѣ Вальгиріи", являющемся по красотѣ языка настоящимъ шедевромъ польской литературы, провозглашаетъ идеалъ самопожертвованія и общественнаго долга. А. Нѣмоевскій въ своихъ „Людяхъ революціи" приподымаетъ завѣсу съ души рабочаго и указываетъ глубоко на днѣ ея кроющіяся націоналистическія чувства, лишь временно уступившія мѣсто братскимъ чувствамъ международной солидарности подъ вліяніемъ борьбы, охватившей всѣ народы Россіи. И молодая, талантливая С. Ригеръ-Налковская, въ своемъ романѣ „Принцъ" вовсе не обнаруживающая преклоненія передъ національными традиціями, но въ состояніи все же заглянуть въ душу пролетарія; она лишь даетъ образъ душевныхъ движеній польскаго интеллигента-революціонера и окружающей его среды. Только въ появленіи „Князя Потемкина" Мицинскаго мы видимъ симптомъ сближенія передовыхъ элементовъ русскаго и польскаго общества, слѣдствіе тѣхъ чувствъ солидарности [1]), которыя объединили поляковъ и русскихъ въ моментъ революціонной борьбы. За то „Революція" К. Тейтмайера и послѣдняя часть „Духовъ" А. Свентоховскаго—вѣрный образъ души буржуазнаго интеллигента, способнаго видѣть лишь дурные инстинкты въ рабочихъ, борющихся за свое освобожденіе.

Гораздо богаче литература, отражающая тѣ отношенія, чувства, настроенія, которыя создались въ періодъ революціи и особенно контрреволюціи.

Здѣсь мы встрѣчаемъ: и проявленія націонализма въ произведеніяхъ А. Новачинскаго и С. Жеромскаго, и увлеченіе „проблемой пола" — въ „Исторіи грѣха" послѣдняго, въ повѣсти В. Сѣрошевскаго—„Супружество", въ повѣсти С. Ригеръ-Налковской—„Женщины" и во мн. др., и пессимизмъ,

[1]) Я говорю не о содержаніи „Князя Потемкина", а о самомъ отношеніи Мицинскаго къ русскимъ революціонерамъ.

присущій въ послѣдніе годы громадному большинству польскихъ писателей, и объективный анализъ разныхъ сторонъ души дѣятелей соціалистическаго движенія, мастерски произведенный А. Стругомъ въ его „Завтра" и „Подземные Люди" (2 т.).

Наиболѣе талантливыми выразителями пессимизма періода контрреволюціи являются С. Жеромскій и І. Катерля. Первый въ одномъ изъ лучшихъ своихъ произведеній—„Исторіи грѣха" изображаетъ господство „грѣха" во всей современной общественной жизни, видя его причину въ ея условіяхъ. Авторъ находитъ „грѣхъ" въ побужденіяхъ самыхъ „благородныхъ" на первый взглядъ людей. Повсюду развратъ, убійство, грабежи. Люди—нервны, слабохарактерны. Только Плавскій да еще Похронь, доведшіе Саппинскую мораль до логическаго конца, обладаютъ извѣстной силой воли. Неудивительно, что въ такой средѣ гибнетъ героиня романа—интеллигентная, впечатлительная, но слабохарактерная, какъ большинство героевъ „Исторіи грѣха"—Ева.

Жеромскій, какъ бы комментируетъ событія, вкладывая въ уста одного изъ героевъ—больнаго писателя Ясніоха—взглядъ, что въ такой историческій моментъ, когда все, что было лучшаго въ народѣ, раздавлено сапогомъ солдата, ксендза, буржуа, не остается ничего, кромѣ игры въ Монако и погони за минутными наслажденіями вообще.

Не находя ни одной отрадной картины въ современной Польшѣ, авторъ въ слѣдующемъ своемъ произведеніи—„Дума о Гетманѣ" обращаетъ свой взоръ въ далекое прошлое и тамъ наслаждается образомъ геройства и самоотверженія польскихъ рыцарей.

Говоря о періодѣ контрреволюціи, нельзя не упомянуть о несценической драмѣ І. Катерли „Роза". Это—настоящая поэма періода контрреволюціи—одно изъ наиболѣе художественныхъ произведеній польской литературы. Чувство боли, охватившее автора подъ вліяніемъ тѣхъ ужасныхъ условій, въ которыхъ, особенно въ послѣдніе годы, очутилась Польша, заставляетъ его набрасывать картины одну за другой, безъ всякаго порядка, вопреки установившемуся въ изящной литературѣ шаблону. И отчасти, благодаря этому, картины эти очень ярки. Особенно красива символическая картина контрреволюціи, изображенная въ прологѣ: вся польская земля окутана ночнымъ мракомъ, скована морозомъ, покрыта снѣгомъ; народъ спитъ непробудимымъ сномъ; на горизонтѣ виднѣется лишь висѣлица, а вокругъ нея: солдатъ, божество и провокаторъ Анзельмъ, бывшій начальникъ одной изъ боевыхъ дружинъ. Къ наиболѣе интереснымъ мѣстамъ произведенія относится исповѣдь Анзельма божеству, изображающая его психологическую эволюцію, совершавшуюся съ одной стороны подъ вліяніемъ картины междоусобной борьбы руководителей польскихъ политическихъ партій, движимыхъ самыми низменными инстинктами, съ другой стороны подъ вліяніемъ

развившагося въ немъ самомъ, въ процессѣ борьбы боевой дружины, индивидуализма и самообожанія. Далѣе идетъ—картина пытокъ въ Варшавской охранѣ, какъ бы фотографическое отраженіе дѣятельности извѣстнаго Грина.

Далѣе—рядъ картинъ, видѣнныхъ во снѣ главнымъ героемъ Чаровицемъ, картинъ, которыя причиняютъ ему гораздо болѣе боли, чѣмъ то, что онъ видитъ на каждомъ шагу въ X павильонѣ Варшавской крѣпости: вражда польской интеллигенціи къ революціонному движенію, индифферентизмъ крестьянъ къ вопросамъ политической жизни, картина междупартійной борьбы рабочихъ, на фонѣ которой выступаетъ лишь ихъ погоня за непосредственнымъ улучшеніемъ ихъ экономическаго быта, индифферентизмъ всего народа къ идеалу независимой Польши. Разочаровавшись во всѣхъ классахъ общества, I. Катерля видитъ выходъ изъ современнаго тяжелаго положенія страны лишь въ дѣятельности героевъ изъ интеллигенціи и въ частности въ техническомъ изобрѣтеніи, которое дастъ возможность однимъ нажатіемъ пружины взрывать на воздухъ сотни тысячъ „москалей“ и нѣмцевъ и, такимъ образомъ, освободитъ польскій народъ отъ иноземнаго ига. Пессимизмъ является характерной чертой „Розы“.

Сильнымъ пессимизмомъ проникнута и „Пѣснь Тиртея“—произведеніе другого крупаго польскаго писателя С. Пшибышевскаго; въ немъ мы видимъ признаніе могущества массы, признаніе въ ней источника, изъ котораго герои черпаютъ свои силы, но въ то же время констатированіе безсилія этой массы и ничтожества всего человѣчества передъ лицомъ стихій природы. Пессимизмомъ проникнуты и „Ласточка“ Г. Даниловскаго и „Мотивы смерти“ М. Марковской.

Но если польскому интеллигенту-художнику, связанному жизненными условіями съ буржуазной средой недоступна душа польскаго пролетарія, то за то ему гораздо ближе крестьянская среда. И послѣдняя получаетъ мастерское изображеніе въ романѣ Реймонта—„Крестьяне“.

II.

На востокъ отъ Царства Польскаго расположенъ Сѣверо-Западный край, населеніе котораго въ значительной мѣрѣ состоитъ изъ литовцевъ; они же населяютъ и Сувалкскую губернію. Литовцы занимаютъ первое мѣсто послѣ поляковъ по силѣ національнаго движенія, охватившаго въ 1905 г. всѣ классы этого народа.

Но въ то время какъ богатство польской національной культуры—фактъ, извѣстный широкимъ массамъ населенія Россіи, о развитіи литовской культуры, правда, далеко отставшей отъ польской, знаютъ лишь очень немногіе. И потому раньше, чѣмъ дать характеристику литовскаго національнаго дви-

женія въ періодъ революціи, мы считаемъ нужнымъ бросить бѣглый взглядъ на недавнее прошлое литовцевъ.

Литовскій народъ состоитъ изъ двухъ племенъ: собственно—литовцевъ и жмудиновъ, которыя въ теченіи послѣднихъ десятилѣтій слились въ одно цѣлое и говорятъ на одномъ языкѣ съ очень незначительной примѣсью провинціализмовъ.

Большинство этого народа населяетъ губерніи Ковенскую, Сувалкскую, и часть Виленской въ количествѣ 1.658.532—по однимъ источникамъ,—въ количествѣ—2.458.825—по другимъ; меньшинство - 121.000—сѣверо-восточную часть Пруссіи; 100.000 живетъ въ разныхъ городахъ Россіи, свыше 500.000—въ Америкѣ.

Въ выше указанныхъ губерніяхъ Западнаго края они составляютъ значительный % населенія—66,2% въ Ковенской, около 50% въ Сувалкской, около 20% въ Виленской; въ Курляндской губерніи ихъ всего 0,1%. На ряду съ ними живутъ: бѣлоруссы, евреи, поляки, латыши.

Край, большинство населенія котораго составляютъ литовцы, не относится къ промышленнымъ областямъ Россіи. Въ немъ преобладаетъ мелкая промышленность, и лишь въ сельскомъ хозяйствѣ капитализмъ дѣлаетъ довольно быстрые успѣхи. Большинство городскаго населенія — отъ 50 до 80%—составляютъ евреи; затѣмъ идутъ поляки—или, какъ нѣкоторые полагаютъ, ополячившіеся литовцы — въ однихъ городахъ, обрусѣвшіе бѣлоруссы—въ другихъ. Литовцы живутъ по преимуществу въ деревняхъ, гдѣ на ряду съ дворянствомъ, состоящимъ изъ поляковъ, составляютъ крестьянское населеніе, въ значительной мѣрѣ диффиренцированное и владѣющее въ лицѣ крестьянъ—собственниковъ $^3/_4$ земли. Литовская литература, начавшая развиваться еще въ XVI ст., въ началѣ XIX ст. имѣла уже видныхъ представителей, какъ то: Дуоналейтиса, Пашко, Дуокантесъ, Юшкевичъ, Воловчевскій и др. Но развитіе литовской культуры и въ частности языка подвигалось медленно вслѣдствіе конкуренціи богатой польской культуры. Съ 1865 г. въ Литвѣ началась энергичная обрусительная дѣятельность властей, вызванная стремленіемъ послѣднихъ къ подавленію въ ней польскаго элемента. Запрещено было печатанье литовскихъ изданій латинскимъ шрифтомъ, а разрѣшалось печатать лишь русскимъ; когда же это на время пріостановило издательскую дѣятельность литовцевъ, изданія, напечатанныя русскимъ шрифтомъ, стали даромъ раздаваться крестьянамъ. Изъ училищъ были изгнаны польскій и литовскій языки. Учителями могли быть только русскіе. Начались религіозныя преслѣдованія; запрещены были проповѣди на литовскомъ языкѣ; запрещена покупка земли лицамъ католическаго вѣроисповѣданія. Преслѣдованія повели къ быстрому развитію литовскаго патріотизма и націоналиама среди незначительной количественно интеллигенціи и образованной части кре-

стьянъ и мелкой буржуазіи. Книга—молитвенники, учебники, беллетристическія произведенія стали печататься въ Тильзитѣ и въ Америкѣ, и въ большомъ количествѣ перевозиться въ русскую Литву самими пограничными крестьянами. Изданія, печатавшіяся русскимъ шрифтомъ, бойкотировались. Развилось тайное обученіе грамотѣ на литовскомъ языкѣ. Распространеніе литовскихъ заграничныхъ изданій было такъ широко, что втеченіи 11 лѣтъ (1891 — 1902 г. г.) ихъ было арестовано на границѣ властями — около 175.000 экземпляровъ.

Только въ 1904 г. правительство сознало безплодность насажденія среди литовцевъ русскаго алфавита и разрѣшило употребленіе латинскаго.

Культурная борьба объединила впервые интеллигенцію, вышедшую изъ крестьянской среды, и привела къ образованію теченія „просвѣтителей"; это теченіе, благодаря національному гнету, сначала охватило и свѣтскую интелигенцію и часть духовенства, и не отличалось поэтому свойственнымъ эпохѣ просвѣщенія радикализмомъ. Въ 1883 г. его представители начали издавать въ Тильзитѣ органъ „Аушра" (Заря). Сначала онъ издавался литовскимъ патріотомъ Д-ромъ Басановичемъ, а потомъ группой т. н. „друзей Литвы" (mitosnikoio Litwy).

Задача „Аушры"—возрожденія литовскаго народа; въ ней были выражены и политическія пожеланія: свобода печати, литовская школа, употребленіе литовскаго языка въ частной и публичной жизни. Эти пожеланія, формулированныя кружкомъ интеллигентовъ, выражали стремленія всего литовскаго народа, были первой попыткой намѣтить его формулу національнаго самоопредѣленія.

Ихъ раздѣляли и націоналъ-либералы вродѣ д-ра Басановича, и радикалы вродѣ д-ра Шлюпаса. Всѣ мыслящіе литовцы были тогда чужды сепаратистскихъ идеаловъ и имѣли въ виду лишь освобожденіе литовскаго народа въ предѣлахъ россійскаго государства. И это станетъ намъ вполнѣ понятно, если мы примемъ во вниманіе ту связь, которая установилась между всѣми областями Россіи по мѣрѣ развитія въ ней капитализма.

Экономическое развитіе Литвы постепенно создало спросъ на интеллигентный трудъ. Количество интеллигенціи быстро росло. Одновременно росло и ея знакомство съ общественными вопросами, западно-европейскими политическими теченіями, нуждами края. Давала себя чувствовать конкуренція съ интеллигенціей другихъ націй.

Развивалось также сознаніе крестьянскихъ массъ; намѣчались конфликты съ духовенствомъ.

Всему этому содѣйствовало распространеніе грамотности на родномъ языкѣ, которымъ усиленно занималась литовская интеллигенція. Развивалась и литература.

Когда въ 1886 г. „Аушра“ прекратила свое существованіе, литовская интеллигенція распадается на два лагеря—свѣтскій и духовный; первый издаетъ органъ „Varpas“ (Колоколъ): второй—„Apzwalga“. Вокругъ „Varpas'a“ группируются всѣ прогрессивные элементы народа и образуютъ демократическую партію, стоявшую на почвѣ требованій, намѣченныхъ нѣкогда „Аушрой“. Но процессъ дифференціаціи подвигается впередъ. Развитіе капитализма, какъ оно ни слабо въ Литвѣ, вызываетъ, съ одной стороны, численный ростъ интелигенціи, съ другой стороны обостреніе конкуренціи во всѣхъ сферахъ общественной дѣятельности. Національный гнетъ тяжелымъ бременемъ давитъ литовскія народныя массы, а особенно интеллигенцію, ограничивая сильно рамки ея дѣятельности. На рынкѣ, въ виду разноплеменности населенія Литвы, конкурентами всѣхъ классовъ народа и въ частности интелигенціи являются элементы, принадлежащіе къ другимъ націямъ. Это вызываетъ обостреніе во взаимныхъ отношеніяхъ націй. Развивается націонализмъ. Благодаря національному гнету онъ быстро усиливается и охватываетъ всѣ классы. Зарождается политическій сепаратизмъ.

Въ то же самое время подъ вліяніемъ экономическаго развитія края, развитія въ немъ еврейскаго рабочаго движенія, нѣмецкой и польской соціалистической литературы, изъ среды литовскихъ демократовъ выдѣляются соціалдемократы, идеологія которыхъ въ общемъ соотвѣтствуетъ идеологіи П. П. С. въ Царствѣ Польскомъ. Націонализмъ, широко распространившійся въ Литвѣ, во взглядахъ литовскихъ с.-д. отражается въ формѣ политическаго сепаратизма. Это вызываетъ недовольство среди нѣкоторыхъ старыхъ мѣстныхъ соціалистовъ, и въ 1896 г. въ Литвѣ образуются двѣ соціалъ-демократическія группы: „Литовская Соціалъ-Демократическая Партія“ и „Рабочій Союзъ Литвы“. Обѣ онѣ обнимаютъ лишь очень незначительную часть рабочихъ. Первая выставляетъ въ своей программѣ требованіе установленія федеративныхъ отношеній между Литвой и Россіей; вторая—демократизаціи государственнаго строя Россіи и полнаго равноправія для литовскаго и другихъ народовъ.

Л. С.-Д., благодаря своей программѣ, получаетъ вліяніе на широкіе слои интелигенціи и болѣе радикальную часть крестьянъ. Р. С.-Л.—остается небольшой рабочей группой.

Приближается 1905 г. Наканунѣ великихъ событій этого года въ Литвѣ устанавливаются слѣдующія отношенія.

Благодаря самодѣятельности общественныхъ элементовъ поднимается умственный уровень массъ; число грамотныхъ достигаетъ 52%; выходитъ заграницей около 20 газетъ и много всевозможныхъ брошюръ. Существуютъ политическія партіи съ широкимъ вліяніемъ на массы населенія. Въ рабочей средѣ дѣйствуютъ Л. С.-Д. и С.-Д. Ц. П. и Л., возникшая въ 1900 г. изъ

объединенія С.-Д. Ц. П. съ „Рабочимъ союзомъ Литвы". Интересы городской и сельской буржуазіи выражаютъ „Національная Партія Литовцевъ"— съ узко націоналистическимъ характеромъ и „Литовская демократическая Партія", строго придерживавшаяся демократическихъ принциповъ. Вслѣдствіе сильнаго національнаго гнета въ средѣ обѣихъ этихъ партій очень сильны сепаратистскія тенденціи: обѣ онѣ содержатъ въ своихъ программахъ требованіе независимости Литвы.

Наряду съ литовскими національными, мѣстными „краевыми" партіями на той же территоріи возникаютъ партіи другихъ національностей, которыя, съ одной стороны, сами принимаютъ мѣстный литовскій колоритъ, строя свои программы на анализѣ мѣстныхъ условій, съ другой—оказываютъ извѣстное вліяніе на литовское національное движеніе. Это въ рабочей средѣ: еврейская с.-д. партія—„Бундъ", польская группа извѣстная подъ названіемъ П. П. С., тѣсно связанная съ партіей того же названія въ Царствѣ Польскомъ; наконецъ Сѣверо-Западный Союзъ Россійской С.-Д. Рабочей Партіи, пытавшійся объединить всѣ соціалистическіе элементы края.

Въ буржуазныхъ кругахъ: среди евреевъ—сіонистское теченіе; среди поляковъ дворянская сословная группа „примирителей"—(угодовцевъ); націоналдемократическая,—всѣ эти группы находятся въ тѣсной организаціонной связи съ партіями тѣхъ же названій въ Царствѣ Польскомъ.

Что касается позиціи всѣхъ этихъ группъ въ области національнаго и спеціально литовскаго вопроса, то относительно нея можно сказать слѣдующее. Л. С.-Д. пропагандировала свою старую федералистскую программу, но въ ея рядахъ появились элементы, приближавшіеся по своимъ взглядамъ къ С.-Д.-Ц. П. и Л.,—т. н. „автономисты", группировавшіеся, главнымъ образомъ, вокругъ газеты „Draugas", отстаивающіе необходимость совмѣстной съ пролетаріатомъ всего государства борьбы за демократизацію Россіи и автономію Литвы.

П. П. С. пропагандировала идеалъ польско-литовско-демократической республики; Сѣверо-Западной Союзъ Р. С.-Д. Р. П.—согласно съ программой партіи, принятой на ея II съѣздѣ, выставлялъ въ области національнаго вопроса требованія: 1) равноправія всѣхъ національностей; 2) широкаго самоуправленія тѣхъ областей Россіи которыя отличаются особыми бытовыми условіями и особымъ составомъ населенія; 3) права членовъ каждой націи получать образованіе на родномъ языкѣ и пользоваться послѣднимъ во всѣхъ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ; 4) права для каждой націи на самоопредѣленіе. Изъ буржуазныхъ партій: поляки „примирители" считали необходимымъ введеніе въ краѣ земскаго самоуправленія, равноправія для поляковъ и католиковъ; н.-д. пропагандировали идеалъ польско-литовскаго государства и усердно занимались распространеніемъ въ

мѣстномъ населеніи образованія на польскомъ языкѣ. Въ средѣ всѣхъ націй, населяющихъ Литву, націонализмъ сильно развился. Стремленія литовцевъ не находили себѣ поддержки у поляковъ и наоборотъ. Антисемитизмъ усилился и проникъ даже въ рабочую среду. Конкуренція между еврейскими и польскими рабочими на кожевенныхъ заводахъ въ Вильнѣ приводила неоднократно къ довольно серьезнымъ конфликтамъ. Соціалистическія организаціи усиленно боролись съ націонализмомъ, но лишь Сѣверо-Западный Союзъ, С.-Д. Ц. П. и Л. и Бундъ, какъ стоящіе на точкѣ зрѣнія международнаго соціализма, могли успѣшно выполнять эту задачу. Полное отсутствіе націонализма въ дѣятельности Сѣв.-Зап. Союза несомнѣнно содѣйствовало усиленію вліянія этой маленькой въ началѣ группки интеллигентовъ, но относящейся съ одинаковымъ вниманіемъ къ національнымъ интересамъ рабочихъ всѣхъ національностей Литвы.

Русско-Японская война отразилась крайне тяжело на положеніи народныхъ массъ, и недовольство въ ихъ средѣ правительственнымъ режимомъ дало себя сильно почувствовать. Уже въ 1904 г. власти, опасаясь революціоннаго взрыва, разрѣшили печатанье литовскихъ изданій латинскимъ алфавитомъ. Но это была капля въ морѣ нуждъ литовскаго населенія.

Въ 1905 г. революціонное движеніе разлилось широкой волной по странѣ и приняло рѣзкій боевой характеръ. Вездѣ на первый планъ выдвигалось требованіе національнаго освобожденія литовскаго народа.

Постепенно въ процессѣ борьбы стала намѣчаться формула національнаго самоопредѣленія, отличающаяся инымъ характеромъ, чѣмъ программныя требованія литовскихъ партій до революціи.

И въ Литвѣ, какъ и въ Польшѣ рабочая всеобщая забастовка дала толчекъ къ развитію революціонной борьбы, въ частности борьбы за національное освобожденіе. Въ воззваніяхъ Л. С.-Д., изданныхъ въ январѣ, а равно въ октябрѣ и декабрѣ, выставлялись все еще старыя требованія характеризующія ея отношеніе къ національному вопросу, а именно: 1) переустройство государственнаго порядка Россіи на демократическихъ началахъ, 2) „въ области отношеній отдѣльныхъ народовъ къ Россіи мы требуемъ: чтобы тѣ народы, которые хотятъ самоуправляться (пользоваться автономіей), какъ Литва, Польша, Финляндія, Украина и другіе, могли установить отношенія къ Россіи, какъ равные къ равной, и чтобы союзъ ихъ былъ свободный, не принудительный.

Отношенія между объединенными въ вышеуказанный союзъ народами опредѣляетъ созванное съ этой цѣлью собраніе, состоящее изъ представителей объединенныхъ странъ.

Въ этомъ союзѣ народовъ Литва должна составлять особое государство; ея политическое устройство должно быть опредѣлено сеймомъ въ Вильнѣ,

состоящимъ изъ представителей всего населенія Литвы, избранныхъ путемъ всеобщаго, прямого, равнаго. тайнаго голосованія".

Въ воззваніи Сѣверо-Западнаго Союза требовался созывъ всероссійскаго Учредительнаго Собранія.

Требованія, выставленныя Л. С.-Д., формулировали, какъ оказалось впослѣдствіи, лишь взгляды незначительнаго большинства этой партіи. Они не могутъ считаться выраженіемъ національныхъ стремленій литовскихъ рабочихъ массъ; послѣднія чувствовали и понимали необходимость національнаго освобожденія, но находились на очень низкой стадіи политическаго развитія и были слишкомъ мало подготовлены къ тому, чтобы выставлять опредѣленныя политическія требованія. Онѣ откликнулись на призывъ соціалистическихъ партій, ибо тѣ вели ихъ борьбу съ хозяевами, ибо условіями ихъ быта диктовалась борьба за политическое и національное освобожденіе. При томъ Л. С.-Д. не была, какъ извѣстно единственной организаціей, пользовавшейся вліяніемъ среди литовскихъ рабочихъ. По мѣрѣ развитія революціоннаго движенія и развитія самодѣятельности массъ, изъ ихъ среды раздаются, какъ мы увидимъ, требованія нѣсколько другого характера. Однако, въ самомъ воззваніи Л. С.-Д. виденъ отпечатокъ спеціальныхъ условій Литвы—разноплеменности ея населенія: Л. С.-Д. не ограничивается требованіями лишь въ пользу литовцевъ, а опредѣляетъ свое отношеніе и къ другимъ націямъ, и для нихъ требуетъ одинаковыхъ правъ. Но въ Литвѣ рабочее движеніе не играетъ столь важной роли въ революціонной борьбѣ 1905 г., какъ въ Польшѣ.

Въ этой, по преимуществу крестьянской странѣ, крестьянскія массы, выступающія самостоятельно въ защиту права литовскаго народа на свободное національное развитіе, являются наиболѣе крупной силой національнаго движенія. Л. С.-Д. и въ ихъ средѣ работаетъ болѣе энергично, чѣмъ другія партіи. Ею созывались митинги въ деревняхъ Ковенскаго, Шавельскаго, Вилькомірскаго, Поневѣжскаго, Ново-Александрійскаго, Маріампольскаго, Россіенскаго уѣздовъ, ею организовались въ провинціи демонстраціи, какъ напримѣръ демонстрація въ Купишкахъ вилькомірскаго уѣзда. Но на многихъ митингахъ принимались резолюціи съ требованіемъ не федеративныхъ отношеній Литвы къ Россіи, а созыва всероссійскаго учредительнаго собранія и сейма въ Вильнѣ; въ другихъ мѣстахъ—автономіи Литвы; митингъ въ Россіенахъ выставилъ требованіе конституціи въ Россіи, автономіи для Польши, самоуправленія для Литвы.

Въ самый разгаръ революціоннаго движенія разногласія внутри Л. С.-Д. приняли крупные размѣры и привели къ выдѣленію изъ нея группы, издававшей газету „Драугасъ". Въ № 3 этой газеты, въ статьѣ „почему мы выступили?" указываются, между прочимъ, слѣдующія причины раскола: 1) отсутствіе въ Л. С.-Д. демократизма и оторванность отъ массъ, 2) сектант-

ское отношеніе къ П. П. С. и къ буржуазнымъ партіямъ, 3) необходимость съ точки зрѣнія „Драугаса“ ограничить дѣятельность Л. С.-Д. исключительно рабочими, пользующимися литовскимъ языкомъ, и предоставить остальныхъ другимъ національнымъ соціалистическимъ партіямъ, 4) неумѣстность постулата независимости Литвы, 5) необходимость аграрной программы.

Выступленіе „Драугасистовъ“ является важнымъ моментомъ въ процессѣ національнаго самоопредѣленія Литовскаго народа. Очень важнымъ моментомъ въ этомъ процессѣ является и съѣздъ литовцевъ-учителей — общественнаго элемента, наиболѣе близкаго къ народнымъ массамъ, состоявшійся въ іюлѣ 1905 г. въ Вильнѣ. На этомъ съѣздѣ организовался Союзъ учителей литовцевъ и выработана программа послѣдняго. Въ ней выставлены слѣдующія задачи: 1) „Борьба за полную реорганизацію дѣла народнаго просвѣщенія въ Литвѣ, а именно: a) національзація всѣхъ школъ низшихъ и среднихъ; b) возрожденіе и національзація Виленскаго университета; c) введеніе всеобщаго, безплатнаго обязательнаго обученія; d) согласованіе школъ всѣхъ типовъ, дающее возможность по окончаніи низшей школы переходить свободно въ высшую; передача завѣдыванія и надзора за школами въ руки мѣстнаго самоуправленія. 2) Борьба за автономію Литвы“.

Явная эволюція замѣчается въ теченіе 1905 г. въ программѣ партіи демократовъ Литвы. Она выставляетъ требованіе широкой автономіи Литвы въ этнографическомъ значеніи этого слова съ сеймомъ въ Вильнѣ.

Идентичную программу выставилъ оброзовавшійся въ 1905 г. „Крестьянскій Союзъ Литвы“.

Въ теченіе всего года происходитъ въ средѣ литовскихъ партій колебаніе между территоріальнымъ и національнымъ принципами. Почти всѣ партіи принимаютъ названіе „Литвы“ вмѣсто „Литовской“, но имѣютъ въ виду этнографическую Литву.

Этапы борьбы, которая велась наряду съ рабочими забастовками, слѣдующіе. Сначала происходятъ митинги, и на нихъ принимаются резолюціи, заключавшія въ себѣ требованія экономическаго и политическаго характера, въ области національнаго вопроса чаще всего сводящіяся къ требованію автономіи Литвы и полнаго равноправія національностей и вѣроисповѣданій; затѣмъ подобныя же резолюціи выносятся гминными сходами. Наконецъ, къ осени начинается „бойкотъ“ государственныхъ учрежденій. Бойкотировались крестьянами всѣ чиновники русскаго происхожденія, правительственные судьи, школы, гдѣ преподаваніе велось на русскомъ языкѣ. Прекратилась уплата податей. Старосты и старшины низлагались со своихъ должностей и замѣнялись новыми, выбранными на основѣ всеобщаго голосованія. Въ тече-

---

[1]) См. „Užnivs Žinios“ № 261.

нія нѣсколькихъ мѣсяцевъ крестьяне принудили 150 учителей—русскихъ оставить свои должности. И характерный фактъ: въ ноябрѣ учителя русскіе, удаленные крестьянами, собрались въ Ковнѣ и приняли резолюцію, въ которой заявляли, что они признаютъ правильными дѣйствія крестьянъ, удалившихъ ихъ, что всѣ русскіе должны уступить мѣста свои учителямъ-литовцамъ, ибо тѣ принесутъ гораздо больше пользы населенію, и что они протестуютъ лишь противъ случаевъ насилія надъ удаляемыми.

Требованія національзаціи школъ нашли откликъ и среди поляковъ, буржуазіи, населяющихъ города Литвы. Виленская городская управа, Виленское и Ковенское сельско-хозяйственныя общества, отдѣленія всероссійскаго союза адвокатовъ, собранія чиновниковъ выставляютъ требованіе веденія преподаванія въ школахъ на языкѣ мѣстнаго населенія и допущеніе на должности учителей лицъ всѣхъ населяющихъ Литву національностей.

Наиболѣе важнымъ событіемъ въ процессѣ національной борьбы литовцевъ въ 1905 г. былъ состоявшійся въ Вильнѣ 21 и 22 ноября съѣздъ представителей Литовскаго народа.

Иниціаторомъ съѣзда былъ глава Литовскихъ „просвѣтителей", основатель газеты „Аушра"—д-ръ Басановичъ, организаторомъ—партія демократовъ Литвы. Л. С.-Д. отъ участія въ комитетѣ, подготовлявшемъ съѣздъ, отказалась. Наоборотъ, націоналисты приняли въ немъ дѣятельное участіе; Организаціонный Комитетъ крестьянскаго схода—тоже. Комитетъ призвалъ народныя массы къ выборамъ демократовъ на съѣздъ. Избирательными единицами были: мѣстами—волости и гмины, мѣстами приходъ, деревня, мѣстами фабрика, крупное имѣніе. Выборы происходили на основѣ всеобщаго голосованія. Съѣздъ этотъ является въ высшей степени интересной попыткой созданія органа національнаго самоопредѣленія. И онъ дѣйствительно былъ отраженіемъ воли громаднаго большинства народа.

Съѣздъ собрался 21 ноября въ Виленскомъ городскомъ залѣ. Явилось около 2.000 человѣкъ. Изъ нихъ 1.000 было выборныхъ делегатовъ, а около 1.000 явилось по собственному желанію; въ средѣ послѣднихъ преобладали крестьяне изъ разныхъ мѣстъ края. Были также рабочіе и интеллигенты, не говорившіе на литовскомъ языкѣ, но признававшіе себя литовцами и принимавшіе живое участіе въ съѣздѣ.

Явились представители всѣхъ партій. Было и нѣсколько десятковъ католическихъ ксендзовъ. Въ началѣ перваго засѣданія присутствовавшіе почтили вставаніемъ память слѣдующихъ лицъ: 1) жертвъ революціи, 2) основателя Вильны—Гедимина, 3) всѣхъ павшихъ въ борьбѣ за свободу, 4) скромныхъ культурныхъ дѣятелей Литвы.

Послѣ двухъ-дневныхъ совѣщаній съѣздъ принялъ слѣдующія резолюціи:" 1) Признавая абсолютизмъ своимъ врагомъ, признавая, что только путемъ

побѣдоносной борьбы возможно улучшить свой быть, мы, собравшіеся здѣсь литовцы, постановляемъ: просвѣщаться, объединяться и выступать на борьбу сообща со всѣми борющимися народами Россіи.

2) Такъ какъ нужды жителей Литвы могутъ быть удовлетворены только при существованіи въ нашемъ краѣ автономіи и при томъ условіи, что другіе, живущіе въ Россіи, народы, имѣютъ возможность пользоваться свободой, съѣздъ литовцевъ потановляетъ: требовать автономіи Литвы съ сеймомъ въ Вильнѣ, на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, безъ различія пола, національности, вѣроисповѣданія. Эта автономная Литва должна состоять изъ современной этнографической Литвы, какъ ядра, и тѣхъ окраинъ, которыя по экономическимъ, культурнымъ, національнымъ и др. причинамъ тяготѣютъ къ этому ядру и сами пожелаютъ присоединиться къ нему. Такъ какъ собравшіяся на литовскій съѣздъ литовцы сувалкской губерніи единогласно признали необходимымъ вмѣстѣ съ литовцами другихъ губерній бороться за автономію Литвы, съѣздъ постановляетъ, что литовцы упомянутой губерніи должны быть присоединены къ автономной Литвѣ. Отношеніе къ другимъ частямъ Россіи должно основываться на федеративныхъ началахъ.

Чтобы добиться автономіи, прежде всего необходимо перестроить государственный механизмъ. Надо объединить какъ всѣ партіи Литвы, такъ и всѣхъ отдѣльныхъ лицъ. Сплотившись дома, намъ надо объединиться со всѣми народами Россіи, которые стремятся къ достиженію свободы. Не вносить въ казну никакихъ платежей, закрывать казенныя винныя лавки, не отдавать дѣтей въ русскія школы. Не прибѣгать въ ковенской, виленской, гродненской губерніяхъ къ помощи волостныхъ судовъ и другихъ правительственныхъ учрежденій; не отпускать своихъ братьевъ и дѣтей на военную службу, и, въ случаѣ надобности, устраивать въ городахъ и деревняхъ всеобщія забастовки.

Во всѣхъ волостныхъ правленіяхъ Литвы долженъ быть въ обращеніи мѣстный литовскій языкъ. Такъ какъ современная школа является средствомъ обрусенія, а не обученія, то всѣ такія школы надо сдѣлать національными, чтобы ученіе велось на родномъ языкѣ и чтобы само населеніе назначало учителей въ эти школы".

Съѣздъ вызвалъ къ себѣ сильный интересъ во всѣхъ слояхъ населенія Литвы и обезпокоилъ мѣстныя власти. Во время его совѣщаній генералъ-губернаторъ-Фрезе по телеграфу сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что онъ находитъ полезнымъ для края ввести литовскій языкъ въ начальныхъ школахъ и волостяхъ и реорганизовать съ этой цѣлью поневѣжскую учительскую семинарію.

Характерной чертой резолюцій съѣзда является требованіе автономіи Литвы, какъ слѣдствія преобразованія государственнаго строя Россіи. Со-

стоявшіяся во время съѣзда засѣданія крестьянъ, положившія основу организаціи Литовскаго крестьянскаго союза, формулировали требованіе автономіи Литвы, не придавъ ему того федералистическаго оттѣнка, какой очевиденъ въ резолюціяхъ съѣзда.

Резолюціи съѣзда, опредѣлившія методы борьбы, немедленно были введены въ жизнь крестьянскими массами. Что касается программныхъ резолюцій, то онѣ въ нѣкоторыхъ деревняхъ дополнялись; такъ, напр., въ Скопишкахъ крестьяне, собравшіеся въ числѣ 1000, заявили, что будучи, въ общемъ, согласны съ резолюціями, они, кромѣ того, требуютъ, чтобы въ школахъ дѣти литовскія обучались по-литовски, еврейскія — по-еврейски, русскія—по русски.

Когда литовское революціонное движеніе было подавлено, то борьба литовскихъ народныхъ массъ за національное освобожденіе приняла форму давленія на Государственную Думу, съ одной стороны, и культурной дѣятельности съ другой. Въ первомъ случаѣ доминирующую роль играетъ Л. С. Д., съ которой къ тому времени объединяются „Драугасисты" и всѣ с.-д. элементы литовскаго населенія; во второмъ „Демократическая Партія Литвы".

Л. С.-Д. ведетъ и энергичную организаціонную дѣятельность, особенно въ области профессіональнаго движенія. Выборы въ I Госуд. Думу она бойкотируетъ; во время нихъ проходятъ: 2 либерала, 3 радикала-трудовика; 2 безпартійныхъ. Принявъ горячее участіе во II-ой избирательной кампаніи, Л. С.-Д. проводитъ въ Думу 5 своихъ членовъ; кромѣ того, проходятъ 1 либералъ и 1 трудовикъ. Въ III Думѣ изъ 4 депутатовъ—3 трудовика, 1—с.-д.

С.-Д., депутаты II Думы, въ изданномъ ими воззваніи къ избирателямъ, заявили, между прочимъ, что они будутъ бороться за преобразованіе Думы въ демократически избранное законодательное собраніе и за автономію для Литвы съ особымъ сеймомъ, за введеніе литовскаго языка въ дѣлопроизводство и школьное преподаваніе и въ то же время за признаніе равныхъ правъ языкамъ: евреевъ, поляковъ, бѣлоруссовъ, русскихъ. Въ аналогичномъ направленіи подавались въ Думу наказы литовскими крестьянами. Литовскіе депутаты первые изъ среды Л. С.-Д. выдвинули открыто требованіе автономіи вмѣсто прежней федералистской программы партіи. Въ томъ же 1907 г. и вся партія на своемъ съѣздѣ приняла новую программу съ требованіемъ автономіи и съ опредѣленіемъ слѣдующей компетенціи литовскаго сейма: 1) культурныя дѣла; 2) аграрный вопросъ; 3) областная администрація; 4) налоги на нужды края; 5) судъ; 6) милиція. Еще до съѣзда обнаружилась въ Л. С. Д. признаки новаго теченія въ области національнаго вопроса, выразившагося въ № 4 издаваемаго партіей органа „Die Arbeiterstimme vun

Lite". предназначеннаго для еврейскихъ рабочихъ края. „Ни одна нація— читаемъ мы тамъ—не представляетъ въ Литвѣ абсолютнаго большинства, и кромѣ поляковъ, литовцевъ, бѣлоруссовъ и евреевъ, численность которыхъ мѣстами почти одинакова. Литву населяютъ меньшими группами: нѣмцы, русскіе. Поэтому территоріальный способъ разрѣшенія національнаго вопроса лишь въ малой степени содѣйствовалъ бы культурному развитію отдѣльныхъ націй въ области школьнаго и другихъ вопросовъ". Лучшую гарантію такового развитія органъ видитъ въ установленіи пропорціональнаго культурнаго бюджета для всѣхъ національностей Литвы. Взгляды „Arbeiterstimme von Lite" не оказали вліянія на работы съѣзда, тѣмъ не менѣе, они представляютъ интересную попытку всесторонняго разрѣшенія національнаго вопроса, отражающую въ себѣ всю его сложность въ виду разноплеменности населенія страны.

Плоды культурной дѣятельности литовцевъ въ теченіе 1906 и 1907 г. очень значительны. Въ Литвѣ возникли слѣдующія литовскія образовательныя общества: 1) „Свѣтило" въ Сувалкской губ. насчитываетъ нѣсколько тысячъ членовъ; основало 1 женскую гимназію и нѣсколько школъ съ преподаваніемъ на литовскомъ языкѣ; имѣетъ 50 отдѣленій; издаетъ органъ „Источникъ". 2) „Солнце"—общество той же категоріи—въ Ковенской губ.; не уступаетъ первому по своимъ размѣрамъ и интенсивности дѣятельности. 3) „Свѣтъ"—въ Сувалкской губерніи; отличается ясно выраженнымъ радикальнымъ направленіемъ; имѣетъ 18 отдѣленій съ 700 членовъ. 4) „Общество распространенія литовскихъ книгъ". Имѣются также крупныя издательскія фирмы. Выходитъ на литовскомъ языкѣ 40 слишкомъ періодическихъ изданій.

Культурная дѣятельность проявилась равнымъ образомъ въ организаціи кооперативовъ, изъ которыхъ 60 возникло въ одной лишь Ковенской губерніи.

Слабой стороной литовской культуры является очень незначительное развитіе изящной литературы. Во всякомъ случаѣ, какъ мы видимъ, литовское національное движеніе въ разсматриваемый періодъ приняло крупные размѣры.

III.

Національное движеніе латышей сильно отличается по своему характеру отъ литовскаго. Населенный латышами Прибалтійскій край—это область Россіи съ наиболѣе развитымъ капиталистическимъ хозяйствомъ. Наряду съ высоко развитой городской промышленностью капитализмъ охватилъ тамъ и сельское хозяйство. Около 2.500.000 десятинъ земли принадлежитъ 1.500 дворянамъ, почти исключительно нѣмецкимъ баронамъ. 2.000.000 дес.—

латышскимъ крестьянамъ, число которыхъ достигаетъ 1.300.000. Средній размѣръ помѣщичьихъ имѣній—2.000 десятинъ, но нерѣдки громадныя латифундіи, какъ Донданге́нская въ Лифляндіи—66.700 дес., Попенгофская—въ Курляндіи—46.500 дес. Крестьяне дѣлятся на бобылей, владѣющихъ отъ $^1/_2$ до 5 дес., и крестьянскую буржуазію, хозяйства которой по своему размѣру колеблются между 30 и 300 десятинъ.

Подобный характеръ носятъ и хозяйственныя отношенія въ Эстляндіи, но тамъ не такъ рѣзко выступаютъ классовыя противорѣчія.

Число пролетаріевъ во всѣхъ 3 губерніяхъ—1.300.000, т. е. болѣе половины населенія; изъ этого числа 80.000—городскихъ рабочихъ; остальные—сельско-хозяйственные. Хозяйство повсюду—многопольное.

Въ этнографическомъ отношеніи большинство населенія—1.700.000 изъ 2.900.000—составляютъ латыши; 884.000—эсты; 165.000—нѣмцы; 62.800—евреи; 23.211—литовцы; 128.789—русскіе; 35.057—поляки.

Латыши и эсты составляютъ большинство населенія городовъ.

Въ городахъ же живетъ около $^3/_4$ нѣмецкаго населенія. Латыши разсѣяны и по другимъ мѣстностямъ и странамъ; такъ, въ Витебской губ. ихъ 217.000; столько же—въ Америкѣ; нѣсколько десятковъ тысячъ въ Восточной Сибири. Большая часть земли, какъ мы видимъ—въ рукахъ нѣмцевъ; большинство пролетаріевъ и бобылей латыши—въ Лифляндіи и Курляндіи, эсты—въ Эстляндіи. Въ рукахъ нѣмцевъ сосредоточена значительная часть промышленнаго и торговаго капитала. И Латышскій край, и Эстляндія имѣютъ городское и сельское самоуправленіе съ центральными органами—ландтагами. Но большинство органовъ самоуправленія захватили въ свои руки бароны—нѣмцы. Въ ихъ рукахъ находились также: полиція, судъ, право назначенія пасторовъ, т. н. „право патроната", школьное дѣло. Нѣмецкая аристократія вела энергично политику онѣмеченія населенія края.

До 1884 г. эта политика тормозилась борьбой съ нею русской бюрократіи, считавшей нѣмцевъ опаснымъ элементомъ и дававшей въ виду этого извѣстную долю свободы развитію латышской и эстляндской культуры. Но съ тѣхъ поръ усиленіе реакціи въ Россіи въ царствованіе Александра III отражается въ Прибалтійскомъ краѣ усиленной руссификаціей латышскаго и эстонскаго населенія. Послѣднее подвергается національному гнету съ двухъ сторонъ.

Вышеуказанныя условія развитія латышей и эстовъ положили свой отпечатокъ и на характеръ революціоннаго и національнаго движеній среди этихъ народовъ въ началѣ XX ст. Національное движеніе въ обычномъ значеніи этого слова сравнительно слабо. Революціонное движеніе во всѣхъ его формахъ—сильнѣе, чѣмъ на всемъ остальномъ пространствѣ государства. Оно выражается въ борьбѣ за политическое освобожденіе края, въ борьбѣ за уничто-

женіе диктатуры бароновъ, за улучшеніе экономическаго положенія рабочихъ и расширеніе землепользованія крестьянъ. Революціонная борьба въ Латышскомъ краѣ и Эстляндіи—это классовая борьба пролетарскихъ массъ, поддерживаемая: 1) бобылями-крестьянами, порабощенными нѣмецкими баронами и бюрократіей, и 2) латышской городской и сельской буржуазіей. Послѣдняя была не особенно вѣрнымъ союзникомъ пролетаріата; всякій разъ, какъ бывала возможность соглашенія съ бюрократіей или опасность, что пролетарское движеніе перейдетъ извѣстные предѣлы, она ему измѣняла. Но все же въ теченіе 1905 г. она въ общемъ и цѣломъ поддерживала его, руководимая: 1) потребностью упраздненія, въ интересахъ промышленнаго развитія, бюрократическаго строя; 2) желаніемъ освободиться отъ гегемоніи бароновъ, взять въ свои руки органы самоуправленія и „право патроната"; 3) желаніемъ воспользоваться баронскими латифундіями; 4) потребностью уничтоженія національнаго гнета, тяготѣющаго надъ латышами. Борьба пролетаріата, несмотря на свой исключительно классовый характеръ, является единственной могущественной силой, подрывающей основы этого гнета и въ Лифляндіи, и въ Курляндіи и въ Эстляндіи. У эстовъ, гдѣ дифференціація населенія и развитіе классовыхъ противорѣчій слабѣе, мы встрѣчаемъ также солидарныя общенародныя выступленія въ защиту національныхъ правъ. Если въ Польшѣ и, особенно въ Литвѣ національный гнетъ тормозитъ развитіе классовыхъ антагонизмовъ, то въ средѣ латышей, наоборотъ, сословная диктатура бароновъ затормозила развитіе національнаго движенія и разработку національнаго вопроса. А между тѣмъ, послѣдній въ Прибалтійскомъ краѣ очень сложенъ: это вопросъ отношенія латышей и къ русскимъ, и къ нѣмцамъ, и къ евреямъ, и къ литовцамъ, и къ др. Латыши—самая культурная нація края. Но культура ихъ—молода, ихъ національное сознаніе зародилось еще очень недавно. Такъ, напр., подъ давленіемъ крайней нищеты латышскіе крестьяне въ 40 г.г. XIX ст. въ числѣ 140,000 перешли въ православіе, надѣясь, вслѣдствіе пущенныхъ властями слуховъ, что этотъ переходъ обезпечитъ имъ землю и хлѣбъ.

По мѣрѣ того, какъ въ началѣ 60 г.г. въ латышскихъ губерніяхъ развивается капитализмъ, картина мѣняется. Появляются многочисленные кадры латышской интеллигенціи. Движимая своими экономическими групповыми интересами, интеллигенція эта съ поразительной энергіей работаетъ надъ развитіемъ національной культуры и подъемомъ умственнаго уровня массъ. Уже въ 1848 г. появляются первые кружки молодежи, изучавшіе латышскій языкъ и исторію западно-европейскихъ, особенно нѣмецкихъ, просвѣтителей. Подъ эгидой нѣмецкой культуры развивается національное сознаніе народа, который впослѣдствіи нанесетъ рѣшительный ударъ господству нѣмецкаго элемента въ краѣ.

Въ 1868 г. уже появляется первое утвержденное властями культурное общество, извѣстное подъ названіемъ „Латышское Общество", существующее и понынѣ, и, вскорѣ послѣ своего возникновенія, ставшее центромъ латышскаго національнаго движенія. Это—продуктъ самодѣятельности латышской буржуазіи. Молодое національное движеніе латышей съ тѣхъ поръ разрушаетъ всѣ препятствія, которыя ему ставитъ нѣмецкая родовая и денежная аристократія. Въ 1871 г. происходитъ первый съѣздъ сельскихъ хозяевъ съ 514 участниками; въ 1873 г.—первый съѣздъ латышскихъ народныхъ учителей, явившихся на него въ числѣ 520 человѣкъ. Въ томъ же году создается новый очагъ развитія національной культуры—„всеобщіе латышскіе пѣвческіе праздники".

Развитіе класса сельской буржуазіи создаетъ матеріальную основу для культурнаго развитія народа. Ростъ пролетаріата и все усиливающаяся эксплоатація крестьянъ и сельской буржуазіи нѣмецкими баронами, а равно хозяйничанье въ краѣ русской бюрократіи готовитъ кадры революціонной арміи для борьбы за свободу этого развитія.

Въ 90-хъ гг. появляются первыя политическія партіи.

Характеръ ихъ политическихъ требованій и въ частности формулы національнаго самоопредѣленія обусловливается общественными отношеніями въ краѣ и классовыми интересами составившихъ ихъ группъ населенія.

Сепаратистскія стремленія не находятъ удобной почвы для своего развитія въ политической мысли латышскаго народа: нѣмцы—врагъ внутренній, сильнѣе и опаснѣе русскихъ властей; край пользуется самоуправленіемъ, но именно нѣмецкая аристократія дѣлаетъ таковое неотвѣчающимъ интересамъ массъ; народъ не имѣетъ историческаго прошлаго. Все же интеллигенція, общественный слой наиболѣе склонный къ сепаратизму и вездѣ стоящій на стражѣ національной культуры, въ теченіе долгаго времени лелѣетъ заимствованную у другихъ націй формулу національнаго самоопредѣленія—постулатъ независимаго латышскаго государства. Его выставляетъ „Латышскій Соціалдемократическій Союзъ", сосредоточившій въ своихъ рядахъ значительную часть латышской революціонной интеллигенціи, развившійся въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ П. П. С. Напротивъ, „Соціалдемократія Латышскаго края", въ которой, на ряду съ значительной группой сознательныхъ рабочихъ, объединилась та часть революціонной интеллигенціи, которой удалось отрѣшиться отъ примѣси мелкобуржуазной идеологіи и всецѣло стать на точку зрѣнія рабочаго класса, выставляетъ требованіе радикальнаго преобразованія: 1) государственнаго строя Россіи и 2) самоуправленія края на широкихъ демократическихъ началахъ и на основѣ полнаго равноправія національностей и вѣроисповѣданій, и введенія латышскаго языка въ школахъ и присутственныхъ мѣстахъ. Борьба съ Л. С.-Д. С., содѣйствовавшимъ своей дѣятель-

ностью развитію націонализма, крайне вреднаго для развитія классоваго сознанія рабочихъ, и общія условія дѣятельности—были причиной того, что С.-Д. Л. К. слишкомъ мало занималась національнымъ вопросомъ, обращая главное вниманіе на борьбу съ націонализмомъ.

По указаннымъ нами выше причинамъ государственный сепаратизмъ не находитъ себѣ мѣста и въ политическихъ стремленіяхъ латышской крупной и мелкой городской и сельской буржуазіи. Въ ея средѣ сильна ненависть и къ нѣмцамъ и къ русскимъ, но къ первымъ—гораздо сильнѣе. Что касается буржуазныхъ латышскихъ партій, то раньше ихъ образовалась „Балтійская конституціонная партія"—организація нѣмецкаго дворянства, а затѣмъ уже „Латышская народная партія", „Латышская конст.-демократическая", „Латышская демократическая" партіи, но всѣ онѣ возникли уже въ процессѣ борьбы 1905 г.

Борьба, какъ уже указано, имѣла здѣсь чисто-классовый характеръ. Ея проявленія: всеобщія забастовки городскихъ и сельскихъ рабочихъ; митинги, выносившіе резолюціи съ политическими требованіями; отказъ крестьянъ отъ уплаты податей и аренды; бойкотъ русской администраціи; погромы замковъ и имѣній бароновъ; организованное вооруженное возстаніе. Всеобщая забастовка вспыхнула прежде всего въ городахъ края, во имя лозунговъ, выставленныхъ „Соціалдемократіей Латышскаго края" въ ея воззваніяхъ, изданныхъ въ началѣ января 1905 г., вслѣдъ за выступленіемъ петербургскихъ рабочихъ.

Лозунги эти были: созывъ всероссійскаго учредительнаго собранія на широкихъ демократическихъ началахъ и основѣ полнаго равноправія національностей. Во имя тѣхъ же лозунговъ были организованы всѣ всеобщія политическія забастовки. И здѣсь сознательные политически рабочіе составляли немногочисленное меньшинство бастовавшихъ, хотя несомнѣнно большій %, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ государства. Но самодѣятельность и культурный уровень рабочихъ латышскихъ выше, чѣмъ другихъ, и, вслѣдствіе этого, уровень ихъ классоваго сознанія въ процессѣ борьбы 1905 г. значительно повысился. Резолюціи, принимавшіяся на митингахъ, заключали въ себѣ требованія обезпеченія свободы національнаго развитія латышей, но по своему характеру были идентичны съ позиціей С.-Д. Л. К. Эта партія шла во главѣ всего революціоннаго движенія. Обыкновенно рабочіе, собравшіеся на митингъ, требовали: созыва всероссійскаго учредительнаго собранія, сейма на демократическихъ началахъ въ Ригѣ, равноправія національностей, введенія латышскаго языка въ школахъ и всѣхъ учрежденіяхъ. Но мѣстами, гдѣ преобладало вліяніе Л. С.-Д. С., принимались и другого рода резолюціи, указывавшія, однако, что выносившія ихъ пролетарскія массы ближе къ жизни, чѣмъ организаторы движенія изъ Л. С.-Д. Союза. Такъ, напр.,

митингъ, состоявшійся въ м. Нитауренъ 20 сентября, въ которомъ приняло участіе 3,000 рабочихъ и крестьянъ, выставилъ требованіе въ національной сферѣ: созыва сейма въ Ригѣ для рѣшенія мѣстныхъ прибалтійскихъ дѣлъ.

Требованія латышской буржуазіи въ области національнаго вопроса формулировали „Латышская к.-д. партія“ и „Латышская реформистская партія“; они сводятся къ требованіямъ: 1) широкаго самоуправленія, основаннаго на имущественномъ цензѣ; 2) латышскаго языка въ школѣ, судѣ, самоуправленіи; 3) передачи надзора надъ школами органамъ самоуправленія. Идентичныя требованія были выставлены организаціей латышской городской и сельской мелкой буржуазіи—латышской демократической партіей, отличавшейся отъ предыдущихъ, главнымъ образомъ, требованіемъ всеобщаго избирательнаго права. Стремленія городской и сельской мелкой буржуазіи выражаетъ, между прочимъ, петиція Кангарскаго сельскохозяйственнаго общества: она требуетъ: 1) широкой реформы мѣстнаго самоуправленія на демократическихъ началахъ; 2) преподаванія на родномъ языкѣ учащихся во всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ; въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ латышскій языкъ вводится въ качествѣ обязательнаго предмета преподаванія; 3) для всѣхъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ обязательно знаніе латышскаго языка; 4) раздѣленіе Лифляндской губерніи, сообразно экономическому и племенному составу населенія съ присоединеніемъ эстонской части къ однородной по составу Эстляндской губерніи; 5) введеніе для крестьянъ судовъ присяжныхъ; 6) расширеніе правъ органовъ крестьянскаго самоуправленія и упраздненіе дворянскихъ привилегій; 7) свобода совѣсти, слова, собраній, союзовъ etc.

Выраженіе стремленій пролетарскихъ и крестьянскихъ массъ въ дѣлѣ обезпеченія національнаго развитія мы находимъ въ резолюціяхъ, принятыхъ: 1) съѣздомъ латышскихъ народныхъ учителей, состоявшимся въ Ригѣ 10 ноября 1905 г.; и 2) съѣздомъ крестьянъ. На первый явилось свыше 1,000 учителей.

Союзъ нашелъ, что интересы школы столь тѣсно связаны съ общими интересами страны, что выдѣлить ихъ особо нѣтъ никакой возможности. Поэтому самой неотложной мѣрою къ проведенію коренной школьной реформы является немедленный созывъ всероссійскаго учредительнаго собранія, избраннаго на демократическихъ началахъ, безъ различія національности, пола, вѣроисповѣданій.

Только послѣ такого рода радикальнаго переустройства государственнаго порядка Россіи народная школа можетъ быть реорганизована на слѣдующихъ началахъ: 1) передача народнаго образованія въ вѣдѣніе органовъ самоуправленія: 2) введеніе обязательнаго безплатнаго совмѣстнаго обученія для дѣтей обоего пола отъ 8 до 16 лѣтъ безъ различія вѣроисповѣданій и національностей, при чемъ дѣти неимущихъ должны быть содержимы на счетъ

общества; наиболѣе способнымъ ученикамъ и ученицамъ должна быть дана возможность полученія высшаго образованія. 3) Введеніе преподаванія въ народной школѣ на родномъ языкѣ. 4) Согласованіе программъ народныхъ школъ со школами высшаго типа. 5) Введеніе въ программу городскихъ школъ: естественныхъ наукъ, гигіены, законовѣдѣнія, политической экономіи и исторіи. 6) Полное отдѣленіе церкви отъ школы. 7) Увеличеніе числа школъ и штата учащихъ. 8) Открытіе особыхъ факультетовъ для подготовки учителей народныхъ школъ; 9) Улучшеніе матеріальнаго быта учителей. 10) Образованіе совмѣстныхъ конференцій изъ родителей и учителей для обсужденія всѣхъ вопросовъ воспитанія. Спустя 9 дней послѣ съѣзда учителей—19 ноября состоялся въ Ригѣ же съѣздъ крестьянъ съ участіемъ 1000 делегатовъ. Онъ выработалъ планъ организаціи временнаго революціоннаго самоуправленія и планъ дальнѣйшей борьбы, одобрилъ планъ реорганизаціи школъ, выработанный съѣздомъ учителей. Относительно національнаго вопроса съѣздъ высказалъ мнѣніе, что судьба Прибалтійскаго края неотдѣлима отъ судьбы Россіи, и что широкое мѣстное самоуправленіе въ демократической Россіи обезпечитъ всѣ національно-культурные интересы латышей, и требовать еще особой національной автономіи, подобно литовцамъ, для латышей нѣтъ необходимости. Единственную гарантію осуществленія всѣхъ мѣръ, указанныхъ имъ для улучшенія быта латышскихъ народныхъ массъ и созданія условій свободнаго развитія національной культуры латышей, крестьянскій съѣздъ видитъ въ созывѣ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія на началахъ всеобщаго голосованія.

Согласно постановленій съѣзда въ вопросѣ о мѣрахъ дальнѣйшей борьбы, волостныя правленія были замѣнены избранными на волостныхъ сходахъ временными коммисіями. Бойкотъ администраціи и отказъ платить подати былъ проводимъ еще съ большей, чѣмъ раньше, устойчивостью. Въ половинѣ ноября было введено военное положеніе. Въ отвѣтъ на это во всѣхъ концахъ края были подожжены баронскіе замки, изъ которыхъ обыкновенно войска совершали набѣги на деревни. Начался періодъ казней и карательныхъ экспедицій, закончившійся подавленіемъ революціонной борьбы. Въ теченіе не полнаго года карательными отрядами казнено 750 человѣкъ, но это лишь часть жертвъ этого періода.

Начиная съ 1907 г., національное движеніе латышей группируется вокругъ Государственной Думы и просвѣтительныхъ и профессіональныхъ обществъ. Во время выборовъ въ 1-ую Думу с.-д. не принимали въ ней участія, всѣ же буржуазные элементы всѣхъ націй объединились въ Ригѣ въ блокъ для совмѣстной борьбы противъ блока нѣмецкой буржуазіи съ баронами, и имъ удалось собрать 62,1% всѣхъ голосовъ. Во время второй избирательной кампаніи въ блокъ національныхъ буржуазныхъ партій вошли и с.-д. и,

собравъ большинство голосовъ, провели въ Думу своего кандидата. Во время выборовъ въ 3-ью Думу одна изъ латышскихъ буржуазныхъ группъ измѣнила блоку, вслѣдствіе чего въ I куріи прошелъ нѣмецъ. Въ провинціи, благодаря давленію реакціи, с.-д. не прошли, а были избраны во время всѣхъ трехъ кампаній—буржуазные латышскіе демократы. Революціонное рабочее и крестьянское движеніе съ одной стороны, солидарное выступленіе въ избирательныхъ кампаніяхъ всѣхъ угнетенныхъ съ другой заставили нѣмецкую аристократію пойти на нѣкоторыя уступки; это стало тѣмъ болѣе для нея необходимымъ, что начали замѣчаться проявленія оппозиціонности въ рядахъ нѣмецкой буржуазіи, раньше ея вѣрнаго союзника. И вотъ въ настоящее время устное волостное дѣлопроизводство ведется на латышскомъ языкѣ; нѣмецкая печать высказывается за допущеніе латышскаго языка въ судахъ, органахъ самоуправленія, въ качествѣ преподавательнаго въ низшей школѣ.

Въ организаціи профессіональныхъ союзовъ и образовательныхъ обществъ самое дѣятельное участіе приняли с.-д.; вслѣдствіе чего с.-д. партія сохранила прочную связь съ рабочими массами. Благодаря усиленной дѣятельности всѣхъ демократическихъ элементовъ населенія въ теченіе послѣднихъ 3 лѣтъ замѣчается сильный ростъ культурныхъ обществъ. Таковы: „Латышское Культурное Общество", общества трезвости, пѣвческія общества двухъ категорій—націоналистическія и прогрессивныя; драматическія общества: націоналистическое, буржуазно-демократическое, соціалдемократическое.

Богатая латышская изящная литература, также какъ и польская, очень слабо отразила періодъ революціи; гораздо болѣе сильное вліяніе оказалъ на нее послѣдующій контръ-революціонный періодъ.

На ряду съ произведеніями художниковъ, чуткихъ ко всѣмъ событіямъ общественной жизни,—I. Райниса, Аспазіи, Траймана, Плюдона, Скальбе, Аккуратера, Упита, появляется масса художниковъ декадентовъ; нѣкоторые прежніе реалисты становятся мистиками или создаютъ произведенія, посвященныя „проблемѣ пола". В. Эглитъ и Н. Эльдгастъ являются наиболѣе талантливыми представителями декадентскаго теченія. Оба они непримиримые враги соціализма и рабочаго класса. Первый въ нѣкоторыхъ своихъ стихотвореніяхъ кипитъ злобой и отвращеніемъ къ рабочимъ массамъ. На ряду съ этими писателями, появляются десятки иныхъ, окрещенныхъ латышской критикой именемъ бездарностей, пережевывающихъ на всѣ лады проблему пола. Эта литература получаетъ такое широкое развитіе, что одинъ изъ извѣстныхъ латышскихъ критиковъ—марксистъ Янсонъ спеціально занялся борьбой съ декадентствомъ.

Въ послѣднее время въ латышской с.-д. печати, подъ вліяніемъ борьбы съ націонализмомъ, замѣчается сильный интересъ къ національному вопросу

и склонность къ выставленію, на ряду съ прежнимъ требованіемъ самоуправленія на демократическихъ началахъ, также требованія экстерриторіальной автономіи для всѣхъ народовъ, населяющихъ Прибалтійскій край.

* * *

Лучшимъ документомъ для характеристики національныхъ стремленій другого народа, населяющаго этотъ край,—эстовъ—слѣдуетъ считать резолюціи съѣзда представителей эстонскаго народа, состоявшагося въ Юрьевѣ 27—29 ноября 1905 г. Онъ высказался за радикальную демократизацію государственнаго строя Россіи и самоуправленіе Эстляндіи на демократическихъ началахъ, за передачу школъ въ вѣдѣніе органовъ самоуправленія и введеніе преподаванія всѣхъ предметовъ на эстонскомъ языкѣ съ оставленіемъ русскаго языка лишь въ качествѣ предмета преподаванія.

Болѣе подробно, но въ томъ же духѣ, высказываются авторы поданной въ іюлѣ 1905 г. „петиціи эстонцевъ". Они жалуются, что русская школа тормозитъ развитіе грамотности въ средѣ эстонскаго населенія, а суды и органы самоуправленія не удовлетворяютъ потребностей массъ ввиду того, что дѣлопроизводство ведется въ нихъ на непонятномъ для массъ русскомъ языкѣ, а переводчики часто подпадаютъ подъ вліяніе сильной стороны и даже при самыхъ лучшихъ желаніяхъ не въ состояніи точно передать всего того, что говорятъ прибѣгающіе къ суду.

Петиція признаетъ „единство государства, представителемъ и общей и ненарушимой связью котораго съ отдѣльными своими частями долженъ явиться всероссійскій парламентъ", избранный на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого, тайнаго голосованія. „Каждая нація въ нашемъ государствѣ—читаемъ тамъ же дальше—и каждый членъ отдѣльной націи должны обладать равными во всѣхъ отношеніяхъ правами. Каждая нація въ нашемъ государствѣ должна пользоваться неограниченной свободой въ культурномъ, экономическомъ и правовомъ развитіи, такъ чтобы не допускалось ограниченій какихъ бы-то ни было правъ отдѣльной націи".

...Далѣе требуется: „Признаніе права областной автономіи за отдѣльными націями и областями государства, гдѣ народъ признаетъ это необходимымъ. Задачами органовъ областнаго самоуправленія является упорядоченіе мѣстной народной жизни, какъ то: поднятіе сельскаго хозяйства и промышленности, народнаго образованія, улучшеніе условій врачебной помощи и правового положенія, изданіе обязательныхъ постановленій, установленіе мѣстныхъ платежей, вообще забота о мѣстномъ благоустройствѣ безъ вмѣшательства центральнаго правительства во внутреннюю жизнь областной автономіи, кромѣ общаго контроля". Требуется дальше: „объединенія эстляндской и эстской части Лифляндской губерніи въ одну единицу областнаго самоуправленія. Областное самоуправленіе сосредоточить въ 3 инстанціяхъ: 1) всесословная волость; 2)

уѣздное самоуправленіе; 3) общеобластное самоуправленіе... Дѣлопроизводство въ органахъ самоуправленія должно происходить на эстскомъ языкѣ; въ случаѣ надобности надо пользоваться и русскимъ, и нѣмецкимъ языками. Въ рукахъ органовъ самоуправленія сосредоточиваются народное образованіе, суды и полиція. Для народнаго образованія вводится трехстепенная школа: а) начальная, в) средняя, с) высшая. Въ начальной преподаваніе ведется на эстскомъ языкѣ съ обязательнымъ изученіемъ русскаго языка. Въ средней— обязательно преподаваніе эстскаго языка съ литературой и исторіей. Нѣмецкій языкъ—одинъ изъ предметовъ преподаванія. Въ высшей школѣ— преподавательный языкъ—русскій, но необязательныя лекціи могутъ читаться на эстскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Въ высшей школѣ учреждается кафедра эстскаго языка. Начальная школа обязательна и безплатна. Средняя— содержится на средства областнаго самоуправленія и государства; высшая— на счетъ государства".

IV.

Въ гораздо худшихъ условіяхъ, чѣмъ латышская, развивалась украинская національная культура.

Несмотря на то, что малороссійскій языкъ является разговорнымъ языкомъ 27 милліоновъ населенія юга Россіи, Министръ Внутреннихъ дѣлъ Валуевъ воспретилъ въ 1863 г. изданіе книгъ на немъ, заявивъ при этомъ: „не было, нѣтъ и быть не можетъ никакого малороссійскаго языка".

Вполнѣ понятно, поэтому, что подвергались преслѣдованію всякія организаціи, ставящія себѣ задачей хотя бы самую легальную дѣятельность на пользу національнаго развитія Украинцевъ, какъ напр., въ 40 г. г. „Кирилло-Мефодіевское Братство", по дѣлу котораго были подвергнуты тюремному заключенію извѣстные писатели: Н. Костомаровъ, Гулакъ, Кулишъ, Т. Шевченко и другіе.

Наиболѣе характернымъ для выясненія отношеній бюрократіи къ украинскому народу является указъ 1876 г., согласно которому запрещается „печатаніе и изданіе въ имперіи произведеній оригинальныхъ и переводовъ на малороссійскомъ нарѣчіи, за исключеніемъ лишь историческихъ документовъ и произведеній изящной словесности, но съ тѣмъ, чтобы при печатаніи историческихъ памятниковъ безусловно удерживалось правописаніе подлинниковъ, въ произведеніяхъ изящной словесности не было допускаемо никакихъ отступленій отъ общепринятаго русскаго правописанія и чтобы разрѣшеніе на печатаніе произведеній изящной словесности давалось не иначе, какъ по разрѣшенію главнаго управленія по дѣламъ печати"; въ тоже время запрещалось печатанье на малороссійскомъ языкѣ даже „текстовъ для музыкальныхъ нотъ".

Равнымъ образомъ не допускалось открытіе всякаго рода научныхъ обществъ для антропологическаго, экономическаго и этнографическаго изученія края. Въ 1877 г. было запрещено изданіе грамматики малороссійскаго языка.

Политика бюрократіи особенно ярко выступаетъ на примѣрѣ Украины. По даннымъ украинскихъ изданій казна получила дохода съ населенія малороссійскихъ губерній за 10 лѣтъ съ 1882 г. по 1892 г.— 1,428,717,000 рублей, израсходовала же на его нужды—701,588,000 руб.; за 9 лѣтъ съ 1898 по 1906 г. доходъ равняется—3,548,030,000 руб., расходъ—1,881,347 тысячъ руб. Политика эта особенно тяжело отразилась на культурномъ уровнѣ населенія. Такъ, напр., въ 1768 году въ 3 уѣздахъ черниговской губ. было 134 школы, одна школа приходилась на 745 человѣкъ; въ 1875 г. было въ этихъ уѣздахъ лишь 52 школы, на 6,730 чел. каждая. Согласно даннымъ переписи 1897 г. процентъ грамотныхъ въ великорусскихъ губерніяхъ колеблется между 22 и 60, въ малорусскихъ— между 9 и 22.

Но украинцы живутъ не только въ Россіи, но и въ Австріи, гдѣ въ количествѣ 3,075,000 населяютъ Галицію. И вотъ малороссійская культура, придавленная всей тяжестью бюрократическаго режима въ Россіи, стала за то быстро развиваться въ Австріи.

Развитіе капитализма на югѣ Россіи и въ Галиціи разбудило въ народныхъ массахъ этихъ странъ интересъ къ общественной жизни, причемъ духовное развитіе большинства населенія приняло форму борьбы за національную украинскую культуру. Здѣсь ярко проявилась замѣтная въ настоящее время во многихъ странахъ особенность діалектическаго процесса. Въ то время какъ промышленное развитіе сплотило русскую Украину неразрывными узами съ остальной Россіей, вызванное имъ къ жизни развитіе духовной культуры все болѣе выдѣляетъ населеніе этой страны изъ массы населенія всего государства. Правда, въ большихъ городахъ буржуазные и пролетарскіе элементы употребляютъ, большею частью, русскій языкъ. Но капитализмъ, создавъ спросъ на интеллигентный трудъ, содѣйствовалъ появленію значительнаго количества интеллигенціи изъ крестьянской среды, говорящей на малороссійскомъ языкѣ, и эта интелигенція изъ обѣихъ частей Украины взялась за созданіе совмѣстными усиліями культурнаго и политическаго украинскаго центра въ конституціонной Галиціи. Тамъ развивается украинскій литературный языкъ, тамъ развивается изящная украинская литература; втеченіе 30 лѣтъ (съ 1878 по 1908) появляется рядъ талантливыхъ писателей: Ив. Франко, О. Кобылянская, Н. Кобрынская, В. Стефаникъ, Семенюкъ, В. Ярошъ, Крушельницкій, Мартовичъ, Лэпкій, Лыпа и др. Тамъ начинается и научная дѣятельность. Во Львовѣ организуется на деньги, собранныя въ Русской Украинѣ—„Наукове Товариство им. Т. Шев-

ченки"; оно устраиваетъ книгоиздательства, издаетъ органъ—„Литературно-Науковій Вістнікъ". Въ Галиціи и въ Швейцаріи, въ средѣ политической эмиграціи, развивается политическая украинская литература. Тамъ печатаются первыя произведенія М. Драгоманова—народника-федералиста, оказавшаго громаднее вліяніе на развитіе украинской политической мысли. Изданія эти тайно перевозятся и распространяются въ Россіи. Въ Галиціи, по мѣрѣ развитія въ ней общественной жизни, возникаютъ украинскія политическія партіи: народная, радикальная, соціалистическая. Соотвѣтствующія имъ политическія группы образуются и въ Русской Украинѣ. Общеукраинскія народныя празднества—столѣтній юбилей перваго литературнаго украинскаго произведенія —„Енеиды" Котляровскаго въ 1898 г. и юбилей украинскаго композитора Лысенко въ 1903 г.—упрочиваютъ связь между двумя частями Украины.

Въ 1900 г. въ Русской Украинѣ возникаетъ первая въ ней политическая организація—„Украинская Революціонная партія". „Она (интелигенція украинская, сгруппировавшаяся въ У. Р. п.) выставляетъ на своемъ знамени слова: одна, единая, нераздѣльная, свободная, независимая Украина отъ Карпатовъ до Кавказа. Она считаетъ своей задачей служенье этому великому идеалу и не сложитъ оружія, пока чужеземецъ будетъ господствовать хоть на одномъ клочкѣ украинской земли",—такъ излагаетъ свои задачи эта партія въ програмной брошюрѣ „Самостійна Украина". „Украинская Революціонная партія"—это небольшая группа интеллигентовъ изъ разныхъ слоевъ народа; ея програма—это реакція противъ безпрестанныхъ преслѣдованій бюрократіей всего Украинскаго, это—продуктъ того націонализма, который развился на почвѣ этихъ преслѣдованій, продуктъ того недовольства, которое охватило народныя массы. Но уже первыя попытки дѣятельности молодой партіи привели къ ея распаденію. Изъ нея выступила націоналистическая мелкобуржуазная „Украинская Народная партія". Послѣ этого „У. Р. П." приняла соціалистическую окраску и выставила въ своей программѣ требованіе преобразованія государственнаго строя Россіи на демократическихъ и федеративныхъ началахъ съ автономнымъ украинскимъ сеймомъ.

Но дифференціація продолжалась. Въ 1904 г. изъ У. Р. П. выдѣлилась „Соціалдемократическая Спилка"; остатки У. Р. П. приняли названіе У. С.-Д Р. партіи. „Спилка", связанная съ широкими массами сельскаго пролетаріата, составляетъ часть Р. С.-Д. Р. П. и принимаетъ ея программу, согласно которой выставляетъ, между прочимъ, слѣдующія требованія: 1, демократизаціи государственнаго строя Россіи; 2, областнаго самоуправленія Украины и др. [1]) областей Россіи; 3, равноправія національностей и

---

[1]) См. „Листокъ Правды"—Программа Р. С.-Д. Р. П. съ комментаріями „Спилки".

вѣроисповѣданій; 4) права населенія получать въ школахъ образованіе на родномъ языкѣ и пользоваться таковымъ во всѣхъ общественныхъ и государственныхъ учрежденіяхъ; 5) права всѣхъ націй, населяющихъ Россію на самоопредѣленіе [1]).

У. С.-Д. Р. П. требуетъ въ этой области:—вмѣсто областнаго самоуправленія — установленія федеративныхъ отношеній между Украиной и остальной Россіей.

Въ 1903 г. возникаетъ Украинская Демократическая партія, отвѣчающая по своему характеру русской партіи к.-д.; она тоже пропагандируетъ идеалъ федеративныхъ отношеній между Россіей и Украиной. Затѣмъ появляется Украинская радикальная партія съ тождественной программой въ области національнаго вопроса.

Въ теченіе революціонной борьбы 1905 г. во главѣ этой борьбы стоятъ „Спилка" и У. С.-Д. Р. П. На ряду со всеобщими забастовками промышленныхъ рабочихъ развилось сильное крестьянское движеніе: забастовочное въ Подольской, Харьковской, Екатеринославской губерніяхъ, погромное въ Черниговской и Могилевской; бойкотъ помѣщиковъ въ Полтавской губ.

Въ программахъ украинскихъ политическихъ партій аграрный вопросъ занялъ видное мѣсто, такъ какъ громадное большинство украинцевъ—крестьяне. Борьба за отчужденіе казенныхъ и частновладѣльческихъ помѣщичьихъ земель, за отчужденіе земель, принадлежавшихъ русскимъ и полякамъ, въ пользу крестьянъ была вмѣстѣ съ тѣмъ борьбой за украинизацію всей страны, за усиленіе въ ней украинскаго крестьянскаго элемента на счетъ русской бюрократіи и польскихъ и русскихъ помѣщиковъ, за созданіе прочной матеріальной основы для развитія украинской духовной культуры. Поэтому, всѣ партіи заняли радикальную позицію въ области аграрнаго вопроса.

Чѣмъ болѣе развивалось революціонное движеніе, тѣмъ болѣе развивалась украинская политическая мысль, тѣмъ болѣе исчезалъ федералистическій характеръ въ стремленіяхъ разныхъ слоевъ населенія, и стремленія эти принимали форму требованій автономіи или самоуправленія на почвѣ демократизаціи всего государственнаго строя.

Созванный въ концѣ іюня 1905 г. въ Полтавѣ буржуазно-крестьянскими партіями: Демократической, Радикальной и Народной, съѣздъ, названный всеукраинскимъ, принялъ резолюціи слѣдующаго содержанія.

1. Украинцы признаютъ, что миръ и спокойствіе могутъ быть установлены въ Россіи только при участіи всего общества въ законодательной и административной дѣятельности государства и поэтому присоединяются къ теперешней борьбѣ за конституцію на основѣ всеобщаго, равнаго голосованія.

---

[1]) Ibid.

2) Украинцы видятъ свой идеалъ въ установленіи политической автономіи Украины въ предѣлахъ Россійскаго государства и требуютъ созыва законодательнаго сейма въ Кіевѣ съ тѣмъ, чтобы компетенціи центральнаго парламента подлежали только дѣла войны и мира, торговыхъ и всякихъ другихъ трактатовъ, войска, общихъ финансовъ, пошлинъ. 3) На украинской территоріи въ школахъ и присутственныхъ мѣстахъ долженъ быть употребляемъ украинскій языкъ.

Требованія, выставленныя состоявшимся въ томъ же году крестьянскимъ Украинскимъ съѣздомъ, въ общихъ чертахъ идентичны съ предыдущими, но отличаются еще болѣе централистическимъ характеромъ, въ чемъ видно, между прочимъ, вліяніе „Спилки".

Но въ декабрѣ того же года измѣняется и программа У. С.-Д. Р. Партіи. На ея II съѣздѣ вмѣсто прежняго постулата федераціи, выставляется требованіе „автономіи Украины съ областнымъ сеймомъ, компетентнымъ въ тѣхъ дѣлахъ, которыя касаются лишь населенія Украинской территоріи". Въ рядахъ той же партіи, судя по ея печати, находятся приверженцы экстерриторіальной автономіи. Такъ намѣчается формула національнаго самоопредѣленія украинскаго народа. Въ виду того, что въ области экономическихъ отношеній Украина составляетъ нераздѣльную часть Россіи, вѣроятно, вышеуказаннымъ требованіямъ предстоитъ еще измѣненіе въ централистическомъ направленіи, но несомнѣнно одно, что процессъ демократизаціи Россіи долженъ будетъ повести къ гарантіи свободнаго развитія духовной культуры украинскаго народа, такъ какъ наличность и прогрессъ въ развитіи таковой очевиденъ и такъ какъ развитіе общественной самодѣятельности украинскихъ народныхъ массъ не можетъ, поэтому, не вызвать радикальнаго измѣненія государственной политики въ области украинскаго вопроса.

Наряду съ рабочимъ и аграрнымъ движеніемъ въ средѣ украинцевъ сильно развилась борьба за украинизацію школъ. Начавшись въ 1905 г., она продолжалась въ 1906 и 1907 гг. Украинскіе общественные дѣятели, литераторы, учителя, студенты, ученики среднихъ учебныхъ заведеній требуютъ уничтоженія указа 1876 г. и введенія въ низшихъ и среднихъ школахъ украинскаго языка въ качествѣ языка преподаванія, а равно открытія въ университетахъ украинскихъ каѳедръ. Въ февралѣ составляется въ Кіевѣ соотвѣтствующій меморіалъ, подъ которымъ подписываются десятки тысячъ украинцевъ. Въ нѣкоторыхъ училищахъ происходятъ школьныя забастовки. Съ закрытіемъ на годъ университетовъ движеніе это слабѣетъ, но когда осенью 1906 г. они опять открываются, студенты и ученики опять настойчиво выставляютъ свои требованія. Къ нимъ присоединяются учащіеся другихъ національностей и даже профессора. И въ 1907 г. въ Кіевскомъ университетѣ начинаются лекціи по исторіи украинской литературы, но на русскомъ

языкѣ. Въ Харьковскомъ же и Одесскомъ университетахъ, а равно и высшихъ женскихъ курсахъ въ Петербургѣ и Кіевѣ украинская исторія и исторія украинской литературы читались на украинскомъ языкѣ. Но въ 1908 г. всѣ эти лекціи были запрещены.

Начиная съ 1906 г. украинское національное движеніе сосредоточивается вокругъ 1) Государственной Думы и 2) культурной дѣятельности.

Во время выборовъ въ 1-ую Госуд. Думу украинскія партіи не выставляли своихъ кандидатовъ, все же въ 1-ой Думѣ мы уже видимъ украинскій клубъ—„Украинскую Громаду". Таковая существуетъ и во 2-ой Госуд. Думѣ. Въ обѣихъ „Громадахъ" преобладали радикалы. Они примыкали къ группѣ трудовиковъ. Избиратели и во время выборовъ и впослѣдствіи путемъ наказовъ требовали отъ депутатовъ, чтобы они въ Думѣ предъявляли и отстаивали требованіе автономіи Украины. Въ своей декларацiи „Украинская Громада" 2-ой Госуд. Думы писала слѣдующее: „Наша задача добиться автономнаго строя во всей Россіи и освободить нашу Украину изъ рабства.. Оставаясь вѣрными украинской національной идеѣ, которая, не уклоняясь, развивается въ согласіи съ идеями демократизма и прогресса, мы не думаемъ отнюдь уклоняться отъ общихъ политическихъ и экономическихъ стремленій оппозиціонныхъ партій. Рука объ руку съ этими партіями въ Думѣ мы будемъ добиваться политическихъ и гражданскихъ правъ для всѣхъ народовъ россійской имперіи, на началахъ полнаго равенства, безъ различія національности, пола, вѣроисповѣданія; мы будемъ добиваться расширенія правъ народнаго представительства въ области законодательной его дѣятельности, бюджета, и отвѣтственности министерства передъ Думой. Въ области экономической мы выдвигаемъ на первый планъ завоеваніе народомъ земли, съ тѣмъ, чтобы таковой пользовались только тѣ, кто обрабатываетъ ее собственными силами. Съ этой цѣлью мы считаемъ необходимымъ провести въ Думѣ законодательнымъ путемъ принудительное отчужденіе въ краевой фондъ земель государственныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ, церковныхъ, и всѣхъ тѣхъ частновладѣльческихъ, которыя превышаютъ трудовую норму съ тѣмъ, чтобы онѣ были переданы въ уравнительное пользованіе трудовымъ народнымъ массамъ". Въ области рабочаго законодательства „Громада" требуетъ 8 час. рабочаго дня, страхованія рабочихъ и т. д... Когда министерство внесло въ Думу законопроектъ относительно народнаго образованія, „Украинская Громада" предложила къ нему поправки, согласно которымъ: 1) преподаваніе въ школахъ должно вестись на родномъ языкѣ учащихся, 2) полиція не должна вмѣшиваться въ дѣла образованія; 3) должны быть устроены курсы для учителей съ преподаваніемъ въ нихъ: украинскаго языка, литературы, исторіи; 4) преподаваніе украинскаго языка должно

быть введено въ учительскихъ семинаріяхъ; 5) необходимы кафедры украинскаго языка, литературы и исторіи въ университетахъ: кіевскомъ, харьковскомъ, одесскомъ. Согласно вышеизложеннымъ принципамъ, украинскими депутатами былъ выработанъ проектъ автономіи Украины.

Культурная дѣятельность украинцевъ выразилась прежде всего въ организаціи образовательныхъ обществъ „Просвіти". Задачи этихъ обществъ слѣдующія: 1) изданіе книгъ, газетъ, всякаго рода литературы на украинскомъ языкѣ; 2) организація библіотекъ, читаленъ, музеевъ, книжныхъ лавокъ; 3) устройство публичныхъ лекцій, рефератовъ, общеобразовательныхъ курсовъ, концертовъ, школъ, стипендій для учащихся, пріютовъ для дѣтей, конторъ для пріисканія труда, образовательныхъ и филантропическихъ учрежденій; 4) выдача наградъ за лучшія произведенія литературы и науки. Въ теченіе времени съ 1905 по 1907 г. было открыто на Украинѣ 15 такихъ обществъ. Но развитіе ихъ дѣятельности сильно тормозится властями. Такъ, была закрыта Кубанская „Просвіта" съ 15 своими отдѣленіями; Черниговская, благодаря безпрестаннымъ репрессіямъ со стороны властей, сама должна была прекратить свою дѣятельность. Точно также постепенно парализуется дѣятельность Одесской и Подольской „Просвіті". Во многихъ мѣстахъ открытіе „Просвіті" не разрѣшено. Наиболѣе успѣшно развиваются „Просвіті" Кіевская и Каменецъ-Подольская. Кіевская въ теченіе 3 лѣтъ издала 31 книгу, предназначенную для народныхъ массъ, „Каталогъ и указатель для чтенія"; она имѣетъ собственную библіотеку изъ 3000 томовъ; кромѣ того кіевская „Просвіта" устроила много концертовъ, рефератовъ, систематическихъ лекцій на украинскомъ языкѣ и, такимъ образомъ, противодѣйствовала руссификаторской дѣятельности властей и содѣйствовала распространенію украинскаго языка и украинской культуры. Въ Кіевѣ же въ 1906 г. было открыто т. н. „Науково Товариство". Оно устраиваетъ лекціи по украинской исторіи и исторіи украинской литературы; въ 1907 г. оно издало 4 тома своихъ научныхъ трудовъ.

Когда 17 октября 1905 г. были упразднены спеціальныя распоряженія 1876 г. относительно украинскихъ изданій, издательская дѣятельность на этомъ языкѣ начала дѣлать быстрые успѣхи. Въ теченіе 1906 и 1907 г.г. возникло около 30 періодическихъ изданій, большею частью ежедневныхъ газетъ. По крайней мѣрѣ $^2/_3$ этихъ изданій были закрыты властями. Оживленіе обнаружилось и въ развитіи изящной литературы. Появились, наряду съ прежними, произведенія Яцкова, Коцюбинскаго. Возникаетъ группа писателей — „Молодая Муза", къ которой принадлежатъ: Бырчакъ, Чарнецкій, Яцковъ, Карманскій, Лепкій, Луцкій, Олесь, Пачовскій, Твердохлібъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ „Молодая Муза" издала 11 томовъ поэтическихъ произведеній. Въ глубокой грусти, которой проникнуто большинство изъ нихъ, отражается современ-

ный періодъ въ развитіи родины ихъ авторовъ, а въ силѣ чувства, которая является характерной чертой молодыхъ поэтовъ — жизнеспособность молодой украинской культуры. По общему отзыву критики произведенія „Молодой Музы", а особенно, Пачовскаго отличаются замѣчательной красотой формы и музыкальностью языка, указывающей на значительный прогрессъ въ развитіи послѣдняго. Нѣкоторые изъ вышеупомянутыхъ 11 томовъ, какъ напр., „Мы плывемъ по морю тьмы", имѣютъ боевой характеръ. Замѣчательнымъ богатствомъ отличается переводная украинская литература; въ теченіе двухъ лѣтъ появились почти всѣ произведенія Ибсена, Зудермана Шницлера, Мирбо, Метерлинка, Сарду, Гауптмана. Значительный прогрессъ замѣчается и въ украинскомъ театрѣ. Уничтоженіе исключительныхъ предписаній дало сильный толчокъ его развитію. Впервые стала возможной организація украинскихъ труппъ, печатанье афишъ на украинскомъ языкѣ. Появились новыя оригинальныя произведенія, масса переводныхъ, молодые актеры. При музыкально-драматической школѣ Лысенко открыто спеціальное отдѣленіе украинскаго драматическаго искусства. Наряду съ труппой Садовскаго, пользующейся всѣми новыми пріобрѣтеніями украинскаго театра, въ Кіевѣ—этомъ центрѣ украинской культуры—существуетъ драматическое отдѣленіе „Просвіті", и въ деревнѣ—новый крестьянскій театръ, гдѣ играютъ актеры изъ крестьянской среды

Очень успѣшно развиваются на Украинѣ кооперативы, особенно потребительныя общества; въ 1904 г. ихъ было всего въ Кіевской губерніи—3; въ 1905 г. образовалось 11, въ 1906 — 14, а въ 1907 г.—197. Въ концѣ 1908 г. въ Кіевской губерніи было 450 кооперативовъ; въ Подольской—200; изъ числа послѣднихъ 8 обладаютъ капиталомъ отъ 5 до 10 тысячъ рублей. Что кооперативы эти являются однимъ изъ двигателей развитія украинской культуры, это видно и изъ того, что на Кіевскомъ съѣздѣ ихъ представителей въ концѣ 1908 г. дебаты велись на украинскомъ языкѣ, и изъ того, что многіе изъ нихъ выписываютъ украинскія газеты и занимаются продажей украинскихъ изданій.

Таковы данныя о національномъ украинскомъ движеніи въ теченіе 1905—1907 г.г.

* * *

Наряду съ развитіемъ украинской культуры имѣются нѣкоторые признаки національнаго развитія другого русскаго племени—бѣлоруссовъ. Бѣлоруссы составляютъ большинство населенія Сѣверо-Западнаго края, гдѣ ихъ живетъ около 8.000.000. Большинство ихъ говоритъ на языкѣ, который, по мнѣнію профес. Карскаго, имѣетъ данныя для дальнѣйшаго развитія;

языкъ этотъ употребляется почти исключительно въ деревнѣ. Онъ имѣетъ свое прошлое. Въ XV и XVI ст., во время принадлежности Бѣлоруссіи къ Польшѣ, бѣлорусскій языкъ употреблялся въ дѣлопроизводствѣ; на немъ въ XV в. былъ составленъ „Статутъ польскаго короля Казиміра Ягеллона, а въ XVI—„Литовскій статутъ". Но съ XVII ст. онъ все болѣе вытѣсняется польскимъ языкомъ. Въ 1867 г. русская бюрократія воспрещаетъ изданіе произведеній на этомъ языкѣ. Бѣлорусская интеллигенція почти поголовно руссифицируется. Въ городахъ употребляется польскій языкъ, какъ, напр., въ Виленской, Гродненской губ., или русскій—въ остальныхъ. Въ крестьянскихъ массахъ національное сознаніе не развивается: слабое развитіе промышленности, ежегодное производство которой не превышаетъ 70—80 милліон. рублей, не содѣйствуетъ его развитію.

Съ 1905 г. начинаетъ проявляться, правда, очень слабо, бѣлорусское національное движеніе. Первые его піонеры, однако, вышли не изъ среды самихъ бѣлоруссовъ, а изъ среды поляковъ. По инициативѣ учащейся молодежи, главнымъ образомъ, польской, въ періодъ широкаго развитія польскаго національнаго движенія—въ 1896—99 г. г. образуются въ Минскѣ кружки съ цѣлью изученія Бѣлоруссіи и бѣлоруссовъ. Изъ этихъ кружковъ выходятъ организаторы возникшаго въ 1902 г. въ Петербургѣ „Общества бѣлорусскаго народнаго просвѣщенія". Годъ спустя организуется политическая группа—„Бѣлорусская революціонная Громада", вскорѣ принявшая названіе „Бѣлорусской Соціалистической Громады".

Эта группа издаетъ на бѣлорусскомъ языкѣ революціонную литературу для крестьянъ. Это не первая попытка обращенія къ послѣднимъ на бѣлорусскомъ языкѣ; такія попытки дѣлались сначала польскими демократами 30 и 40 г. г. съ цѣлью привлеченія бѣлорусскихъ народныхъ массъ къ борьбѣ за возстановленіе Польши, потомъ въ 70 гг. польскими соціалистами изъ „польско-литовско-бѣлорусской Гмины"; но тогда это были лишь единичные случаи, въ концѣ же 90 г.г. развитіе польскаго національнаго движенія поставило передъ поляками на очередь вопросъ объ отысканіи союзника въ лицѣ бѣлорусскихъ массъ и пробужденіи среди этихъ массъ національнаго сознанія. Поэтому „Громада" въ теченіе 2 лѣтъ дѣйствуетъ энергично. Событія же 1905 г., возбудивъ оживленіе среди народныхъ массъ, создали удобную почву для ея дѣятельности. Правда, всеобщая рабочая забастовка, деревенскія забастовки въ Щирсахъ Новогрудскаго уѣзда, во многихъ мѣстахъ Слуцкаго и Минскаго уѣздовъ, въ Витебской губерніи и крестьянское движеніе, охватившее всю Бѣлоруссію, происходятъ подъ руководствомъ Сѣверо-Западнаго Союза Р. С.-Д. Р. П., но и представители этой организаціи бываютъ вынуждены обращаться къ бѣлорусскимъ крестьянамъ на ихъ разговорномъ языкѣ, а иногда—пользоваться изданіями „Громады". Но эти событія вы-

двигаютъ изъ крестьянской среды контингентъ интеллигенціи, которая въ 1906 г. энергично берется за дѣло развитія національнаго сознанія среди бѣлорусскаго населенія. Въ 1906 г. возникаетъ также „Бѣлорусскій крестьянскій союзъ", а въ 1907 г. собирается въ Вильнѣ съѣздъ учителей бѣлоруссовъ, на которомъ организуется „Бѣлорусскій Учительскій Союзъ". Постепенно среди активныхъ элементовъ населенія намѣчается формула національнаго самоопредѣленія.

До революціи „Громада" пропагандируетъ идеалъ Польско-литовско-бѣлорусской республики. Но по мѣрѣ развитія революціоннаго и въ частности національнаго движенія, она становится на болѣе конкретную почву, и въ 1906 г. на II своемъ съѣздѣ требуетъ: автономіи Бѣлоруссіи, національизаціи школы; культурно-національной автономіи для всѣхъ народностей края.

Тождественную программу принялъ и «Бѣлорусскій крестьянскій союзъ». Съѣздъ бѣлорусскихъ учителей вынесъ слѣдующія резолюціи [1]): «1) Необходимо переустройство дѣла народнаго образованія на широкихъ демократическихъ свободныхъ началахъ, какъ средство поднять гражданское самосознаніе массъ: 2) Обученіе въ школахъ должно вестись на родномъ бѣлорусскомъ языкѣ. 3) Слѣдуетъ добиваться независимости школы и учителей отъ разнаго начальства; съ этой цѣлью сами учителя должны выбирать изъ своей среды комитеты и таковымъ должно подлежать наблюденіе за работой учителей въ школахъ.» Въ теченіе 1906 и 1907 г. крестьянами нѣкоторыхъ деревень края были поданы въ Гос. Думу наказы съ требованіями національной бѣлорусской школы. Дѣлу развитія политическаго сознанія массъ бѣлорусскаго крестьянства значительно содѣйствуютъ издающіяся на бѣлорусскомъ языкѣ газеты: это до 1906 г. „Наша Доля", а со времени закрытія послѣдней—„Наша Нива".

Имѣется и бѣлорусская изящная литература; на ряду съ произведеніями поляка Ф. Богушевича, автора извѣстной „бѣлорусской Дудки", появляются произведенія новыхъ авторовъ: Якова Коласа, талантливаго національнаго поэта—Ивана Купала, крестьянина Минской губерніи и нѣкоторыхъ другихъ поэтовъ и беллетристовъ.

Въ настоящее время трудно еще что либо сказать о возможныхъ перспективахъ развитія бѣлорусскаго національнаго движенія. Во всякомъ случаѣ судьба его можетъ рѣшиться только тогда, когда въ Россіи будутъ созданы условія, благопріятствующія свободному развитію самодѣятельности широкихъ народныхъ массъ. Вопросъ же о созданіи такихъ условій для Бѣлоруссіи выдвинутъ не только вышеуказанными бѣлорусскими организаціями, но организаціями польской интелигенціи и либеральныхъ помѣщиковъ Бѣлоруссіи—„Де-

---

[1]) См. „Наша Нива" 1907 г. № 22.

мократическимъ польскимъ союзомъ Литвы и Бѣлоруссіи", „Польскимъ Союзомъ общественной дѣятельности въ Литвѣ и Бѣлоруссіи" и другими общественными элементами. Введеніе же органовъ земскаго самоуправленія, несмотря на крупные недостатки составленнаго съ этой цѣлью правительственнаго проекта, будетъ первымъ шагомъ въ этомъ направленіи.

V.

На тѣхъ же западныхъ окраинахъ, гдѣ развилось польское, литовское, латышское, украинское національное движеніе, развивается и еврейское. Оно по своему значенію въ политической жизни Россіи занимаетъ, послѣ польскаго, первое мѣсто. Всѣхъ евреевъ въ Россіи около 6.000.000. Большинство ихъ сосредоточено въ городахъ и мѣстечкахъ Сѣверо-Западнаго края.

Руссификаторская политика русской бюрократіи распространилась и на евреевъ. Ея мѣропріятія уже въ первой половинѣ XIX ст. направлены на уничтоженіе еврейской обособленности. Съ этой цѣлью разрушается кагалъ, подчиняются опекѣ правительства общинныя учрежденія и школа. Евреи тогда вносятъ оживленіе въ русскую буржуазную среду, но еще отнюдь не являются ея опасными конкурентами. И вотъ, въ 60 и 70 г.г. имъ разрѣшается селиться по всей Россіи, занимать мѣста гласныхъ, членовъ земскихъ управъ, посѣщать всѣ среднія и высшія учебныя заведенія.

Развитіе торговли и промышленности вызываетъ ростъ еврейскихъ капиталовъ; обладатели послѣднихъ во имя своихъ экономическихъ интересовъ стремятся къ сліянію съ русскимъ элементомъ, къ ассимиляціи.

Идеи „просвѣщенія", охватившія русское интеллигентное общество въ періодъ великихъ реформъ, проникли и въ еврейскую среду. Здѣсь онѣ приняли специфическій характеръ, зависящій отъ экономическихъ интересовъ еврейской буржуазіи и политическаго и гражданскаго положенія евреевъ. Эмансипаціонное движеніе, періодъ т. н. „маскильства", проявляется въ идейной борьбѣ еврейской интеллигенціи за духовное освобожденіе индивидуума, въ борьбѣ съ невѣжествомъ, предразсудками, обособленностью, въ дѣятельности, направленной на пріобщеніе евреевъ къ европейской культурѣ.

Внутренній врагъ—еврейская реакція—считается еврейскими „просвѣтителями", благодаря спеціальнымъ условіямъ момента, опаснѣе внѣшняго—бюрократіи; внутреннее возрожденіе—лучшимъ средствомъ въ борьбѣ за существованіе. Но просвѣтительная литература издавалась на русскомъ и древнееврейскомъ языкѣ. Для народныхъ массъ она была недоступна.

Все-же изъ этого лагеря вышли крупные таланты, сыгравшіе видную роль и въ слѣдующіе періоды культурнаго развитія евреевъ; однимъ изъ самыхъ выдающихся его представителей былъ Абрамовичъ; періодъ еврейскаго

„просвѣщенія“ сильно отразился на творчествѣ Фруга, Спектора, Переца и Шоломъ-Алейхема.

Но вотъ наступаютъ 80 г.г. — періодъ покровительственной системы, обостренія конкуренціи внутри Россіи, узкаго націонализма, господства реакціи.

Уже въ 1881 г. начинается рядъ еврейскихъ погромовъ.

Временныя правила 3 мая 1882 г., правительственныя распоряженія 1886, 1888, 1889, 1890 и 1892 г.г. радикально измѣняютъ положеніе евреевъ въ Россіи; они теряютъ право селиться въ центральныхъ губерніяхъ, доступъ въ общественныя учрежденія; для нихъ ограничивается: доступъ въ учебныя заведенія, пріемъ въ адвокатуру; они массами изгоняются изъ центральныхъ губерній и Сибири и сосредоточиваются въ узкихъ рамкахъ „черты осѣдлости“.

Въ развитіи самосознанія еврейской интеллигенціи замѣчаются нѣкоторые признаки поворота. Правда, значительная часть публицистовъ продолжаютъ прежнюю линію. Но, наряду съ произведеніями, примыкающими по своему характеру къ періоду еврейскаго „просвѣщенія“, появляются новыя, отражающія стремленія еврейской мелкой буржуазіи, которую новый курсъ придавилъ всей своей тяжестью, которая больше всего пострадала отъ погромовъ и ограниченій. Развиваются: 1) націоналистическое теченіе, представляемое г. Дубновымъ, и 2) сіонизмъ. Но и представители новыхъ теченій продолжаютъ пользоваться древнееврейскимъ языкомъ, считая національнымъ этотъ языкъ, чуждый широкимъ массамъ еврейскаго населенія. Уже поэтому связь ихъ съ этими массами была очень ограничена. У сіонистовъ же ихъ несвязанности съ массами содѣйствовала и фантастичность ихъ идеала—переселенія въ Палестину; вопреки ихъ стремленіямъ, усиливающаяся съ каждымъ годомъ эмиграція евреевъ направляется не въ Палестину, а въ Америку.

При такихъ условіяхъ въ началѣ 90 г. въ Литвѣ развивается еврейское рабочее движеніе.

Если у другихъ народовъ Россіи классовая борьба рабочихъ была главнымъ факторомъ національнаго движенія, то у евреевъ, подъ ея вліяніемъ, впервые стала развиваться сама національная культура народныхъ массъ, ихъ языкъ принялъ литературную форму.

Уже въ періодъ „просвѣщенія“ появляются первыя произведенія на такъ называемомъ „жаргонѣ“; на немъ была напечатана „Кляча“ Абрамовича; на немъ пишутъ свои произведенія Берко изъ Бродовъ, Эльокумъ изъ Вильны, Гольдфаденъ; уже въ 80 гг. появляется еврейскій театръ и двѣ газеты.

И уже въ іюлѣ 1880 г. одинъ еврейскій публицистъ пишетъ слѣдующее: „По языку ихъ (евреевъ. К. З.) можно раздѣлить на 3 группы: 1) евреевъ, населяющихъ южныя и юго-западныя губерніи Россіи и Галицію..., 2) евреевъ сѣверо-западныхъ—литовскихъ и бѣлорусскихъ губерній и 3) евреевъ Пра-

вислянскаго края... Но эти всѣ „жаргоны", имѣя въ основаніи своемъ древне-нѣмецкій языкъ, въ который потомъ вошли слова украинскія, бѣлорусскія, великорусскія, вовсе не такъ рѣзко отличаются одинъ отъ другого, какъ нѣкоторые думаютъ; уроженецъ Литвы, напримѣръ, безъ особеннаго труда объясняется съ волынскимъ евреемъ, такъ какъ главное различіе между этими нарѣчіями заключается только въ произношеніи. Что касается не-нѣмецкихъ элементовъ, то они, особенно въ связной рѣчи, могутъ быть легко понимаемы, и, во всякомъ случаѣ, не мѣшаютъ пониманію общей мысли, какъ это вообще бываетъ при чтеніи переводныхъ книгъ, усѣянныхъ варваризмами".

Но литература на народномъ еврейскомъ языкѣ вплоть до 90 гг. развивается очень слабо; движеніе, начавшееся въ концѣ 70 гг., почти совершенно прекращается.

И только когда развитіе капитализма въ Литвѣ даетъ толчекъ развитію тамъ еврейскаго рабочаго движенія, непосредственнымъ слѣдствіемъ этого движенія является развитіе еврейской культуры, въ частности—еврейскаго народнаго языка. Сначала появляется нелегальная соціалдемократическая литература. Съ громаднымъ трудомъ соціалдемократы литераторы создаютъ научную терминологію. И вотъ появляются на еврейскомъ языкѣ: „Эрфуртская программа" Каутскаго, произведенія Маркса, Лассаля, книжки по естественнымъ наукамъ.

Развивается изящная литература; выходятъ произведенія Переца, Шолома Аша, Пинскаго, и др.

Образовавшійся еще въ 1897 г. еврейскій рабочій союзъ „Бундъ" обнимаетъ значительный % еврейскихъ рабочихъ не только мелкаго производства, но и фабричной промышленности Бѣлостока, Лодзи, Варшавы.

Онъ первый дѣлаетъ попытку намѣтить формулу національнаго самоопредѣленія еврейскаго народа въ резолюціяхъ своихъ съѣздовъ: IV, V, VI и VII.

Политическія требованія „Бунда" отражаютъ въ себѣ объективныя условія развитія еврейскаго народа.

Еврейскій народъ не имѣетъ территоріи. На ряду съ Литвой, гдѣ сосредоточивается большинство еврейскаго населенія, послѣднее разсѣяно по всей Россіи, гдѣ только разрѣшено ему жить, въ количествѣ 1.700,000 населяетъ Польшу, живетъ въ Западной Европѣ и Америкѣ.

Въ Литвѣ оно сильно перемѣшано съ другими націями. И „Бундъ", находя необходимымъ выставить требованіе созданія особыхъ учрежденій, юридически гарантирующихъ свободу развитія еврейской національной культуры, становится на точку зрѣнія Р. Шпрингера, Отто Бауэра, Л. Кржижицкаго. Примѣняя ихъ теорію экстерриторіальной автономіи къ условіямъ своего народа, „Бундъ" уже на своемъ IV съѣздѣ, въ слѣдующихъ, очень осторожныхъ, выраженіяхъ формулируетъ свою позицію въ области еврейскаго вопроса:

*

„Съѣздъ признаетъ, что государство, подобное Россіи, состоящее изъ множества національностей, должно преобразоваться въ федерацію національностей съ полной національной автономіей каждой изъ нихъ, независимо отъ обитаемой ею территоріи. Съѣздъ признаетъ, что понятіе національность примѣнимо и къ еврейскому народу. Считая однако преждевременнымъ выставленіе при современныхъ условіяхъ требованія національной автономіи для евреевъ, съѣздъ находитъ въ настоящее время достаточнымъ бороться за отмѣну всѣхъ исключительныхъ законовъ противъ евреевъ, отмѣчать и протестовать противъ угнетенія еврейской національности, избѣгая раздуванья національнаго чувства, могущаго лишь затуманить классовое сознаніе пролетаріата и ведущаго къ шовинизму".

Выступивъ первый въ защиту широкихъ массъ еврейскаго народа отъ національнаго гнета, „Бундъ" тѣмъ болѣе сильное вліяніе получилъ на эти массы.

Естественно поэтому, что борьба еврейскихъ рабочихъ вообще и въ частности дѣятельность „Бунда" была главной движущей силой еврейскаго національнаго движенія Россіи въ 1905 году.

Вслѣдъ за выступленіемъ петербургскихъ рабочихъ, Ц. К. „Бунда" распространяетъ въ Литвѣ, Польшѣ и на югѣ свое воззваніе, призывая въ немъ еврейскій пролетаріатъ къ открытой революціонной борьбѣ и выставляя въ немъ, между прочимъ, слѣдующія требованія: 1) созыва учредительнаго собранія народныхъ представителей, избранныхъ всей страной — мужчинами и женщинами безъ различія религіи и національности, на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права; 2) равныхъ гражданскихъ и политическихъ правъ для всѣхъ національностей Россіи. Права культурнаго развитія для каждой національности: права получать образованіе и говорить во всѣхъ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ на родномъ языкѣ". Воззванія аналогичнаго содержанія были распространены и мѣстными комитетами „Бунда".

На призывъ откликнулись еврейскія массы какъ фабричныхъ городовъ, такъ и маленькихъ мѣстечекъ. Особенно интенсивно было движеніе въ Сѣверо-Западномъ краѣ; тамъ организаціи „Бунда" сдѣлались очагомъ революціоннаго движенія во многихъ деревняхъ. Во имя вышеуказанныхъ лозунговъ еврейскія рабочія массы выступали и въ октябрѣ, и декабрѣ 1905 г. Причемъ, конечно, надо имѣть въ виду, что и въ еврейской средѣ лишь меньшинство, правда, болѣе многочисленное, чѣмъ въ средѣ другихъ народовъ, вполнѣ сознавало политическія задачи рабочаго класса. Еврейское рабочее движеніе уже въ январѣ оказало сильное воздѣйствіе на еврейскіе буржуазные элементы. Когда интеллигенція и буржуазія созывали митинги, рабочіе съ бундовскими агитаторами во главѣ являлись туда и противопоста-

вляли свою революціонную программу расплывчатымъ, туманнымъ рѣчамъ еврейскихъ либераловъ; этимъ они дали толчекъ сплоченію еврейскихъ буржуазныхъ элементовъ для защиты національныхъ интересовъ еврейства.

Къ наиболѣе крупнымъ выступленіямъ этихъ элементовъ относится бывшій въ концѣ марта 1905 г. въ Вильнѣ съѣздъ еврейскихъ общественныхъ дѣятелей, учредившій „Союзъ для достиженія полноправія еврейскаго народа въ Россіи". Союзъ этотъ въ области общеполитическихъ вопросовъ приближался по своей позиціи къ к.-д. Въ области еврейскаго вопроса съѣздъ формулировалъ свои требованія слѣдующимъ образомъ: „Свобода національно-культурнаго самоопредѣленія во всѣхъ его проявленіяхъ, въ частности выражающаяся въ самой широкой автономіи общинъ, свободѣ языка и школьнаго обученія".

Въ резолюціяхъ состоявшагося въ ноябрѣ т. г. II съѣзда „Союза достиженія полноправія евреевъ въ Россіи" читаемъ: „Въ цѣляхъ осуществленія во всей полнотѣ гражданскихъ, политическихъ и національныхъ правъ еврейскаго народа въ Россіи, безотлагательно приступить къ созыву на началахъ всеобщаго etc. избирательнаго права—всероссійскаго еврейскаго національнаго собранія для установленія, согласно волѣ всего еврейскаго населенія, формъ и принциповъ его національнаго самоопредѣленія и основъ внутренней его организаціи".

Характеръ приведенныхъ нами резолюцій указываетъ на то, что въ вопросѣ о національномъ самоопредѣленіи и еврейскіе буржуазные элементы пошли по пути, указанному „Бундомъ", но, конечно, ихъ требованія носили, не могли не носить отпечатка, вытекающаго изъ ихъ классовыхъ интересовъ: эти требованія половинчаты, изъ ихъ содержанія видно, что они составлены въ разгаръ борьбы, подъ давленіемъ жизни, а не на основаніи анализа конкретной обстановки евреевъ, изъ нихъ видно недовѣріе авторовъ къ россійскому революціонному движенію.

Но они обнаруживаютъ также отказъ еврейской буржуазіи и отъ ассимиляціонныхъ идей, и отъ сіонизма въ его прежней формѣ.

Болѣе умѣренны, но въ то же время и болѣе опредѣленны требованія, предъявленныя правительству представителями различныхъ еврейскихъ обществъ. Такъ, напр., въ запискѣ, поданной 24 февраля предсѣдателю комитета министровъ, представители 32 еврейскихъ общинъ жалуются: 1) на отстраненіе евреевъ отъ участія по выборамъ въ органахъ самоуправленія; 2) на ограниченіе ихъ правъ въ выборѣ управленій учреждаемыхъ ими ссудосберегательныхъ обществъ; 3) на тѣ печальныя послѣдствія, которыя ведетъ за собой заключеніе евреевъ въ чертѣ осѣдлости; при этомъ они указываютъ, что ограниченіе ихъ правъ ставитъ ихъ въ глазахъ массъ христіанскаго населенія внѣ закона, подготовляетъ почву для всякихъ, чинимыхъ надъ

ними, беззаконій и насилій; 4) на недопущеніе ихъ въ учебныя заведенія и т. д. Въ виду этого представители еврейскихъ общинъ требуютъ отмѣны всѣхъ исключительныхъ положеній противъ евреевъ.

Особенною ясностью отличается „Докладная записка Могилевскаго Общества Взаимнаго Кредита", составленная, главнымъ образомъ, представителями еврейской буржуазіи. Въ ней требуется: 1) равноправіе всѣхъ гражданъ безъ различія сословія, національности, вѣроисповѣданія, имущественнаго положенія, съ отмѣною всѣхъ ограничительныхъ законовъ, распоряженій и циркуляровъ, касающихся евреевъ и поляковъ; 2) обезпеченіе всѣмъ и каждому низшаго элементарнаго образованія и упорядоченія средняго и высшаго съ тѣмъ, чтобы всякія тенденціи и соображенія политическаго характера были разъ навсегда изгнаны изъ школъ; 3) академическая свобода; 4) отдѣленіе суда отъ администраціи и обезпеченіе судебной независимости; 5) личная и имущественная неприкосновенность; 6) неприкосновенность жилищъ; 7) свобода стачекъ, союзовъ, собраній, печати, совѣсти; 8) широкое и независимое земское и городское самоуправленіе, обнимающее всѣ отрасли мѣстной жизни, и все населеніе безъ различія національности, религіи, сословія; 9) народное представительство на началахъ всеобщаго, прямого, тайнаго избирательнаго права, и участіе всего народа въ лицѣ свободно избранныхъ его представителей въ законодательствѣ, разсмотрѣніи и утвержденіи бюджета и контролѣ за его исполненіемъ подъ верховнымъ руководствомъ Монарха".

Вскорѣ начинается борьба за равноправіе евреевъ въ органахъ мѣстнаго самоуправленія. Массы еврейскаго городского населенія подаютъ въ городскія думы заявленія, въ которыхъ протестуютъ противъ положенія, созданнаго закономъ 1892 г., лишившимъ евреевъ активныхъ и пассивныхъ избирательныхъ правъ. „Мы не можемъ—пишутъ они большею частью,—считать такой порядокъ нормальнымъ. Мы отказываемся признавать навязанныхъ намъ евреевъ-гласныхъ выразителями нуждъ еврейскаго населенія и открыто заявляемъ, что въ глазахъ евреевъ они являются самозванными представителями; да и сами гласные, если они уважаютъ себя, не должны соглашаться участвовать въ думѣ по назначенію и представлять населеніе, которое ихъ не избрало. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы считаемъ своимъ долгомъ заявить, что отказываемся считать настоящую думу дѣйствительнымъ органомъ самоуправленія, истинной выразительницей интересовъ всего населенія. Сама дума не можетъ и не въ правѣ считать себя представительницей города, выразительницей разнородныхъ его нуждъ, разъ въ ней не представлены интересы всего населенія, разъ она не избрана всѣми жителями безъ различія національности. Заявить объ этомъ во всеуслышаніе—ея нравственная обязанность".

Въ громадномъ большинствѣ городовъ черты осѣдлости евреи-гласные пошли за голосомъ населенія и отказались отъ исполненія своихъ обязанностей,

заявивъ, что они считаютъ возможнымъ таковое, только будучи избраны населеніемъ. Точно такимъ же образомъ поступили евреи-промышленники на собраніяхъ многихъ биржевыхъ комитетовъ. Въ большинствѣ случаевъ гласные-христіане въ городскихъ думахъ Сѣверо-Западнаго края въ отвѣтъ на заявленія гласныхъ-евреевъ предъявили требованіе уравненія евреевъ въ правахъ съ остальнымъ населеніемъ. Мѣстами же отказывались сами отъ исполненія своихъ обязанностей. Въ Минскѣ 26 мая учредители лѣсной биржи — помѣщики и финансисты заявили, послѣ ухода лѣсопромышленниковъ-евреевъ, что дѣятельность биржи безъ евреевъ, въ рукахъ коихъ сосредоточена вся лѣсная торговля края, сведется къ нулю.

Одновременно происходило движеніе среди учащейся молодежи. Въ Царствѣ Польскомъ еврейская молодежь приняла дѣятельное участіе въ школьной забастовкѣ; въ Литвѣ выставила собственныя требованія. Воспитанники Виленскаго еврейскаго учительскаго института потребовали: 1) „немедленнаго прекращенія войны и созыва учредительнаго собранія, избраннаго на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого голосованія; 2) національной свободы; 3) свободы слова, собраній, союзовъ; свободы совѣсти; 4) равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ, безъ различія расы, національности, пола, вѣроисповѣданія; 5) неприкосновенности личности и жилища; 6) всеобщаго свободнаго даровому обученія въ духѣ международнаго братства".

Въ разгарѣ борьбы, охватившей широкія массы еврейскаго населенія, возникъ цѣлый рядъ мелкобуржуазныхъ, интеллигентскихъ и буржуазныхъ еврейскихъ политическихъ группъ и партій; изъ нихъ нѣкоторыя выступаютъ подъ флагомъ соціализма; таковы: 1) „Пойаля-ціонъ"—партія рабочихъ сіонистовъ, образовавшаяся еще въ 1900 г., но только въ 1905 г. проявившая свою политическую дѣятельность; 2) „сіонистско соціалистическая рабочая партія" (с.—с.) и 3) „еврейская соціалистическая рабочая партія" (п.-с.).

Три вышеназванныя партіи выражаютъ стремленія еврейской революціонной интелигенціи и мелкой буржуазіи, не освободившейся еще отъ сіонистскихъ фантазій. Ихъ дальнѣйшій политическій идеалъ—свободная еврейская территорія: для П. Ц. это—Палестина.

С.-С. старается оправдать этотъ свой идеалъ съ точки зрѣнія марксизма, но, не смотря на частое повтореніе ихъ теоретиками словъ „діалектика", „діалектическій", ихъ методъ въ общемъ отличается прямолинейностью и ихъ міровоззрѣніе, если можетъ быть рѣчь о таковомъ, можетъ быть названо развѣ „метафизическимъ марксизмомъ". Только на еврейской территоріи с.-с. всѣхъ категорій считаютъ возможнымъ развитіе классовой борьбы и осуществленіе соціализма, только это средство является по ихъ мнѣнію цѣлесообразнымъ въ борьбѣ за національное освобожденіе евреевъ.

„Въ странахъ діаспорры—по мнѣнію с.-с. р. п.—еврейскій пролетаріатъ

можетъ и долженъ выставить только общедемократическія требованія"; всякія же спеціальныя національныя требованія они отрицаютъ.

Наоборотъ, „еврейская соціалистическая рабочая партія", раздѣляя дальнѣйшій идеалъ с.-с., въ настоящій историческій моментъ выставляютъ требованіе „національной автономіи" евреевъ, путемъ созыва политическаго сейма еврейскаго народа съ широкими законодательными функціями во всѣхъ сферахъ общественной жизни. Лозунгъ „сеймовцевъ" черезъ національный сеймъ въ Россіи къ территоріальной самостоятельности въ будущемъ. Хотя „сеймовцы" крайне отрицательно относятся къ программѣ „Бунда", все же нельзя не признать, что въ ихъ программѣ виденъ отпечатокъ объективной обстановки еврейскаго народа,—наиболѣе полнымъ отраженіемъ которой должна быть признана бундовская программа,—независимо отъ того, считаемъ ли мы возможнымъ или нѣтъ ея осуществленіе, что программа „сеймовцевъ", это—одинъ изъ этаповъ по пути отъ сіонизма къ „экстерриторіализму".

Гораздо важнѣе появленія сіонистско-соціалистическихъ группъ образованіе въ началѣ 1905 г. выше охарактеризованнаго нами „Союза достиженія полноправія евреевъ въ Россіи", какъ массовой буржуазно-демократической партіи, и эволюція въ лагерѣ сіонистовъ. Послѣдняя ярко обнаружилась въ резолюціяхъ III-Гельсингфорскаго съѣзда русскихъ сіонистовъ, состоявшагося въ концѣ слѣдующаго 1906 г. На этомъ съѣздѣ сіонисты санкціонировали стремленіе еврейскихъ массъ къ политической свободѣ въ діаспоррѣ, фактически признавъ путь, указанный рабочимъ движеніемъ, цѣлесообразнымъ въ дѣлѣ освобожденія евреевъ. Политическія требованія, выставленныя ими въ Гельсингфорсѣ, слѣдующія: 1) демократизація государственнаго устройства на началахъ строгаго парламентаризма, политической свободы, автономіи національныхъ областей и гарантіи правъ національнаго меньшинства; 2) полная, безусловная равноправность еврейскаго населенія; 3) обезпеченіе представительства меньшинства на выборахъ государственныхъ, областныхъ, мѣстныхъ; 4) признанія еврейской національности, какъ единаго цѣлаго съ правами самоуправленія во всѣхъ дѣлахъ національнаго быта; 5) созывъ всероссійскаго еврейскаго національнаго собранія для выработки основъ внутренней организаціи; 6) права національнаго и свободнаго языка въ школѣ, судѣ и публичной жизни.

Насколько отрезвляюще подѣйствовала революція на сіонистовъ, насколько прочна позиція, занятая ими въ Гельсингфорсѣ, это лучше всего доказывается тѣми соображеніями, что: 1) Гельсингфорскій съѣздъ состоялся послѣ года, особенно тяжелаго въ жизни евреевъ въ Россіи; 2) резолюціи его подтверждены IV съѣздомъ сіонистовъ въ Гаагѣ, въ августѣ 1907 г.

Раньше, чѣмъ перейти къ характеристикѣ еврейскаго движенія въ думскій періодъ, слѣдуетъ отмѣтить, что не только „Бундъ" бойкотировалъ т. н. Булыгинскую Думу, но и еврейская буржуазія во многихъ мѣстахъ отнеслась къ ней отрицательно.

Въ октябрѣ 1905 г. начинается волна погромовъ.

Контръ-революція направляетъ первую свою стрѣлу въ грудь еврейскаго народа. Въ теченіе времени отъ октября 1905 г. по октябрь 1906 г. во время погромовъ было: убито—1,002 еврея [1]); ранено 1,918; овдовѣло—386; осиротѣло дѣтей—1,641; потерпѣло убытокъ—201,000; приблизительная сумма убытка—62,700,000 рублей. При этомъ надо замѣтить, что значительная часть пострадавшихъ, особенно изъ рубрики раненыхъ, не была зарегистрироована, такъ что приведенныя здѣсь цифры даютъ не полную картину бѣдствій, обрушившихся на евреевъ въ теченіи 1906 г.

Еврейское національное движеніе, какъ и движенія въ средѣ другихъ національностей, проявилось въ теченіи 1906 и 1907 г. въ : 1) воздѣйствіи на Госуд. Думу, 2) культурной дѣятельности. Еврейскимъ представителямъ въ Думѣ пришлось начать борьбу за права еврейскаго народа съ самыхъ элементарныхъ требованій въ его пользу.

Къ сожалѣнію, благодаря характеру избирательныхъ законовъ 11 Декабря 1905 г. и тѣмъ болѣе 3 Іюня 1907 г., въ Думу не прошелъ ни одинъ представитель еврейскаго пролетаріата, поэтому дѣятельность еврейскихъ депутатовъ часто отличалась нерѣшительностью, характеризующей всѣ буржуазные элементы въ переживаемый нынѣ Россіею періодъ капиталистическаго развитія. Въ 1-ой Думѣ 12 еврейскихъ депутатовъ составили группу, имѣвшую характеръ совѣщательнаго собранія по вопросу о борьбѣ за полноправіе евреевъ. Депутатъ Винаверъ выступилъ съ протестомъ въ самой рѣшительной формѣ по поводу того, что въ правительственной декларацiи не было упомянуто о гражданскомъ равноправіи евреевъ. Не менѣе рѣшительно еврейскіе депутаты, наряду съ русскими, заклеймили политику бюрократіи во время дебатовъ по поводу Бѣлостокскаго погрома. Но это далеко не все, что они могли сдѣлать. Тоже самое можно сказать и о Думѣ двухъ слѣдующихъ созывовъ, хотя депутатъ Ниселовичъ дѣлалъ все, что могъ дѣлать человѣкъ его убѣжденій въ дѣлѣ защиты интересовъ еврейскаго народа.

Говоря о еврейскомъ національномъ движеніи въ думскій періодъ, слѣдуетъ отмѣтить дальнѣйшую эволюцію еврейской политической мысли.

Начнемъ съ „Бунда".

На своемъ VI съѣздѣ, происходившемъ въ декабрѣ 1905 г., онъ развиваетъ свое отношеніе къ національному вопросу вообще, къ еврейскому—въ частности.

— „Въ виду того—читаемъ мы во вступительной части резолюцій,—

---

[1]) По губерніямъ и городамъ это число распредѣляется слѣдующимъ образомъ: Херсонская—371; Бессарабія—110; Таврическая—53; подольская—31; Екатеринославъ—131; Бѣлостокъ—81; Сѣдлецъ—32; Минскъ—49; Могилевъ—31; Кіевъ—31 Черниговъ—23; Полтава—18; Витебскъ—12; Ростовъ на Дону—16; Тальзенъ—8; Гомель—5.

что національное угнетеніе во всѣхъ его формахъ самымъ вреднымъ образомъ отражается на интересахъ освободительной борьбы всего пролетаріата даннаго государства, затемняя его классовое сознаніе, а на рабочій классъ угнетенной націи падаетъ всей своею тяжестью, задерживая развитіе его силъ во всѣхъ областяхъ жизни и искажая его классовую борьбу,—с.-д. обязана бороться противъ всякаго національнаго гнета, какъ прямого, такъ и косвеннаго, и считаясь съ тѣмъ, что лишь соціализмъ, уничтоживъ въ корнѣ всѣ формы классоваго господства, принесетъ съ собой полное освобожденіе отъ всякаго національнаго гнета,—должна въ предѣлахъ капиталистическаго строя стремиться къ завоеванію возможнаго въ буржуазномъ обществѣ максимума гарантій противъ національныхъ конфликтовъ".

Далѣе съѣздъ требуетъ: 1) „полнаго гражданскаго и политическаго равноправія евреевъ; 2) обезпеченной закономъ для еврейскаго населенія возможности употребленія родного языка въ сношеніяхъ съ судомъ, государственными учрежденіями и органами мѣстнаго и областнаго самоуправленія; 3) изъятія изъ вѣдѣнія государства и органовъ мѣстнаго и областнаго самоуправленія функцій, связанныхъ съ вопросами культуры (народнаго образованія и пр.) и передача ихъ націи въ лицѣ особыхъ учрежденій—мѣстныхъ и центральныхъ, избираемыхъ всѣми ея членами на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго, тайнаго голосованія.—*Примѣчаніе*: Нац.-культ. автономія не исключаетъ права государства установить нѣкоторыя обязательныя нормы по вопросамъ, общимъ всѣмъ населяющимъ Россію національностямъ, какъ-то: обязательность начальнаго образованія, свѣтскій характеръ обученія, и пр. и права контроля за соблюденіемъ этихъ нормъ".—

Наконецъ, въ виду того, что Россійское государство состоитъ изъ областей крайне разнородныхъ по своему характеру, съѣздъ призналъ необходимость надѣленія этихъ областей территоріальной автономіей для обслуживанья нуждъ края, но въ то же время пришелъ къ заключенію, что „лозунгъ отдѣльныхъ учредительныхъ собраній не отвѣчаетъ интересамъ пролетаріата и революціи", и что единственной прочной гарантіей переустройства государственнаго порядка Россіи на вышеуказанныхъ началахъ,—является созывъ единаго всероссійскаго учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго etc... голосованія и равноправія всѣхъ гражданъ.

Уже послѣ VII съѣзда въ средѣ „Бунда" поднятъ вопросъ о дѣятельности въ еврейской общинѣ съ цѣлью использовать ее въ дѣлѣ расширенія національныхъ правъ евреевъ и развитія классовой борьбы пролетаріата.

Въ то время, какъ пролетарская организація—„Бундъ" сохранилъ свою цѣльность и вліяніе на массы, въ средѣ единственной крупной политической организаціи еврейской буржуазіи—„Союза достиженія полноправія евреевъ въ Россіи"—начался процессъ дифференціаціи. Это объясняется тѣмъ,

что онъ былъ не столько политической партіей въ обыденномъ значеніи этого слова, сколько блокомъ всѣхъ буржуазно-демократическихъ элементовъ еврейства. Въ началѣ 1907 года изъ него выступила „Народная еврейская группа", признающая сіонизмъ крайне вреднымъ теченіемъ и находящая невозможнымъ дѣятельность въ рядахъ одной организаціи съ сіонистами, даже послѣ той эволюціи, которая произошла въ ихъ программѣ вточеніе 1905—1907 г.г. Основнымъ ея требованіемъ въ области еврейскаго національнаго вопроса является расширеніе правъ и демократизація еврейской общины, въ частности надѣленіе ея широкими правами въ области школьнаго дѣла: правомъ свободнаго открытія школъ и выбора въ нихъ языка преподаванія; правомъ на возмѣщеніе изъ государственнаго, областнаго, муниципальнаго бюджета расходовъ на тѣ національно-общинныя школы, объемъ преподаванія въ которыхъ соотвѣтствуетъ нормальной программѣ обязательнаго обученія.

Въ концѣ 1906 г. образовалась другая буржуазно-демократическая организація—еврейская народная партія (Volks partei). По своей политической и національной программѣ она приближается къ „Бунду", сохраняя свой буржуазный характеръ. Она выставляетъ требованія [1]): 1) демократизаціи народнаго представительства; 2) полнаго осуществленія гражданскихъ и политическихъ свободъ; 3) гарантіи демократическимъ государственнымъ представительствомъ всѣмъ народамъ свободы національнаго самоопредѣленія; 4) автономіи областей и національностей; 5) прочной гарантіи парламентомъ автономіи національныхъ меньшинствъ; 6) созыва особыхъ областныхъ и національныхъ учредительныхъ собраній для опредѣленія внутренней организаціи областей и народовъ; 7) созыва еврейскихъ національныхъ учредительныхъ собраній; 8) органомъ еврейскаго самоуправленія должна быть община, преобразованная на демократическихъ началахъ; для объединенія ихъ дѣятельности—союзъ общинъ съ періодическими съѣздами ихъ представителей и исполнительнымъ комитетомъ; 9) органы еврейскаго самоуправленія получаютъ права юридическихъ лицъ, между прочимъ, право спеціальнаго обложенія еврейскаго населенія; 10) права ихъ въ частности состоятъ въ: a) распоряженіи народнымъ просвѣщеніемъ; b) завѣдываніи дѣлами взаимной и трудовой помощи; c) руководствѣ переселеніемъ; d) вѣдѣніи дѣлъ благотворительности; 11) полнаго равноправія евреевъ; 12) права пользоваться народнымъ языкомъ въ школахъ и государственныхъ и обществ. учрежденіяхъ; 13) отчисленія изъ государственнаго бюджета суммъ на начальныя школы съ преподаваніемъ на еврейскомъ языкѣ.

Культурная дѣятельность общественныхъ элементовъ еврейскаго народа проявилась въ организаціи кооперативовъ,—главнымъ образомъ,—кредитныхъ

---

[1]) Программу передаемъ въ краткомъ изложеніи; обозначеніе пунктовъ—наше.

товариществъ, и образовательныхъ обществъ. Развитію первыхъ былъ данъ сильный толчекъ отмѣной въ 1905 г. закона, предписывающаго введеніе христіанъ въ количествѣ $^2/_3$ въ составъ управленій еврейскихъ кооперативовъ; въ виду этого въ теченіи одного 1906 г. было открыто свыше 100 еврейскихъ кредитныхъ товариществъ. Изъ еврейскихъ образовательныхъ обществъ особенно успѣшно дѣйствуетъ Общество распространенія просвѣщенія среди евреевъ.

Сильнѣе всего проявилось еврейское національное движеніе въ разсматриваемый нами періодъ въ развитіи языка, публицистики, изящной литературы, научной литературы, театра. Уже въ 80 г.г. критика отмѣтила незначительность различій въ „жаргонѣ" южномъ, польскомъ и литовскомъ. По мнѣнію знатоковъ еврейскаго языка различія эти въ настоящее время проявляются лишь въ произношеніи, а не въ начертаніи словъ. Насколько они незначительны, указываетъ фактъ широкаго распространенія изданій виленскаго книгоиздательства „Die Welt" въ разныхъ странахъ, населенныхъ евреями; такъ, напр., изъ отчета Лембергскаго еврейскаго органа „Socialdemocrat" видно, что въ Галиціи въ теченіи двухъ лѣтъ изданія эти разошлись въ количествѣ 6.000 экземпляровъ.

Не меньшимъ доказательствомъ того же служитъ широкое распространеніе еврейской періодической печати; сильный ростъ ея указываетъ и на культурное и политическое развитіе еврейскихъ массъ, и на развитіе языка. Когда въ январѣ 1906 г. въ Вильнѣ стала издаваться на „жаргонѣ" марксистская ежедневная газета „der Wecker", она расходилась въ 100.000 экземплярахъ; „der Fraind" насчитываетъ 30.000 подписчиковъ; другая ежедневная газета—„der Haind"—50.000. На ряду съ этими наиболѣе распространенными газетами появилась масса ежедневныхъ, еженедѣльныхъ, ежемѣсячныхъ изданій; какъ то—1) ежедневныя: „der Telegraf", „der Weg", „der Vorwaerts", „die Unsere Leben", „die neue Welt"; 2) еженедѣльники: „der Neuer Weg", „die judische Volksstimme", „die Zeit", „die Romanzeitung", „der Straal", „die freie Wort"; 3) ежемѣсячные журналы: „Die literarische Monatsschriften", „Leben und Wissenschaft", „Europeische Literatur", „Kunst und Leben", „der judische Emigrant"; 4) непеpіодическіе альманахи, сборники, журналы, какъ-то: „Die Neue Zeit", „der Straal", „Zeitfragen", „der judischer Arbeiter", „das proletarische Gedank". Нѣкоторыя изъ этихъ изданій были закрыты, но большинство, а между ними „der Fraind" и „der Haind" существуютъ до сихъ поръ.

Развитіе публицистики вызвало къ жизни много новыхъ литературныхъ силъ, какъ то Литвакъ, Ольчинъ, Эстеръ, Б—скій, Либманъ, Нѣмавскій и др. Многіе старые литераторы, писавшіе раньше на русскомъ и древнееврейскомъ, начинаютъ писать на народномъ еврейскомъ языкѣ, какъ, напр.,

Ан-скій, Ратнеръ, Пасманикъ, Лещинскій, Боруховъ. На этомъ языкѣ появляются изданія сіонистовъ, относившихся къ нему раньше крайне отрицательно; таковы: „das judische Volk", „die Zeit", „der Straal", „das Wochenblatt" и др. Книжки публицистическаго характера, какъ напр., недавно вышедшая книга Эстеръ „Къ вопросу объ еврейской школѣ" расходятся очень быстро—въ теченіе 3 мѣсяцевъ выходятъ два изданія этой книжки. Растетъ научная литература; выходятъ на евр. народн. языкѣ: Дубнова „Исторія еврейскаго народа", Лещинскаго „Еврейскій рабочій въ Россіи", „Евр. рабочій въ Лондонѣ", Житловскаго „Исторія философіи"—2 т., его же—„Національный вопросъ".

Собравшаяся въ Черновицахъ въ 1907 г. конференція еврейскихъ литераторовъ провозглашаетъ „жаргонъ"—еврейскимъ національнымъ языкомъ.

Къ тому времени замѣчается также сильное развитіе на этомъ языкѣ изящной литературы. Въ ея произведеніяхъ преобладаетъ т. н. нео-хасидское направленіе, болѣе или менѣе соотвѣтствующее нео-романтизму. Самыми типичными ея представителями являются: Перецъ и Ш. Ашъ. У нѣкоторыхъ представителей этого теченія проявляется сильный пессимизмъ, въ родѣ того, какимъ отличаются многія произведенія русской изящной литературы послѣднихъ лѣтъ; таковы произведенія Онейхи, „Смерть" Шнеура, нѣкоторые разсказы А. Рейзена.

Но большинство произведеній еврейской новѣйшей литературы отличается жизнерадостностью, какъ напр.: Гиршбейна „Земля", Шнеура „Вишня", Л. Шапиро „Океанъ".

Очень богата литература, отражающая періодъ революціи и контръ-революціи, а равно эволюцію въ психологіи и взглядахъ еврейской интеллигенціи и рабочихъ. Лучшими произведеніями этого типа являются: Пинскаго „Семейство Цви", Ан-скаго „Въ Потокѣ", беллетристика рабочаго Вейсенберга—„A tate mit bonim" (отецъ и сыновья), Ш. Аша „die Momenten", „Въ Кольскомъ переулкѣ", Бергельсонъ „Вокругъ вокзала", А. Вайтера „Far Tog" (драма въ стихахъ). Періодъ погромовъ отразился—въ разсказахъ: Шнеура, Л. Шапиро, Кобрина; положеніе жертвъ революціи изображено въ „Сибирскихъ разсказахъ" Каплановича.

Въ тоже время развивается еврейскій національный театръ, содѣйствуя развитію среди массъ національнаго самосознанія.

Не предрѣшая судебъ дальнѣйшаго развитія еврейской національной культуры, мы не можемъ не констатировать существованія въ настоящее время очень сильныхъ ея элементовъ и факта зарожденія и развитія таковыхъ подъ вліяніемъ капиталистическаго развитія страны, являющейся центромъ, въ которомъ сосредоточенъ наибольшій процентъ еврейскаго населенія.

VI.

Если на западной окраинѣ Россіи наиболѣе сильнымъ является польское и затѣмъ еврейское, то на Кавказѣ наиболѣе крупную роль въ предреволюціонный періодъ играло армянское національное движеніе. Но въ теченіе 1905—1907 г.г., даже по мнѣнію армянской революціонной федераціи „Дашнакцютюнъ", организаціи, отличающейся сильно развитымъ націонализмомъ, „армянское революціонное движеніе черпаетъ новыя силы въ могучемъ потокѣ общерусской революціи, вдохновляется тѣмъ, что вся Великая Россія, Польша, Финляндія и весь Кавказъ нынѣ борются за одинаковые съ нимъ идеалы свободы" [1]).

При томъ роль армянъ въ общероссійскомъ движеніи парализуется ловкимъ ходомъ бюрократіи, бросившей кость разногласія между армянами и татарами и отвлекшей ихъ вниманіе отъ борьбы за политическое освобожденіе, сосредоточивъ таковое на междоусобной борьбѣ.

Поэтому, приступая къ характеристикѣ національнаго движенія на Кавказѣ, мы начнемъ съ грузинъ. Грузинское движеніе по нѣкоторымъ своимъ чертамъ напоминаетъ латышское. И здѣсь, и тамъ движеніе—очень интенсивно; и тамъ, и здѣсь во главѣ его стоитъ соціалдемократія, и тамъ, и здѣсь, не по своимъ субъективнымъ стремленіямъ, а лишь по объективнымъ результатамъ, оно является національнымъ. Но у латышей происходитъ борьба наемныхъ рабочихъ, у грузинъ—крестьянъ; у латышей соц.-демократія выступаетъ въ роли классовой организаціи пролетаріата; у грузинъ—она выполняетъ также роль демократіи. Но прежде чѣмъ приступить къ характеристикѣ грузинскаго національнаго движенія, бросимъ бѣглый взглядъ на экономическія и общественно-политическія отношенія въ странѣ, населенной грузинами.

Въ 6 губерніяхъ Закавказья числится населенія—5.663.246. Въ томъ числѣ: 1) татаръ—1.475.322 (26%); 2) грузинъ—1.341.437 (23%); 3) армянъ—1.086.970 (19,4%); 4) лезгинъ—584.538, (10,3%); 5) русскихъ—278.252 (4,9%); 6) турокъ—137.011 (2,4%); 7) остальныхъ (курдовъ, татовъ, осетинъ, грековъ, абхазцевъ и т. д.)—вмѣстѣ—778.591 (13,3%).

Наиболѣе крупными капиталистами являются татары; въ рукахъ татарскихъ дворянъ, т. н. хановъ и бековъ сосредоточивается большая часть земли; нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., Абаскулиханъ Макинскій, Понаханъ Эриванскій, Хасай-Ханъ, Джванширы—владѣютъ латифундіями въ

---

[1]) См.. Проектъ программы дѣятельности на Кавказѣ арм-рев. фед. „Дашнакцютюнъ," изд. неоф. стр. 3.

нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ. Татары—Тагіевъ, Муса Нагіевъ, Юзбашевъ и др.—относятся къ наиболѣе крупнымъ купцамъ и нефтепромышленникамъ на Кавказѣ.

Армяне образуютъ, главнымъобразомъ, средне-зажиточную буржуазію, городскую и сельскую; дворяне „мелики", уцѣлѣли лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; въ рукахъ армянскихъ капиталистовъ находится большая часть промышленнаго капитала; крестьяне и часть рабочихъ также армяне. Къ татарскому же населенію принадлежитъ другая часть рабочихъ и многотысячный люмпенпролетаріатъ. Такъ обстоятъ дѣла въ губерніяхъ: Эриванской, Елизаветпольской, Карской области и отчасти въ губерніяхъ Бакинской, Тифлинской. Грузины занимаютъ Кутаисскую губ., часть Тифлинской и часть Бакинской. Въ ихъ средѣ имѣются и дворяне (средне-зажиточные) и буржуазія, но громадное большинство населенія составляютъ рабочіе и, главнымъ образомъ, крестьяне. Въ ихъ средѣ аграрный вопросъ является еще болѣе злободневнымъ, чѣмъ въ центральномъ черноземномъ районѣ Россіи. Грузинскимъ крестьянамъ принадлежитъ очень незначительный процентъ земли. Изъ общаго количества земли—15.731.737 дес. на долю казны и частныхъ владѣльцевъ приходится 11.120.507 дес. (70,8%); крестьяне же владѣютъ лишь 4.629.230 дес. (29,5%); хозяйства 89% крестьянъ Кутаисской губерніи не превышаютъ 4 дес. каждое. Значительная ихъ часть находится въ полуфеодальной зависимости отъ помѣщиковъ. Въ виду этого вопросъ объ увеличеніи землепользованія вытѣснилъ въ ихъ сознаніи и стремленіяхъ всѣ другіе вопросы и испытываемый ими національный гнетъ игралъ въ ихъ субъективныхъ стремленіяхъ въ революціонный періодъ весьма второстепенную роль. Ввиду этого и соц.-демократія, какъ партія наиболѣе революціонная не только по политическимъ, но и по соціальнымъ своимъ стремленіямъ, получила среди грузинъ громадное вліяніе. Но аграрное движеніе въ конечномъ результатѣ привело и къ выставленію крестьянскими массами требованій національнаго характера и дало толчекъ развитію грузинскаго національнаго движенія въ надлежащемъ значеніи этого слова. Объективныя же условія для развитія грузинскаго національнаго движенія несомнѣнно существуютъ. Когда то въ XI и XII столѣтіяхъ грузинскій народъ обладалъ довольно богатой культурой, но, благодаря нашествію монголовъ въ XIII в., а впослѣдствіи нападеніямъ персовъ и турокъ, культура эта пришла въ упадокъ. Правда, когда Грузія была присоединена къ Россіи, она вздохнула свободно; грузинское дворянство и интеллигенція были довольны опекой могущественнаго государства, особенно вслѣдствіе гуманнаго въ началѣ отношенія къ нимъ русскихъ властей. Но вскорѣ руссификаторская политика бюрократіи и бюрократическій произволъ вообще дали себя почувствовать грузинамъ. Отсутствіе самоуправленія, обученіе дѣтей на непонятномъ для нихъ русскомъ языкѣ, тормозящее ихъ

умственное развитіе, необходимость вездѣ и повсюду пользоваться только этимъ языкомъ, на каждомъ шагу указывали на необходимость борьбы за національное освобожденіе. Но на первый планъ среди крестьянъ сталъ аграрный вопросъ.

Выступленіе пролетаріата въ январѣ 1905 г. во всей Россіи зажгло пламя бунта въ грузинской деревнѣ, гдѣ и до того не разъ бывали очень серьезныя вспышки.

Сначала выставлялись требованія экономическаго и общеполитическаго характера, какъ-то: 1) конфискація всѣхъ казенныхъ и частновладѣльческихъ земель и безвозмездная передача ихъ въ руки крестьянъ; 2) уничтоженіе всѣхъ косвенныхъ налоговъ; 3) полная свобода и самостоятельность населенія въ дѣлѣ организаціи самоуправленія въ селеніяхъ, обществахъ, округахъ; 4) обязательное, безплатное обученіе дѣтей; 5) созывъ всероссійскаго учредительнаго собранія, выбраннаго на демократическихъ началахъ, и т. д.

Но постепенно появляются и требованія національнаго характера. Такъ, напр., въ селѣ Джварума, а затѣмъ въ разныхъ мѣстахъ Шоропанскаго, Душетскаго, Горійскаго уѣздовъ выставляется требованіе обязательнаго изученія грузинскаго языка въ низшихъ, среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, введенія обученія на грузинскомъ языкѣ, употребленія его въ дѣлопроизводствѣ. Мѣстами въ этихъ уѣздахъ ненависть къ властямъ и ихъ руссификаторской политикѣ проявляется въ томъ, что крестьяне разрушаютъ школы и канцеляріи, жгутъ документы и т. д.

Затѣмъ начинается введеніе во всей Гуріи самоуправленія революціоннымъ путемъ, изгнаніе чиновниковъ, замѣна ихъ лицами и учрежденіями, избранными на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого, тайнаго голосованія. При этомъ въ большинствѣ случаевъ власть попадаетъ въ руки Соц.-дем-овъ, которые во многихъ мѣстахъ и до того, начиная съ 1903 г., исполняли обязанности чиновниковъ, судей и т. п. по настоятельному требованію крестьянъ, выражавшихъ имъ безграничное довѣріе.

За рабочими и крестьянами выступили со своими требованіями грузинская буржуазія и дворяне.

По постановленію Кутаисской городской думы отъ 15 іюня 1905 г. ею подается совѣту министровъ докладная записка слѣдующаго содержанія: 1) въ цѣляхъ свободнаго національно культурнаго развитія нашего народа необходима децентрализація управленія; 2) въ отношеніи окраинъ децентрализація должна выразиться въ предоставленіи права широкаго политическаго самоуправленія, т. е. во введеніи автономіи съ сохраненіемъ государственнаго единства между всѣми, входящими въ составъ Россійской Имперіи, частями. 3) Автономія Грузіи съ сеймомъ въ Тифлисѣ изъ представителей народа, избираемыхъ всеобщимъ, равнымъ, тайнымъ и прямымъ голосованіемъ, должна

опираться на органическомъ статутѣ, который будетъ выработанъ мѣстнымъ учредительнымъ собраніемъ. 4) Конституція грузинской автономіи получаетъ утвержденіе въ общерусскомъ парламентѣ. 5) Грузія, состоящая нынѣ изъ Тифлисской и Кутаисской губерній, Закатальскаго и Сухумскаго округовъ и Батумской области, представляетъ одну автономную единицу. 6) Всѣ народности, живущія въ Грузіи и составляющія въ ней меньшинство, пользуются равными правами. 7) Для участія кавказскихъ народностей въ центральномъ законодательномъ собраніи желательно, при рѣшеніи вопроса объ избирательной системѣ, принять территоріальную группировку. 8) Необходимъ немедленный одновременный созывъ всероссійскаго и мѣстныхъ на окраинахъ учредительныхъ собраній на основѣ всеобщей, безъ различія пола и національности, прямой, тайной, равной подачи голосовъ. Учредительное собраніе для Грузіи должно быть созвано въ гор. Тифлисѣ".

Отсталость Кавказа, остатки партикуляризма и старыхъ традицій и сильный политическій и національный гнетъ наложили свой отпечатокъ на этотъ документъ, выражающій стремленія грузинской буржуазіи, проявившись въ ея политическомъ сепаратизмѣ. Послѣдній не отвѣчаетъ централистическимъ тенденціямъ капитализма, создающаго основу для гораздо большаго сплоченія всѣхъ частей Россіи, чѣмъ это сознаютъ кутаисскіе гласные. Но вышеприведенныя резолюціи доказываютъ, что въ средѣ грузинъ постепенно намѣчается формула національнаго самоопредѣленія и пробуждается стремленіе къ отстаиванію національныхъ интересовъ.

Еще раньше, въ апрѣлѣ того же 1905 г., тождественныя требованія были выставлены грузинскимъ дворянствомъ Тифлисской и Кутаисской губерній во всеподданнѣйшемъ ихъ адресѣ Государю.

—„Радѣя объ общей волѣ народа и нуждахъ государственныхъ,— читаемъ мы въ этомъ адресѣ,—тифлисское дворянство (въ другомъ адресѣ сказано „дворянство Кутаисской губерніи") высказываетъ свое глубокое убѣжденіе, что мирное культурное развитіе грузинскаго народа возможно лишь при условіи признанія за Грузіей, этой неотъемлемой частью русскаго государства, добровольно связавшей свою судьбу съ его судьбой, права на управленіе законами, установленными мѣстнымъ представительнымъ собраніемъ, избираемымъ путемъ всеобщей, прямой, тайной и равной для всего населенія Грузіи подачи голосовъ".

Для характеристики грузинскаго національнаго движенія имѣетъ важное значеніе „докладная записка кутаисскихъ педагоговъ", поданная ими въ іюнѣ 1905 г. Въ этой запискѣ грузинскіе учителя и учительницы жалуются, что бюрократическій режимъ Россіи крайне вредно отражается на культурномъ развитіи грузинскаго народа, такъ какъ: 1) на школьное дѣло отпускается слишкомъ мало средствъ; 2) тормозится открытіе ихъ частными лицами,

3) преподаваніе на русскомъ языкѣ является крайне нецѣлесообразномъ; 4) оно извращаетъ умъ и душу ребенка-инородца и возстановляетъ его противъ представителей господствующей націи; 5) затрудняется молодежи поступленіе въ высшія учебныя заведенія. Будучи убѣждены, что радикальныя улучшенія въ области школьнаго дѣла могутъ быть только слѣдствіемъ радикальнаго переустройства государственнаго порядка Россіи, кутаисскіе педагоги находятъ, между прочимъ, что „необходимо немедленно приступить къ обновленію нынѣшней школы на слѣдующихъ основаніяхъ". 1) Даровать школѣ свободный режимъ, предоставивъ управленіе ею свободно избраннымъ представителямъ мѣстнаго населенія и педагогическому совѣту; 2) ввести преподаваніе всѣхъ предметовъ на родномъ для каждой отдѣльной народности языкѣ, сдѣлавъ для инородцевъ обязательнымъ изученіе общегосударственнаго языка, какъ предмета; 3) уничтожить типъ училищъ духовнаго вѣдомства... 4) ввести обязательное всеобщее, даровое обученіе для лицъ обоего пола въ низшихъ и среднихъ школахъ; 5) открыть высшія учебныя заведенія повсемѣстно вообще въ Имперіи и въ частности на Кавказѣ: въ Тифлисѣ, Кутаисѣ, Баку; 6) улучшить матеріальное благосостояніе преподавателей вполнѣ обезпечивающимъ ихъ содержаніемъ изъ казны... Обезпеченіе же постояннаго существованія обновленной такимъ образомъ школы возможно лишь послѣ дарованія вообще Имперіи свободнаго государственнаго режима, въ частности инородцамъ автономіи".

Что касается грузинскихъ политическихъ партій, то грузинскія с.-д. организаціи входятъ въ составъ Р. С.-Д. Р. П. и въ области національнаго вопроса, согласно положеніямъ программы этой партіи требуютъ: 1) областнаго самоуправленія, 2) равноправія національностей, 3) права каждой націи получать образованіе на родномъ языкѣ и пользоваться имъ свободно во всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. Буржуазная же революціонная партія, выступающая въ виду особыхъ аграрныхъ отношеній Кавказа, подъ флагомъ соціализма и извѣстная подъ названіемъ „соціалистовъ-федералистовъ" (раньше группа „Сакартвелло"), требуетъ установленія федеративныхъ отношеній между Закавказіемъ и Россіей и устройства самаго Закавказья на федеративныхъ началахъ. Группы либераловъ и „буржуазныхъ автономистовъ" очень слабы; въ общемъ ихъ позиція сходна съ приведенными выше позиціями дворянъ и буржуазіи.

Въ январѣ 1906 г. начинается господство реакціи; карательные отряды наводняютъ Грузію, налагаютъ штрафы, чинятъ полевыя расправы.

Грузинское, какъ и всѣ другія національныя движенія, выражается преимущественно въ воздѣйствіи на Гос. Думу и культурной дѣятельности.

Стремленія большинства крестьянскаго и рабочаго населенія Грузіи вообще и въ частности его національныя стремленія въ значительной мѣрѣ

характеризуетъ составъ депутатовъ, избранныхъ этимъ населеніемъ. Изъ 7 депутатовъ-грузинъ 1-ой Думы—5 соціалдемократовъ; въ Думѣ 2-го созыва—6 грузинъ с.-д; въ 3-ьей Думѣ—изъ 3 депутатовъ—грузинъ—2 с.-д. Въ думскій періодъ буржуазная печать горячо отстаиваетъ требованіе автономіи Грузіи. Начинается дискуссія по этому вопросу, въ которой принимаютъ участіе и видные грузинскіе марксисты. Выразителемъ большинства марксистовъ явился д-ръ Н. Жорданія, доказывавшій достаточность для Грузіи требованія самоуправленія, какъ вытекающаго изъ демократизаціи государств. строя Россіи; пропаганда требованія автономіи, по его мнѣнію, вредна для пролетаріата, ибо и утопична, и, ставя передъ лицомъ грузинскихъ рабочихъ особыя задачи, отдѣляетъ ихъ отъ пролетаріата остальной Россіи и тормозитъ дѣло борьбы за его политическое освобожденіе. Напротивъ, другой марксистъ, адвокатъ Д., указалъ на необходимость дополненія требованія областнаго самоуправленія требованіемъ экстерриторіальной автономіи для всѣхъ народовъ, населяющихъ Кавказъ и въ частности для грузинъ. Послѣдній въ настоящее время пріобрѣтаетъ все больше сторонниковъ въ средѣ грузинской с.-д. интеллигенціи. Факторами культурнаго развитія грузинскаго народа являются въ настоящее время: театръ, кооперативы и „Общество распространенія грамотности среди грузинъ“.

* * *

Перейдемъ къ армянамъ. Въ V и VI ст. они имѣли довольно богатую, по тому времени, культуру. Въ XI в. подпадаютъ подъ власть персовъ и турокъ. Послѣдніе уничтожаютъ ихъ господствующіе классы и подавляютъ развитіе ихъ національной культуры. Возрожденіе армянъ начинается только въ XVII ст., съ ослабленіемъ гнета Турціи. Присоединеніе части Арменіи къ Россіи возбуждаетъ въ армянской интеллигенціи надежды на національное освобожденіе. Но армяне были еще болѣе обмануты въ своихъ надеждахъ, чѣмъ грузины.

Періодъ реакціи 80-ыхъ г.г. былъ особенно тяжелъ для армянъ; за нимъ наступили еще худшія—времена Голицына. Уже въ 1881 г., по распоряженію тогдашняго начальника Кавказа, кн. Дондукова-Корсакова, власти мѣстами лишаютъ армянъ земли и передаютъ таковую въ руки русскихъ, создавая, такимъ образомъ, среди армянскаго населенія русскія колоніи съ цѣлью болѣе успѣшной его руссификаціи. Но еще болѣе тяжелый ударъ армянскому народу наносятъ мѣры бюрократіи, находящіяся въ связи съ преслѣдованіями его національной культуры. Армяне не православные, а армяно-грегоріанскаго вѣроисповѣданія, и уже одно это содѣйствуетъ обостренію ихъ преслѣдованій русскими властями; другая, не менѣе важная, причина—ихъ

энергичная культурная дѣятельность и, наконецъ, наличность у нихъ сильной буржуазіи—класса, составляющаго повсюду матеріальную основу развитія національной культуры. На армянъ бюрократія обрушилась со всей энергіей, ибо видѣла въ нихъ опаснаго конкуррента, значительное препятствіе для торжества на Кавказѣ лозунга „Россія для русскихъ".

Хранителями армянской культуры, въ самыя тяжелыя времена персидскаго и турецкаго господства, были учителя монахи; культурнымъ центромъ—церковь. Ей оказывали въ этомъ дѣлѣ матеріальную поддержку армянскіе купцы, разсѣянные въ Западной Европѣ—особенно въ итальянскихъ городахъ. Въ 20 г.г. XIX ст., подъ вліяніемъ западно-европейской, въ частности, германской литературы, въ Арменіи начинается борьба со старыми устоями. Церковныя школы переходятъ изъ рукъ духовенства въ распоряженіе приходовъ; въ нихъ вводится программа преподаванія по западно-европейскому образцу. Мѣсто стараго церковнаго армянскаго языка заступаетъ—новый, народный.

Развивается публицистика и изящная литература. Они проникнуты демократическимъ духомъ. Въ публицистикѣ доминируетъ народническое направленіе, очень близкое къ русскому народничеству; въ литературѣ—реализмъ. Въ 60 и 70 г.г. реформируется организація армянской церкви. Въ настоящее время священниковъ выбираютъ сами прихожане; все приходское духовенство и глава армяно-грегоріанской церкви—католикосъ—выборные. Благодаря такой своей организаціи эта церковь играетъ крупную роль въ культурной жизни народа. Эчміадзинъ—мѣстопребываніе католикоса—центръ духовной культуры армянъ. Тамъ хранятся громадныя матеріальныя средства, собранныя путемъ самообложенія армянъ, населяющихъ не только русскую Армению, но и турецкую, и разсѣянныхъ по всему міру—въ Италіи, Франціи, Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Имущество это, стоимостью въ 113.000.000 рублей, предназначено въ значительной степени на устройство школъ. Такихъ школъ въ началѣ 90 г.г. числилось въ русской Арменіи 520. Но въ 1897 г. всѣ онѣ были закрыты русскими властями. Однако пока 113 милліонный фондъ находился въ рукахъ самихъ армянъ, успѣхи руссификаціи были очень ограничены. И вотъ, 12 іюня 1903 г. появляется царскій указъ объ отобраніи армянскаго національнаго фонда у армяно-грегорьянской церкви и передачѣ его въ распоряженіе русской администраціи. Извѣстіе объ этомъ указѣ сильно взволновало армянскія народныя массы. Со всѣхъ сторонъ посыпались требованія къ католикосу, чтобы онъ не выдавалъ властямъ народнаго имущества. Поприходамъ составлялись приговоры въ томъ же духѣ; подъ нѣкоторыми изъ нихъ подписалось по 10.000 и больше армянъ.

Начались волненія, стычки съ войсками. Пали сотни жертвъ. Въ концѣ концовъ въ Эчміадзинъ явились посланные генералъ-губернаторомъ чиновники и, приказавъ разбить желѣзный церковный ящикъ, въ которомъ хранились суммы

фонда, увезли таковыя въ Эривань. Послѣ этого были приняты самыя серьезныя мѣры для противодѣйствія могущему вспыхнуть возстанію.

Естественно поэтому, что когда январьская забастовка охватила широкія рабочія массы во всей Россіи и разбудила всѣ жизнеспособные слои ея населенія, толкнувъ ихъ на борьбу за политическую свободу, можно было ожидать, что выступитъ на борьбу весь армянскій народъ; тѣмъ болѣе, что его авангардъ живо откликнулся на призывъ Р. С.-Д. Р. П., принявъ участіе въ забастовкѣ. Но въ это время начала подготовляться организованная борьба татаръ съ армянами, которая должна была отвлечь гнѣвъ, назрѣвшій въ душѣ армянскихъ народныхъ массъ, и сдѣлать невозможнымъ антиправительственное революціонное движеніе въ Арменіи. Столкновенія происходили неоднократно и до и послѣ февральскихъ событій 1905 г.

Но далеко не всегда было такъ, какъ было желательно вдохновителямъ національной вражды: напр., когда въ концѣ 1905 г. въ Осетіи атаманъ станицы Ардонъ попытался натравить разбойниковъ-осетинъ на армянъ, первые, чуждые національной вражды, но жадные къ наживѣ, разграбили въ Ардонѣ не только армянскія, но и русскія лавки. Но въ Арменіи цѣль временно была достигнута.

Антагонизмъ между татарскими феодалами и капиталистами и армянской буржуазіей съ одной стороны, между татарскими некультурными массами люмпенпролетаріата и той же буржуазіей съ другой—былъ условіемъ, благопріятствующимъ демагогической, погромной агитаціи.

Борьба началась 6 февраля въ Баку, потомъ охватила весь край и продолжалась до осени 1906 г. Число человѣческихъ жертвъ—около 10.000; потерпѣвшихъ и разорившихся около 15.000 семействъ въ 7 городахъ и 252 деревняхъ. Среди пострадавшихъ—громадное большинство составляютъ армяне; на-ряду съ армянскими капиталистами Лалаевыми, Одамовыми, Тумаевыми потерпѣло много рабочихъ, крестьянъ, мелкихъ лавочниковъ.

Ревизіей сенатора Кузьминскаго, и массой свидѣтельскихъ показаній достаточно выяснено отношеніе мѣстныхъ властей къ организаціи армянскихъ погромовъ. Здѣсь мы остановимся лишь на роли національной и религіозной вражды въ этихъ событіяхъ. Въ виду пущеннаго бакинской печатью слуха, будто причиной погромовъ была вѣковая фанатическая вражда татаръ къ армянамъ, въ „Бакинскія извѣстія" были присланы сотни писемъ, авторы которыхъ самымъ категорическимъ образомъ заявляли, что этотъ слухъ абсолютно ни на чемъ не основанъ. Вотъ одно изъ такихъ писемъ:—„Милостивый государь, господинъ редакторъ! Мы, нижеподписавшіеся рабочіе и служащіе одного изъ крупныхъ заводовъ, состоящіе главнымъ образомъ изъ армянъ и татаръ, просимъ огласить въ вашей уважаемой газетѣ, что ни до, ни во время, ни послѣ позорныхъ дней 7—10 февраля мы племенной вражды другъ къ другу не питали, а теперь, очнувшись послѣ тяжелаго

кошмара этихъ дней, мы чувствуемъ себя еще болѣе тѣсно связанными лишнимъ звеномъ исторіи и въ одинъ голосъ съ высокочтимымъ муфтіемъ повторяемъ: „нашъ общій врагъ—шайтанъ". Присылаемъ при семъ нашу посильную лепту—(114 р. 20 к.) въ пользу невинныхъ жертвъ шайтана—безъ различія національностей". Слѣдуютъ 158 подписей.

Не „вѣковая національная и религіозная вражда", а демагогическая агитація, нашедшая откликъ въ наиболѣе отсталой и распущенной части татарскаго населенія, благодаря объективной обстановкѣ татаръ и армянъ—экономическимъ условіямъ ихъ быта—является причиной тѣхъ оргій, которыя разыгрывались на всемъ Кавказѣ въ теченіи около двухъ лѣтъ. И поэтому, въ одномъ мѣстѣ при появленіи процессіи съ армянскимъ епископомъ и мусульманскимъ казіемъ во главѣ. безчинства прекращались и въ то же время въ другомъ мѣстѣ начиналась братоубійственная борьба.

Протестъ прежде всего вышелъ изъ среды рабочихъ. 13 февраля было созвано въ Баку рабочее собраніе, на которомъ принята резолюція, клеймящая роль властей въ погромѣ.

Протестовали также адвокаты, инженеры, купцы, промышленники. Приведемъ здѣсь для иллюстраціи резолюцію, принятую на митингѣ 16 февраля 1905 г., состоявшемся по приглашенію мусульманъ г. Баку.—„Мы, представители всѣхъ слоевъ мусульманской, армянской, русской и др. національностей г. Баку, собравшись 16 февраля въ количествѣ до 3000 ч. для обсужденія вопроса о причинахъ кроваваго побоища, пришли къ глубокому убѣжденію, что это побоище возникло не на почвѣ національной вражды, какъ это умышленно лживо утверждаютъ оффиціальныя агентства со словъ мѣстной власти, и не на почвѣ соціально-экономическаго антагонизма, или религіознаго фанатизма, ибо ни фанатизма, ни вражды, ни антагонизма между мусульманами и армянами нѣтъ и не было".

Далѣе въ резолюціи указываются истинные виновники происшедшей рѣзни. Татаро-армянская борьба сдѣлала невозможнымъ на Кавказѣ національное движеніе въ обыденномъ значеніи этого слова: всѣ чувствовали и понимали опасность развитія національной вражды. Она въ значительной мѣрѣ содѣйствовала тому, что с.-д. избѣгали выставленія національныхъ требованій и старались организовать исключительно классовую борьбу. Благодаря ей буржуазные элементы армянскаго народа не проявляли активности; она въ значительной мѣрѣ была причиной того, что армянская революціонная партія „Дашнакцютюнъ" сосредоточила свою дѣятельность на партизанской, террористической борьбѣ. Что касается національныхъ требованій, выставленныхъ разными слоями армянскаго населенія въ 1905 и слѣдующіе годы, то таковыя формулированы въ программахъ политическихъ партій, которыя пользуются сильнымъ вліяніемъ на армянское населеніе, вслѣдствіе,

главнымъ образомъ, того гнета, подъ игомъ котораго страдаетъ армянскій народъ и затѣмъ постоянной необходимости быть готовымъ къ отпору и защитѣ своихъ интересовъ. И здѣсь мы видимъ то же явленіе что и въ Польшѣ и Литвѣ. Чѣмъ сильнѣе національный гнетъ, тѣмъ большимъ сепаратизмомъ отличаются программы буржуазной демократіи; ихъ программы это не собраніе требованій, формулированныхъ на основѣ анализа тенденцій общественно экономическаго развитія страны, а выраженіе реакціи противъ гнета. Въ то же время идеологи пролетаріата доводятъ до самыхъ крайнихъ послѣдствій тѣ тенденціи, которыя замѣчаются въ развитіи пролетарской борьбы; ихъ позиція часто выражаетъ лишь реакцію противъ стремленій буржуазныхъ элементовъ; національный вопросъ, приведшій къ націонализму буржуазныхъ революціонеровъ, игнорируется революціонерами с.-д. Въ средѣ армянскихъ революціонеровъ мы находимъ выразителей сепаратизма въ лицѣ армянской революціонной партіи „Дашнакцютюнъ". Это—партія революціонной интеллигенціи, вышедшей изъ буржуазной среды или связанной съ нею неразрывными узами, имѣющая широкія связи въ этой средѣ. Націонализмъ армянской буржуазіи у этой интеллигенціи принимаетъ форму политическаго сепаратизма. Въ интересахъ организаціи національной борьбы, въ виду роли рабочаго движенія въ общественной жизни Россіи и Арменіи, съ одной стороны, и аграрнаго вопроса—съ другой, вслѣдствіе, наконецъ, своей революціонности и склонности къ наиболѣе далеко идущимъ требованіямъ, „Дашнакцютюнъ" выступаетъ подъ знаменемъ соціализма.

Въ своей программѣ эта партія выставляетъ слѣдующія требованія: „1) Закавказье, въ качествѣ демократической республики, является составной частью Россіи—республики федеративной. Первая связана съ послѣдней въ вопросахъ: защиты государства, внѣшней политики, монетной и таможенной системы. 2) Закавказье—республика, независимая во всѣхъ своихъ внутреннихъ дѣлахъ: она имѣетъ свой парламентъ, избранный путемъ всеобщаго равнаго, прямаго, тайнаго и пропорціональнаго голосованія. Всякій гражданинъ безъ различія пола пользуется избирательнымъ правомъ, начиная съ 20-лѣтняго возраста. 3) Закавказье высылаетъ во Всероссійскій парламентъ своихъ представителей, избранныхъ путемъ той же системы всеобщихъ выборовъ... и далѣе, 14) право націй на свободное самоопредѣленіе. Полное равенство всѣхъ національностей и религіозныхъ группъ .... 17) всеобщее обязательное безплатное первоначальное обученіе; преобразованіе школъ церковныхъ въ свѣтскія. Преподаваніе на родномъ языкѣ. .... 19) Распредѣленіе бюджета на просвѣтительныя цѣли въ государствѣ и кантонахъ пропорціонально численности различныхъ національностей. Спеціально избранные для этой цѣли органы должны будутъ слѣдить за примѣненіемъ этого бюджета, равно какъ и за организаціей самаго просвѣщенія

20) Обязательное знаніе двухъ главныхъ мѣстныхъ языковъ для должностныхъ лицъ кантоновъ и общинъ и трехъ мѣстныхъ языковъ для администраціи всего края. Государственный языкъ—обязательный.

Армянскіе с.-д. въ своемъ большинствѣ принадлежали къ Р. С.-Д. Р. П. и стояли на точкѣ зрѣнія изложенной выше ея программы въ области національнаго вопроса, но въ повседневной дѣятельности не учитывали національнаго момента. Незначительныя группки армянскихъ с.-д., въ родѣ группы „Генчакистовъ",— не входившія въ составъ Р. С.-Д. Р. П. и выставлявшія требованіе автономіи Арменіи, никакой роли въ движеніи не играли.

На состоявшемся 25 августа 1906 г. въ г. Эчміадзинѣ Эриванской губерніи съѣздѣ представителей 58 армянскихъ приходовъ, избранныхъ всеобщимъ голосованіемъ, подавляющимъ большинствомъ была принята резолюція слѣдующаго содержанія:

„Принимая во вниманіе, что каждый народъ долженъ быть полновластнымъ хозяиномъ всѣхъ своихъ внутреннихъ дѣлъ, съѣздъ предписываетъ спеціально избраннымъ имъ секціямъ стремиться къ осуществленію въ области школьнаго вопроса: 1) всеобщаго, обязательнаго обученія; 2) учрежденія спеціальныхъ школъ техническихъ и земледѣльческихъ; 3) учрежденіе воскресныхъ передвижныхъ школъ для распространенія грамотности; 4) реальное, свѣтское образованіе во всѣхъ школахъ. 5) Преподаваніе закона божія только по требованію родителей. 6) Преподаваніе во всѣхъ школахъ на армянскомъ языкѣ. 7) Что касается другихъ націй, то приспособить преподаваніе къ локальнымъ условіямъ, сохраняя преподаваніе на языкѣ большинства. 8) Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ преподавать грузинскую и татарскую литературу и исторію. 9) Поступленіе во всѣ учебныя заведенія обезпечено для всѣхъ, безъ различія націй и вѣроисповѣданій".

Въ теченіи 1906 и 1907 г. г. и общественные элементы армянъ, также какъ и др. націй усердно занимаются организаціонной работой и просвѣтительной.

VII.

Мы уже видѣли выше, что въ то время, когда толпы татарскаго люмпенпролетаріата, наускиваемыя врагами россійскаго освободительнаго движенія, громили армянъ, татарскіе рабочіе и буржуазія выразили свое осужденіе этимъ оргіямъ контръ-революціи.

Мало того, въ тоже именно время въ приволжскомъ краѣ, населенномъ наиболѣе культурной частью татарскаго народа, впервые проснулось въ немъ его національное самосознаніе. Это должно было наступить именно тамъ, такъ

какъ культурный уровень татарскаго населенія въ Поволжьѣ особенно высокъ и поэтому населеніе особенно чутко къ проявленіямъ національнаго и религіознаго гнета. Магометанская религія играетъ важную роль въ жизни татаръ; она—неотъемлемый элементъ татарской культуры въ современной стадіи ея развитія. Но и религія, и языкъ татарскій подвергаются постояннымъ преслѣдованіямъ со стороны русскихъ властей. Процентная норма въ школахъ, въ органахъ самоуправленія, вмѣшательство властей во внутреннія дѣла магометанской церкви, безпрестанныя столкновенія татаръ съ миссіонерами—все это заставило ихъ тѣсно сплотиться подъ знаменемъ имамизма. Свѣтская же и духовная татарская интеллигенція выказываетъ достойную подражанія энергію въ своей дѣятельности, направленной на содѣйствіе развитію ихъ духовной культуры; это видно, между прочимъ, изъ того, что въ то время, какъ среди русскаго населенія Казанской губерніи одинъ учащійся приходится на 14 мужчинъ и одна учащаяся на 56 женщинъ, въ средѣ казанскихъ татаръ 1 учащійся на 9 мужчинъ, и 1 учащаяся на 12 женщинъ. Въ одной только Казани въ теченіе 1903 г. было напечатано 250 татарскихъ изданій въ $2^1/_2$ милліонахъ экземпляровъ. Принявъ же во вниманіе, что изъ 100.000 крещенныхъ казанскихъ татаръ около 40.000 вернулось въ лоно магометанской религіи, мы неизбѣжно придемъ къ заключенію, что успѣхи руссификаціи и въ татарской средѣ очень незначительны.

И вотъ, въ мартѣ 1905 г. уполномоченные отъ татаръ г. Чистополя Казанской губерніи обращаются къ предсѣдателю комитета министровъ съ докладной запиской. Въ этой запискѣ они требуютъ: 1) уничтоженія всѣхъ постановленій и узаконеній, урѣзывающихъ права татаръ въ смыслѣ свободы слова, печати (на татарскомъ и русскомъ языкахъ), союзовъ, собраній; 2) распространенія на татаръ всѣхъ мѣропріятій и узаконеній, предусматривающихъ гарантію законности въ управленіи, неприкосновенность личности и жилища, а также и тѣхъ, которыя имѣютъ цѣлью улучшеніе быта сельскаго и городскаго рабочаго населенія. Далѣе чистопольскіе граждане пишутъ: „1) Современное положеніе дѣла школьнаго образованія у татаръ крайне ненормально. Существующія татарскія школы, какъ школы конфессіональнаго характера, и благодаря своему полулегальному положенію, не могутъ достаточно широко обслуживать нужды народа въ отношеніи образованія даже первоначальнаго. Открывать же свѣтскія школы до сихъ поръ не было никакой возможности, благодаря различнаго рода ограниченіямъ и стѣсненіямъ". На этомъ основаніи они требуютъ: а) введенія всеобщаго, даровaго образованія на татарскомъ и русскомъ языкахъ, в) предоставленія широкихъ правъ частной иниціативѣ по открытію народныхъ школъ татарской грамоты для дѣтей обоего пола и открытія прочихъ общеобразовательныхъ и профессіональныхъ учебныхъ заведеній съ преподаваніемъ въ нихъ

предметовъ на татарскомъ языкѣ. 2) Необходимо устраненіе изъ постановки дѣла русскаго народнаго образованія среди татаръ дѣйствующей нынѣ системы обрусенія. 3) Полное отсутствіе организаціи внѣшкольнаго образованія является слѣдствіемъ общаго безправнаго положенія татарскаго народа. Для выхода изъ этого положенія необходимо: полное устраненіе мелочной регламентаціи и опеки въ дѣлѣ организаціи внѣшкольнаго образованія среди татаръ и предоставленія широкой свободы: а) въ открытіи народныхъ читаленъ и общественныхъ библіотекъ; в) въ дѣлѣ устройства: театровъ, лекцій и пр., с) въ развитіи дѣла учрежденія различныхъ союзовъ и обществъ, преслѣдующихъ образовательныя цѣли. 4) До сего времени особая цензура крайне тормозила развитіе татарской печати. Въ виду этого необходимо: а) полное ея освобожденіе отъ спеціальныхъ ограниченій; в) право издавать газеты и журналы на татарскомъ языкѣ на тѣхъ же цензурныхъ условіяхъ, что и на русскомъ. 5) Уничтоженіе ограниченій татаръ въ правахъ занимать государственныя и общественныя должности и участвовать въ органахъ самоуправленія. 6) разрѣшеніе татарамъ повсемѣстно проживать на окраинахъ.

За татарами г. Чистополя послѣдовали и жители другихъ мѣстъ, принадлежащіе къ той же націи.

Въ августѣ же 1905 г. сдѣлана была попытка объединенія не только татаръ, но и всѣхъ мусульманъ Имперіи во Всероссійскій Мусульманскій Союзъ. Это произошло во время ярмарки въ Нижнемъ Новгородѣ. Туда съѣхалась 1.500 мусульманъ и такъ какъ генералъ-губернаторъ имъ запретилъ устраивать собранія, то они наняли пароходъ, плавали на немъ по р. Окѣ, совѣщались, учредили вышеназванный союзъ и приняли слѣдующія резолюціи:

„Собраніе мусульманъ всѣхъ сословій изъ разныхъ губерній и областей имперіи, обсудивъ общіе вопросы, а также вопросы, касающіеся спеціально нуждъ и пользъ мусульманъ съ точки зрѣнія текущихъ событій, на съѣздѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ (на пароходѣ „Густавъ Струве“ на рѣкѣ Окѣ), 15 августа 1905 года нашло:

1) Необходимо и своевременно сближеніе мусульманъ всѣхъ областей Россіи на почвѣ общественно-культурныхъ и политическихъ запросовъ и задачъ современной русской жизни.

2) Въ достиженіи и осуществленіи этихъ задачъ прогрессивная часть мусульманъ, раздѣляя идеалы передоваго русскаго общества, дѣйствуетъ въ смыслѣ установленія въ странѣ правоваго порядка на началахъ участія свободно избранныхъ народныхъ представителей въ законодательствѣ и управленіи государствомъ.

3) Сознавая, что достиженіе указанныхъ цѣлей возможно при пользованіи мусульманами одинаково равными съ русскимъ населеніемъ правами,

прогрессивная часть мусульманъ всѣми законными средствами дѣйствуетъ въ смыслѣ отмѣны всѣхъ изъятій и ограниченій, которыя установлены въ отношеніи мусульманъ дѣйствующими узаконеніями, правительственными распоряженіями и административной практикой, и полнаго уравненія мусульманъ съ населеніемъ русскаго государства во всѣхъ правахъ политическихъ, гражданскихъ и религіозныхъ.

4) Дѣятельность свою мусульмане направляютъ сообразно съ дѣйствительными и могущими народиться потребностями и запросами общегосударственной жизни въ Россіи; и въ видахъ подготовки мусульманскихъ массъ къ воспріятію новыхъ началъ, могущихъ быть выставленными общегосударственной русской жизнью, особое вниманіе должно быть обращено на культурное развитіе мусульманъ, въ обширномъ смыслѣ слова. Для этого мусульмане во всѣхъ областяхъ всѣми средствами должны стараться открывать всякаго рода школы, соотвѣтствующія потребностямъ мусульманъ, распространять и популяризировать идейныя начала современной жизни, при помощи книгъ газетъ, журналовъ, народныхъ курсовъ, библіотекъ-читаленъ и другихъ подобнаго рода учрежденій просвѣтительнаго характера.

5) Для успѣшнаго достиженія всѣхъ намѣченныхъ цѣлей на мѣстахъ образуются свои меджелисы, руководимые періодическими съѣздами мусульманъ.

Въ мусульманскомъ союзѣ главную роль играютъ волжскіе, въ частности казанскіе татары. Но къ нему примыкаютъ и мусульмане другихъ мѣстностей Россіи, какъ то крымскіе татары, башкиры, мещеряки, киргизы, туркмены, сарты, таджики и др. Всѣ эти племена насчитываютъ 12 слишкомъ милліоновъ человѣкъ, въ суммѣ же съ кавказскими татарами, на которыхъ союзъ тоже распространяетъ свое вліяніе—около 14.00.000. Среди всѣхъ этихъ народовъ въ той или иной формѣ просыпается національное сознаніе. Толчекъ этому дали съ одной стороны преслѣдованія правительства, съ другой, что имѣло наиболѣе важное значеніе, освободительное движеніе 1905. г. Въ глухихъ углахъ восточной Россіи и Сибири, населяемыхъ этими племенами, впервые возникъ интересъ къ общегосударственнымъ вопросамъ, впервые наступило извѣстнаго рода духовное сближеніе съ культурными элементами Россіи. Въ каждомъ племени при этомъ обнаруживались свои стремленія, свое пониманіе запросовъ даннаго момента. Но всѣ они видѣли единственный путь къ осуществленію этихъ стремленій въ сближеніи съ борющимися за политическое освобожденіе общественными элементами Россіи съ цѣлью отмѣны бюрократическаго строя и завоеванія радикальныхъ реформъ въ области политической, національной, экономической. У многихъ изъ этихъ народовъ единственнымъ активнымъ элементомъ явились народные учителя; они были организаторами и руководителями національнаго движенія. Такъ

было у крымскихъ татаръ, такъ было у калмыковъ. Но и у болѣе культурныхъ племенъ, какъ киргизы и даже казанскіе татары, учителя играли крупную роль.

Для иллюстраціи характера національнаго движенія среди мусульманскихъ народовъ возьмемъ еще киргизовъ. Революція застала ихъ въ періодъ перехода отъ кочевого быта къ осѣдлому. Несмотря на ранній періодъ общественнаго развитія, киргизы выступили съ ясно формулированными національными требованіями. Наиболѣе злободневными задачами ихъ общественной жизни были: отстаиваніе своей земли передъ все усиливающимся притокомъ въ занимаемый ими Степной Край переселенцевъ изъ Россіи и борьба противъ чиновниковъ, практиковавшихъ въ ихъ средѣ самымъ грубымъ образомъ руссификаторскую политику правительства. Въ 1905 г. состоявшійся въ Каркалинскомъ уѣздѣ съѣздъ киргизовъ послалъ въ совѣтъ министровъ слѣдующую записку, покрытую 14,500 подписями. Приводимъ только наиболѣе характерныя ея мѣста: „...не только не разрѣшается—читаемъ въ вышеуказанной запискѣ—постройка новыхъ школъ и мечетей, но администрація закрыла существующія школы при мечетяхъ въ городахъ—Семипалатинскѣ и Кокчетавѣ. По тому же „Степному положенію" веденіе метрическихъ книгъ находится въ рукахъ аульнаго (сельскаго) старосты, почти всегда безграмотнаго. При полученіи заграничнаго паспорта крестьянскіе начальники задерживаютъ выдачу за недоимки, остававшіяся за обществомъ и волостью. Въ виду изложеннаго необходимы: свобода совѣсти, организація особаго для Киргизъ Степного Края выборнаго духовнаго управленія, независимаго отъ вѣдомствъ, установленія явочнаго порядка при постройкѣ школъ и мечетей и отмѣна цензуры на духовныя книги на киргизскомъ, татарскомъ, арабскомъ языкахъ; передача метрическихъ записей въ органы духовнаго управленія и установленіи законнаго порядка выдачи заграничныхъ паспортовъ. 2) Съ 1902 г. въ Степномъ Краѣ открыты т. н. аульныя школы для мальчиковъ Въ этихъ школахъ преподаваніе ведется на русскомъ языкѣ. Киргизы просили, чтобы въ означенныхъ школахъ преподавалась также киргизская грамота, но имъ въ этомъ было отказано. Въ школахъ этихъ учатъ киргизскихъ дѣтей писать киргизскія слова русскими буквами, которыя не передаютъ киргизской фонетики". Далѣе указывается на беззаконія властей, проявившіяся въ закрытіи киргизскихъ пансіоновъ, между прочимъ, при Омской гимназіи, въ передачѣ дѣтямъ некиргизскаго происхожденія стипендій, предназначенныхъ киргизами исключительно для киргизскихъ дѣтей, въ употребленіи на нужды администраціи суммъ „земскаго капитала киргизъ", и требуется: „допущеніе въ аульныхъ школахъ преподаванія киргизской грамоты; преподаваніе въ этихъ школахъ на языкѣ дѣтей и обязательное обученіе государственному языку: возстановленіе закрытыхъ интернатовъ и пансіона при Омской гимназіи;

увеличеніе числа существующихъ стипендій для поступленія въ профессіональныя школы и высшія учебныя заведенія"... „3) Для выясненія текущихъ нуждъ киргизскаго народа необходимо изданіе газетъ на киргизскомъ языкѣ... За послѣдніе 15 лѣтъ происходитъ колонизація Степнаго Края. Съ каждымъ годомъ земли, находящіяся въ пользованіи киргизовъ, уменьшаются. Скотоводческое хозяйство по существу своему не можетъ не быть экстенсивнымъ и требуетъ обширныхъ пастбищъ для своего существованія. Поэтому необходимо признать земли, занимаемыя киргизами, ихъ собственностью"... Въ пунктѣ 6 требуется, чтобы „Степное положеніе" было измѣнено при участіи депутатовъ отъ киргизъ. Въ пунктѣ 7 читаемъ: „Въ интересахъ киргизъ необходимы: веденіе дѣлопроизводства въ волостныхъ канцеляріяхъ и народныхъ судахъ на киргизскомъ языкѣ, замѣщеніе должности переводчиковъ людьми, знающими киргизскій языкъ и грамоту, и возстановленіе нарушенныхъ правъ киргизъ—подавать прошенія на своемъ родномъ языкѣ", въ 8)—„необходимо, чтобы судьи знали киргизскій языкъ и чтобы былъ введенъ судъ присяжныхъ въ киргизской степи". Въ 9 п.—„необходима отмѣна институтовъ крестьянскихъ начальниковъ и урядниковъ"; въ 10 п,—киргизы требуютъ отмѣны права властей высылать киргизовъ въ административномъ порядкѣ и "установленія законной отвѣтственности за преступленія передъ судомъ". „Для защиты интересовъ и правъ киргизскаго народа—говорится въ п. 11 петиціи—необходимо участіе его депутатовъ въ законодательномъ собраніи".— Усиленіе движенія переселенцевъ въ Степной Край дѣлаетъ съ каждымъ годомъ все болѣе острымъ вопросъ о землѣ, тѣмъ самымъ усиливаетъ вражду киргизъ къ властямъ и переселенцамъ и даетъ толчекъ къ развитію національнаго киргизскаго движенія.

Вѣроятнѣе всего, что мусульманскій союзъ вскорѣ начнетъ распадаться на отдѣльныя національныя группы. Въ немъ намѣчается уже и дифференціація по линіи классовыхъ интересовъ входящихъ въ составъ его народовъ. Но и до сихъ поръ онъ уже содѣйствовалъ развитію національнаго движенія среди народовъ, исповѣдывающихъ магометанскую религію. Въ нихъ средѣ началось сильное культурное движеніе. У татаръ возникъ рядъ просвѣтительныхъ обществъ; началось сильное феминистское движеніе. Просвѣтительная дѣятельность ведется и среди другихъ мусульманскихъ народовъ. Открытъ также рядъ банковъ въ городахъ, населенныхъ мусульманами. Въ Государственной Думѣ I и II созывовъ мусульманская фракція насчитывала около 30 депутатовъ; въ 3-ьей Думѣ число послѣднихъ значительно уменьшилось. Между прочимъ киргизы по закону 3 іюня были лишены избирательнаго права.

Тактика мусульманскихъ депутатовъ въ Думѣ отличалась умѣренно-оппозиціоннымъ характеромъ.

На ряду съ мусульманскими народами и многія мелкія племена Европей-

ской и Азіатской Россіи подъ вліяніемъ событій 1905 г. выступили съ требованіями въ защиту свободы ихъ культурнаго развитія Возникли національные учительскіе союзы чувашей, черемисъ, вотяковъ. Развилось движеніе бурятское и якутское.

У обоихъ этихъ народовъ еще сильны пережитки родового быта. Переходъ къ территоріальному устройству совершился сравнительно недавно. Буряты, вслѣдствіе выдѣленія Забайкалья въ особую область, распались на двѣ національныя группы: иркутскихъ бурятъ и забайкальскихъ бурятъ, къ которымъ примкнула часть тунгузовъ. Въ 90 гг. бюрократія, въ виду обостренія отношеній между Россіей и Китаемъ, предприняла рядъ попытокъ упроченія своего вліянія среди забайкальскихъ бурятъ. Въ Читѣ была открыта бурятская типографія, стала издаваться газета на бурятскомъ языкѣ. Это содѣйствовало развитію среди бурятъ національнаго самоуправленія. И когда въ 1901 г. вышелъ законъ, лишившій бурятъ самоуправленія, это вызвало среди нихъ сильное негодованіе. Въ теченіи же 6 мѣсяцевъ 1905 г. произошло четыре общихъ съѣзда забайкальскихъ бурятъ. Больше всего заслуживаетъ вниманія съѣздъ, состоявшійся въ г. Читѣ въ концѣ апрѣля. Въ немъ приняло участіе 180 представителей, выбранныхъ по 1 отъ каждой 1000 населенія. Проектъ требуемаго съѣздомъ самоуправленія построенъ на территоріальныхъ началахъ. Наряду съ тремя единицами самоуправленія—низшей—„булукомъ“, средней—„управой“—и высшей—Думой, требуется также для объединенія интересовъ всѣхъ бурятъ и тунгузовъ Забайкальской области—введеніе института съѣздовъ изъ представителей отъ каждаго вѣдомства. Самоуправленіе съѣздъ желаетъ построить на демократическихъ началахъ: 1) всеобщемъ, равномъ избирательномъ правѣ безъ различія пола; 2) избираемости должностныхъ лицъ сходами и независимости ихъ отъ администраціи; 3) подчиненія компетенціи органовъ самоуправленія: хозяйственныхъ дѣлъ, полиціи, народнаго образованія; 4) признанія языкомъ дѣлопроизводства—бурятскаго; оставленія же русскаго языка только для сношеній съ администраціей.

Въ то же время были выставлены требованія реформированія суда; въ проектѣ указывалась желательность слѣдующихъ мѣръ: 1) судъ третейскій; 2) судъ инородческій; 3) съѣздъ инородческихъ судей; 4) судопроизводство ведется на бурятскомъ языкѣ. Въ области школьнаго вопроса съѣздъ счелъ необходимымъ: 1) введеніе всеобщаго обязательнаго обученія монгольской грамотѣ всѣхъ дѣтей въ возрастѣ отъ 7 до 12 лѣтъ; 2) передачу школъ въ вѣдѣніе органовъ самоуправленія; 3) въ школахъ старшаго возраста преподаваніе должно остаться на бурятскомъ языкѣ, но долженъ преподаваться русскій языкъ и общеобразовательные предметы; 4) отмѣна всѣхъ ограниченій пріема въ среднія и высшія школы. Наконецъ, съѣздъ требуетъ: 1) отмѣны

всѣхъ ограниченій религіознаго характера; 2) освобожденія духовенства отъ повинностей; 3) наименованія ламанстовъ буддистами.

Въ августѣ того же года состоялся съѣздъ иркутскихъ бурятъ, съ участіемъ 77 человѣкъ—по 1 представителю отъ 1.500 человѣкъ населенія. Основныя начала проекта самоуправленія, выработаннаго на немъ, слѣдующія: 1) низшимъ органомъ самоуправленія должна быть волость; 2) высшимъ—губернское земство; въ послѣднемъ должна существовать гарантія правъ меньшинства: разногласія между гласными русскими и инородческими должны разсматриваться въ третейскомъ судѣ, избираемомъ на каждый случай отдѣльно изъ гласныхъ инородцевъ и русскихъ въ равномъ числѣ; въ случаѣ равенства голосовъ судъ избираетъ особаго посредника, съ правомъ окончательнаго рѣшенія спорнаго вопроса. По всѣмъ остальнымъ вопросамъ позиція иркутскихъ и забайкальскихъ бурятъ одинакова.

Для предъявленія вышеприведенныхъ требованій правительству буряты отправляли въ Петербургъ особыхъ депутатовъ.

Но всѣ хлопоты были безрезультатны.

Въ концѣ 1905 и началѣ 1906 г. иркутскіе и особенно забайкальскіе буряты были захвачены революціоннымъ движеніемъ. Во многихъ мѣстахъ были закрыты волостныя правленія, бойкотировалась русская администрація; власть была передана лицамъ, избраннымъ изъ среды самихъ бурятъ. Что касается выборныхъ кампаній Госуд. Думы, то въ 1-ую Думу забайкальскіе буряты не успѣли послать своего представителя; иркутскіе—добивались особаго представительства, но, не получивъ таковаго, бойкотировали выборы. Во вторую Думу отъ забайкальскихъ бурятъ прошелъ к.-д.

Въ 1906 г. существовали уже въ зародышевомъ состояніи и собственныя бурятскія политическія партіи: 1) націоналистовъ—„стародумцевъ"; 2) прогрессистовъ; 3) соціалистовъ-народниковъ. Но политическая физіономія ни одной изъ нихъ не выяснилась; скорѣе можно сказать, что въ лицѣ этихъ партій лишь намѣтились контуры будущихъ политическихъ теченій среди бурятъ, и то въ очень общей формѣ.

Гораздо большую роль, чѣмъ партіи, играетъ въ жизни бурятъ „союзъ бурятскихъ учителей", въ составъ котораго въ 1906 г. вошли 60 учителей бурятскихъ школъ.

Союзъ намѣтилъ себѣ слѣдующія задачи: 1) способствовать національному возрожденію бурятъ; 2) содѣйствовать просвѣщенію бурятъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова; 3) національнизировать школу; 4) содѣйствовать организаціи борьбы за свободу національнаго самоопредѣленія бурятъ и автономію. Союзъ принялъ реформированный монгольскій шрифтъ А. Доржіева; занялся приготовленіемъ учебниковъ. Ведетъ широкую пропаганду своихъ идей. На призывъ учителей откликнулись широкія массы народа. Начинаютъ про-

водиться въ жизнь нѣкоторыя постановленія съѣздовъ. Въ нѣкоторыхъ „вѣдомствахъ“ организуется образовательный фондъ и общества распространенія просвѣщенія среди бурятъ.

Первые симптомы „весны“ дали толчекъ развитію движенія среди якутовъ, населяющихъ въ количествѣ 250.000 Якутскую область и составляющихъ въ ней подавляющее большинство населенія. Движеніе это, отличавшееся сначала чисто-стихійнымъ характеромъ, очень скоро становится сознательнымъ національнымъ движеніемъ.

Это слѣдствіе того, что молодая культура якутовъ, находящаяся еще въ зародышевомъ состояніи, отличается значительной силой. Такъ, напр., бывавшимъ въ Якутскомъ краѣ, сразу бросается въ глаза фактъ, что не только руссификаторская политика бюрократіи не ведетъ тамъ къ желаннымъ для нея результатамъ, но что, наоборотъ, и мѣстное русское населеніе и сами представители власти очень быстро подвергаются вліянію якутской культуры. И въ якутскомъ движеніи учителя, наряду съ якутскимъ сельскохозяйственнымъ обществомъ, сыграли немаловажную роль. До 1858 г. въ Якутской области существовало мѣстное родовое самоуправленіе, органами котораго были т. н. „степныя думы“. Руководство общественной жизнью принадлежало богачамъ—„тойонамъ“. Но вскорѣ они сдѣлали „думы“ орудіемъ эксплоатаціи трудящейся части своего народа, и поэтому, когда послѣднія были закрыты, массы не проявили особаго негодованія. Ими не были поддержаны и тщетныя просьбы „тойоновъ“ въ 80 г.г. объ открытіи думъ, просьбы, въ отвѣтъ на которыя правительство отобрало у якутовъ 500 дес. земли въ пользу ссыльныхъ сектантовъ-скопцовъ. Вслѣдствіе вышеуказанныхъ причинъ наканунѣ революціи среди якутовъ намѣчались два теченія: 1) во главѣ одного стояло большинство „тойоновъ“; 2) во главѣ другого большею частью народные учителя и вообще представители свободныхъ профессій. Первое было націоналистическимъ и стремилось къ возвращенію родового быта; второе—прогрессивнымъ и стояло за введеніе самоуправленія на основѣ территоріальнаго принципа, связывая дѣло реформъ въ Якутскомъ краѣ и удовлетворенія нуждъ національнаго развитія якутовъ съ дѣломъ демократизаціи государственнаго строя Россіи.

Въ 1904 г., когда донесся слухъ о манифестѣ по поводу рожденія наслѣдника, якуты стали готовить депутацію въ Петербургъ, намѣреваясь представить черезъ нее правительству свои нужды и прежде всего просить, чтобы уголовные преступники больше не высылались въ Якутскую область, такъ какъ ихъ пребываніе крайне отрицательно отражается на положеніи мѣстнаго населенія. Но депутація была запрещена. Съ момента изданія манифеста 18 февраля 1905 г. въ г. Якутскѣ и улусахъ начинается періодъ митинговъ и собраній съ цѣлью выработки петицій по вопросу о

нуждахъ населенія вообще и мѣстномъ самоуправленіи въ частности. Уже первое собраніе выслало телеграмму на имя предсѣдателя совѣта министровъ съ требованіемъ созыва всероссійскаго учредительнаго собранія на основѣ 4-хъ членной формулы.

Дальше шло тщательное обсужденіе вопроса о типѣ самоуправленія. Въ результатѣ громадное большинство населенія признало желательнымъ самоуправленіе территоріальнаго типа, совмѣстное для русскаго и якутскаго населенія, организованное на широкихъ демократическихъ началахъ. Въ январѣ 1906 г. въ Якутскѣ былъ созванъ съѣздъ представителей якутскаго народа, на который явилось 400 человѣкъ. На немъ образовался Якутскій Союзъ, выставившій слѣдующія требованія: 1) признанія всѣхъ земель собственностью постоянныхъ жителей края—инородцевъ; 2) предоставленія якутамъ права имѣть собственнаго представителя въ Думѣ; 3) скорѣйшаго утвержденія положенія о земскомъ самоуправленіи; 4) немедленнаго уничтоженія опеки полиціи надъ инородческими общественными учрежденіями и прекращенія всякаго сношенія съ ними администраціи.

Такъ какъ съѣздъ происходилъ въ моментъ наивысшаго подъема движенія въ краѣ, то вышеприведенныя требованія были ультимативно предъявлены по телеграфу Предсѣдателю Совѣта Министровъ, причемъ члены Союза заявили, что: 1) будутъ прерваны всякія сношенія съ чинами полиціи; 2) будетъ прекращенъ взносъ податей и отбываніе повинностей. И по распоряженію Союза прекратились всякія сношенія между Областью и высшей властью въ Иркутскѣ и Европейской Россіи. Но вскорѣ организаторы движенія были арестованы и преданы суду, и революціонное движеніе прекратилось.

За то началась энергичная культурная дѣятельность. Основывается газета „Якутскій Край", издающаяся на русскомъ и якутскомъ языкахъ. Появляются изданія на якутскомъ языкѣ. Открывается якутскій національный театръ. Появляются произведенія изъ области изящной литературы. Кладется фундаментъ для развитія молодой якутской культуры.

* * *

Мы сдѣлали краткій обзоръ развитія національнаго движенія на всемъ пространствѣ россійскаго государства, начиная съ обладающаго богатой національной культурой польскаго народа и кончая инородцами Сибири, среди которыхъ замѣчаются только первые проблески культурнаго развитія. Не смотря на глубокія различія въ характерѣ движенія отдѣльныхъ націй, вытекающія какъ изъ внѣшнихъ условій, въ которыхъ онѣ живутъ, такъ и изъ степени ихъ культурнаго развитія, мы повсюду встрѣчаемъ въ націо-

нальномъ движеніи нѣкоторыя общія черты. Оно развивается у болѣе культурныхъ народовъ, какъ неизбѣжный продуктъ ихъ капиталистическаго развитія; оно возникаетъ у менѣе культурныхъ подъ живительнымъ воздѣйствіемъ порожденнаго капиталистическимъ развитіемъ Россіи выступленія массъ на борьбу за ея политическое освобожденіе, какъ отраженіе еле зарождающихся еще общественныхъ отношеній, вызванное этими выступленіями. Повсюду оно выступаетъ какъ явленіе прогрессивное. Преслѣдуя задачу возрожденія отдѣльныхъ націй, сплоченныхъ капиталистическимъ развитіемъ въ одинъ государственный организмъ, оно вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствуетъ дѣлу возрожденія россійскаго государства. Ни у одной націи національное движеніе не принимаетъ формы движенія, грозящаго существованію государства [1]); повсюду его тенденціи въ большей и или меньшей степени совпадаютъ съ тенденціями политическаго развитія государства такого типа, какъ Россія—состоящаго изъ областей, отличающихся особыми бытовыми условіями и разноплеменнымъ составомъ населенія.

Но если національное движеніе въ Россіи чуждо антигосударственнаго, антироссійскаго элемента, то за то оно въ корнѣ враждебно отжившей феодально-бюрократической государственной структурѣ.

Будучи вызвано развитіемъ общественной самодѣятельности, являющимся слѣдствіемъ капиталистическаго развитія, оно по своей сущности является отрицаніемъ политическаго режима, основаннаго на подавленіи этой самодѣятельности. Вытекая изъ тенденцій развитія капитализма, національное движеніе служитъ факторомъ дальнѣйшаго его развитія, однимъ изъ сильныхъ двигателей необходимаго въ его интересахъ преобразованія государственнаго строя Россіи.

И учетъ стремленій и идеаловъ наиболѣе прогрессивныхъ и активныхъ элементовъ отдѣльныхъ націй представителями русскаго освободительнаго движенія можетъ явиться однимъ изъ важныхъ условій прогресса россійскаго государства въ области его экономической, общественной и политической жизни.

К. Залѣсскій.

---

[1]) Такимъ характеромъ отличается лишь рев. фр. П. П.-С., но эта группа никакой роли въ политической жизни Польши въ настоящее время не играетъ.

При составленіи настоящей статьи я пользовался слѣдующими источниками: Rozwoj pnemystu polskiego w poczytku XX st. S. Koszuckiego: „Litwa" — M. Römera; „Фауны и Клоуны" — Янсона; Дубновъ „Исторія еврейскаго народа"; Маргуліесъ „Потребит. и кредитныя общества"; Страсбургеръ „Кооперативы въ Польшѣ"; „Право" и „Русская мысль" за 1905 и 1906 г.; „Наша жизнь" и „Сынъ Отечества" за 1905 г. „Товарищъ" за 1907 г. „Czerwony Sztandar", „Robotnik", „Gazeta Ludowa"—„Gazeta Polska", „Glos Warszawski", „Muzeum", „Nowe Tory", „Kultura Polska", „Zwizzek Zawodowy", „Zwizzkowiec" „Zycie Robotnicze", „Spotem", „Послѣднія Извѣстія", „Хроника еврейской жизни", „Volkszeitung", „Freund", „Viln i us Zinios", „Zina", „Вільна, „Украина", „Правда", „Литерацко-Науковіі Вістникъ", „Восточное Обозрѣніе", „Сибирская Жизнь", „Якутскій Край"; неизданныя записки еврейскаго литератора Ольгина; Отчетъ объ эчміадзинскомъ съѣздѣ 1906 г.; выписки изъ армянскихъ изданій, сдѣланныя редакторомъ „Дрошака"; выписки изъ грузинскихъ и татарскихъ газетъ; „Наша Доля" и „Наша Нива". Беллетристическія произведенія всѣхъ польскихъ писателей за 1905—1908 г.г.; беллетристическія произведенія еврейскихъ писателей въ русскомъ, польскомъ, нѣмецкомъ переводахъ. Непеpіодическія изданія (листки, воззванія, договоры, манифесты), за 1905—1907 г.г., найденныя мною въ краковскихъ библіотекахъ: университетской и архивѣ р. фр. П. П. С., а равно въ женевскомъ еврейскомъ архивѣ.

Общественное движеніе въ Финляндіи.

А. КОЛЛОНТАЙ.

Общественное движеніе въ Финляндіи.

I.

„Финляндскій вопросъ" въ концѣ 80-хъ годовъ. Расцвѣтъ хозяйственной жизни Финляндіи и интересы русскихъ промышленниковъ. Первыя обрусительныя мѣропріятія 1890—1893 гг.

Въ моменты общесвенно-политическаго подъема отчетливо и выпукло выступаетъ неразрывная связь существовующая между общественнымъ движеніемъ въ Россіи и политическими событіями въ Финляндіи. Однако, и въ періоды политическаго затишья и внѣшняго „успокоенія" общность и зависимость событій общественно-политическаго характера по обѣ стороны Сестры-рѣки лишь теряетъ отчетливость своихъ контуровъ.

Каждый разъ, когда общественно-политическая атмосфера въ Россіи свѣтлѣетъ, не исчезаетъ, тогда и надъ Финляндіей восходитъ „политическое солнце". Стоитъ сгуститься мраку надъ Россіей, и темными тучами заслоняется горизонтъ Великаго Княжества.

Первая половина царствованія Александра I ознаменовывается „либеральными вѣяніями"—Финляндія даруется конституція. Настаютъ суровыя и мрачныя николаевскія времена, общественно-политическая жизнь Финляндіи застываетъ. Чуть брежжитъ свѣтъ въ робкихъ попыткахъ печати удовлетворить культурные запросы населенія, но и эти невинныя попытки общественнаго самосознанія душатся самымъ безжалостнымъ образомъ. Цензура стоитъ на стражѣ „обще-имперскихъ интересовъ" [1]).

„Эпоха великихъ реформъ" связана для Финляндіи съ воскрешеніемъ ея политической и общественной жизни.

---

1) См. „Финляндія", подъ ред. Протопопова, 1898 г., глава „Печать". „Не было времени ни ранѣе, ни позже того, когда бы свобода слова была такъ стѣснена" говоритъ про николаевскія времена писатель Эрко.

Послѣ полу-вѣкового перерыва въ 1863 г. собираются Сословія; кипитъ работа обновленія; спѣша, проводится рядъ реформъ въ областяхъ финансовой, соціально-политической, экономической.

Во вторую половину 80-хъ годовъ, когда тяжелая рука реакціи придушила всѣ живые побѣги общественности въ Россіи, беретъ свое начало и знаменитая травля маленькаго народа, неуклонно и мирно шествовавшаго по пути прогресса.

Финляндія давно являлась бѣльмомъ на глазу „для бюрократовъ обрусительнаго типа". Конституціонныя учрежденія страны, прочная автономія края, до котораго не доставали длинныя, цѣпкія руки „обрусителей", не давали покоя всей кликѣ „централистовъ", группировавшихся вокругъ Побѣдоносцева.

Фанатики абсолютизма видѣли въ ней „оскорбленіе" принципа самодержавія, любители тепленькихъ мѣстечокъ точили зубы на ея административные посты, доступные, по конституціи, однимъ финляндскимъ гражданамъ. Однако, въ первые годы царствованія Александра III бюрократіи было достаточно дѣла у себя „дома", въ самомъ сердцѣ Россіи. Лишь послѣ того, какъ на поверхности изчезли послѣднія проявленія „оппозиціоннаго духа", могла почившая на лаврахъ бюрократія обратить свой заботливый взоръ на окраины.

Къ субъективно-чиновничьимъ соображеніямъ примѣшивался по отношенію къ Финляндіи, разумѣется, и обще-государственный моментъ: опасность имѣть подъ бокомъ столицы Имперіи страну съ относительно свободными гражданскими установленіями. Финляндія начинала казаться очагомъ заразы, откуда буйными вѣтрами заносились болѣе или менѣе безсмысленныя мечтанія... Автономная организація военныхъ силъ лишь усугубляла опасность.

Первые залпы по Финляндіи открыло „Новое Время"; за нимъ потянулись катковскія „Московскія Вѣдомости" [1]).

Вслѣдъ за газетными оруженосцами поднялъ свой національный мечъ противъ Финляндіи нѣкій К. Ординъ [2])

---

[1]) „Новому Времени" надо отдать „справедливость"—втеченіе 20 лѣтъ оно „стойко" выдержало свою линію... Что касается „Московскихъ Вѣдомостей", то ихъ отношеніе выявлялось лишь постепенно, подъ вліяніемъ теченій, обозначавшихся „вверху". Въ 1871 г. „Московскія Вѣдомости" говорили о Финляндіи, какъ о „сосѣднемъ государствѣ" (см. передовую 6-го марта); въ 1884 г. отношеніе Финляндіи и Россіи подводилось подъ понятіе „личной уніи"; еще въ мартѣ 1885 г. катковскій органъ заявляетъ, что Россія разсматриваетъ Великое Княжество, какъ „обособленную единицу", состоящую съ Имперіей въ отношеніяхъ, построенныхъ на началахъ „личной уніи" (см. передовую 18 марта). Но уже осенью того же 1885 г. открываютъ „Московскія Вѣдомости" свой походъ на Финляндію; о ней уже иначе не говорится, какъ о „подозрительной" по своимъ „сепаратистскимъ стремленіямъ" провинціи.

[2]) Сначала Ординъ выпустилъ „Комментарій" къ труду Мехелина „Le Précis de droit public en Finlande" (1885 г.), позднѣе объемистое сочиненіе „Покореніе Финляндіи"; за ними посыпался дождь болѣе мелкихъ статей. Старанія Ордина

Напрасно старались финляндскіе государствовѣды и юристы: Мехелинъ, проф. Даніельсонъ, Германсонъ и др. выступать съ опроверженіями, запасшись документальными справками, напрасно исправляли они „фактическія" неточности новоявленныхъ ученыхъ-обрусителей. Цензура спѣшила на помощь этимъ послѣднимъ и печатные труды финляндскихъ ученыхъ изымались изъ обращенія въ предѣлахъ Россіи...

Несомнѣнно одно: травля, начатая кликой бюрократовъ-обрусителей, никогда бы не достигла такой интенсивности и, растянутая на болѣе долгій періодъ, быть можетъ, оказалась бы отодвинутой другимъ, болѣе насущнымъ политическимъ вопросомъ, еслибъ опредѣленный соціально-экономическій факторъ не подоспѣлъ въ подкрѣпленіе аттаки чиновниковъ-обрусителей.

Къ чиновничьему хору присоединили свои внушительные голоса представители русской отечественной промышленности и торговли, къ которымъ въ тотъ періодъ „сферы" несомнѣнно прислушивались.

Финляндія съ начала 70-хъ годовъ переживала почти непрерывный экономическій подъемъ. Цѣлый рядъ соціально-политическихъ моментовъ этому благопріятствовалъ. Было очевидно, что финляндскую обрабатывающую промышленность ждетъ розовое будущее. Характеръ народнаго хозяйства, его физіономія рѣзко мѣнялись; Финляндія изъ страны земледѣльческой, со слабо-развитой промышленностью, съ преобладаніемъ ремесленнаго производства и кустарничества, превращалась въ страну индустріальную, гдѣ хозяйничалъ и давалъ тонъ крупный капиталъ. Оживляются торговыя сношенія съ Западомъ и Россіей, развивается банковое и кредитное дѣло, притекаютъ иностранные капиталы. Крупными шагами идетъ Финляндія по пути капитализма. Въ 1875 г. въ Финляндіи (включая земледѣліе) насчитывалось всего 276 паровыхъ машинъ въ 5422 лош. силы; въ 1887 г. паровыхъ машинъ уже 456—въ 9704 лош. силы; черезъ 10 лѣтъ—въ 1898 г.—паровыхъ машинъ 905, число лошадиныхъ силъ равно 29.206 [1]). Въ 1850—52 гг. торговый оборотъ страны едва достигалъ 44 мил. марокъ въ годъ, изъ которыхъ 17 мил. мар. падало на долю Россіи; въ 1883 — 1885 гг. общая цѣнность товарообмѣна Финляндіи достигаетъ 239 мил. мар., и изъ нихъ на долю Россіи приходится

дали двойной результатъ: „субъективно" Ординъ стяжалъ ими лавры ученаго и раздобылъ придворный чинъ, „объективно"—его работы послужили неизсякаемымъ родникомъ, изъ котораго позднѣйшіе финнофобы черпали свои „ученые" аргументы и доказательства. Начиная съ первыхъ витязей финляндскаго похода проф. Коркунова, Еленева, Мессароша и т. д. и кончая современными „младшими богатырями": проф. Сергіевскимъ, Таганцевымъ, Федоровымъ, Суворовымъ, Румянцевымъ и т. д., всѣ черпали свои историческія свѣдѣнія и обогащали свои государственно-правовыя представленія о Финляндіи изъ сочиненій г-на Ордина.

1) А. Коллонтай—„Жизнь финляндскихъ рабочихъ", стр. 11 и 27.

100 мил. мар. [1]). Ввозъ изъ Россіи, какъ въ 50-хъ, такъ и въ 80-хъ годахъ значительно превышаетъ еще вывозъ, но наблюдается несомнѣнное повышеніе экспорта финляндскихъ товаровъ въ Россію. Послѣднее обстоятельство подало поводъ русскимъ промышленникамъ забить тревогу. Опасенія за судьбу отечественной промышленности заставили россійскихъ предпринимателей обратить чающіе взоры на имперское правительство [2]).

Заговорили объ исключительно-благопріятныхъ условіяхъ, въ которыхъ находится финляндская промышленность: обиліе дешевой двигательной силы — водопадовъ, близость запасовъ дешеваго топлива — лѣса, наконецъ, низкія таможенныя ставки, все это дѣлаетъ изъ нея опасную для Россіи конкуррентку. Низкія пошлины облегчаютъ полученіе изъ-за границы сырья и полуфабрикатовъ, которые, подвергаясь въ Финляндіи окончательной отдѣлкѣ и будучи значительно дешевле русскихъ товаровъ, поступаютъ на русскій же рынокъ [3]). Указывали правительству на необходимость огражденія интересовъ русскихъ промышленниковъ отъ конкуренціи „баловней судьбы" финляндцевъ.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ ламентацій промышленниковъ, правительство рѣшило прибѣгнуть къ ряду мѣръ, регулирующихъ отношеніе Имперіи и Великаго Княжества въ области народнаго хозяйства. Русско-финскій таможенный уставъ подвергся пересмотру въ 1885 г. и новому дополненію въ 1897 г. [4]). Естественнымъ послѣдствіемъ этого пересмотра явилось рѣзкое

---

[1]) Тамъ же, табл. I. Свѣдѣнія о товарообмѣнѣ Финляндіи и Россіи за болѣе поздній періодъ даютъ на русскомъ языкѣ слѣд. статьи: „Къ финляндскому таможенному вопросу" „Финляндія", 1909, № 18. „Нѣсколько словъ о товарообмѣнѣ Финл. и Россіи" „Финляндія", 1909, № 6.

[2]) Каждый разъ, когда товарообмѣнъ между Финляндіей и Россіей повышался, особенно же, когда ввозъ въ Россію обнаруживалъ тенденціи къ быстрому увеличенію, подымался вопросъ о пересмотрѣ торговыхъ отношеній Великаго Княжества и Россіи. Но простая отмѣна таможни далеко не во всѣхъ кругахъ промышленниковъ встрѣчала сочувствіе, снятіе таможенной черты, по мнѣнію представителей отечественной индустріи, грозило бы цѣлому ряду промышленныхъ отраслей серьезнымъ подрывомъ. Сюда въ первую голову относится писчебумажная промышленность; несмотря на таможенныя ставки ввозъ бумаги изъ Финляндіи въ Россію съ 1900 г., когда бумаги ввозилось на *17.505 м. м.*, поднялся въ 1907 г. до *42.602 м. мар.* Этотъ страхъ, что продукты нѣкоторыхъ отраслей финляндской промышленности могутъ „затопить" русскій рынокъ, заставляетъ правительство въ таможенномъ вопросѣ балансировать между желаніемъ уничтожить таможенную черту и опасеніями передъ послѣдствіями такой мѣры для отечественной же промышленности. (Ср. „Къ вопросу о там. объединеніи Финл. и Россіи"—В. Гефдингъ, „Русская Мысль", май, 1910).

[3]) На дешевизнѣ сырья построена вся жизненность финляндской индустріи; въ странѣ, за исключеніемъ лѣса и незначительнаго количества желѣза, нѣтъ никакихъ естественныхъ богатствъ. Всѣ „естественныя преимущества" утратили бы свое значеніе, если бъ таможенныя ставки были повышены до размѣровъ русскихъ, т. е. прибл. на 200%.

[4]) По новому уставу для цѣлаго ряда финляндскихъ товаровъ опредѣленъ дифференціальный тарифъ, ввозъ многихъ фабрикатовъ ограниченъ извѣстнымъ минимумомъ, для русскихъ же товаровъ существуетъ свободный импортъ, за исключеніемъ товаровъ колоніальныхъ, алкоголя, табаку, картъ.

пониженіе товарообмѣна между Финляндіей и Россіей въ концѣ 80-хъ годовъ, при замѣтно усилившемся оживленіи торговыхъ сношеній Финляндіи съ другими странами [1]),

Въ исторіи Финляндіи 1890 годъ можетъ быть отмѣченъ, какъ „эра", отъ которой ведетъ свое лѣтосчисленіе обрусительная политика. Манифестомъ 12 іюня 1890 г. управленіе почтой, безъ испрашиванія на то согласія Сословій, возлагается на обще-русское почтовое вѣдомство. Въ томъ же году учреждается особая комиссія для выработки проекта объединенія таможенной и монетной системъ Финляндіи съ обще-имперскими [2]).

Манифестомъ 1 дек. того же года неожиданно, по спеціальнымъ проискамъ обрусителей [3]), пріостанавливается дѣйствіе новаго уголовнаго уложенія, принятаго послѣднимъ Сеймомъ и долженствовавшаго вступить въ силу въ 1891 г. [4]). Аппетиты обрусителей разыгрываются.

Въ 1891 г. упраздняется „комиссія для финляндскихъ дѣлъ" при финляндскомъ министерствѣ. Лѣтомъ 1891 г. — новый ударъ: по высочайшему повелѣнію, финляндскіе чиновники замѣщаются русскими въ статсъ-секретаріатѣ Финляндіи и канцеляріи генералъ-губернатора. Повелѣніе 1891 г. устанавливаетъ, что при назначеніи на казенную службу въ Финляндіи предпочтеніе должно отдаваться лицамъ, знающимъ русскій языкъ.

Особыми постановленіями отягчается положеніе печати, цензура усиливается [5]). Воскресаетъ похороненный еще при Александрѣ II вопросъ о кодификаціи законовъ Великаго Княжества въ связи съ имперскими. Въ 1891 г. образуется особая финляндская комиссія, преобразованная въ 1891 г. въ „смѣшанное" русско-финляндское совѣщаніе, работающая подъ предсѣдательствомъ Бунге. Занятія совѣщанія заключаются въ отысканіи и установленіи пресловутыхъ „обще-имперскихъ дѣлъ", требующихъ и единообраз-

---

[1]) За 2-хъ-лѣтіе 1886—1888 г. товарообмѣнъ между Имперіей и Вел. Княжествомъ понизился со 105¹/₂ мил. мар., до 79¹/₂ мил. мар., составляя 42% всего товарообмѣна Финляндіи. Лишь постепенно удается къ 1900 г. подняться товарообмѣну между Имперіей и Вел. Княжествомъ до 168 мил. мар., что составляетъ однако всего 36% всей цѣнности годовыхъ торговыхъ сношеній Финляндіи. См. „Жизнь финл. рабочихъ", табл. I.

[2]) Характерны протоколы „смѣшанной комиссіи" по таможенному вопросу, въ которой недвусмысленно говорится объ истинной цѣли таможенной реформы: защитить русскую промышленность отъ конкуренціи финляндской. См. „Staatsstreich in Finland"—Dr. B. Menzès, Berlin, 1899.

[3]) См. С. Смирнова „Угнетенная страна" стр. 20 и Федорова „Подготовка финляндской революціи".

[4]) См. М. Руссобтовскій — „Историческое освѣщеніе финляндскаго вопроса", 1910, стр. 35.

[5]) Въ 1893 г. Сейму предложено было „въ окончательной редакціи" новое уголовное уложеніе, усиливающее наказаніе за государственныя преступленія. См. „Государств.-правовое положеніе Вел. Кн. Финляндскаго".— баронъ Остенъ-Сакенъ, стр. 90 и прил. 19.

ной, обще-имперской законодательной нормировки. Проектъ законодательнаго рѣшенія обще-имперскихъ вопросовъ, выработанный въ 1893 г., переданъ былъ совѣщаніемъ въ Государственный Совѣтъ. Это былъ „критическій моментъ" для Финляндіи...

Смерть Александра III перебила намѣчавшуюся линію. Финляндскій вопросъ, рядомъ другихъ заботъ, былъ на нѣкоторое время отодвинутъ на задній планъ. Наступило затишье. Финляндское общество вздохнуло свободно; оно повѣрило, что гроза миновала.

Первоначальный походъ обрусителей заканчивается 1893 годомъ. Однако, сторонники „централизма" не дремали; 90-ые годы — это періодъ пышнаго расцвѣта финнофобской литературы. Центральнымъ вопросомъ служитъ сомнѣніе въ подлинности конституціонныхъ основъ Великаго Княжества. Оспаривается правомѣрность автономіи Финляндіи, доказывается рядъ противорѣчащихъ положеній, изъ которыхъ вытекаетъ не то, что Александръ I вовсе не даровалъ Финляндіи конституціи, а лишь сдѣлалъ видъ, что ее даруетъ, не то, что онъ совершилъ политическій актъ, самъ „не понимая его значенія"... Агитація ведется упорная, систематическая.

„Финляндскій вопросъ" становится въ срединѣ 90-хъ годовъ одной изъ злободневнѣйшихъ темъ и русской либеральной печати. Судьбу Финляндіи естественно связываютъ съ будущимъ только что пробуждающейся русской общественности; по тому обороту, какой принимаетъ финляндскій вопросъ, гадаютъ о судьбахъ оппозиціонной Россіи...

II.

Общественные классы и политическія партіи въ Финляндіи до 1898 г. Шведоманы: ихъ отношеніе къ отечественной конституціи и русскому Монарху. Суометаріанцы или старо-финны, ихъ соціальныя задачи. Внутренняя политика. Возникновеніе рабочаго вопроса. Сельскій пролетаріатъ. Ростъ промышленности. Начало рабочаго движенія. Младо-финны—ихъ буржуазный радикализмъ.

Какъ же реагировало населеніе Финляндіи на попытки обрусителей произвести обще-имперскую нивеллировку? Чтобы уловить тѣ причины, которыя облегчали руссификаторскую работу въ странѣ, чтобы выяснить тѣ моменты, которые поддерживали въ извѣстныхъ слояхъ населенія „духъ сопротивленія", необходимо прежде всего отчетливо „расчленить" финляндское общество на его основныя соціальныя группы. Пока Финляндія, какъ то было еще лѣтъ 50 тому назадъ, представляла собою страну преимущественно земледѣльческую, со слабо развитой промышленностью, не выходившею изъ рамокъ ремесленнаго производства, пока *производство* страны находилось еще на отсталой

ступени районнаго хозяйства, классовыя очертанія Финляндіи носили приблизительно слѣдующій характеръ. На одномъ концѣ соціальной лѣстницы—родовитая земельная аристократія, шведы по происхожденію или ошведившіеся финны, потомки древнихъ викинговъ, полновластные господа положенія. На другомъ концѣ—обнищалое, угнетенное, политически и экономически, безправное, почти милліонное сельское безземельное населеніе, неосѣдлый земельный пролетаріатъ, живущій случайными заработками. Надъ нимъ все еще тяготѣли суровыя средневѣковыя постановленія о бродяжничествѣ; законы лишали его права заниматься ремеслами и торговлей [1]). Этотъ слой населенія въ изобиліи давалъ помѣщикамъ-шведоманамъ торпарей, бобылей, батраковъ, отбывавшихъ за клочекъ земли повинности—натурой и трудомъ. Своего рода „крѣпостное право" безъ юридической санкціи.

Эти два крайнихъ полюса соединялъ новый, восходящій слой населенія—„третье сословіе", ремесленники торговцы, мелкіе предприниматели, крестьяне-собственники, истинные дѣти народа, связанные съ нимъ традиціями, расовыми особенностями, національностью и финскимъ языкомъ. Это была восходящая „юная" Финляндія, потомки славныхъ Вейнемейнена, Ильмаринена, Леммикайнена...

Начиная со средины XIX вѣка центральное мѣсто въ общественно-политической жизни страны занимаетъ борьба языковъ, борьба литературнаго языка культурныхъ скандинавовъ и съ трудомъ укладывающагося въ грамматическія рамки нарѣчія дикаго угромонгольскаго племени. Но за этой внѣшней борьбой языковъ не трудно разглядѣть дѣйствіе болѣе глубокаго разростающагося антагонизма. Борьба шведскаго и финскаго языка—это борьба земельнаго дворянства, привыкшаго къ безраздѣльному господству въ странѣ, съ крѣпнущей, вырастающей, пріобрѣтающей постепенно первенствующее значеніе въ хозяйственной жизни страны—буржуазіей, третьимъ сословіемъ.

Господство шведскихъ элементовъ базировалось на трехъ основныхъ соціальныхъ моментахъ: во-первыхъ, на рѣшающей роли земледѣлія въ хозяйственной жизни страны, во-вторыхъ, на устарѣлыхъ основахъ шведской конституціи, связанной съ рядомъ привилегій для сословнаго дворянства (безвыборное представительство старшаго въ каждомъ дворянскомъ родѣ, обладаніе „фрельсовыми", свободными отъ обложенія землями и т. д.). наконецъ, — на языкѣ, пріобщавшемъ Финляндію ко благамъ европейской культуры и роднившей ее съ болѣе передовыми скандинавскими странами. Классовое господство шведомановъ держалось на этихъ „трехъ китахъ" и за неприкосновенность этихъ китовъ шведоманы стояли со всей страстностью и упорствомъ, на какое способенъ бываетъ слой населенія только въ томъ

---

[1]) Свобода промысловъ была установлена въ Финляндіи лишь въ 1879 г.

случаѣ, когда его дѣйствіями руководитъ опредѣленный классовый интересъ. Конституціонныя установленія края являлись особенно цѣнными для шведомановъ; эта устарѣлая форма представительной системы сливалась органически съ интересами дворянства и являлась своего рода укрѣпленіемъ противъ соціально-политическихъ новшествъ, выдвигаемыхъ жизнью. За нею шведоманы чувствовали себя въ безопасности. Неудивительно, что именно эта политическая группа такъ рѣшительно и упорно отстаивала основныя установленія своей родины противъ посягательствъ имперскаго правительства. Малѣйшая уступка, малѣйшее измѣненіе „основъ" грозили нарушить „соціальное равновѣсіе", установившееся въ странѣ, и, отодвинувъ родовитое дворянство, передать бразды правленія въ руки крѣпнущей буржуазіи. Неприкосновенность привычнаго status quo являлось условіемъ дальнѣйшаго господства шведомановъ. Съ этой точки зрѣнія шведоманы являлись ярыми „конституціоналистами", но только въ предѣлахъ Великаго Княжества. Разъ дѣло касалось Имперіи—политическіе идеалы шведомановъ теряли свою „пурпуровую" окраску. Чѣмъ упорнѣе защищали они свою конституцію, тѣмъ большую лояльность проявляли они по отношенію къ русскому абсолютизму, тѣмъ ожесточеннѣе и враждебнѣе относились ко всѣмъ тѣмъ элементамъ русскаго общества, которые мечтали о водвореніи въ Имперіи одинаковыхъ съ Финляндіей „основъ". Путемъ личнаго вліянія и дворцовыхъ связей надѣется финляндская аристократія упрочить за родиной незыблемость ея законовъ. На всемъ протяженіи царствованія Александра II и въ первую половину царствованія Александра III шведоманское дворянство старается неизмѣнной, подчеркнутой преданностью Императору и самодержавію купить рядъ политическихъ уступокъ въ пользу Финляндіи. На фонѣ „мятежнаго" русскаго дворянства 60-хъ и 70-хъ годовъ лояльность шведомановъ несомнѣнно рѣзко выдѣлялась. Нѣтъ ничего удивительнаго, если Александръ II проявлялъ по отношенію къ нему, а черезъ него и по отношенію ко всей Финляндіи ту „слабость", за которую корятъ его и сейчасъ черносотенцы. Между родовитыми шведоманами и русскимъ Царемъ существовалъ родъ молчаливаго договора: въ противовѣсъ дворянству русскому, шведоманы проявляли полнѣйшую преданность русскому самодержавію и готовность защищать его противъ посягательствъ со стороны русскихъ оппозиціонно-настроенныхъ элементовъ. За то Императоръ предоставлялъ шведоманамъ право безраздѣльнаго господства въ родной странѣ и не посягалъ на исконныя привилегіи.

Совершенно въ иномъ положеніи находилась буржуазія, постепенно нашедшая свое политическое выраженіе въ національной *финноманской* или *суометаріанской* партіи. Уже по тѣмъ задачамъ, которыя стояли передъ финноманами, по той роли, которая выпала на ихъ долю въ историческомъ процессѣ, они являлись, если не революціонерами, то во всякомъ

случаѣ новаторами. Защищая конституціонныя установленія края, тѣсно связанныя съ ихъ классовыми привилегіями, шведоманы не выходили за предѣлы политическаго консерватизма. Иное дѣло финноманы, третье сословіе. Дальнѣйшая судьба этого класса и партіи тѣсно сплеталась съ поступательнымъ ходомъ экономической жизни страны и обусловливалась рядомъ неотложныхъ реформъ въ областяхъ соціальной, хозяйственной и политической.

Упроченіе ихъ вліянія и расширеніе ихъ соціальнаго значенія пріобрѣталось только путемъ реорганизаціи системы народнаго представительства на болѣе демократическихъ началахъ, на признаніи равноцѣнности финскаго языка и на безпрепятственномъ развитіи промышленности и торговли.

Отношеніе къ имперской власти опредѣлялось въ рядахъ финномановъ тѣми уступками, которыми они надѣялись купить поддержку русскихъ властей противъ деспотіи шведоманской аристократіи. Своей податливостью и сговорчивостью въ вопросахъ внутренней политики Великаго Княжества расчитывали финноманы упрочить связь свою съ имперской властью и, опираясь на ея сотрудничество, урѣзать права шведоманскаго дворянства. Финляндія, отсталая въ своемъ соціально-экономическомъ развитіи, переживала въ XIX вѣкѣ кризисъ, черезъ который западно-европейскіе страны прошли еще въ 17 столѣтіи. Подобно тому, какъ, „третье сословіе" во Франціи и въ Англіи становилось на сторону монарха въ его борьбѣ съ феодальнымъ дворянствомъ, разсчитывая этимъ путемъ купить себѣ новыя „вольности", искала восходящая финляндская буржуазія опоры у русскаго Царя противъ шведскихъ „викинговъ". Въ своемъ классовомъ ослѣпленіи финноманы готовы были, изъ классовыхъ соображеній, принести въ жертву драгоцѣннѣйшія права націи, поступиться независимостью даже тѣхъ „основъ", измѣненіе которыхъ грозило въ конечномъ счетѣ гибелью для всѣхъ слоевъ населенія. Достаточно вспомнить, что никто иной, какъ финноманы добились признанія равноцѣнности финляндскаго языка путемъ административнаго повелѣнія Александра II, повелѣнія, не получившаго предварительной санкціи Сейма... Этотъ существенный классовый моментъ, окрашивающій дѣйствія и поведеніе суометаріанцовъ съ самыхъ первыхъ шаговъ появленія ихъ на общественной аренѣ, многое объясняетъ въ дальнѣйшемъ ходѣ обрусительной политики. Нѣтъ ничего удивительнаго, если генералъ-губернаторъ Бергъ еще въ 50-хъ годахъ бросилъ свое извѣстное mot: „Еслибъ не было финномановъ, пришлось бы ихъ выдумать"... Классовый моментъ опредѣляетъ собою и отношеніе обѣихъ главныхъ политическихъ партій къ цѣлому ряду основныхъ вопросовъ соціальной политики.

Шведоманы—ярые фритредеры, финноманы—протекціонисты. Шведоманская партія вербуетъ своихъ приверженцевъ среди крупной родовой земельной

аристократіи и представителей крупнаго финансоваго и промышленнаго капитала; свободный ввозъ недостающаго странѣ сырья, орудій производства, сельскохозяйственныхъ машинъ—является неизбѣжнымъ условіемъ дальнѣйшаго экономическаго благополучія этого слоя населенія. Финноманы—представители мелкихъ ремесленниковъ, средняго и мелкаго торговаго и промышленнаго капитала, земельнаго крестьянства. Иностранная конкуренція подрываетъ жизненность неустойчивой и слабой промышленности, полуремесленнаго типа. Ввозъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ для крупнаго землевладѣнія не опасенъ: на собственный и міровой рынокъ оно выбрасываетъ молочные продукты, главнымъ образомъ масло. Привозный хлѣбъ сбиваетъ цѣну хлѣбныхъ продуктовъ лишь крестьянскаго хозяйства. Отсюда у представителей крестьянства—финномановъ—принципъ „протекціонизма".

Въ вопросѣ о системѣ народнаго представительства шведоманы естественно и неизбѣжно консерваторы, ярые противники демократизаціи государственнаго строя. Всякій шагъ въ этомъ направленіи грозитъ ограничить ихъ безраздѣльное господство.

Финноманы—демократы, защитники реформъ въ области Сеймоваго представительства и коммунальнаго самоуправленія. Впрочемъ, демократизмъ ихъ имѣетъ опредѣленные предѣлы—онъ останавливается тамъ, гдѣ начинаются требованія слѣдующаго слоя населенія—пролетаріата.

Каждый дальнѣйшій шагъ по пути экономическаго развитія лишь обострялъ классовыя противорѣчія и усугублялъ ненависть между обѣими партіями такъ называемыхъ „языковъ". Но если классовый моментъ разъединялъ ихъ силы и неразъ ослаблялъ сопротивленіе націи обрусительной политикѣ, то въ одномъ существенномъ пунктѣ вся финляндская буржуазія in corpore выступала всегда дружно и солидарно. Въ отношеніи къ національному пролетаріату разница между суометаріанцами и шведоманами стиралась; въ этомъ вопросѣ кичливое дворянство протягивало руку забѣгавшему ему на встрѣчу третьему сословію.

Промышленное развитіе страны шло все болѣе и болѣе ускореннымъ темпомъ. Производительныя силы во всѣхъ областяхъ народнаго хозяйства увеличивались, прогрессировали. Особенные успѣхи дѣлала индустрія въ 90-хъ годахъ, когда грозовыя тучи, надвигавшіяся съ востока, казалось, разсѣялись и наступило временное перемиріе.

Но за успѣхами промышленности, ростомъ капитала, оживленіемъ торговли по пятамъ слѣдовалъ неизбѣжный ихъ спутникъ—„красный призракъ", рабочій вопросъ...

Въ 80-хъ годахъ о рабочемъ вопросѣ въ Финляндіи ничего не было

слышно. Вотъ, что пишетъ фабричный инспекторъ въ первый годъ введенія этого института въ Финляндіи: отношенія, господствующія между предпринимателями и рабочими, проникнуты взаимнымъ уваженіемъ и довѣріемъ; со стороны предпринимателей замѣчается отеческое попеченіе о рабочихъ, желаніе исполнить предписаніе фабричной инспекціи, готовность вводить требуемыя улучшенія и усовершенствованія [1]). Стачки—явленіе рѣдкое, исключительное [2]).

Въ описаніяхъ и изслѣдованіяхъ начала 90-хъ годовъ Финляндія еще фигурируетъ, какъ страна „патріархальныхъ нравовъ", въ которой нѣтъ мѣста классовой розни. Финляндію приводятъ въ назиданіе, какъ живой примѣръ гармоніи классовыхъ интересовъ, какъ образецъ добродѣтельной націи, дружно работающей подъ покровомъ обще-національныхъ идеаловъ и стремленій...

Но идиллической картинѣ настаетъ скорый конецъ. Капитализмъ, водворяясь въ странѣ, своимъ тлетворнымъ дыханіемъ отравляетъ атмосферу. Наступаетъ конецъ „гармоніи". Пока рабочіе, распыленные по ремесленнымъ мастерскимъ, за непомѣрно долгимъ рабочимъ днемъ не успѣвали оглянуться на свое положеніе, „познать" его, уловить общность интересовъ съ товарищами, недовольство и ропотъ не шли дальше единичныхъ столкновеній съ хозяиномъ. За столкновеніемъ—шелъ расчетъ, голодовка, тщетныя поиски новаго заработка... Товарищи сочувствовали, подъ-часъ оказывали „частную" помощь. Этимъ дѣло ограничивалось. Фабрика стянула рабочія массы, объединила ихъ трудъ, создала ту основу, на которой развилось чувство солидарности. Рельефно, отчетливо выступили классовыя противорѣчія. Два міра столкнулись лицомъ къ лицу... Напрасно старалась финляндская буржуазія, забѣгая впередъ исторіи, помощью „разумныхъ" предупредительныхъ мѣръ, пресѣчь возникновеніе рабочаго вопроса. Напрасно становились фабриканты во главѣ первыхъ рабочихъ союзовъ, этихъ полу-пѣвческихъ обществъ, полукассъ взаимопомощи, въ которыхъ боевымъ духомъ и не пахло [3]). Напрасно въ борьбѣ съ „красной гостьей" спѣшили Сословія выработать законодательныя нормы и проведеніемъ фабричныхъ законовъ [4]) доказать свою заботли-

---

1) „Arsberätt. af. Urkesinsp. i. östra distr". 1890, стр. 21, 22.

2) См. „Жизнь финляндскихъ рабочихъ", глава: „Отношеніе между предпринимателями и рабочими".

3) Первый „рабочій союзъ" возникъ въ Гельсингфорсѣ въ 1884 г. по иниціативѣ фабриканта Врикта.

4) При всей „заботливости" о нуждахъ пролетаріата, дальше скромной нормировки труда дѣтей дѣло не пошло: дѣти моложе 12 лѣтъ не допускаются на фабричную работу, дѣти отъ 12 до 15 лѣтъ не могутъ быть занимаемы свыше 7 ч. въ сутки на фабричной и 8 ч. на ремесленной работѣ. Рабочій день подростковъ нормированъ 14-ью часами. Законами 1879 и 1889 г. установлены правила санитарно-гигіеническаго благоустройства мастерскихъ; закономъ 1896 г. введено обязательное страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ. Ни охраны женскаго труда, ни нормировки труда мужчинъ, ни дальнѣйшихъ отраслей страхо-

вость о рабочемъ классѣ, производительныя силы страны продолжали неустанно творить свою великую работу: разрушенія и созиданія, разъединенія и солидаризаціи... „Красный призракъ“ приближался, росъ и все ощутительнѣе напоминалъ о себѣ.

Соціальныя отношенія Финляндіи представляли особенно благопріятную почву для развитія рабочаго вопроса и для рѣзкаго обостренія классового антагонизма. Экономическое благосостояніе промышленныхъ рабочихъ въ большой мѣрѣ обусловливается численностью сельскаго пролетаріата. Между тѣмъ, именно Финляндія особенно богата громаднымъ количествомъ сельскаго населенія, не обладающаго ни землей, ни постоянными заработками. Подобныхъ пролетаріевъ, пробивающихся временными, случайными заработками, было въ 1895 г. въ Финляндіи, вмѣстѣ съ семьями, 865.916 человѣкъ. Но если ужъ говорить о рабочемъ вопросѣ Финляндіи и разсматривать всѣ тѣ группы населенія, изъ которыхъ вербуются промышленные рабочіе, то нельзя не причислить сюда же и остальной части сельскаго безземельнаго населенія—земледѣльческихъ рабочихъ, поденщиковъ съ ихъ семьями и, наконецъ, торпарей, что въ общей сложности составляетъ свыше 1 милліона человѣкъ. Къ тому же въ Финляндіи за послѣднія десятилѣтія наблюдался несомнѣнный процессъ дальнѣйшаго обезземеленія населенія, причемъ особенно замѣтно совершается приростъ той группы сельскихъ пролетаріевъ, которая относится статистикой къ типу „неосѣдлыхъ“, т. е. экономически наименѣе обезпеченной группы. Нижеслѣдующая таблица даетъ представленіе о движеніи населенія въ указанномъ смыслѣ.

Ростъ отдѣльныхъ группъ сельскаго безземельнаго населенія [1]).

ГРУППЫ БЕЗЗЕМЕЛЬНЫХЪ.	1880 г.	1890 г.	Ростъ за 10 лѣтъ каждой изъ группъ въ процентахъ.
Неосѣдлое населеніе	426 655	562 362	+ 32%
Сельско-хозяйственные рабочіе, слуги . .	158 252	144 151	— 9%
Поденщики и ихъ семьи	70 155	80 693	+ 15%
Торпари и ихъ семьи	302 728	324 851	+ 7,3%
	957 790	1 112 057	16%

ванія въ Финляндіи не существуетъ. Характерно, что и по вопросу о нормировкѣ труда шведоманы склонялись къ чистому манчестерству, тогда какъ старо-финны допускали государственное вмѣшательство въ область трудовыхъ отношеній, но находили, что фабричные законы должны ограничиваться областью фабрично заводской промышленности; въ ремесленномъ же производствѣ, гдѣ хозяевами являлись они, финноманы, эти законы, по ихъ мнѣнію, излишни.

[1]) Befolkningsstatistik: Finlands folkmängd, 1880 и 1890 г.

Весь этотъ земельный пролетаріатъ Финляндіи представлялъ, правда, неподвижную, застывшую въ своемъ безправіи и экономическомъ угнетеніи, массу, распыленную и какъ бы неспособную на сопротивленіе. Но недовольство, глухое, полу-сознанное все же жило въ массахъ. Толчокъ дала въ 90-хъ годахъ развивающаяся, пускающая глубокіе корни отечественная промышленность. Въ 1844 г., по даннымъ „Maamiehen Istävä" („другъ земледѣлія") насчитывалось всего 90 фабрикъ. Годовое производство самой большой хлопчато-бумажной фабрики въ Таммерфорсѣ едва достигало 105 тыс. рубл. серебромъ, количество рабочихъ не превышало 500. Всего фабричныхъ рабочихъ по странѣ насчитывалось 1.700; цѣнность годоваго производства на фабрикахъ равнялась 570 тыс. рублей. Совершенно иную картину даютъ послѣдующіе годы; для иллюстраціи приводимъ нѣкоторыя характерныя данныя.

Ростъ промышленности Финляндіи [1]).

Г О Д А.	Количество предпріятій	Количество занятыхъ въ нихъ рабочихъ	Цѣнность годов. производства въ фин. маркахъ	Количество раб. въ средн. на 1 предп.	% рабочихъ ко всему населенію страны.
1885	4 333	38 037	117 433 300	9	1,80
1890	6 496	59 123	167 042 500	9	2,50
1895	7 197	65 254	188 472 300	9	2,60
1900	8 038	98 759	339 569 100	12	3,66
1906	8 827	113 518	439 478 282	13	3,90

Какъ видно изъ приведенной таблицы, особенный подъемъ переживала финляндская промышленность въ періодѣ 1890 по 1900 г.; въ слѣдующее шестилѣтіе увеличеніе предпріятій, числа рабочихъ и цѣнности производства совершается уже значительно медленнѣе—явленіе, вызванное застоемъ финляндской промышленности послѣ повышеннаго оживленія ея въ 90-хъ годахъ. Индустрія, приспособляясь къ мѣстнымъ природнымъ условіямъ, широко разбросала свои предпріятія по странѣ и, въ поискахъ за водяной силой, забиралась въ самые глухіе и отдаленные уголки страны. Здѣсь стягивала она рабочія силы, здѣсь давала она первые наглядные уроки эксплуатаціи труда капиталомъ, здѣсь сѣяла по всей прилегающей къ фабрикѣ округѣ

1) „Статистическій Ежегодникъ Финляндіи", 1908 г.

первыя искры неудовольствія, пробуждала первые проблески классового самосознанія [1])... А неудовольствіе и ропотъ, рождавшіеся въ средѣ промышленныхъ пролетаріевъ, широко разносились по деревнямъ и избамъ „торпарей", бобылей и „нахлѣбниковъ", находя живой отзвукъ и сочувствіе. По сравненію съ милліоннымъ сельскимъ пролетаріатомъ, менѣе чѣмъ 100 тыс. армія промышленныхъ рабочихъ представляла ничтожную горсть, но значеніе этой окристализовавшейся группы, съ ярко очерченными классовыми интересами, было громадно. Постепенно промышленный пролетаріатъ сталъ давать тонъ жизни, не только по отношенію къ „неосѣдлому" населенію деревень, но и по отношенію къ другимъ классамъ населенія. Само собою разумѣется, что, съ другой стороны, и сельскій пролетаріатъ оказывалъ на движеніе промышленнаго пролетаріата свое вліяніе и окрашивалъ его въ нѣсколько болѣе „аграрные тона", чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ другихъ странахъ.

Промышленные рабочіе имѣли полное основаніе для наростанія въ ихъ средѣ глухого недовольства. Несмотря на ростъ и расцвѣтъ промышленности положеніе рабочаго класса въ 90-ыхъ годахъ было достаточно печально; низкая оплата труда, въ среднемъ около 2 м. 50—3 м.; рабочій день, длящійся 11—12 ч. и достигающій нерѣдко чудовищной цифры 17 и даже 18 ч.; плохія условія жизни, жилищная нужда,—наглядный ростъ эксплуатаціи. Застой и кризисы влекли за собою безработицу. Всѣ обычныя явленія капиталистическаго хозяйства стали достояніемъ и соціальной жизни Финляндіи. Естественнымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ явилось стремленіе рабочихъ сорганизовать свои силы. Въ 1893 г. имѣлъ мѣсто первый съѣздъ рабочихъ представителей, обсуждался рядъ насущныхъ для рабочаго класса вопросовъ изъ области соціальной политики. Настроеніе еще было крайне умѣренное, требованія скромныя. Но почва для классовой группировки уже нащупывалась. Въ 1896 г. во время второго съѣзда голоса рабочихъ звучали уже значительно опредѣленнѣе; центральнымъ пунктомъ дебатовъ служилъ вопросъ о демократизаціи избирательной системы. Усилившаяся борьба на экономической почвѣ позволяла переносить вопросъ и на почву политическую и ставить обще-классовыя задачи.

Центральный вопросъ въ занятіяхъ съѣзда составляла назрѣвшая реформа народнаго представительства: отсутствіе политическихъ правъ уже начинало ощущаться рабочими, какъ существеннѣйшее препятствіе на пути дальнѣйшаго освобожденія.

Таммерфорскій съѣздъ 1896 г. имѣлъ для рабочаго движенія Фин-

---

[1]) Въ 1898 г. въ городахъ Финляндіи находилось лишь 3671 промышленное заведеніе (что составляло 47% отъ общ. числа предпріятій), съ 47659 рабочими, тогда какъ въ сельскихъ мѣстностяхъ было 4116 предп. (или 53% отъ общ. числа) съ 43 396 рабочими. См. „Notice sur la Finlande", глава „Aperçu du develop. industr". 1900 г.

ляндіи большое значеніе; онъ объединилъ разрозненныя организаціи рабочихъ, учредивъ „Рабочую Делегацію", внесъ извѣстное единство въ движеніе, выработалъ рабочую программу. Это было время политическаго затишья и опредѣлять своей позиціи по отношенію къ Россіи не было пока надобности. Борьба сосредоточивалась внутри страны. Послѣдующіе годы были особенно богаты столкновеніями между фабрикантами и рабочими. Рабочій классъ несомнѣнно просыпался.

Съ своей стороны, предприниматели стягивали свои силы и вооружались для борьбы. Къ концу 90-хъ годовъ уже никто не умилялся „патріахальными" и „дружескими" нравами Финляндіи. „Рабочій вопросъ" и классовая борьба стали „печальнымъ", но жизненнымъ фактомъ.

Въ 1898 г. возникаютъ первые предпринимательскіе союзы, ставящіе себѣ недвусмысленную цѣль: общими силами бороться съ возрастающими запросами рабочихъ, устанавливать заработную плату „соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ", т. е. по возможности удерживать ее на уровнѣ existenz-minimum'a. Картина соціальныхъ взаимоотношеній усложняется, къ борьбѣ языковъ примѣшивается плохо скрытая вражда буржуазіи, какъ финноманской, такъ и шведской, къ рабочимъ, чьи интересы, задачи и требованія стояли въ столь явномъ противорѣчіи съ интересами капиталистовъ и собственниковъ.

Оживленіе экономической и политической жизни Финляндіи не ограничивалось разслоеніемъ общества на основные классы. Подъ вліяніемъ усложнявшихся запросовъ, политическихъ и хозяйственныхъ, въ рамкахъ самого „третьяго сословія" происходила дальнѣйшая группировка и разслоеніе соціальныхъ группъ. Къ 90-ымъ годамъ изъ старо-финнской партіи сталъ выдѣляться болѣе радикальный элементъ, сгруппировавшійся вокругъ газеты „Päivalehti". Это были такъ называемые *младо-финны*. Въ своихъ требованіяхъ они шли значительно дальше умѣренныхъ старо-финновъ, выступали горячими защитниками реформы народнаго представительства, но съ сохраненіемъ ценза, сословности представительства и даже, въ видѣ переходной мѣры, максимума въ 10 голосовъ за однимъ избирателемъ; требовали расширенія коммунальнаго самоуправленія, но опять-таки при сохраненіи цензоваго начала; въ области государственныхъ финансовъ стояли за измѣненіе существующей налоговой системы и за введеніе прогрессивнаго обложенія; въ области соціальной политики являлись сторонниками рабочаго законодательства, страхованія рабочихъ, постройки дешевыхъ жилищъ и т. д.; стояли за изысканіе мѣръ къ надѣленію землей аграрнаго пролетаріата и расширенію мелкаго крестьянскаго кредита. Однако, неотложность аграрной реформы младо-финны не ощущали и не сумѣли сдѣлать ея исходнымъ пунктомъ своей демократической программы. Отсюда—ихъ неуспѣхъ

въ деревняхъ. Ядро партіи составляла городская демократія, но преимущественно лица, живущія умственнымъ трудомъ, учительскій и профессорскій персоналъ, лица свободныхъ профессій; отчасти средній и мелкій торгово-промышленный слой городскаго населенія. Партія не опиралась ни на какой опредѣленный классъ, почему и оставалась сравнительно малочисленной и никогда не могла играть руководящей политической роли. Младо-финны представляли собою скорѣе „идеологовъ" нарождающейся городской демократіи, но для жизненности имъ не хватало того истинно-демократическаго матеріала, который только и могъ бы влить живую струю конкретныхъ запросовъ въ ихъ нѣсколько расплывчатую программу, полную „добрыхъ намѣреній".

Такова была общая картина партійныхъ группировокъ въ Финляндіи при наступленіи историческаго для края 1898 года.

III.

Финляндія съ 1898 по 1904 г. Начало „обще-имперской" политики. Воинскій законъ 1898 г. Назначеніе Бобрикова и Плеве. Манифестъ 1899 г. „Великая петиція". Чрезвычайный Сеймъ 1899 г. Начало „пассиваго сопротивленія". Законы и постановленія, противорѣчащіе конституціи. Режимъ диктатуры.

Въ срединѣ 90-хъ годовъ Финляндія переживала періодъ „успокоенія" и перестала съ тревогой оглядываться на востокъ. Какъ снѣгъ на голову свалился на Финляндію іюльскій рескриптъ 1898 г. о созывѣ чрезвычайнаго Сейма для „согласованія военнаго закона Великаго Княжества съ основами военнаго дѣла въ Имперіи". Не успѣли опомниться отъ этой неожиданности, какъ узнали о назначеніи на мѣсто генералъ-губернатора извѣстнаго обрусительными тенденціями генерала Бобрикова. Въ своемъ первомъ же обращеніи къ сенаторамъ Бобриковъ отчетливо подчеркнулъ, что считаетъ начала, опредѣляющія автономію края, „выдумкой зловредныхъ элементовъ" [1]). Только что началась работа чрезвычайнаго Сейма по разсмотрѣнію военнаго закона, вѣрнѣе двухъ, параллельныхъ законовъ, внесенныхъ имперскимъ правительствомъ, отношеніе Сейма къ законамъ еще не успѣло опредѣлиться, какъ новый, жесточайшій ударъ постигъ финляндцевъ.

3/15 Февраля подписанъ былъ знаменитый манифестъ отмѣнявшій конституцію края, низводившій народное представительство на роль законосовѣщательнаго органа. Въ основу этого манифеста положенъ былъ забытый,

---

[1]) См. „Finlands Författningskamp", стр. 14, Helsingfors 1907.

пролежавшій подъ сукномъ проектъ комиссіи Бунге, имѣвшей задачей „согласовать законы Великаго Княжества съ обще-имперскими". Подъ тѣмъ же лозунгомъ нанесенъ и въ настоящее время Государственной Думой послѣдній ударъ автономіи края... Ударъ былъ слишкомъ неожиданъ. Общество отказывалось вѣрить. Хотя со времени іюльскаго рескрипта розовыя иллюзіи финляндцевъ и успѣли значительно поблекнуть, но лояльность, привитую столѣтіями, нельзя было уничтожить однимъ росчеркомъ пера...

Сеймъ прервалъ свои занятія, чтобы обсудить положеніе. Передъ Сенатомъ всталъ тяжелый вопросъ объ обнародованіи этого противозаконнаго, съ точки зрѣнія конституціи края, акта. Голоса раздѣлились; однако 11-ью голосами противъ 10-ти обнародованіе было принято.

Населеніе всколыхнулось, заволновалось. Вѣсть быстро распространилась по всему краю, неся за собою глухой ропотъ недоумѣнія и протеста. Въ Гельсингфорсѣ 20 февр. 1899 г. состоялся многолюдный митингъ. Рѣшено было отправить Монарху петицію. Въ два дня собранъ былъ необходимый фондъ въ 460.000 мар.; адресъ къ Монарху пущенъ былъ въ ходъ 24 февраля, а 14 марта доставлены были послѣднія подписи. Всего подписавшихся оказалось 524.931 человѣкъ, что при населеніи не достигающемъ 3 мил., явно свидѣтельствовало о „волѣ народной"... Депутація, въ числѣ 500 человѣкъ, прибывшая въ Петербургъ, не была принята Монархомъ... Это былъ первый наглядный урокъ, сорвавшій „розовыя иллюзіи" финляндцевъ и поколебавшій ихъ упорную лояльность... Та же участь постигла и слѣдующую депутацію, прибывшую изъ Европы и привезшую съ собою адресъ, подписанный 1050 представителями всего культурнаго міра... [1]).

Обѣ петиціи Сейма и Сената, направленныя къ Государю и недвусмысленно говорившія о „противозаконности Манифеста", оставлены были безъ послѣдствій... Населеніе одѣлось въ глубокій трауръ, увеселенія прекратились... Атмосфера казалась тяжелой, предвѣщающей новыя грозы...

Предвидѣнія оправдались. Обсужденія по основнымъ законопроектамъ военнаго вопроса еще не были закончены [2]), когда на разсмотрѣніе Сословій поступили двѣ новыхъ пропозиціи имперскаго правительства: одна, касающаяся уравненія *личныхъ*, другая—*финансовыхъ* тяготъ военной службы въ Финляндіи и Россіи. Основной принципъ пропозицій заключался въ томъ, чтобы, во-первыхъ, заставить Финляндію участвовать въ военныхъ издержкахъ Имперіи въ размѣрѣ, въ два раза превышающемъ обычный военный бюд-

---

[1]) См. Руссобтовскій „Истор. освѣщеніе финл. вопроса" 1910, стр. 51.

[2]) Правительственный законопроектъ и знаменитыя положенія лишали финляндскую армію прежняго автономнаго характера и отмѣняли тѣ 14 параграфовъ военнаго закона 1878 г., которые Александромъ II признаны были частью „основныхъ" законовъ страны.

жетъ края, во-вторыхъ, увеличить контингентъ до 7200 человѣкъ. Считая пропозиціи противорѣчащими основнымъ законамъ Финляндіи, Сеймъ отказался ихъ обсуждать, но, съ своей стороны, выработалъ новый военный законъ, дѣлавшій важныя уступки Имперіи. Сословія этимъ не ограничились и, обсудивъ обще-конституціонный вопросъ о правахъ Сейма, составили всеподданѣйшее представленіе, въ которомъ отмѣчали незаконность февральскаго Манифеста. Сенатъ поддержалъ Сеймъ; въ своемъ „заключеніи" онъ предложилъ считать пропозиціи отвергнутыми и признать воинскій законъ, вотированный Сеймомъ.

Однако, поведеніе Сословій и Сената, казалось, лишь сгустило атмосферу. Въ августѣ 1899 г. на мѣсто статсъ-секретаря финляндскаго назначается Плеве, который, какъ не-финляндскій гражданинъ, не имѣлъ на это права. Недовольство усиливалось и находило свое естественное выраженіе въ печати. Тогда на печать посыпались непривычныя для финляндцевъ гоненія. За 1899 г. конфисковано было 386 номеровъ газетъ, 4 газеты совершенно запрещены, 27 пріостановлено. Убытки исчислялись въ 360 тыс. марокъ [1]).

Протестъ общества выразился во внесеніи на очередный Сеймъ 1900 г. петиціи о пересмотрѣ закона о печати. Но и эта петиція, какъ и петиція объ отмѣнѣ февральскаго Манифеста, была отвергнута.

Во время лѣтнихъ каникулъ 1900 г., 7/20 іюня подписанъ былъ манифестъ, устанавливавшій „постепенное введеніе русскаго языка, какъ главнаго въ дѣлахъ управленія". Всѣ правительственныя учрежденія должны были съ 1-го окт. 1905 г. перейти на русскій языкъ. Національные языки сохранялись только въ судахъ. Результатомъ этого манифеста явилась немедленная отставка около 100 лицъ... За Манифестомъ послѣдовало два постановленія: одно—ограничивающее *свободу собраній* (подчиненіе собраній полицейскому надзору, испрашиваніе для каждаго собранія особаго разрѣшенія генералъ-губернатора, введеніе системы штрафовъ и т. д.), другое—дававшее русскимъ разносчикамъ, обладавшимъ пропускнымъ билетомъ, выданнымъ генералъ-губернаторомъ, право разносной торговли. Роль этихъ разносчиковъ, агентовъ Бобрикова, слишкомъ извѣстна, чтобы здѣсь на ней останавливаться. Имперское правительство неукоснительно слѣдовало по намѣченной линіи. Приблизительно черезъ годъ, 11 іюня 1901 г., Монархъ

---

[1]) Какъ бы подчеркивая свое намѣреніе и въ будущемъ глушить финляндскую прессу, Бобриковъ настоялъ на основаніи офиціальной „Финляндской газеты", начавшей съ 1900 г. выходить на русскомъ языкѣ. Сенату, отказавшему ассигновать пособіе на открытіе газеты, Высочайше повелѣно было выдавать ежегодную субсидію въ 30.000 мар. на изданіе оффиціоза

подписываетъ военный законъ, уничтожающій автономное войско Великаго Княжества [1]).

Это былъ новый ударъ, разбивавшій послѣднія надежды на мирный исходъ борьбы. Широкой волной заливаетъ страну недовольство, просачиваясь во всѣ слои населенія.

Тотчасъ по обнародованіи закона принимается рѣшеніе подать Монарху петицію, извѣстную подъ именемъ „второй петиціи". Снова организуются комитеты, разсылаются по всей странѣ довѣренные люди, разъясняющія населенію значеніе закона, собирающіе подписи. Однако, настроеніе въ странѣ уже иное, чѣмъ въ 1899 г.; у большей части населенія рождается скептицизмъ по отношенію къ петиціямъ... Собрать удается 473.363 подписи.

Наиболѣе активно работаютъ въ этомъ дѣлѣ соціалъ-демократы и конституціоналисты или „партія пассивнаго сопротивленія", объединившая подъ своимъ знаменемъ шведомановъ, младо-финновъ и отколовшуюся часть старофинновъ. Но, разумѣется, и эту петицію постигаетъ прежняя участь—ее отклоняютъ. Тогда воинскому закону рѣшаютъ объявить бойкотъ. Всѣ слои населенія выступаютъ въ данномъ случаѣ солидарно. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ 4 сенаторамъ, высказавшимся противъ обнародованія закона. Ихъ немедленно уволили въ отставку за неповиновеніе „повелѣнію его Величества", но это лишь подняло настроеніе. Замѣстить сенаторовъ удается не сразу, намѣченныя лица одно за другимъ отклоняютъ портфель. Бойкотъ активно поддерживаетъ духовенство: оно отказывается читать законъ съ церковной каѳедры... Въ цѣломъ рядѣ приходовъ приходится прибѣгать къ „экстреннымъ мѣрамъ": нанимать пономаря, разсылать полу-помѣшаннаго священника для исполненія этой щекотливой обязанности. Прихожане, съ своей стороны, выражаютъ протестъ и либо, при чтеніи закона, покидаютъ церковь, либо шумомъ и пѣніемъ псалмовъ заглушаютъ голосъ священника [2]).

---

[1]) Этотъ законъ, дѣтище Имперской бюрократіи, пользовался особой благосклонностью военнаго министра Куропаткина, которому и принадлежитъ иниціатива проведенія его въ жизнь. Законъ этотъ успѣлъ со времени 1898 г. претерпѣть рядъ мытарствъ, отвергнутый Сеймомъ, онъ въ новой редакціи, но съ неизмѣннымъ содержаніемъ поступилъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Здѣсь мнѣнія раздѣлились: часть членовъ Гос. Совѣта находили, что 14 параграфовъ закона 1878 г., носящихъ характеръ законовъ основныхъ, не подлежатъ измѣненію. Проектъ военнаго министра 60-ью голосами противъ 20-ти былъ отвергнутъ. Но 11-го іюня Монархъ возвѣстилъ свою волю: онъ всталъ на сторону меньшинства и утвердилъ проектъ... Финляндское войско оказалось расхассированнымъ...

[2]) Въ октябрѣ Сенатъ освѣдомился у губернаторовъ о положеніи вопроса. Отвѣты дали слѣд. результаты: въ 275 приходахъ—оглашеніе, несмотря на протесты прихожанъ, имѣло мѣсто; въ 22 приходахъ—не удалось дочитать; въ 77—прихожане уходомъ помѣшали чтенію; въ 41—несмотря на уходъ прихожанъ, чтеніе совершилось; въ 68 пасторы отказались прочесть законъ; о 27-ти приходахъ не было извѣстій.

Вся зима 1901—1902 гг. проходитъ въ горячей агитаціонной работѣ, которую опять-таки ведутъ конституціоналисты и соціалъ-демократы. Страну наводняютъ литературой, агитаторы, не переставая, разъѣзжаютъ изъ конца въ конецъ, завязываются связи и сношенія съ наиболѣе глухими уголками... Если проведеніе бойкота въ „верхахъ" поддерживалось усиліями конституціоналистовъ, то, несомнѣнно, организація бойкота закона со стороны самихъ призывныхъ была дѣломъ соціалдемократіи Финляндіи. Неутомимо, съ неослабѣваемой энергіей работала она втеченіе десяти мѣсяцевъ среди сельскаго и городского населенія, и плоды ея трудовъ отчетливо сказались во время перваго же призыва весною 1902 г.

Началось съ того, что общины отказывались посылать своихъ представителей въ пріемочную комиссію... Мѣстами комиссіи оказывались безъ секретарей, такъ какъ всѣ мѣстные юристы уклонялись отъ исполненія этой обязанности. Несмотря на заранѣе принятыя спеціальныя мѣры, въ двухъ комиссіяхъ не доставало врачей... Были случаи, когда назначенные въ комиссію офицеры выходили въ отставку. Бойкотъ шелъ по всей линіи. Лишь цѣлымъ рядомъ репрессивныхъ мѣръ: штрафованіемъ общинъ, увольненіемъ отъ должностей, отдачей подъ судъ и т. д., удалось правительству до извѣстной степени сломить сопротивленіе. Несмотря на всѣ репрессивныя мѣры, результаты перваго призыва оказались весьма неблагопріятными: вмѣсто 23,757 явилось всего 9,753, причемъ большинство этихъ послѣднихъ впередъ разсчитывало на браковку. Предстояло набрать контингентъ всего въ 280 человѣкъ, но и этого не удалось... Призывные предпочитали массами покидать родину и переселяться за океанъ [1]). Бойкотъ закона поддерживался и чинами судебнаго вѣдомства: суды первой инстанціи повсемѣстно оправдывали неявившихся призывныхъ. Такое единство дѣйствій порождало нѣкоторую растерянность правительства, и временно процессы противъ призывныхъ оказывались пріостановленными [2]).

Лѣтомъ 1902 г. послѣдовало распоряженіе, открывавшее русскимъ подданнымъ доступъ на финляндскую государственную службу. Слѣдующими распоряженіями отмѣнялись конституціонныя гарантіи для лицъ, занимавшихъ

---

[1]) Косвеннымъ бойкотомъ воинскому закону 1901 г. являлась и подача прошеній объ отставкѣ 32-мя офицерами еще не раскассированнаго драгунскаго полка. Эти офицеры доставили въ свое время много хлопотъ Бобрикову и только примѣненіемъ противъ нихъ крайнихъ репрессій (лишеніемъ пенсій и т. д.) удалось ослабить единство ихъ сопротивленія.

[2]) Эмиграція лицъ мужскаго пола сразу возрасла съ 8237 въ 1901 г. до 16.075 въ 1902 г., тогда какъ эмиграція лицъ женскаго пола измѣнилась лишь постольку, поскольку эмиграція мужчинъ влекла за собою отъѣздъ и членовъ семьи женскаго пола; въ 1901 г. эмигрировало 4324 женщинъ, въ 1902 г. 7077. Въ слѣдующій 1903 г. эмиграція мужчинъ еще стоитъ высоко—10.449, но уже въ 1904 г. сразу спускается до 6.158 человѣкъ. (См. Статистическій Ежегодникъ Финляндіи, изд. Центр. Стат. Бюро, 1909 г.).

судебныя и административныя должности: вопросъ объ увольненіи впредь предоставлялся волѣ генералъ-губернатора и непосредственнаго начальства. Начальству же давалось право преданія своихъ подчиненныхъ суду. Это былъ одинъ изъ способовъ сломить сопротивленіе воинскому закону и отомстить за свои неудачи...

Начались повальныя увольненія и отставки, начиная съ губернаторовъ и кончая писцами, словомъ, всѣхъ лицъ, неугодныхъ обрусителямъ Въ одинъ день неожиданно отставили отъ должности 15 судей Абосскаго гофгерихта... Въ странѣ царило уныніе, но духъ сопротивленія не падалъ.

Въ іюнѣ 1902 послѣдовало новое повелѣніе, дополняющее законъ 1900 г. о введеніи русскаго языка; повелѣніе 1902 г. уравнивало русскій языкъ съ мѣстными во всѣхъ дѣловыхъ сношеніяхъ, но одновременно урѣзывало права языка шведскаго.

Послѣднимъ ударомъ, долженствовавшимъ „смирить" финляндцевъ, явилось постановленіе 15 февраля 1903 г., устанавливавшее диктатуру Бобрикова. Для Финляндіи впервые наступили времена „исключительныхъ положеній"... За одинъ годъ послѣдовало 40 высылокъ. Аресты, обыски, преданіе суду, отставки, тюрьма и даже ссылка — стали для Финляндіи почти столь же обычными, явленіями, какъ и для Россіи. Многіе выдающіеся общественные дѣятели принуждены были покинуть родину. Расходы на жандармерію сразу возросли въ 1904 до 690 т. марокъ. Полиція, обходившаяся Финляндіи въ 1899 г. въ 351 тыс. мар., теперь требовала ассигновки въ 1.264 тыс. мар. Расходы на канцелярію генералъ-губернатора повысились съ 267 тыс. мар. въ 1899 г. до 558 тыс. м. въ 1904 г. Бдительное око генералъ-губернатора проникало во всѣ области общественной жизни, на все накладывало свою тяжелую руку. Даже программы школьныхъ занятій и тѣ не избѣжали реформы въ обрусительномъ духѣ... Общества распускаются, собранія запрещаются. Коммунальные выборы кассируются. Полномочія генералъ-губернатора по повелѣнію 15 февраля — безграничны. Онѣ формулируются одной фразой: „генералъ-губернаторъ можетъ дѣлать все, что ему заблагорассудится".

Такое положеніе тянулось до средины 1904 г. Лѣто 1904 явилось поворотнымъ пунктомъ въ обрусительной политикѣ Великаго Княжества.

IV.

Отношеніе общества. Національный моментъ и классовый интересъ. Новая перегруппировка общественныхъ элементовъ. Конституціоналисты или „партія пассивнаго сопротивленія“ и партія „сенатская“. Двѣ тактики. Образованіе рабочей соціалдемократической партіи. Классовыя противорѣчія. Анти-конституціонныя дѣйствія буржуазіи. Вопросъ избирательной реформы. Политика Бобрикова по отношенію къ финляндскому пролетаріату. Ростъ политическаго самосознанія рабочихъ.

Несмотря на единообразныя и общія выступленія всего населенія въ моменты острыхъ столкновеній съ внѣшней властью, національный интересъ безсиленъ былъ, даже въ періодъ наиболѣе напряженной борьбы, заглушить растущій соціальный антагонизмъ общественныхъ группъ. Классовые интересы, опредѣлявшіе политическую физіономію партій, не могли исчезнуть даже подъ угрозой потери національной самостоятельности. По существу всѣ слои населенія и всѣ политическія группы одинаково отрицательно относились къ насилію, творимому надъ родиной, но тѣ формы, въ которыя выливалось недовольство, и тѣ методы сопротивленія, какіе избирались партіями, всецѣло диктовались классовыми задачами, выпадавшими на долю данной политической группы. Отсюда различіе *тактики* и расхожденіе по вопросу о *способахъ борьбы*.

Уже при обсужденіи вопроса объ обнародованіи февральскаго Манифеста 1899 г. ясно обозначились двѣ тактики: „непримиримая“ и тактика „уступокъ“. Вторая однимъ голосомъ взяла перевѣсъ. Прокуроръ Сената, шведоманъ Цедергольмъ, приложилъ къ протоколу засѣданія свой протестъ и подалъ въ отставку. Лидеръ старо-финновъ Ирье Коскиненъ, съ своей стороны, составилъ „заявленіе“, въ которомъ защищалъ дѣйствіе податливыхъ сенаторовъ [1]).

Въ тотъ моментъ общественнаго подъема тактика Коскинена, казалось, не могла имѣть успѣха; общественное мнѣніе и даже симпатіи старо-финновъ всецѣло были еще на сторонѣ „непримиримыхъ“. Но „классовый моментъ“ продолжалъ творить свое дѣло: сближеніе съ имперской властью обѣщало урѣзать привиллегіи шведоманской партіи. И когда Коскиненъ въ открытомъ письмѣ, появившемся въ „Uusi Suometar“, изложилъ свое credo, подчеркивая необходимость использовать данный моментъ съ тѣмъ, чтобы укрѣпить позицію старо-финновъ, его взгляды стали находить откликъ и сочувствіе въ рядахъ суометаріанцевъ [2]).

---

[1]) Характерно для тактики „уступокъ“, что въ видѣ лазейки, оправдывавшей дѣйствіе сенаторовъ, Коскиненъ указываетъ на обнародованіе манифеста безъ подписи сенаторовъ,—этимъ якобы подчеркивалась его незаконность.

[2]) Въ своемъ открытомъ письмѣ Коскиненъ ставитъ слѣд. основныя требованія: 1) полный разрывъ со шведоманской партіей,—незачѣмъ „виляя хвостомъ слѣдовать за ними“; 2) желательность поддержки финляндской правительственной партіи со стороны населенія 3) необходимость расширенія правъ финскаго языка и поднятія самосознанія финской части населенія.

При обсужденіи вопроса объ обнародованіи Манифеста 1900 г. о введеніи русскаго языка, въ Сенатѣ снова обнаруживаются два теченія; но „непримиримые“ оказываются побѣжденными и уходятъ въ отставку. Суометаріанцы колеблются. „Uusi Suometar“, незадолго до обнародованія, говорившій языкомъ оппозиціи, послѣ обнародованія ищетъ „серьезныхъ основаній“ уступчивости сенаторовъ. Между прочимъ, въ ихъ оправданіе приводится неудачный аргументъ: „отказъ отъ обнародованія грозилъ бы отставкой всего Сената, страна осталась бы безъ правительства“... Шведоманы справедливо указываютъ, что въ этомъ то и заключалась „сила“ Сената: его несговорчивость поставила бы имперскія власти въ очень затруднительное положеніе. Близорукому классовому расчету принесено было въ жертву національное дѣло. Суометаріанцы катятся по наклонной плоскости Къ концу 1900 г. ясно обозначается „сенатская“ или правительственная партія, изъ бывшихъ старо-финновъ, послушнымъ рупоромъ которыхъ является газета „Uusi Suometar“. Часть старо-финновъ, возмущенная близорукой политикой „сенатской партіи“, покидаетъ прежнихъ товарищей. Когда въ 1901 г. передъ Сенатомъ встаетъ вопросъ объ обнародованіи воинскаго закона, лишь четыре сенатора оказываются въ оппозиціи. Несмотря на обѣщаніе беречь конституцію, на увѣренія, что всѣ уступки дѣлаются во имя блага и спасенія родины, очевидно, что только узко классовой расчетъ — подорвать вліяніе аристократіи, толкаетъ бывшихъ старо-финновъ на союзничество съ имперскими властями. Съ полной очевидностью подтверждается это въ 1902 г., когда сами суометаріанцы возбудили вопросъ объ уравненіи правъ языковъ и готовы были на всѣ уступки по отношенію къ русскому языку, лишь бы ограничить права языка шведскаго. Нѣтъ ничего удивительнаго, что о представителяхъ сенатской партіи русская бюрократія вспоминаетъ съ умиленіемъ [1]). Все подъ тѣмъ же давленіемъ классоваго разсчета образуется „послушный Сенатъ“, о которомъ Бобриковъ писалъ: „я имъ доволенъ и, кажется, Сенатъ доволенъ мною“...

Подробно останавливаться на тактикѣ сенатской партіи съ 1900 г. по 1904 г. не приходится; эта тактика всецѣло состояла изъ безграничнаго оппортунизма. Достаточно вспомнить слѣдующіе яркіе факты: населеніе дружнымъ отпоромъ отвѣчаетъ на воинскій законъ; епископъ Іогансенъ спѣшитъ разослать циркуляръ духовенству, прося его заняться „небомъ, не землей“ и не вмѣшиваться въ „дѣла военныя“. Населеніе не поддается увѣщеваніямъ; наборъ идетъ туго. „Послушный Сенатъ“ находитъ выходъ: по закону 1878 г. не обозначено точное число лицъ рекрутской пріемочной комиссіи, кворумъ изъ 3 лицъ признается Сенатомъ достаточнымъ. Когда и эта мѣра оказывается недѣйствительной, Сенатъ находитъ новую лазейку—велитъ продлить

---

[1]) См. „Die Vorbereitung der finnl. Revolution“—F. Fedoroff, 1910, стр. 75.

время набора. Чтобы соблюсти свою „чистоту“, Сенатъ, препровождая вторую великую петицію, не снабжаетъ ее обычнымъ „заключеніемъ“. Этимъ дѣло не ограничивается: старо-финны ведутъ широкую агитацію, требующую прекращенія бойкота воинскому закону, выпускается знаменитое воззваніе, подписанное 66 старо-финнами. Имъ вторятъ старо-финнскіе студенты...

Дальше идти трудно. Но, по мѣрѣ того, какъ въ своемъ оппортунизмѣ „сенатская партія“ идетъ все на новыя и новыя уступки, она, переставая служить реальнымъ интересамъ породившаго ее класса, теряютъ свою жизненность. Ряды старо-финновъ рѣдѣютъ, сенатская партія все больше и больше страдаетъ отъ своей изолированности, политическое вліяніе ея въ странѣ падаетъ.

Какъ же вели себя въ этотъ критическій періодъ шведоманы? Поскольку сближеніе съ имперскими властями, казалось, открывало для суометаріанцевъ новыя политическія перспективы, постольку сохраненіе въ полной неприкосновенности конституціи края являлось вопросомъ жизни для шведской аристократіи. Соціальное положеніе, классовые интересы кидали шведомановъ въ ряды непримиримой оппозиціи. Вопросъ о національной самостоятельности и вопросъ о классовомъ господствѣ сливались во-едино.

Казалось, интересы родины лежали гораздо ближе ихъ сердцу, чѣмъ сердцу оппортунистовъ-суометаріанцевъ. Однако, какъ же проявляли они свою „любовь къ родинѣ“?

Первымъ движеніемъ шведомановъ было: толкнуться въ привычныя двери, повести агитацію „сверху“, при помощи родственныхъ связей повліять на „дворъ“, возбудить сочувствіе и интересъ къ судьбѣ Финляндіи среди иностранныхъ принцевъ и королей... Затѣвается оживленная переписка бароновъ Борнъ, графовъ Армфельдовъ и др. съ иностранными принцами и принцессами, разсылаются брошюры, выясняющія положеніе вещей, испрашиваются частныя аудіенціи у министровъ (посѣщеніе барономъ Борномъ и профес. Доннеромъ ст. секр. Шлеве), у королей (пріемъ Свенъ Пальме у шведскаго короля) и т. д. Гордая, кичливая аристократія вначалѣ не допускаетъ даже мысли о сближеніи съ народомъ, отъ низовъ ее отдѣляетъ цѣлая пропасть. „Опереться на массы“ — эта стратегія долго не признавалась шведоманами, и если сближеніе шведоманской партіи съ демократіей все же совершилось, то не по волѣ, а вопреки потомкамъ „славныхъ викинговъ“.

Однако, прежній способъ улаживанія конфликтовъ съ „русскимъ дворомъ“ оказывается на этотъ разъ не дѣйствительнымъ. Время, когда графы Армфельды могли, выходя изъ кабинета Монарха, заявлять потерпѣвшимъ пораженіе при конфликтѣ генералъ-губернаторамъ: „Eh bien, général, vous partez et moi, je reste!“ — миновали. Въ бюрократическихъ кругахъ Имперіи шведская аристократія поддержки не встрѣчала. Когда отцвѣла надежда добиться поддержки „сверху“, шведоманамъ ничего другаго не оставалось, какъ, не

измѣняя духу „рыцарства“ и лояльности, избрать лояльный путь самозащиты. Тактика *пассивнаго сопротивленія* вытекала естественно изъ классового положенія шведомановъ. Никакихъ эксцессовъ, бурныхъ проявленій недовольства, но стойкій и выдержанный отказъ признавать незаконные акты. По мѣрѣ того, какъ оппортунизмъ *сенатской партіи* обозначался все отчетливѣе, всѣ оппозиціонные элементы общества стягивались вокругъ конституціонно-настроенныхъ шведомановъ. Подъ общее конституціонное знамя встали и шведоманская партія, и младо-финны, и ушедшіе отъ старофинновъ радикальные элементы. Въ противовѣсъ податливой партіи „сената“ выступила партія *конституціонная* или партія „*пассивнаго сопротивленія*“. Это не была политическая партія въ собственномъ смыслѣ этого слова; ея разнородные соціальные элементы не объединяла никакая программа. Единственнымъ общимъ лозунгомъ служило требованіе: возстановленіе конституціонныхъ началъ въ краѣ,—лозунгъ подъ которымъ могъ бы подписаться любой приверженецъ сенатской партіи. Все ея отличіе заключалось *въ тактикѣ*. Эту тактику отчетливо характеризуетъ одна изъ резолюцій, принятая партіей пассивнаго сопротивленія на собраніи 12 ноября 1902 г.: „Собраніе находитъ, что для защиты и сохраненія національной самостоятельности необходимо, чтобы пассивное сопротивленіе твердо продолжало оказываться тѣмъ мѣропріятіямъ, во всѣхъ областяхъ, которыя противорѣчатъ или посягаютъ на уничтоженіе основныхъ законовъ, до тѣхъ поръ, пока не будетъ возстановленъ законный порядокъ въ странѣ“ [1]).

Пассивный бойкотъ распоряженіямъ, противорѣчащимъ конституціи, таковъ единственный „достойный“ способъ борьбы. И, начиная отъ заслуженныхъ сенаторовъ, губернаторовъ, судей, кончая мелкими чиновниками, служащими—всѣ одинаково подчиняются этому лозунгу. Въ странѣ царитъ внѣшнее спокойствіе, ни мятежей, ни бурныхъ протестовъ. Небольшіе уличные безпорядки въ Гельсингфорсѣ во время перваго призыва 1902 г.—явно провоцированы властями. Тѣмъ не менѣе идетъ глухая, безшумная работа сопротивленія по всей линіи. Конституціоналисты ведутъ широкую агитацію въ массахъ, тщательно расчленяя понятіе: русское правительство и русское общество. Постепенно даже у кичливыхъ шведомановъ исчезаетъ недовѣріе къ русскому „нигилизму“, общность оппозиціоннаго движенія по обѣ стороны таможенной черты выступаетъ все отчетливѣе...

Несмотря на твердое желаніе держаться въ рамкахъ „легальности“ и лояльности, событія, не считаясь съ партійными директивами, толкаютъ конституціоналистовъ на рядъ „неосторожныхъ“ шаговъ. Когда насильственно закрывается органъ шведомановъ „Nya Pressen“, ничего другого не остается

---

[1]) „Finlands Författningskamp“, стр. 75.

какъ, слѣдуя примѣру еще недавно презираемыхъ „русскихъ революціонеровъ“, прибѣгнуть къ изданію за-рубежной газеты. Съ осени 1900 г. въ Стокгольмѣ начинаетъ выходить газета „Fria Ord“, вокругъ которой группируются разнообразнѣйшіе элементы вмѣстительной партіи „пассивнаго сопротивленія“, начиная отъ пылкаго и радикальнаго Конни Циліакуса, до солиднаго Лео Мехелина и умѣреннаго, викинга до мозга костей, барона Борна [1]. Сношенія съ русской оппозиціей усиливаются, завязываются связи съ „Освобожденіемъ“.

И все же шведоманы, дающіе тонъ партіи „пассивнаго сопротивленія“, оказываютъ сдерживающее вліяніе на болѣе горячіе и активные ея элементы, они все еще не теряютъ надежды на мирное разрѣшеніе конфликта и даже въ 1903 году, когда диктатура Бобрикова уже висѣла въ воздухѣ, Лео Мехелинъ все еще мечтаетъ о третейскомъ судѣ между Россіей и Финляндіей [2]... Конституціоналисты, несмотря на весь свой оппозиціонный духъ, дѣйствуютъ съ большой осторожностью, взвѣшивая каждый свой шагъ. Оказавъ сопротивленіе, они все же склоняются передъ „не-конституціонными“ распоряженіями, остаются на служебныхъ постахъ, дѣйствуютъ въ духѣ повелѣній Бобрикова и т. д. Силы неравны и конституціоналисты въ концѣ концовъ отступаютъ, но отступая они все же не бросаютъ своихъ знаменъ, какъ это дѣлаютъ старо-финны. Въ этомъ вся разница.

Русское правительство, опиравшееся на кучку покладистыхъ суометаріанцевъ, понимало, что рано или поздно ему удастся сломить сопротивленіе конституціоналистовъ; въ этой бодрящей увѣренности твердо шествовало оно по намѣченному пути. Но обрусители не учли одной крупной и притомъ быстро крѣпнущей въ странѣ соціальной силы—*организованнаго рабочаго класса*.

Со времени скромнаго и умѣреннаго Таммерфорскаго съѣзда рабочее движеніе въ Финляндіи сильно шагнуло впередъ. Оно не только развилось, окрѣпло, но, что еще важнѣе, успѣло самоопредѣлиться. На съѣздѣ въ Або

---

[1]) Характерно, что большинство руководителей конституціонной партіи принадлежало либо къ родовой аристократіи, либо къ крупной буржуазіи: директора банковъ (Шюбергсонъ, Веллингъ, Пфаллеръ и т. д.), директора фабрикъ и акц. обществъ (Крогіусъ, Доннеръ и т. д.), бывшіе сенаторы, губернаторы и т. д.

[2]) Для характеристики черностоенныхъ инсинуацій, желающихъ представить партію конституціоналистовъ чуть ли не въ образѣ наипопаснѣйшихъ якобинцевъ, можно привести слѣдующіе курьезные факты: поѣздка Л. Мехелина на Рождественскіе праздники въ Петербургъ зимою 1904—1905 г. приводилась въ связь съ 9-мымъ января! Редакторъ „Nya Pressen“ Аксель Лилль совершилъ въ 1900 г. путешествіе въ Японію; черносотенная печать глубокомысленно заключаетъ, что уже тогда шли переговоры между Финляндіей и Японіей о сказочныхъ „японскихъ деньгахъ“ на вооруженіе Финляндіи...

въ 1899 г. рабочіе провозгласили себя самостоятельной партіей и приняли соціалдемократическую программу, предпославъ ей, однако, требованіе сохраненія національной самостоятельности [1]). Въ то время движеніе носило еще скромные размѣры: въ 1900 г. въ 68 союзахъ насчитывалось всего 9232 члена, но уже въ 1905 г. къ партіи принадлежало около 50 тыс. рабочихъ [2]). Вліяніе соціалдемократіи распространялось далеко за предѣлы партійныхъ рамокъ. Устная агитація, широко раскинувшаяся рабочая пресса съ центральнымъ органомъ „Työmies" во главѣ будили самосознаніе, призывали къ активности. Но въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ агитація соціалистовъ, толкали финляндскій пролетаріатъ подъ классовое рабочее знамя двѣ силы, два общественныхъ фактора: растущій гнетъ имперскаго режима и классовая вражда буржуазіи. Именно въ періодъ обрусительной политики достигаетъ классовый антагонизмъ своего наиболѣе яркаго выраженія. Рѣжетъ, бьетъ въ глаза несоотвѣтствіе между конституціонными декларацiями буржуазіи, провозглашеніемъ незыблемости гражданскихъ свободъ, и грубымъ нарушеніемъ этихъ свободъ по отношенію къ рабочимъ. Достаточно нѣсколькихъ фактическихъ примѣровъ: тѣ самые конституціоналисты, что вопіютъ о нарушеніи исконнаго права финляндцевъ къ объединенію и клеймятъ незаконныя дѣйствія Бобрикова, затѣваютъ настоящую травлю рабочихъ за принадлежность къ рабочимъ организаціямъ. Въ 1901 г. въ цѣломъ рядѣ предпріятій (Билльнэсъ, знаменитомъ Фискарскомъ механическомъ заводѣ, на крупной писчебумажной фабрикѣ Тервакоски и т. д.) начинается жестокое преслѣдованіе рабочихъ за принадлежность къ партіи. Директора требуютъ письменнаго отреченія рабочихъ отъ принадлежности къ организаціи, грозя разсчетомъ, заставляютъ подписывать такъ называемые „крѣпостные акты" [3]). Чтобы помѣшать рабочимъ собраніямъ во время стачекъ, директора и хозяева фабрикъ запрещаютъ домохозяевамъ-торпарямъ, проживающимъ на

---

[1]) Въ предисловіи къ программѣ стояло: „Финляндская рабочая партія, исходя изъ законовъ общественнаго развитія, стоитъ на почвѣ международнаго рабочаго движенія и стремится къ экономическому и соціальному освобожденію рабочаго класса. Принимая во вниманіе, что предпосылкой для такого освобожденія служитъ сохраненіе и защита національной самостоятельности, партія въ качествѣ ближайшихъ требованій выставляетъ"... (Слѣдуетъ 13 пунктовъ).

[2]) Съ тѣхъ поръ партія еще значительно прогрессировала; въ 1906 г. къ ней принадлежало уже 937 организацій съ 82,027 членами, изъ нихъ 18.966 женщинъ. По послѣднимъ даннымъ, 1908 г., партія объединяла 1127 организацій съ 71.266 членами, изъ нихъ 16.826 женщинъ. Годовой доходъ партіи въ 1908 г. равнялся 2.500 тыс. мар.,—основной фондъ—3.361 тыс. мар. Центральный органъ расходился въ количествѣ 27.000 экземляровъ, сверхъ того выходитъ около 20 провинціальныхъ газетъ (на шведскомъ и финскомъ языкѣ), два научныхъ экономическихъ журнала, юмористическіе листки. (См. Отчетъ С. Д. П. Финляндіи на Интерн. Конгрессѣ 1910 г.).

[3]) См. „Жизнь финл. рабочихъ", глава „Отношеніе предпринимателей и рабочихъ".

ихъ землѣ, давать помѣщеніе. И это дѣлаютъ тѣ самые „конституціоналисты", что защищаютъ „гражданскія свободы" націи противъ анти-конституціонныхъ поступковъ Бобрикова! Защитники „свободы слова" не останавливаются передъ тѣмъ, чтобы задерживать и конфисковывать рабочія газеты. Въ конторѣ одной лѣсопилки возлѣ Борго накопилась внушительная кипа подобнымъ образомъ конфискованныхъ газетъ. Подъ угрозою 10 мар. штрафа запрещаютъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ полученіе партійной литературы; на механическомъ заводѣ „Dahlsbruck" разсчитываютъ рабочаго за корреспондированіе въ партійную газету. Доходятъ до того, что лишаютъ рабочія изданія бумаги: писчебумажныя фабрики въ Або отказываются поставлять ее для партійной газеты, и газету приходится печатать въ Таммерфорсѣ. А какой шумъ подняли въ свое время не одни хозяева, но и конституціоналисты, когда въ 1900 г. типографскіе рабочіе оказались вынужденными прибѣгнуть въ Гельсингфорсѣ къ забастовкѣ; сколько обвиненій сыпалось на голову пролетаріата, сколько упрековъ за непатріотичность, за отсутствіе сознанія національныхъ интересовъ! Студенты-конституціоналисты, въ пылу патріотизма, бросились выручать предпринимателей и встали за наборные станки [1]). Патріотическіе вопли хозяевъ, однако, нисколько не мѣшали имъ выписывать иностранныхъ и даже русскихъ рабочихъ на мѣсто бастующихъ, обращаться къ ненавистнымъ русскимъ властямъ, донимающимъ прессу цензурою, съ просьбой направить свое „бдительное око" на неугодные буржуазіи рабочіе органы... Этого мало: къ тѣмъ же руссификаторскимъ властямъ прибѣгали предприниматели за содѣйствіемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда требовалось усмиреніе „бунтующихъ" рабочихъ полиціей и войскомъ [2])...

Особенно остро ощущался классовый антагонизмъ въ вопросѣ коренной реформы народнаго представительства. Вслѣдствіе существовавшей до 1906 г. въ Финляндіи избирательной системы,—сословнаго начала, накопленія голосовъ (до 25-ти, а мѣстами и безграничнаго), высокаго ценза и еще цѣлаго ряда ограниченій, касавшихся спеціально рабочихъ, создавалось такого рода положеніе, при которомъ весь пролетаріатъ Финляндіи, промышленный и сельскій, устранялся отъ политической жизни и отъ участія въ коммунальномъ самоуправленіи. Буржуазія господствовала по всей линіи и, разумѣется, не проявляла никакого намѣренія уступить часть своихъ прерогативъ рабочему классу. Если суометаріанцы и поговаривали о нѣкоторой демократизаціи представительства, въ надеждѣ ослабить политическое господство шведомановъ, то шведоманы совершенно уже не склонны были на уступки. Какъ величайшую безтактность, разсматривала буржуазія повторныя петиціи рабочихъ

---

[1]) См. „Жизнь финл. рабочихъ", стр. 264.

[2]) Призывъ войска имѣлъ, напр., мѣсто на шерстопрядильнѣ въ Хювинге-

въ Сеймъ, настаивавшія на коренномъ измѣненіи избирательной системы. Несмотря на то, что сопротивленіе руссификаторской политикѣ требовало для своихъ дальнѣйшихъ успѣховъ сближенія съ массами, буржуазіей владѣлъ такой страхъ передъ „чернью,“ что за всѣ шесть лѣтъ русскаго режима не было сдѣлано ни одной уступки рабочимъ и ни одинъ изъ законовъ, отвѣчавшихъ интересамъ пролетаріата Финляндіи, Сеймомъ принятъ не былъ. Даже въ такомъ вопросѣ, какъ борьба съ алкоголизмомъ, затрагивающемъ непосредственно интересы всей націи, Сеймы дѣйствовали съ осторожностью и неохотой, такъ какъ движеніе антиалкогольное поддерживалось низами, преимущественно рабочими. Въ отвѣтъ на петицію, требующую регулировки выдѣлки и продажи спиртныхъ напитковъ и подписанную 140 тыс. человѣкъ, Сеймъ 1900—1904 г.г. сдѣлалъ лишь нѣсколько новыхъ дополненій къ старому закону 1892 г. о куреніи и дестиллированіи вина. Что касается „арендпаго закона“ 1900 г., нормировавшаго отношенія торпарей и землевладѣльцевъ, то, по существу, онъ составленъ былъ явно въ интересахъ послѣднихъ.

Классовый антагонизмъ, выступавшій съ такой отчетливостью въ Финляндіи, послужилъ поводомъ для политическихъ экспериментовъ со стороны Бобрикова. Если отечественная, финляндская буржуазія чурается „низовъ“, за то русскій генералъ-губернаторъ сумѣетъ завоевать симпатію народа. Первымъ починомъ явился многошумный проектъ „облагодѣтельствованія“ неосѣдлаго сельскаго пролетаріата. Въ 1899 г. при „славянскомъ благотворительномъ обществѣ“ организовалась особая комиссія по изысканію мѣръ для разрѣшенія аграрнаго вопроса въ Финляндіи... Предсѣдателемъ этой комиссіи состоялъ извѣстный финнофобъ ген. Бородкинъ. Трогательная забота о судьбѣ безземельныхъ въ Финляндіи этимъ не ограничивалась. Агенты Бобрикова, нашумѣвшіе въ свое время русскіе коробейники, наводнили страну и сѣяли смутные толки о раздѣлѣ помѣщичьихъ земель. Въ оффиціальной прессѣ отводилось много мѣста ламентаціямъ о „возмутительной эксплуатаціи“ торпарей со стороны помѣщиковъ-шведомановъ. Полное неожиданной заботы о судьбѣ сельскаго пролетаріата, русское правительство проявило свою готовность мановеніемъ имперскаго жезла превратить милліонный сельскій пролетаріатъ въ обладателей земельныхъ участковъ. Въ 1901 г. по Высочайшему повелѣнію образована была спеціальная комиссія для разработки вопроса о положеніи безземельныхъ [1]). Тогда же ассигновано было 2 мил. мар., въ видѣ неприкосновеннаго земельнаго фонда, пополняемаго ежегодными отчисленіями финляндской казны. Рѣшить „аграрный вопросъ“ ассигновкой въ 2 мил.

---

[1]) Проектъ этой комиссіи, законченный въ 1905 г., ограничивался рядомъ мѣропріятій безобиднаго палліативнаго характера. См. Майковъ „Финляндія, ея прошедшее и настоящее“. 1905 стр. 460.

марокъ, разумѣется, было невозможно; на пути къ обезпеченію землею милліоннаго пролетаріата стояли такого рода трудности, какихъ нельзя, не по силамъ было, устранить даже сердечнымъ заботамъ руссификаторовъ [1]). Но шумъ, поднятый вокругъ этого вопроса, имѣлъ и другую цѣль: онъ долженъ былъ показать, какъ богато имперское правительство всякими благими начинаніями для пользы финляндскаго народа.

Ожиданія Бобрикова, однако, не оправдались: еще на Абоскомъ съѣздѣ 1899 г. одинъ изъ представителей торпарей съ достоинствомъ заявилъ, что „еслибъ мѣропріятія русскаго правительства даже, на самомъ дѣлѣ, обѣщали улучшить ихъ положеніе, они бы не воспользывались его милостями". Потерпѣвъ неудачу у сельскаго населенія, Бобриковъ рѣшилъ попытать счастья у промышленныхъ рабочихъ.

Отношеніе русской власти къ рабочему движенію Финляндіи вообще характерно. Въ то время, какъ малѣйшее проявленіе самодѣятельности русскихъ рабочихъ душилось и пресѣкалось самымъ „опредѣленнымъ" образомъ, развитію рабочаго движенія въ Финляндіи преградъ не ставили. Первый рабочій съѣздъ, правда, не былъ допущенъ Гейденомъ въ 1891 г., но уже черезъ два года онъ все же состоялся и власти посмотрѣли на него сквозь пальцы. Рабочіе организовывались, выпускали свои газеты, проводили стачки, устраивали собранія—русскія власти не вмѣшивались. Даже въ началѣ Бобриковскаго періода, когда буржуазію за пассивное сопротивленіе преслѣдовали по всей линіи, лидеровъ ея высылали, лишали службы и пенсіи, арестовывали — никакихъ спеціальныхъ мѣръ противъ рабочихъ не предпринимали, руководителей не трогали, газетъ не запрещали, соціалистическая литература свободно циркулировала; движеніе явно терпѣли. Даже въ моментъ наиболѣе напряженной борьбы финляндскаго населенія съ „режимомъ", въ Выборгѣ собирается лѣтомъ 1901 г. соціалистическій съѣздъ; за нимъ въ 1903 г. происходитъ съѣздъ въ Форсеѣ, но уже при менѣе благопріятныхъ условіяхъ: на немъ присутствуетъ полиція.

Такую терпимость можно объяснить лишь „тонкой политикой" со стороны Бобрикова. „Заигрываніе" съ рабочими существовало въ самой грубой

---

[1]) Изъ числа 33 [illegible], мил. гектаровъ всей поверхности Финляндіи (исключая озера и рѣки) по свѣдѣніямъ 1901 г. прибл. 60% состоятъ въ частномъ владѣніи. 15% принадлежатъ приходамъ, остальное казнѣ. Изъ всего числа 33[illegible], мил. гектаровъ приходится исключить 35%, непригодныхъ къ обработкѣ, это—скалы, торфяники и болота. Ожидать многаго отъ дробленія земли крупныхъ помѣщиковъ—не приходится, крупныя и среднія имѣнія съ числомъ гектаровъ выше 2[illegible], составляютъ только 22%. Что касается казенныхъ участковъ, что изъ 13 мил. гектаровъ, принадлежащихъ казнѣ, около [illegible] мил. расположены на далекомъ сѣверѣ, и, слѣдовательно, по климатическимъ условіямъ не поддаются обработкѣ, либо представляютъ скалы и болота. (См. „О мѣрахъ къ улучшенію положенія безземельныхъ"—„Финляндія" 1909, № 10).

формѣ: когда цензура предприняла свой походъ на финляндскую прессу и, вслѣдствіе массоваго закрытія газетъ, типографскіе рабочіе оказались выброшенными на улицу, Бобриковъ поспѣшилъ къ нимъ съ отеческой заботой и предложилъ матеріальную помощь со стороны русскаго правительства. Когда голодъ въ 1902 г. посѣтилъ страну, руссификаторы взялись за открытіе „столовыхъ", не для сельскаго населенія, но для „безработныхъ" Гельсингфорса; столовыя, разумѣется, находились въ „надежныхъ рукахъ". Всѣ эти попытки популярности успѣха не имѣли, типографскіе рабочіе съ достоинствомъ отклонили „помощь" русскихъ властей, столовыми пользовались—золоторотцы и нищіе. Къ своему политическому положенію и задачамъ пролетаріатъ Финляндіи относился сознательно и шелъ по намѣченной линіи...

Конецъ „заигрыванію" положила диктатура Бобрикова въ 1903 г. „Исключительныя положенія" коснулись и рабочихъ; началось преслѣдованіе рабочей прессы, вмѣшательство полиціи въ рабочія собранія, высылки членовъ партіи, аресты и обыски... Но, по мѣрѣ того, какъ пролетаріатъ Финляндіи впервые познавалъ плоды общеимперскаго режима, сталкивался лицомъ къ лицу съ его антиконституціонными дѣяніями, развивалась его политическая зрѣлость, обострялось его политическое зрѣніе. До наступленія Бобриковскаго режима борьба рабочаго класса велась въ относительно узкихъ, экономическихъ рамкахъ; политическіе идеалы и запросы носили расплывчатый характеръ. Еще въ Або вопросъ о выдѣленіи въ особую классовую партію вызвалъ горячіе дебаты. Неотчетливо было отношеніе финскаго пролетаріата и къ русскому рабочему движенію. Ближайшія задачи рабочаго класса въ Финляндіи и Россіи дѣйствительно значительно расходились; финляндскій пролетаріатъ, обладавшій основными гражданскими свободами, поставленъ былъ въ несравненно болѣе благопріятныя условія и могъ въ свое время сосредоточить свои силы всецѣло на борьбѣ съ отечественной буржуазіей.

Политика насильственнаго обрусенія края кореннымъ образомъ измѣнила положеніе рабочихъ въ Финляндіи и неизбѣжно толкнула на сближеніе съ пролетаріатомъ русскимъ. Двѣ одинаково враждебныя рабочему классу силы—отечественная буржуазія и русскія бюрократическія власти—способствовали политическому воспитанію финскаго пролетаріата и позволили соціалдемократіи, именно въ наиболѣе тяжелые годы репрессіи, съ поразительнымъ успѣхомъ укрѣплять свои позиціи. Ко времени 1905 г. рабочая партія стала представлять несомнѣнную политическую силу, съ которой уже приходилось считаться и отечественной буржуазіи, и русскимъ властямъ.

На авансцену политической жизни, оттѣсняя колеблющуюся, шаткую въ своихъ принципахъ буржуазію, выступаетъ организованный рабочій классъ.

V.

Финляндія съ 1904 г. по октябрьскіе дни. Убійство Бобрикова. Ссбытія въ Россіи. Сеймъ 1904 г. Борьба партій. „Партія активнаго сопротивленія"; ея буржуазный характеръ. Участіе соціалдемократіи въ избирательной кампаніи. Измѣненіе политическаго курса Имперіи по отношенію Финляндіи. Частичныя уступки. Борьба рабочихъ за избирательную реформу. Поправѣніе конституціоналистовъ.

Революціонный 1905 г. засталъ финляндскій пролетаріатъ въ полной боевой готовности. Этому историческому году предшествовалъ рядъ общественныхъ событій, подготовившихъ почву революціонному движенію 1905 г. Евгеній Шауманъ 3 іюня 1904 года смертельно ранилъ генералъ-губернатора Бобрикова. За выстрѣломъ Шаумана послѣдовало убійство статсъ-секретаря Финляндіи и премьера Россіи—Плеве. Съ театра войны приходили тревожныя вѣсти: за морскими пораженіями слѣдовалъ Лаоянъ. Въ Россіи наростаетъ недовольство среди населенія, тревога и растерянность въ правящихъ сферахъ. „Финляндскій вопросъ" отодвигается на задній планъ; не до руссификаціи окраинъ, своихъ „дѣлъ" достаточно... На мѣсто Бобрикова назначается князь Оболенскій. Снабженный прежними полномочіями, новый генералъ-губернаторъ дѣйствуетъ, однако, съ большей осторожностью и дипломатичностью, чѣмъ его предшественникъ. Инспирируемый сверху, онъ старается—„не раздражать" населенія. Печати дѣлаются легкія послабленія, ссыльныхъ возвращаютъ; генерала Шаумана и др. финляндцевъ, заключенныхъ въ Петропавловскую крѣпость за мнимый проектъ „вооруженнаго возстанія", выпускаютъ на свободу.

Для Россіи наступаетъ „эпоха довѣрія" и историческихъ банкетовъ. Свѣтлѣетъ, если не прочищается, политическій горизонтъ и надъ Финляндіей.

Въ декабрѣ 1904 г. долженъ открыться очередной Сеймъ. Впервые послѣ 1900 г. предстоитъ населенію возможность высказать свое отношеніе къ двумъ тактикамъ, дѣйствовавшимъ съ тѣхъ поръ въ странѣ. Прежнее партійное дѣленіе по языкамъ, существовавшее до водворенія бобриковскаго режима, претерпѣло замѣтную эволюцію. Экономическій моментъ, при нормальномъ теченіи жизни опредѣляющій собою партійную группировку, уступаетъ мѣсто моменту чисто-политическому. Другъ противъ друга выступаютъ двѣ буржуазныя группы: *конституціонная*, въ которой растворились и шведоманы, и младофинны, и часть бывшихъ суометаріанцевъ, и *суометаріанская* сенатская партія. Однако, по существу программы обѣихъ буржуазныхъ партій мало чѣмъ разнятся между собою. Обѣ кладутъ въ основу тре-

бованіе возстановленія законнаго порядка, т. е. конституціонныхъ началъ и „нарушеннаго согласія между Монархомъ и націей“ [1]). Расхожденіе обнаруживается лишь по вопросу о тактикѣ. Суометаріанцы всячески пытаются сгладить острые углы и найти „примирительную формулу“. Они готовы, съ этой цѣлью, пойти на новый компромиссъ и принять незаконные акты, навязанные Имперіей (напр. воинскій законъ, законъ о языкахъ и т. д.), внеся въ нихъ лишь частичныя поправки. Для конституціоналистовъ возвратъ къ конституціонному строю означаетъ полную отмѣну всѣхъ распоряженій, введенныхъ въ жизнь безъ санкціи народнаго представительства. Дальше этихъ требованій конституціоналисты не идутъ. Вопросъ о дальнѣйшихъ методахъ борьбы не конкретизируется. Выпустивъ весь зарядъ гражданственности на „пассивное сопротивленіе“ и не добившись желанныхъ результатовъ, конституціоналисты стали проявлять явные признаки растерянности. Чувствовалось, что умѣренные элементы снова подняли голову и стали предостерегать отъ каждаго новаго, „необдуманнаго“ и опаснаго шага...

Нѣтъ ничего удивительнаго, если при такомъ положеніи вещей въ рядахъ конституціонной партіи въ 1904 г. стало обнаруживаться ядро изъ радикально-мыслящихъ элементовъ, извѣстное подъ названіемъ „*партіи активнаго сопротивленія*“ или короче: *активистовъ*. Полная невозможность достигнуть чего либо борьбой на легальной и лояльной почвѣ породила и вызвала къ жизни эту группу. Чѣмъ „приличнѣе“ вели себя конституціоналисты, чѣмъ съ большимъ достоинствомъ отвѣчали на репрессіи и незаконныя распоряженія, тѣмъ нагляднѣе знакомили русскія власти „рыцарскихъ“ викинговъ съ пріемами обще-имперскаго режима. Все чаще и чаще стали на столбцахъ „Fria Ord“ раздаваться непривычныя для ушей сдержанныхъ конституціоналистовъ рѣчи о необходимости перейти „отъ обороны къ нападенію“, о пользѣ „большей активности“... Съ осени 1904 г. группа „активистовъ“ приступила къ выполненію своей программы. По ея иниціативѣ созывается историческое совѣщаніе представителей оппозиціонной Россіи въ Парижѣ осенью 1904 г. Сближеніе между Имперіей и Великимъ Княжествомъ совершается, но идетъ по нѣсколько иной линіи, чѣмъ намѣчали руссификаторы.

Во время избирательной компаніи 1904 г. активисты выпустили свою

---

[1]) Характернымъ является отсутствіе въ программахъ обѣихъ партій экономическихъ и соціально-политическихъ требованій: борьба ведется и сосредоточивается вокругъ обще-государственнаго, національнаго вопроса. Въ обѣихъ программахъ фигурируютъ также, помимо основного пункта—отмѣна диктатуры и возстановленіе „законности“—одни и тѣже требованія политическаго характера: свобода собраній, пересмотръ законовъ о печати, ограниченіе произвола жандармеріи и т. д., разница лишь въ томъ, что у конституціоналистовъ эти требованія выражены въ формѣ категорической, а у суометаріанцевъ въ видѣ „пожеланій“. (См. „Författnings-Kamp“, стр. 116).

декларацію — программу. Въ ней говорилось о томъ, что „пассивное сопротивленіе“ показало, насколько оно недѣйствительно (пунктъ 3), что единственной гарантіей возстановленія и сохраненія въ Финляндіи попранной конституціи является утвержденіе началъ гражданственности и законности (пунктъ 4), что наконецъ партія активнаго сопротивленія ставитъ себѣ задачу: „всѣми силами и при сотрудничествѣ всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ Россіи добиваться уничтоженія самовластія въ Финляндіи, а также поддерживать ту часть оппозиціи, которая и въ Россіи стремится къ замѣнѣ автократической системы свободными государственными учрежденіями“ [1]). Это былъ языкъ непривычный въ Финляндіи. Декларація провела рѣзкую грань между активистами и конституціоналистами. При всемъ „радикализмѣ“ активистовъ въ вопросахъ тактики, группа эта продолжала оставаться и дѣйствовать въ рамкахъ буржуазнаго класса. Такъ же, какъ и конституціоналистамъ, было ей чуждо массовое движеніе и непонятна та работа, которая спаиваетъ и организуетъ массы. Равнодушно проходятъ активисты мимо соціалдемократіи, стягивающей силы пролетаріата и укрѣпляющей свои позиціи. Активисты, направившіе всѣ свои помыслы въ одну сторону—на борьбу съ русскимъ режимомъ, отворачиваются отъ сложныхъ классовыхъ задачъ соціалдемократіи. Но „новый методъ“ активистовъ дышетъ „старой практикой“ русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ,—тѣ же тайныя организаціи, то же геройство единичныхъ личностей, не массъ, тѣ же террористическіе акты и та же относительная слабость и малочисленность партіи, низкій удѣльный вѣсъ ея на политическомъ поприщѣ... Сочувствіе активисты находили больше среди пылкой, увлекающейся молодежи; „солидная публика“ ихъ сторонилась и неодобрительно покачивала головами.

И все же эта группа, пускавшая въ ходъ крайнія средства борьбы, вплоть до террора, вызывала меньшее къ себѣ неодобреніе со стороны буржуазіи, чѣмъ планомѣрная, не выходящая изъ рамокъ „законности“, работа соціалдемократіи.

Въ 1904 г. соціалдемократія впервые приняла участіе въ избирательной кампаніи. Она выставила своихъ кандидатовъ и повела агитацію, поскольку это допускали рамки „исключительнаго положенія“. Какъ велико было уже тогда вліяніе соціалдемократіи, можно судить потому, что, несмотря на неисчислимыя препятствія существовавшей избирательной системы, избрано было три соціалдемократическихъ депутата. Этотъ успѣхъ имѣлъ, однако, болѣе принципіальное, чѣмъ практическое значеніе,—три голоса рабочихъ совершенно тонули въ спѣвшемся буржуазномъ хорѣ.

Побѣду на выборахъ 1904 г. одержали конституціоналисты—они со-

---

[1]) „Författningskamp“, стр 141.

ставили сеймовое большинство. Населеніе выразило этимъ вотумъ недовѣрія и порицанія сенатской партіи и одобрило тактику „непримиримыхъ". Побѣда конституціоналистовъ придала бодрости оппозиціи. Несмотря на то, что тронная рѣчь, при открытіи Сейма, не предвѣщала ничего утѣшительнаго, несмотря на то, что „диктатуру" она оставляла въ полной силѣ и о возстановленіи конституціонныхъ основъ не было и намека, у буржуазіи воскресли иллюзіи мирнаго разрѣшенія конфликта. Въ декабрѣ Сеймъ составилъ новую „великую петицію" о возстановленіи законнаго порядка въ краѣ и передалъ ее Монарху.

Между тѣмъ въ Россіи разыгрывался первый актъ революціонной драмы: настало 9-го января. Событіе это встрѣтило живой откликъ въ сердцахъ финляндскихъ рабочихъ; 11-го повсемѣстно идутъ митинги, распространяются листки. Примѣшивается и провокація, толпа бьетъ окна въ редакціи „Uusi Suometar"; 12 и 13 уличныя демонстраціи, съ неизбѣжными столкновеніями съ полиціей, продолжаются. Настроеніе повышается. Духовные очи финляндскаго народа обращены съ надеждой на востокъ.... Быстро завязываются, растутъ и крѣпнутъ живыя связи съ русскимъ освободительнымъ движеніемъ. Вопросъ о національной самостоятельности Финляндіи растворяется въ болѣе широкомъ вопросѣ побѣды русскаго оппозиціоннаго движенія надъ „старымъ режимомъ".

Въ мартѣ Монархъ подписываетъ свой отвѣтъ на „великую петицію" Сейма. Въ ней дѣлаются частичныя уступки Финляндіи: дѣйствіе воинскаго закона 1901 г. пріостанавливается, признается принципъ несмѣняемости судей.

Но надо помнить, что между подачей петиціи и отвѣтомъ на нее лежало 9-е января, стачечное движеніе, широкой волной залившее Россію, съѣзды и митинги, вспыхивавшія крестьянскія возстанія... Уступка Финляндіи являлась плодомъ борьбы русской оппозиціи...

Тронутый первыми уступками, Сеймъ поспѣшилъ отблагодарить имперскія власти и выказать свою полную лояльность. Требуемые 10 милліоновъ марокъ, взамѣнъ отбыванія финляндцами воинской повинности, были тутъ же ассигнованы. Этотъ актъ покорности вызвалъ протестъ только со стороны соціалдемократіи и небольшого числа крайнихъ конституціоналистовъ. Но недовольство рабочихъ разбивалось о растущую „корректность" буржуазіи. Несмотря на продленіе режима диктатуры, несмотря на распущеніе послѣдняго финскаго гвардейскаго баталіона, повторную кассацію коммунальныхъ выборовъ, неугодныхъ русскимъ властямъ, разгонъ мирныхъ собраній и т. п., конституціоналисты позволяли убаюкивать себя иллюзіями мирнаго разрѣшенія Финляндскаго вопроса и какъ будто готовились, идя по стопамъ суометаріанцевъ, помириться на уступкахъ и компромиссахъ.

Чѣмъ же вызывалось такое „смиреніе“ со стороны недавнихъ энергичныхъ борцовъ за обще-національное дѣло? Все тотъ же могущественный, неотвратимый факторъ—классовый расчетъ—вмѣшивался въ создавшуюся политическую ситуацію и усложнялъ картину.

Со времени открытія Сейма 1904 года вокругъ него велась агитаціонная работа соціалдемократіи. На очередь выдвинутъ былъ вопросъ о коренной реформѣ народнаго представительства. Весь 1905 г. окрашивается упорной борьбою рабочаго класса и буржуазіи по вопросу избирательной реформы.

Тщетно пыталась буржуазія разрѣшить проблему собственнаго двоедушія. Ища поддержки въ народѣ въ борьбѣ съ руссификаторской политикой, буржуазія съ возростающей опаской отстранялась отъ массъ и тревожно слѣдила за ростомъ мощи и значенія соціалдемократіи.

19-го февраля 1905 г. соціалдемократія устраиваетъ своего рода смотръ организованной пролетарской арміи. Подъ звуки рабочаго марша, въ строгомъ порядкѣ направляются рабочіе къ Сеймовому дому и здѣсь въ пламенныхъ рѣчахъ требуютъ одновременно: „уничтоженія незаконнаго режима“ и реформы народнаго представительства. Буржуазія сочувственно кивала на первое требованіе и досадливо морщилась на второе. На соціалдемократію стали сыпаться упреки въ „непатріотичности“, въ отсутствіи политическаго такта. Февральская демонстрація не ограничилась Гельсингфорсомъ, она нашла живой откликъ въ провинціи: въ Або, Таммерфорсѣ, Копкѣ, Выборгѣ и т. д. Атмосфера дышала энтузіазмомъ, рѣшимостью; положеніе становилось серьезнымъ. Но буржуазія, расшаркиваясь передъ принципомъ, медлила, затягивала вопросъ.

Въ апрѣлѣ стало обнаруживаться, что обсужденіе реформы клонится явно не въ пользу требованій рабочаго класса. Массы дрогнули. Рабочіе съ развѣвавшимися знаменами: „Долой противниковъ избирательнаго права!“, „Всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право“!, „Однопалатная система“! двинулись къ дому Сейма.

Однако и тутъ буржуазія колеблется, ведетъ переговоры, торгуется. Наконецъ выноситъ рѣшеніе: вопросъ объ избирательной реформѣ откладывается до слѣдующаго Сейма. Большей политической безтактности совершить было трудно. Моментъ, когда Сеймъ 1905 г. отказалъ удовлетворить законное требованіе пролетаріата, является рѣшающимъ пунктомъ рабочаго движенія Финляндіи. Съ тѣхъ поръ оно пріобрѣтаетъ удивительную ясность и отчетливость.

Съ неудовольствіемъ слѣдитъ буржуазія за дальнѣйшими шагами рабочихъ, прислушивается къ голосу соціалдемократіи, дѣлающемуся все болѣе отчетливымъ и рѣшительнымъ. Но въ содѣянной ошибкѣ не признается; буржуазія все еще не теряетъ надежды собственными силами раздѣлаться съ „незаконнымъ“ режимомъ.

Лѣто 1905 г. проходитъ для рабочаго класса въ энергичной дѣятельности: по всей линіи идетъ работа углубленія и расширенія организаціи. То тутъ, то тамъ вспыхиваютъ экономическія забастовки—этотъ пробный камень рабочей солидарности. Чутко прислушивается соціалдемократическая пресса къ событіямъ въ Имперіи и гулко отдаются въ сердцахъ Финляндскихъ пролетаріевъ первые раскаты революціонной бури. Но на поверхности все тихо,—работа идетъ въ глубинѣ.

На этомъ фонѣ кажущагося бездѣйствія массъ особенно отчетливо, рельефно выдѣляются выступленія „активистовъ". Начиная съ февраля 1905 г., слѣдуютъ одинъ за другимъ рядъ террористическихъ актовъ, изъ которыхъ убійство прокурора Іонстена студентомъ Хохенталемъ и покушеніе на Выборгскаго губернатора надѣлало въ свое время всего больше шума [1]). Усвоеніе методовъ борьбы с.-р-овъ повело въ Финляндіи къ событіямъ, въ которыхъ дѣйствительно революціонныя начинанія переплетались съ наглой провокаціей обрусителей. Многія страницы изъ исторіи дѣятельности активистовъ такъ и остались темными и неразгаданными... Достовѣрно одно: тактика и методы борьбы активистовъ въ широкой публикѣ не встрѣчали сочувствія. Исторія же съ судномъ „Джонъ Графтонъ", долженствовавшимъ доставить боевые запасы, случаи экспропріацій, накрытіе близъ Кеми властями склада ружей и патроновъ, кража динамита, убійство нижнихъ полицейскихъ чиновъ и т. д.—всѣ эти явленія не способствовали росту „симпатіи" буржуазіи къ активистамъ. Конституціоналисты такъ же, какъ и суометаріанцы, сильно опасались, что „эксцессы" активистовъ накличутъ новую бѣду на голову націи... Отмѣчалось, что дѣйствія активистовъ—прямой результатъ режима диктатуры. „Таковы плоды сближенія съ Россіей... Того ли ждалъ Бобриковъ"? съ пафосомъ вопрошали конституціоналисты. „Положить предѣлъ „этимъ безобразіямъ" можетъ только возстановленіе законности". По мѣрѣ того, какъ дѣйствія активистовъ принимали все болѣе и болѣе наступательный характеръ, по мѣрѣ того, какъ въ массахъ шла спѣшная работа сплоченія силъ, конституціоналисты все ближе пододвигались къ суометаріанцамъ, линяли и правѣли.

См. „Finlands Forfättningskamp", 1907. стр. 143.

VI.

Октябрьскіе дни 1905 г. 30-го октября—начало «Великой Забастовки». Стачечные комитеты. Попытки соглашенія конституціоналистовъ и соціалдемократіи. Митинги. Резолюціи. 31-го октября—рабочій митингъ на желѣзнодорожной площади. Митингъ конституціоналистовъ въ пожарномъ домѣ. Классовой моментъ. «Красная гвардія» и студенческая милиція. Отставка Сената. Манифестъ 4 ноября. Прекращеніе забастовки.

Октябрьскіе дни застали финляндскихъ рабочихъ въ напряженной, выжидательной позиціи, готовыхъ выступить при первомъ же сигналѣ. Вопросъ о всеобщей забастовкѣ висѣлъ въ воздухѣ, со времени Форссовскаго съѣзда; но это орудіе борьбы расчитывали употребить лишь противъ отечественной буржуазіи. Сигналъ былъ данъ изъ Петербурга, и свое орудіе пролетаріатъ направилъ въ другую сторону.

Петербургъ отрѣзанъ отъ остальной Россіи; сношеніе съ міромъ поддерживается лишь черезъ Финляндію. $^{28}/_{15}$ октября желѣзнодорожный персоналъ на линіи Петербургъ—Выборгъ получаетъ отъ рабочаго комитета изъ Гельсингфорса телеграмму—присоединиться къ русской политической забастовкѣ. Къ вечеру 29-го движеніе на финляндской дорогѣ прекращено. Петербургъ отрѣзанъ отъ всего міра. Начавшаяся съ выраженія сочувствія русскому движенію, желѣзнодорожная забастовка быстро распространяется по всему краю. Это была та искра, которой только и ждало накопившееся раздраженіе цѣлой націи. Быстро, неудержимо разгорѣлась она въ грандіозное пламя, освѣтившее страну краснымъ заревомъ...

Забастовка встрѣтила живой откликъ въ буржуазіи — обычное орудіе борьбы рабочаго класса на этотъ разъ направлено не противъ нея. Исходъ обѣщаетъ событія, которыя могутъ оказаться выгодными прежде всего ей самой. Гельсингфорсъ 30 (17) октября охваченъ лихорадочнымъ, революціоннымъ подъемомъ. Весь городъ на улицѣ; толпы стекаются на желѣзно-дорожную площадь; перехватываются вѣсти изъ Россіи. Рабочіе, съ утра еще отправившіеся въ мастерскія, въ послѣ-обѣденный часъ туда не возвращаются. Соціалдемократы Перттила и популярный лидеръ Матти Куррика, вернувшійся только что изъ Австраліи, созываютъ собранія. Около часа дня трехтысячная толпа стекается къ партійному рабочему дому на Георгіевской улицѣ. Ораторы даютъ краткую характеристику событій въ Россіи и призываютъ къ забастовкѣ. Выносится резолюція: „Всѣмъ сердцемъ поддерживая борьбу за свободу и гражданскія права, какая сейчасъ ведется въ Россіи, собраніе постановляетъ призвать всѣхъ финляндскихъ рабочихъ къ забастовкѣ и избрать комитетъ, для выработки дальнѣйшей программы дѣйствій“ [1]). Тутъ же избирается стачечный комитетъ изъ 8 человѣкъ (изъ нихъ 1 женщина). Первая забота комитета—настоять на закрытіи всѣхъ заведеній, торгующихъ спирт-

[1]) См. „Nationalstrejken i Finland“, стр. 58.

ными напитками; полицеймейстеръ Энеіельмъ удовлетворяетъ требованіе, закрываются не только магазины и кабаки, но и рестораны. Почти одновременно происходитъ митингъ конституціоналистовъ; они, съ своей стороны, избираютъ стачечный комитетъ и выражаютъ готовность на объединеніе съ рабочими. Впервые изъ устъ буржуазныхъ ораторовъ раздается признаніе въ собственномъ безсиліи, впервые рабочій классъ—хозяинъ положенія: къ его голосу прислушиваются, передъ его волей склоняются опытные политическіе дѣятели.

Распространяется слухъ, будто городъ можетъ остаться безъ воды; населеніе встревожено; стачечный рабочій комитетъ успокаиваетъ населеніе и городскую думу, обѣщая заботиться о нуждахъ города. Всѣмъ студенческимъ корпораціямъ предлагается примкнуть къ забастовкѣ. Циркулируетъ резолюція, принятая на дневномъ рабочемъ собраніи: „Рабочіе прекращаютъ работу сегодня и возобновятъ ее только тогда, когда опредѣлится будущее положеніе страны. До тѣхъ поръ ежедневно будутъ происходить митинги на желѣзнодорожной площади, гдѣ завтра же объявятъ результаты переговоровъ съ конституціоннымъ комитетомъ".

Извѣстнымъ становится, что депутація отъ русскихъ солдатъ явилась на собраніе рабочихъ и заявила о рѣшеніи отъ 3 до 4-хъ тысячъ солдатъ не стрѣлять въ толпу, если на то послѣдуетъ распоряженіе. Въ 7 ч. вечера происходитъ вторичное собраніе рабочихъ на Георгіевской улицѣ; толпа такъ велика, что митингъ устраивается на улицѣ. Въ другомъ мѣстѣ (на Андреевской ул.) происходитъ многолюдное собраніе типографскихъ рабочихъ.

Стачечный комитетъ заявляетъ желѣзно-дорожному начальству, что „постановлено въ 12 ч. прекратить движеніе". Послѣ долгихъ переговоровъ высшій желѣзно-дорожный персоналъ, вмѣстѣ съ начальникомъ движенія Вуоренгеймомъ, уступаютъ и въ 12 ч. ночи жизнь на линіяхъ прекращается. Происходитъ митингъ желѣзно-дорожныхъ служащихъ; резолюція носитъ соціалистическій характеръ: выставляется рядъ экономическихъ требованій (8 ч. раб. дня, нормировка заработной платы, введеніе страхованія и т. д).

Собранія идутъ и у студенчества. Политехники постановляютъ: „Мы, студенты политехникума въ Гельсингфорсѣ, рѣшили прервать наши занятія и этимъ выразить сочувствіе освободительному движенію въ Россіи, а также осужденіе произволу и насилію, творимому надъ Финляндіей".

Студенчество шлетъ свою делегацію на вечернее рабочее собраніе и сообщаетъ о своемъ рѣшеніи примкнуть къ забастовкѣ. Заявленіе встрѣчается съ энтузіазмомъ.

Въ 5 ч. происходитъ учительскій митингъ; выносятъ рѣшеніе—поддерживать забастовку.

И все же, несмотря на духъ единенія, насыщающій революціонную атмосферу, острые углы классоваго антагонизма даютъ себя чувствовать. На

первомъ же совѣщаніи стачечныхъ комитетовъ трудность соглашенія отчетливо обнаруживается. Антагонизмъ двухъ основныхъ общественныхъ группъ выступаетъ по первому же и наиболѣе существенному пункту: требованіе рабочихъ о немедленномъ созывѣ учредительнаго собранія на основѣ пятичленной формулы не встрѣчаетъ сочувствія. Конституціоналисты приводятъ обычныя возраженія: въ принципѣ никто не споритъ съ этимъ требованіемъ, вопросъ лишь въ практической его осуществимости. Другіе выражаются яснѣе: рабочіе составляютъ незначительную часть населенія, ихъ требованія еще не есть „воля народа". Суометаріанцы поддерживаютъ конституціоналистовъ. Придти къ соглашенію такъ и не удается; оба комитета рѣшаютъ выпустить отдѣльныя резолюціи и лишь координировать дѣйствія. Фактически, однако, стачечное движеніе въ рукахъ рабочихъ.

Въ тотъ же вечеръ происходитъ собраніе городскихъ уполномоченныхъ. Здѣсь то же—столкновеніе непримиримыхъ классовыхъ противорѣчій. Вопросъ идетъ о новомъ составѣ правительства (Сенатъ, статсъ-секретарь и т. д.), раздаются голоса, подчеркивающіе необходимость избранія людей, „знающихъ толкъ" въ вопросахъ управленія. Уполномоченные торгуются съ рабочимъ комитетомъ по поводу продолжительности забастовки, необходимости распространенія ея на газовые заводы и электрическую станцію и т. д. Чувствуется обоюдное раздраженіе. Делегатъ рабочаго комитета заявляетъ наконецъ, что сотрудничество съ конституціоналистами не можетъ состояться, такъ какъ требованія рабочихъ не находятъ сочувствія. Городскіе уполномоченные выносятъ постановленіе—*пока* не высказываться за распространеніе стачки. образовать нѣчто вродѣ освѣдомительнаго бюро, возложить на вновь созванный Сеймъ рѣшеніе вопроса о дальнѣйшихъ реформахъ. 30 голосами противъ 11-ти постановленіе принимается. Недовольство другъ другомъ очевидное; рабочіе покидаютъ залъ съ чувствомъ разочарованія, конституціоналисты возмущены тѣмъ, что рабочіе заняты не національнымъ дѣломъ, а преслѣдуютъ узкія „партійныя цѣли".

Высшаго напряженія достигаетъ стачечная волна 31 (18) октября. Забастовка по странѣ всеобщая. Площадь желѣзно-дорожная густо усѣяна толпою. Фабрики, мастерскія, бюро все закрыто. Утромъ еще выходятъ газеты, впервые не извѣдавшія цензорскаго карандаша. Но послѣ утренняго совѣщанія типографскіе рабочіе объявляютъ забастовку. По иниціативѣ рабочаго комитета созывается многолюдный митингъ полицейскихъ. Выносится рѣшеніе: примкнуть къ забастовкѣ и требовать созыва учредительнаго собранія [1]). Вѣсть о манифестѣ 17-го октября подымаетъ настроеніе и даетъ новыя надежды. Бастуютъ школьники, бездѣйствуетъ почта.

Опять почти одновременно происходятъ два митинга: конституціона-

[1]) „Nationalstrejken", стр. 121.

листовъ и рабочихъ. Собираются и суометаріанцы, избираютъ собственный комитетъ и рѣшаютъ поддерживать движеніе. На желѣзно-дорожной площади 40 тыс. толпа съ энтузіазмомъ выслушиваетъ соціалдемократическихъ ораторовъ.

Надъ толпой колышется запретный флагъ: желтый съ краснымъ. Выносится резолюція, требующая „четырехъ свободъ", созыва Учредительнаго Собранія для выработки новой системы народнаго представительства, основанной на равномъ, прямомъ, тайномъ и всеобщемъ избирательномъ правѣ всѣхъ гражданъ и гражданокъ, достигшихъ 21 года, отмѣны „Бобриковскаго режима". Комитетомъ объявляется, что съ конституціоналистами не удалось вступить въ соглашеніе, ввиду ихъ несогласія присоединиться къ требованію созыва Учредительнаго Собранія. Тутъ же при взрывѣ воодушевленія, принимается рѣшеніе сорганизовать національную или „красную гвардію." Такое же восторженное одобреніе встрѣчаетъ требованіе: амнистіи политическихъ и уравненія евреевъ въ гражданскихъ правахъ.

Огромная толпа направляется къ дому генералъ-губернатора, гдѣ находятся суометаріанскіе сенаторы. Депутація конституціоналистовъ требуетъ отставки сената, несмѣтная толпа поддерживаетъ выставленное требованіе. Передъ революціоннымъ подъемомъ отступаютъ сами испытанные вожаки примиренческой политики, сенаторы-креатуры Бобрикова. Съ балкона освѣщаемые колеблющимся свѣтомъ двухъ канделябръ, съ трудомъ заглушая свистки и крики, возвѣщаютъ они о своей „добровольной" отставкѣ. Заявленіе встрѣчается криками восторга.

Между тѣмъ въ пожарномъ домѣ идетъ колоссальнѣйшій митингъ конституціоналистовъ. Присутствуютъ и представители другихъ партій. Рельефно, при всемъ желаніи конституціоналистовъ сохранить ореолъ борцовъ за общенаціональное дѣло, выступаетъ „классовая подоплека", окрашивающая и пренія, и резолюціи оппозиціонной партіи. И здѣсь, какъ на митингѣ рабочихъ, центральный вопросъ составляетъ предстоящая реформа государственнаго управленія. Но въ то время, какъ рабочіе выдвигаютъ въ первую очередь обезпеченіе за націей гражданскихъ свободъ и созывъ демократическаго народнаго представительства для выработки дальнѣйшихъ реформъ, конституціоналисты топчутся на старомъ мѣстѣ, боясь перешагнуть „завѣтную черту", опасаясь сдвига въ сторону демократіи. Дебаты сосредоточиваются по преимуществу на вопросѣ о перемѣнѣ состава высшихъ должностныхъ лицъ: сенаторовъ, статсъ-секретаря, генералъ-губернатора.

Диссонансъ вноситъ резолюція, принятая на желѣзнодорожной площади и внесенная на митингъ конституціоналистовъ Арвидомъ Мерна. Ее встрѣчаетъ рѣзкій отпоръ, явная враждебность. „Принятіе резолюціи грозитъ такими опасными послѣдствіями для родины, какія сейчасъ даже трудно представить"... „Представители рабочихъ толкуютъ намъ о своей силѣ; можемъ

ли мы быть убѣжденными, что эта сила направится не противъ насъ?" вопрошаетъ конституціоналистъ Мексмонтанъ. „То, что рабочіе понимаютъ подъ своимъ правомъ, можетъ быть крайне опаснымъ для всего общества". Карты понемногу раскрываются. Резолюцію, внесенную Мериэ, предсѣдатель пробуетъ снять съ очереди на формальномъ основаніи. Атмосфера разгорячается. Снова, въ минуту наивысшаго патріотическаго воодушевленія, классовый моментъ вноситъ свой кричащій диссонансъ Умѣренные голоса заглушаютъ радикальныхъ конституціоналистовъ; популярному редактору Больдту не даютъ говорить. Идетъ борьба не съ „внѣшними силами" только, внутреннія противорѣчія раздираютъ собраніе...

Наконецъ выносится и принимается резолюція въ духѣ конституціоналистовъ: отмѣна режима диктатуры, замѣщеніе всѣхъ высшихъ административныхъ чиновъ (въ томъ числѣ генералъ-губернатора) лицами преданными конституціи края, возвращеніе высланныхъ финляндскихъ гражданъ и т. д. По основному вопросу реорганизаціи государственнаго управленія принимается пунктъ о созывѣ новаго Сейма, которому и поручается выработать основы демократическаго народнаго представительства (безъ обозначенія одно-или двухъ-палатной системы), при отвѣтственности исполнительной власти и при утвержденіи въ странѣ четырехъ гражданскихъ свободъ [1]). Линія конституціоналистовъ ясно намѣчается. Быть можетъ, классовый антогонизмъ никогда съ такой отчетливостью не выступалъ въ Финляндіи, какъ въ эти памятные дни.

Цѣлый рядъ „инцидентовъ" нарушаетъ кажущуюся гармонію задачъ обще-народной милиціи. Студенчество и рабочіе организуются отдѣльно, образуя кадры патрулей, отряды для обороны города и санитарные. Съ изумительной настойчивостью добиваются конституціоналисты избранія своего человѣка Гордія на постъ главнаго начальника надъ обоими кадрами народной милиціи—студенческой и „красной" рабочей гвардіи. Портной Луото, иниціаторъ организаціи „красной гвардіи", и Матти Куррика, однако, выдвигаютъ „краснаго капитана" Кока, какъ болѣе близкаго по духу рабочимъ. Цѣлый рядъ мелкихъ интригъ со стороны конституціоналистовъ ярко обрисовываетъ, насколько выборъ „краснаго капитана" не отвѣчалъ ихъ планамъ. Значительно спокойнѣе чувствовали бы себя конституціоналисты, еслибы командованіе надъ вооруженными и сорганизованными рабочими отрядами находилось въ надежныхъ рукахъ конституціоналиста. Въ избыткѣ патріотизма конституціоналисты пускаются на весьма сомнительныя по моральной цѣнности средства борьбы; вопросъ о „гегемоніи" какъ будто заслоняетъ не менѣе острый вопросъ о побѣдѣ націи. Въ одинъ изъ наиболѣе жаркихъ дней, 1-го ноября

---

[1]) „Storstrejken", стр. 167.

(19 октября), когда весь городъ охваченъ страхомъ передъ возможной бомбардировкой, конституціоналисты распускаютъ слухъ о бѣгствѣ Кока. Дѣлаютъ они это въ ту самую минуту, когда стойкость и дисциплина „красной гвардіи" представляетъ единственную опору. Пользуясь общей растерянностью, они снова пытаются выдвинуть Гордія. Рабочіе отвѣчаютъ, что они готовы встать подъ начальствомъ хотя бы Гордія, лишь бы онъ открыто и честно обѣщался защищать интересы рабочаго класса. Это условіе показалось непріемлемымъ, возвращеніе же мнимо-пропавшаго Кока положило конецъ неумѣстной интригѣ конституціоналистовъ. Еще болѣе печальный инцидентъ имѣлъ мѣсто 6-го ноября (24 октября): командующему студенческой милиціей Теслову пришло ложное донесеніе о томъ, что рабочіе „взбунтовались" и производятъ уличные безпорядки. Между тѣмъ дѣло шло лишь о закрытіи магазиновъ, которые послѣ обнародованія манифеста открывались безъ разрѣшенія стачечнаго комитета. Не разобравъ въ чемъ дѣло, Тесловъ со студенческимъ отрядомъ „храбро" выступилъ въ походъ на „чернь". Нетактичность свою Тесловъ подчеркнулъ еще тутъ же выраженной студенческой милиціи благодарностью за ея „храбрость" и готовность усмирить бунтовщиковъ [1]).

Острые углы классоваго антагонизма нарушаютъ такимъ образомъ стройность картины обще-національной борьбы. Но настроеніе не падаетъ, народъ твердо рѣшилъ бороться до конца.

Между конституціоналистами и соціалдемократіей ведутся непрерывные переговоры. Соціалдемократія отказывается отъ своего требованія немедленнаго созыва Учредительнаго Собранія, но лишь послѣ того, какъ получаетъ торжественное обѣщаніе буржуазіи провести черезъ Сеймъ коренную реформу народнаго представительства.

Цѣлую недѣлю царитъ въ Финляндіи „великая національная забастовка". Происходитъ она съ соблюденіемъ полнѣйшей тишины и спокойствія, порядокъ охраняетъ „красная гвардія", русскія войска бездѣйствуютъ, впрочемъ въ нихъ надобности и не ощущается.

31 (18) октября проектъ манифеста, составленный конституціоналистами и снабженный благопріятнымъ заключеніемъ ген.-губ. Оболенскаго, отправленъ Монарху. Въ ожиданіи отвѣта царитъ напряженная, лихорадочная тревога, усиливающаяся при полной отрѣзанности отъ міра. Всѣ способы сообщенія прерваны.

Манифестъ 4-го н., возвѣщающій о возстановленіи конституціонныхъ основъ въ странѣ, 5 ноября распубликовывается по странѣ. Нація спѣшно возвращается къ жизни.

Буржуазія возликовала. Но рабочій классъ съ естественнымъ недовѣріемъ отнесся къ обѣщаніямъ манифеста, не дававшимъ никакихъ гарантій

---

[1]) „Семь дней всеобщей забастовки" — Кокъ. (Seitemän päivän Keskusasemalla).

на будущее. Пролетаріатъ сознавалъ, какъ шатки всѣ надежды на водвореніе истинно-конституціонныхъ началъ въ Финляндіи, пока „законность“ не утвердилась въ самой Имперіи, пока тамъ царитъ „старый режимъ“. Соціалдемократія настаивала на продолженіи забастовки. Лишь послѣ того, какъ побѣдный шумъ буржуазіи поколебалъ стойкость бастующихъ, рѣшилъ „стачечный комитетъ“ прекратить „великую забастовку“.

На этомъ событіи закончился лишь „первый актъ“ борьбы за національную самостоятельность Финляндіи. Что касается рабочаго движенія, то борьба съ отечественной буржуазіей за равныя политическія права послѣ октябрьскихъ дней лишь вступила въ новую, болѣе напряженную фазу.

VII.

Вопросъ о реформѣ народнаго представительства. Борьба рабочихъ съ буржуазіей. Конституціоналисты у власти. Работа—на два фронта. Уступки Имперскимъ властямъ. Новый Сеймовый Уставъ 7 іюля 1906 г. Законопроекты буржуазнаго Сейма 1906 г.

Какъ только критическій моментъ былъ пережитъ, буржуазія забила отбой. Изъ лагеря конституціоналистовъ и суометаріанцевъ слышались одни и тѣ же соображенія: необходимо соблюдать „осторожность“, не хватать черезъ край; доказывалось преимущество двухъ-палатной системы, 25-ти лѣтняго возраста для избирателей и т. д. Декабрьскіе дни въ Москвѣ, крестьянскія волненія, волна забастовочнаго движенія, не улегшаяся въ Россіи,—всѣ эти симптомы парящаго въ воздухѣ „краснаго призрака“ заставили финляндскую буржуазію быстро изгладить изъ памяти недавній антагонизмъ съ имперскими властями и искать въ нихъ сотрудничества противъ „внутреннихъ враговъ“.

Новый „конституціонный сенатъ“, смѣнившій податливыхъ суометаріанцевъ, для успокоенія умовъ привлекъ къ сотрудничеству соціалдемократа, депутата Кари. Но, такъ какъ Сенатъ являлся органомъ административнымъ, привлеченіе это вызвало конфликтъ въ рядахъ соціалдемократіи. „Le cas Kari“ надѣлалъ шуму и соціалдемократія исключила сенатора Кари изъ партіи.

Пролетаріатъ Финляндіи вообще настроенъ былъ рѣшительно и непримиримо. Послѣ того, какъ онъ на своихъ плечахъ вынесъ всю тяжесть освободительной борьбы, послѣ того, какъ буржуазія сама признавала его заслуги въ дѣлѣ возстановленія конституціонныхъ началъ въ странѣ, та же буржуазія пыталась обойти рабочій классъ, лишить его по прежнему участія въ политической жизни. Что настроеніе рабочихъ держалось высоко и послѣ

октябрьскихъ дней, показываетъ Таммерфорскій съѣздъ. Съѣздъ постановилъ 191 голосомъ противъ 96 бойкотировать выборы въ слѣдующій Сеймъ и выставилъ снова лозунгъ Учредительнаго Собранія. Это были отголоски все того же настроенія, которое до весны 1906 г. царило и въ средѣ русскаго пролетаріата. На спеціальномъ собраніи постановлено было подготовлять всеобщую забастовку, какъ орудіе борьбы противъ упорной буржуазіи. Экономическія стачки въ Финляндіи, такъ же, какъ и въ Россіи, слѣдуютъ въ 1906 г. одна за другою. Металлистамъ и типографскимъ рабочимъ удается ввести коллективный договоръ, повысить расцѣнку, сократить рабочій день. Бастуютъ не одни промышленные рабочіе, движеніе перекидывается въ деревню, захватываетъ впервые покорныхъ и порабощенныхъ сельскихъ пролетаріевъ. Съ недоумѣніемъ встрѣчаютъ шведоманскіе и суометаріанскіе помѣщики отпоръ со стороны торпарей, батраковъ и бобылей... Вліяніе соціалдемократіи въ деревнѣ ростетъ, аграрный пролетаріатъ организуется, вступаетъ въ ряды соціалдемократіи.

Становится очевиднымъ, что государственная машина развинтилась и что призваннымъ къ власти конституціоналистамъ выпала на долю благая часть—починить механизмъ, испорченный рукою неумѣлыхъ механиковъ.

Въ концѣ февраля сенатская комиссія, при участіи трехъ соціалдемократовъ, закончила законопроектъ новаго Сеймоваго Устава. Но когда проектъ отправленъ былъ на разсмотрѣніе особой комиссіи въ Петербургѣ, явилось естественное опасеніе, не переданъ ли туда законопроектъ со спеціальной цѣлью похоронить его въ сообществѣ Имперской Комиссіи? Для успокоенія умовъ, сословія обратились къ Сенату, съ просьбою ускорить движеніе законопроекта. Но тревога этимъ не уменьшилась. Въ странѣ царило безпокойство...

Наконецъ 7 (20) іюля Монархъ подписалъ Новый Сеймовый Уставъ; побѣда, какъ будто, на сторонѣ пролетаріата [1]). Но ликованія нѣтъ, усложняющіяся событія въ Россіи, новый натискъ реакціи не предвѣщаетъ безмятежнаго будущаго для Финляндіи. Можетъ ли финскій пролетаріатъ расчитывать на удержаніе своихъ только что пріобрѣтенныхъ правъ, если побѣда по ту сторону границы останется за „бюрократіей". Можно ли надѣяться, что отечественная буржуазія, при первомъ удобномъ случаѣ, не попытается отнять у рабочаго класса его завоеванія? Отношенія между пролетаріатомъ и буржуазіей непрерывно обостряются. Въ отвѣтъ на растущую

[1]) Въ основу народнаго представительства Финляндіи положена одно-палатная система. Выборы двухсотъ депутатовъ отъ 16-ти избирательныхъ округовъ производятся каждые 3 года. Активнымъ и пассивнымъ избирательнымъ правомъ пользуются, за незначительными исключеніями, всѣ лица мужского и женскаго пола, которымъ исполнилось 21 годъ. Принятъ принципъ „пропорціональнаго представительства".

*

„красную гвардію“, буржуазія организуетъ свою милицію—„бѣлую гвардію“. Экспропріаторскія попытки и отдѣльные террористическіе акты, непрекращавшіеся и въ 1906 г., даютъ поводъ обвинять рабочихъ въ „разнузданности“, „мошенничествѣ“, „кровожадности“... Буржуазія, въ своемъ недовѣріи къ рабочему классу, готова превзойти изобрѣтательность руссификаторовъ—въ отвѣтъ на рабочія забастовки, предлагается прибѣгнуть къ грандіозному локауту. „Конституціонный“ Сенатъ нагайками усмиряетъ голодныхъ стачечниковъ—торпарей въ Лаука. „Hufvudstadtbladet“ договаривается до необходимости строгихъ законовъ, ставящихъ границы рѣчамъ и дѣйствіямъ, угрожающимъ «общественной безопасности.» Въ воздухѣ запахло закономъ противъ соціалистовъ. Уступивъ въ вопросѣ избирательной системы, буржуазія тѣмъ отчетливѣе старается „подобрать вожжи“, показать и низамъ, и Имперской власти, что у кормила правленія стоятъ опытные кормчіе.

По ту сторону Сестры-рѣки „старый режимъ“ неожиданно подымаетъ голову; еще 7-го іюля Монархъ подписываетъ Новый Сеймовый Уставъ, а уже 9-го іюля распускается первая Дума. Избранники народа русскаго спѣшатъ подъ гостепріимный кровъ сосѣдней націи, гдѣ у власти ихъ недавніе соратники по оппозиціи. Но двери „конституціонной“ страны закрываются передъ незванными гостями. Конституціонный Сенатъ спѣшитъ проявить свою лояльность и этимъ отблагодарить за дарованныя блага.

Свеаборгскія событія 17-го іюля, участіе въ нихъ отколовшейся отъ соціалдемократіи „красной гвардіи“, кровавое столкновеніе буржуазной милиціи съ „гвардіей“ капитана Кока, дали новый поводъ для примѣненія „разумныхъ“ государственныхъ мѣръ противъ „низовъ“. Въ Свеаборгѣ арестовываютъ 80 человѣкъ красногвардейцевъ, которыхъ немедленно же отдаютъ подъ судъ. Капитанъ Кокъ бѣжитъ за границу, Сенатъ же спѣшитъ издать постановленіе о роспускѣ „красной гвардіи“. Ея существованіе становится опаснымъ не для однихъ руссификаторовъ.

Шхунѣ „Петерсъ“ удается перевести въ Финляндію боевые припасы, циркулируютъ слухи о тайной организаціи анархистскаго типа „Воймы“ („Сила“), имѣютъ мѣсто отдѣльные случаи экспропріаціи: русскіе оппозиціонеры, преслѣдуемые правительствомъ, ищутъ убѣжища въ Финляндіи; достаточно этихъ явленій, чтобы Сенатъ рѣшительно пошелъ на встрѣчу Имперскимъ властямъ. 17-го ноября 1906 г. финляндскій Сенатъ разсылаетъ генералъ-губернаторамъ циркуляръ, по которому должны производится аресты русскихъ „политическихъ преступниковъ“ и выдачи ихъ русскимъ властямъ. Уставъ Общества „Воймы“, поданный на утвержденіе въ Сенатъ, разумѣется, не разрѣшается,—обществу предписываютъ „распуститься“.

При выработкѣ основныхъ законовъ гражданскихъ свободъ, сословія голосуютъ за пунктъ, запрещающій ношеніе оружія; законъ о печати урѣзываетъ

права рабочей прессы; законъ о союзахъ и собраніяхъ редактируется со всей осторожностью, на какую способенъ классъ, ограждающій свои специфическіе интересы.

Конституціонный Сеймъ энергично работаетъ на два фронта, встрѣчая поддержку Сената. Но „тонкая политика" конституціоналистовъ съ ихъ галантной сговорчивостью мало чѣмъ отличается отъ грубаго лакейства старофинновъ. И все же сколько ни забѣгаютъ конституціоналисты на встрѣчу Имперскимъ властямъ, неизбѣжность новаго конфликта становится очевидной.

VIII.

Избирательная кампанія 1907 г. на основѣ новаго Сеймоваго Устава. Перегруппировка общественныхъ элементовъ. Составъ и характеръ политическихъ партій «по-реформеннаго» періода. Соціалдемократія; ея политическая изолированность. Результаты выборовъ въ четыре послѣдовательныхъ Сейма.

Ко времени первой избирательной кампаніи въ 1907 г. на основѣ новаго Сеймоваго Устава, въ партійной группировкѣ Финляндіи произошли снова замѣтныя перемѣны. Измѣнившіяся условія момента, выдвигнули потребность въ рядѣ новыхъ мѣропріятій и произвели крупную перетасовку общественныхъ группъ; притокъ свѣжихъ элементовъ къ политической жизни измѣнилъ характеръ старыхъ партій. Снова въ первую очередь выдвинула жизнь запросы соціально-политическіе, оттѣснивъ на время вопросъ національной политики. Многообразныя потребности соціальныхъ группъ различныхъ оттѣнковъ искали своихъ выразителей. Старыя партіи распадались, видоизмѣнялись, рядомъ возникали новыя.

Прежде всего распалась на свои составные элементы партія „конституціонная". Шведы обособились отъ финновъ. Но и у шведомановъ дѣло вовсе не обстояло гладко. Съ тѣхъ поръ, какъ шведскіе вожди очутились у власти и опытной рукой направляли курсъ политической жизни страны, надъ шведоманами сталъ витать призракъ раскола. Добравшись до власти, лидеры конституціонализма обратились въ клику истыхъ бюрократовъ, покорно гнувшихъ спину передъ каждымъ внушительнымъ окрикомъ сверху. Но оппозиціонному знамени измѣнили не одни вожди, классовые интересы замѣтно тянули шведомановъ вправо. Напрасно боролась съ теченіемъ группа „младо-шведовъ", напоминая о запросахъ шведской демократіи. „Викинги" мечтали только объ одномъ—вернуть положеніе вещей, существовавшее до 1898 г. Популярный вождь шведомановъ Аксель Лилле сумѣлъ собрать подъ общее знамя начавшихъ расползаться шведомановъ. Спасеніе многовѣковой шведской культуры отъ натиска финновъ,—таковъ былъ собирательный лозунгъ. Образова-

лась новая „Шведская Народная Партія“ или „народная партія безъ народа“, какъ острили на ея счетъ. Умѣренные элементы поглотили радикальныхъ младо-шведовъ; ядро партіи осталось прежнимъ—крупная буржуазія, родовитое дворянство.

Суометаріанцы послѣ октябрьскихъ дней пережили не меньшую эволюцію, чѣмъ „конституціоналисты“. Но въ то время, какъ крупная буржуазія увлекла шведомановъ вправо, здоровое ядро крестьянства заставило суометаріанцевъ шагнуть влѣво. Налетъ бюрократизма, окрашивавшій „сенатскую“ партію, стерся подъ вліяніемъ живыхъ запросовъ населенія. Попрежнему ядро суометаріанцевъ составляло „третье сословіе“ — средняя и мелкая городская буржуазія, духовенство и крестьянство, прочно осѣвшее на землѣ, сознающее свои права на нее. Избирательная кампанія 1907 г., широко открывшая двери передъ демократическими элементами населенія, заставила суометаріанцевъ выступить съ весьма радикальной, детализированной программой; соціальнымъ реформамъ, и среди нихъ вопросу аграрному, отводилось наиболѣе крупное и замѣтное мѣсто [1]). Программа пестрѣла радикальными требованіями: надѣленіе землей безземельныхъ, пересмотръ „арендного закона“, реформа коммунальнаго самоуправленія, охрана труда (общія пожеланія), страхованіе рабочихъ, улучшеніе жилищныхъ условій пролетаріата и т. д. Въ своей программѣ суометаріанцы шагнули значительно дальше по пути радикализма, чѣмъ сами прогрессивные младо-финны, оставивъ, разумѣется, далеко позади „шведскую народную партію“. Эта истинная выразительница интересовъ капиталистовъ и собственниковъ даже не потрудилась включить „рабочихъ требованій“ въ свою программу и ограничилась однимъ заманчивымъ обѣщаніемъ „дѣятельно работать для поднятія экономическаго благосостоянія шведскаго населенія, для пробужденія его политическаго самосознанія и для уничтоженія той пропасти, что отдѣляетъ образованный классъ отъ шведскихъ народныхъ элементовъ“ (пунктъ 4).

Но ново-явленный радикализмъ старо-финновъ такъ и остался „писанной декларацией“: когда дѣло доходило до жизненной практики, Суомета-

---

1) Аграрныя реформы, вообще, заняли во всѣхъ партійныхъ программахъ, за исключеніемъ „шведской народной партіи“, одно изъ крупнѣйшихъ мѣстъ. Это была неизбѣжная дань моменту. Пока сельскій пролетаріатъ молча и покорно сносилъ свое экономическое иго, буржуазія съ нескрываемой враждебностью встрѣчала „утопическія“ аграрныя требованія соціалдемократіи. Но пронесся надъ страною революціонный ураганъ и всколыхнулъ пассивные массы безземельныхъ. Вспыхнули аграрныя стачки. Торпари — эти покорные рабы землевладѣльцевъ — собрались на собственный съѣздъ. Сельско-хозяйственныя рабочіе стали спѣшно организовываться въ союзы. Вчера еще забитый, безправный сельскій пролетаріатъ, всѣ эти постояльцы, бобыли, торпари, что покорно гнули спину даже передъ крестьяниномъ-собственникомъ, пріобрѣли значеніе политической силы: ихъ сто-тысячные голоса рѣшали исходъ избирательной битвы. Мудрено ли что программы буржуазныхъ партій запестрѣли аграрными требованіями?

ріанцы не выказывали никакого стремленія передвинуться „влѣво". Ставился ли вопросъ о реформѣ коммунальнаго самоуправленія, шло ли дѣло объ арендномъ законѣ, объ охранѣ труда, о „запретительномъ законѣ (ограниченіи продажи спиртныхъ напитковъ), суометаріанцы неизмѣнно противорѣчили собственнымъ программнымъ требованіямъ [1]). Что касается ихъ политики въ національномъ вопросѣ, то, казалось, безполезность тактики уступокъ ихъ ничему не научила. Впрочемъ, можно ли удивляться этому, зная, что суометаріанцами руководила не столько преданность Имперіи, сколько антагонизмъ по отношенію къ шведской аристократіи? Чтобы свалить шведскій конституціонный сенатъ и добраться до упущенныхъ портфелей, суометаріанцы подводятъ народное представительство подъ роспускъ: воздерживаясь отъ голосованія интерпелляціи, обращенной Сеймомъ къ Сенату, даютъ перевѣсъ формулѣ соціалистовъ. По ихъ винѣ распущенъ былъ первый Сеймъ.

Однако, много ли больше заслугъ въ вопросѣ защиты національной самостоятельности у другихъ буржуазныхъ партій?

Достаточно вспомнить ту поспѣшность, которую всѣ буржуазныя группы Сейма выказали хотя бы по вопросу объ ассигновкѣ 20 милл. мар. на военныя нужды Имперіи. Сами законники-конституціоналисты являлись на этотъ разъ горячими защитниками противорѣчащей „основамъ" уступкѣ...

Одна соціалдемократія стояла на этотъ разъ на стражѣ „законности" и защищала конституціонныя начала противъ самихъ бывшихъ конституціоналистовъ.

Въ близкомъ сосѣдствѣ съ суометаріанцами стоялъ „Аграрный Союзъ", партія чисто крестьянская, защищающая и выражающая несравненно отчетливѣе интересы мелкаго землевладѣнія. Въ области политики она строго конституціонна, а на почвѣ соціальныхъ реформъ — соприкасается съ соціалдемократіей, не признавая, однако, ея теоретическихъ предпосылокъ.

Что касается „младо-финновъ", отколовшихся вновь отъ конституціоналистовъ, то послѣ полѣвѣнія старо-финновъ формальная разница между обѣими финскими партіями весьма не велика. Получился даже такого рода курьезъ: младо-финны въ цѣломъ рядѣ вопросовъ оказались менѣе прогрессивными, чѣмъ старо-финны; напр., при реформѣ коммунальнаго самоуправленія программа старо-финновъ требуетъ избирательнаго права для всѣхъ совершеннолѣтнихъ, младо-финны же лишь для плательщиковъ налоговъ. Соціально-политическія требованія младо-финновъ скромнѣе и осторожнѣе многообѣщающей программы старо-финновъ и лишь въ вопросѣ финансовыхъ

---

[1]) Подробнѣе о партійной группировкѣ въ Финляндіи послѣ революціи см. „Politische und nationale Parteigruppierung in Finland".—Martna, „Neue Zeit", 1909, № 39 и „Новый финляндскій парламентъ"—А. Коллонтай. „Образованіе" 1908.

реформъ они идутъ дальше, требуя коренного измѣненія налоговой системы, введенія подоходнаго обложенія и т. д.

Но, разумѣется, характеръ партіи опредѣляется не столько ея писанной программой, сколько ея классовымъ составомъ. Несмотря на притокъ демократическихъ элементовъ, партія старо-финновъ была и остается партіей средней буржуазіи, тогда какъ скелетъ младо-финновъ образуетъ по преимуществу интеллигенція, со слабой примѣсью мелкой городской буржуазіи. Отсюда ея относительное безсиліе. Отъ естественнаго умиранія спасаетъ младо-финновъ „угодливая" тактика старо-финновъ; младо-финны вѣрны себѣ—въ политикѣ они попрежнему радикалы и стоятъ на крайней лѣвой, въ отдѣльныхъ пунктахъ соприкасаясь съ соціалдемократіей.

И все же положеніе соціалдемократіи въ странѣ обособленное. Въ политикѣ она не только энергичная защитница національной автономіи, безъ малѣйшихъ компромиссовъ и уступокъ съ русской реакціей, но и единственная партія, доводящая требованія демократизаціи государственнаго строя до логическаго конца: развитіе прерогативъ Сейма въ духѣ истиннаго парламентаризма, установленіе отвѣтственности исполнительной власти, расширеніе бюджетнаго права и т. д. Въ области соціальной политики она выдвигаетъ рядъ коренныхъ реформъ: по вопросу земельныхъ отношеній, страхованію рабочихъ, измѣненію налоговой системы, охранѣ труда, реформѣ мѣстнаго самоуправленія и т. д.

На всѣхъ четырехъ, слѣдующихъ другъ за другомъ, сеймовыхъ выборахъ большинство голосовъ избирателей и относительное большинство мѣстъ въ Сеймѣ неизмѣнно оставалось за соціалдемократіей.

Количество голосовъ и мѣстъ въ Сеймѣ, полученныхъ разными партіями.

	1907 годъ число		1908 годъ число		1909 годъ число		1910 годъ число	
	голосовъ	мандатовъ	голосовъ	мандатовъ	голосовъ	мандатовъ	голосовъ	мандатовъ
Соціалдемократія .	329 946	80	310 092	83	336 895	84	314 931	86
Суометаріанцы . .	243 573	59	205 633	54	199 235	48	173 537	42
Младо-финны . .	121 604	25	114 819	27	121 721	28	113 586	28
Шведы	112 267	24	103 307	25	104 010	25	107 065	26
Аграрный Союзъ	51 242	10	48 667	9	56 649	13	58 981	17
Христіан. рабочіе .	13 801	2	20 553	2	23 019	2	17 149	1

Если принять во вниманіе, что промышленный рабочій классъ Финляндіи въ 1907 г. едва достигалъ 135.000 человѣкъ (вмѣстѣ съ семьями 288.343 человѣка, или 10% всего населенія), на прибл. 2.700 тыс. жителей, то успѣхи соціалдемократіи начинаютъ казаться загадочными. Однако, нетрудно найти ключъ къ этому не совсѣмъ очевидному явленію. Двѣ основныя причины, независимо отъ энергичной агитаціи соціалдемократіи, способствовали ея удачѣ: обиліе сельскаго пролетаріата и отчетливая классовая тактика партіи. За предшествовавшіе годы борьбы съ землевладѣльцами сельскіе пролетаріи научились видѣть въ соціалдемократіи единственную послѣдовательную защитницу ихъ интересовъ; партія не ограничивалась бумажными декларацiями, но на жизненной практикѣ проводила свои принципы, грудью впередъ бросаясь въ самыя жаркія схватки. Съ другой стороны, не было другой партіи въ Финляндіи, чья политическая позиція по отношенію къ имперской власти носила бы такой отчетливый характеръ, чѣмъ у соціалъ-демократіи. Это была единственно-оппозиціонная партія въ полномъ смыслѣ слова, безъ увертокъ и компромиссовъ; отсюда растущее къ ней довѣріе народа. Вліяніе соціалдемократіи возрастало за счетъ буржуазныхъ партій: чѣмъ гибче становилась ихъ политика и чѣмъ тверже и устойчивѣе была тактика соціалдемократовъ, тѣмъ сильнѣе отливали отъ нихъ массы и тѣмъ выше подымалась волна симпатіи къ соціалдемократіи.

Тяжелую и непрерывную борьбу пришлось выдерживать рабочимъ представителямъ съ остальными партіями на всемъ протяженіи законодательной работы четырехъ Сеймовъ, продолжавшейся однако, вслѣдствіе трехъ роспусковъ, до лѣта 1910 г. только 14 мѣсяцевъ. Борьбу пришлось вести соціалдемократіи и по вопросу объ ассигновкѣ 20 милліоновъ марокъ на военныя нужды Имперіи, и по ряду запросовъ, направленныхъ противъ дѣяній имперскихъ властей, и еще болѣе по вопросамъ соціальной политики [1]). Та классовая рознь, что дѣлила Финляндію на два враждебныхъ міра, какъ бы съ особой

---

[1]) Надо удивляться той громадной работѣ въ области соціально-экономическихъ реформъ, которую соціалдемократы успѣли произвести за такой краткій сравнительно періодъ. Одной изъ крупнѣйшихъ, фактически уже вошедшей въ жизнь, реформъ является «арендный законъ», выработанный подъ большимъ вліяніемъ соціалдемократіи въ 1908 г. Сеймомъ и утвержденный, въ видѣ исключенія въ мартѣ 1909 г. Этотъ законъ несомнѣнно измѣняетъ къ лучшему положеніе торпарей и др. мелкихъ арендаторовъ и могъ бы послужить первымъ камнемъ въ дальнѣйшей перестройкѣ аграрныхъ отношеній Финляндіи. Но, при измѣнившихся въ настоящее время условіяхъ, объ этомъ едва ли приходится думать. Другой, проведенный по иниціативѣ соціалдемократіи, законъ, также уже вошедшій въ жизнь съ іюля 1909 г.—это законъ регулирующій работу въ пекарняхъ. Законъ по охранѣ труда, о страхованіи материнства, реформѣ мѣстнаго самоуправленія, законъ о введеніи обязательнаго обученія и реформа школьной системы, наконецъ, законъ объ „обязательной обработкѣ невоздѣланныхъ земельныхъ угодій", внесенные по иниціативѣ соціалдемократіи, частью не были приняты Сеймомъ, частью оказались положенными подъ сукно Совѣтомъ Министровъ.

силой концентрировалась въ стѣнахъ демократическаго финляндскаго парламента. Противъ соціалдемократіи, буржуазія, забывая внутренніе счеты, выступала и здѣсь однородной и сплоченной массой. Чѣмъ опредѣленнѣе вела соціалдемократія свою линію, тѣмъ отчетливѣе становилось повальное „поправѣніе“ буржуазныхъ партій, сдѣлавшее возможнымъ образованіе въ 1908 г. коалиціоннаго—шведско-суометаріанскаго сената... Вопросъ о пересмотрѣ избирательной системы, во всякомъ случаѣ, не встрѣтитъ отпора со стороны буржуазныхъ партій Финляндіи. А эта новая угроза демократіи паритъ въ воздухѣ... Борясь съ имперскими властями, буржуазія одной рукой отталкиваетъ, другой притягиваетъ ея вмѣшательство. Классовый моментъ сломилъ былое сопротивленіе финляндской буржуазіи. На стражѣ національной самостоятельности одиноко стоитъ рабочій классъ...

IX.

Новая эра обще-имперской политики съ 1907 г. Вопросъ объ ассигновкѣ 20 милл. мар. на военныя нужды имперіи. Третья дума. Столыпинскія «Положенія» 1908 г. Коалиціонный Сенатъ. Повторный роспускъ Сеймовъ. Дальнѣйшія мѣропріятія. Манифестъ 27 марта 1910 г. Финальный аккордъ—вотумъ третьей Думы.

Систематическое вмѣшательство „Совѣта Министровъ“ во внутреннія дѣла Финляндіи начинается съ 1907 г. Конфликтъ воскресъ по вопросу объ ассигновкѣ 20 милл. мар. на военныя нужды Имперіи. За нимъ послѣдовала нескончаемая вереница конфликтовъ, большихъ и малыхъ: по вопросу о законѣ о собраніяхъ и союзахъ (вотированномъ Сеймомъ въ 1906 г.), по вопросу о законѣ о печати, повлекшемъ за собой изданіе „временныхъ правилъ о печати“, по вопросу о введеніи русскаго языка въ дѣлопроизводство, по поводу „Правилъ“ 20 мая (2 іюня), по поводу соединенія желѣзнодорожной сѣти Финляндіи съ Россіей, по вопросу объ обнародованіи „арендного закона“ и т. д. Петиціи и законы, вырабатываемые Сеймомъ, либо застрѣвали въ Совѣтѣ Министровъ, либо не утверждались Монархомъ. Отклоненіе происходило то по несогласію „по существу“, то по неожиданно всплывшей мотивировкѣ: работы распущеннаго Сейма теряютъ свою юридическую силу.

Въ февралѣ 1907 г. стало извѣстно, что при Совѣтѣ Министровъ образовано особое „совѣщаніе“ по финляндскимъ дѣламъ; сюда поступали и здѣсь хоронились законопроекты и петиціи финляндскаго народа.

Черносотенныя и правыя скамьи третьей Думы явно встали на сторону обрусителей. „Старую политику“ подкрѣплялъ новый авторитетъ. На запросъ правыхъ въ Думѣ объ отношеніи Имперіи къ финляндскимъ дѣламъ, финляндцы попробовали отвѣтить контръ-запросомъ къ своему Сенату. Голосованіе обна-

ружило вотумъ „недовѣрія Сенату“, что повлекло за собою распущеніе перваго Сейма.

Въ началѣ мая 1908 г. Столыпинъ произнесъ свою программную рѣчь въ Думѣ, встрѣтившую живой отпоръ всей оппозиціи, что не помѣшало 20-го мая появиться знаменитымъ „Положеніямъ“: Дума признана была высшей инстанціей надъ Сеймомъ, доклады по финляндскимъ дѣламъ направлялись отнынѣ не черезъ статсъ-секретаря, а черезъ Совѣтъ Министровъ. Руссификаторская линія, прерванная революціей, возобновилась.

Меморія Сената, отмѣчающая новое нарушеніе конституціи, заставила часть сенаторовъ-конституціоналистовъ съ Лео Мехелиномъ во главѣ покинуть сенатскіе портфели. Лѣтомъ 1908 г., на мѣсто ушедшихъ конституціоналистовъ, назначаются «опытные» старо-финны. Образуется „коалиціонный“ Сенатъ. Но бо́льшая сговорчивость Сената не измѣняетъ линіи Столыпинскаго кабинета.

Второй Сеймъ 1909 г., собравшійся на весеннюю сессію, распускается черезъ 48 часовъ, вслѣдствіе комментарія младо-финна Свинхувуда къ тронной рѣчи. Новый третій Сеймъ дѣйствуетъ съ большой осторожностью, но политическій горизонтъ не перестаетъ затемняться.

Манифестъ о воинскомъ законѣ 1909 г. устанавливаетъ, что по военному вопросу рѣшающее право предоставляется не Сейму, а имперской власти; Сейму дозволяется лишь вотировать ассигновку на пополненіе имперскаго военнаго бюджета. Это былъ новый актъ, подрывавшій устои поколебленной конституціи.

Сеймъ поспѣшилъ принять резолюцію, въ которой отказывалъ законодательнымъ порядкомъ ассигновать контрибуцію, такъ какъ вся постановка требованія со стороны правительства являлась явнымъ нарушеніемъ законности. Имперскія власти отвѣтили роспускомъ и третьяго Сейма...

Между тѣмъ еще въ апрѣлѣ 1909 г. послѣдніе конституціоналисты отказались отъ сенатскихъ портфелей, предоставивъ поле дѣятельности податливымъ суометаріанцамъ. На мѣсто ушедшихъ сенаторовъ назначены были русскіе чиновники...

Февральскіе выборы 1910 г. въ четвертый Сеймъ явно и отчетливо показывали настроеніе народа: безъ шума, безъ внѣшнихъ проявленій протеста, народъ упорно и стойко шелъ по намѣченной линіи. Соціалдемократія получила 40% всѣхъ голосовъ и число ея представителей поднялось до 86, наоборотъ, старо-финны потеряли 17 мѣстъ, вмѣсто 59 у нихъ оказалось лишь 42 представителя...

Засѣдавшая съ марта 1909 г. „Харитоновская комиссія“ „для составленія проекта правилъ о порядкѣ изданія касающихся Финляндіи законовъ общегосударственнаго значенія“, закончила свои работы, и „предположенія“ ея легли въ основу проекта Совѣта Министровъ. „Предположенія“, отмѣняя 2-ю

статью русскихъ основныхъ законовъ и параграфъ 80 Сеймоваго Устава 1906 г., отводили Сейму роль законосовѣщательнаго учрежденія.

27-го марта 1910 г. появился Манифестъ Монарха, возвѣщавшій о вступленіи въ силу новаго обще-имперскаго законодательства, подчинявшаго законы Финляндіи компетенціи Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. Манифестъ предписывалъ участіе 4 сеймовыхъ представителей въ работахъ Думы и 1 въ работахъ Государственнаго Совѣта. Этимъ Манифестомъ народное представительство Финляндіи низводилось на степень безсильнаго и неправомочнаго провинціальнаго органа.

Отъ Сейма потребовали „заключенія" по поводу Манифеста. 5-го мая народные представители Финляндіи отклонили „заключеніе", на томъ основаніи, что считаютъ самый актъ 27 марта противорѣчащимъ конституціи края,—заключенія же даются только по поводу законныхъ актовъ. Отклонивъ „заключеніе", Сеймъ приступилъ къ очереднымъ занятіямъ. 30-го онъ былъ распущенъ „на лѣтніе каникулы", а въ іюнѣ въ третьей Государственной Думѣ русскимъ народнымъ представительствомъ рѣшалась судьба цѣлой націи...

Темный духъ черносотенства яростно сцѣпился съ „краснымъ призракомъ" лѣвыхъ скамей. Вслѣдъ за соціалдемократами на защиту конституціонныхъ основъ страны выступили не только кадеты, но и отдѣльные наивно-идеалистически настроенные октябристы... Борьба шла между двумя непримиримыми принципами: бюрократическимъ режимомъ и „послѣдовательнымъ конституціонализмомъ". Послушное директивамъ сверху, правое большинство Думы вынесло свой приговоръ. Послѣдній ударъ былъ нанесенъ. „Блокада" Финляндіи, проектируемая черносотенной печатью, стала излишней. Послѣ двадцатилѣтней медленной травли свершилось наконецъ столь вожделѣнное „безкровное покореніе" Великаго Княжества Финляндскаго

А. Коллонтай.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Таблицы и діаграммы къ статьѣ М. Балабанова, помѣщенной въ первой части IV тома

Къ ст. Балабанова см. (стр. 101 и слѣд., ч. 1-ая т. IV).

ТАБЛИЦА I.

ГОДЪ.	Добыча угля (м. п.)	Выпл. чугуна (м. п.)	Производство		Основн. капиталъ акціон. предпр. по обработкѣ		
			полупр. (м. п.)	гот. прод. (м. п.)	волокнист. (м. р.)	горнопром. (м. р.)	металличес. (м. р.)
1903	728,0	149,3	156,5	133,2	420,4	423,3	297,1
1904	803,3	180,4	178,2	162,9	433,6	370,9	293,8
1905	795,9	165,8	162,0	143,0	433,6	464,6	296,4
1906	908,6	164,0	158,8	138,0	443,1	462,5	289,8
1907	1060,5	172,1	173,3	146,7	485,4	489,1	304,6

ТАБЛИЦА II.

Основные капиталы акціонерныхъ предпріятій (м. р.).

ГОДЪ.	Химическ.	Бумаг.	Керамич.	Благоустр. городовъ.	Питательн.	Торгов.	Перевозоч.	Живот.	Сельско-хозяйств.	Лѣсныя.	Смѣшан.	ВСЕГО.
1903	93,2	29,9	65,7	120,6	162,8	83,3	153,4	16,4	4,5	20,3	124,1	2015,5
1904	102,4	35,3	67,6	137,5	163,5	87,1	190,0	19,2	4,9	23,6	140,9	2133,8
1905	103,2	32,1	63,3	128,9	163,3	91,4	189,0	22,0	4,9	21,7	141,8	2156,9
1906	99,7	30,1	51,3	128,4	168,0	92,5	180,4	18,2	4,0	25,7	145,4	2139,8
1907	100,5	29,0	50,9	131,0	176,6	99,7	202,2	21,5	4,9	24,5	152,9	2272,8

ТАБЛИЦА III.

Число выданныхъ промысловыхъ свидѣтельствъ.

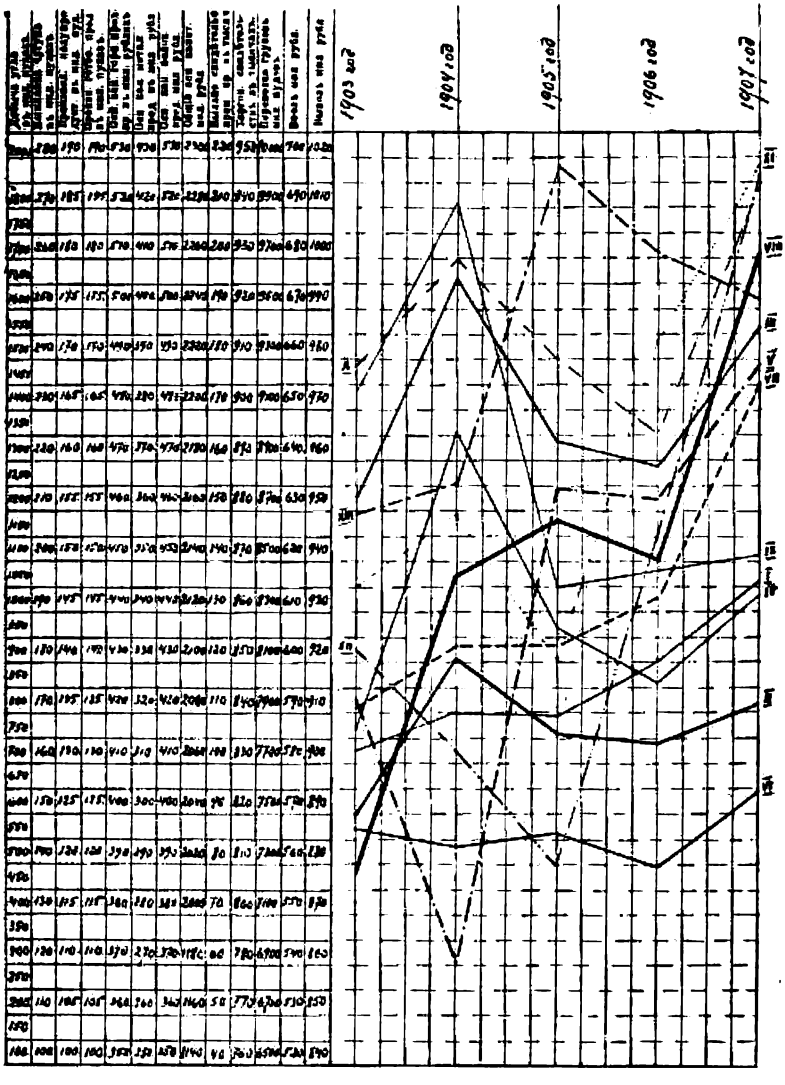
ГОДЪ.	Для промышленныхъ предпріятій				Для торгов. предпр.				Купеч. свид.		Приказ. свид.		Ярмороч. свидѣт.
	разрядовъ				разрядовъ				гильдіи		классы		
	I-II	III-IV	V-VI	VII-VIII	I	II	III-IV	V	I	II	I	II	
1903	1200	7820	30244	128950	7905	143210	743904	32827	4224	33739	109613	174232	7507
1904	1120	7765	34073	118002	7970	141224	767980	34000	4244	33166	111965	172308	7365
1905	1140	7442	31348	94005	7808	130974	754239	26735	4083	32108	109292	176414	6368
1906	1134	7083	30367	99556	7105	132820	745126	23898	3367	29462	108711	175875	5691
1907	1170	7330	31041	101607	7220	136444	700529	23579	3755	27724	103705	143499	6089

ТАБЛИЦА IV.

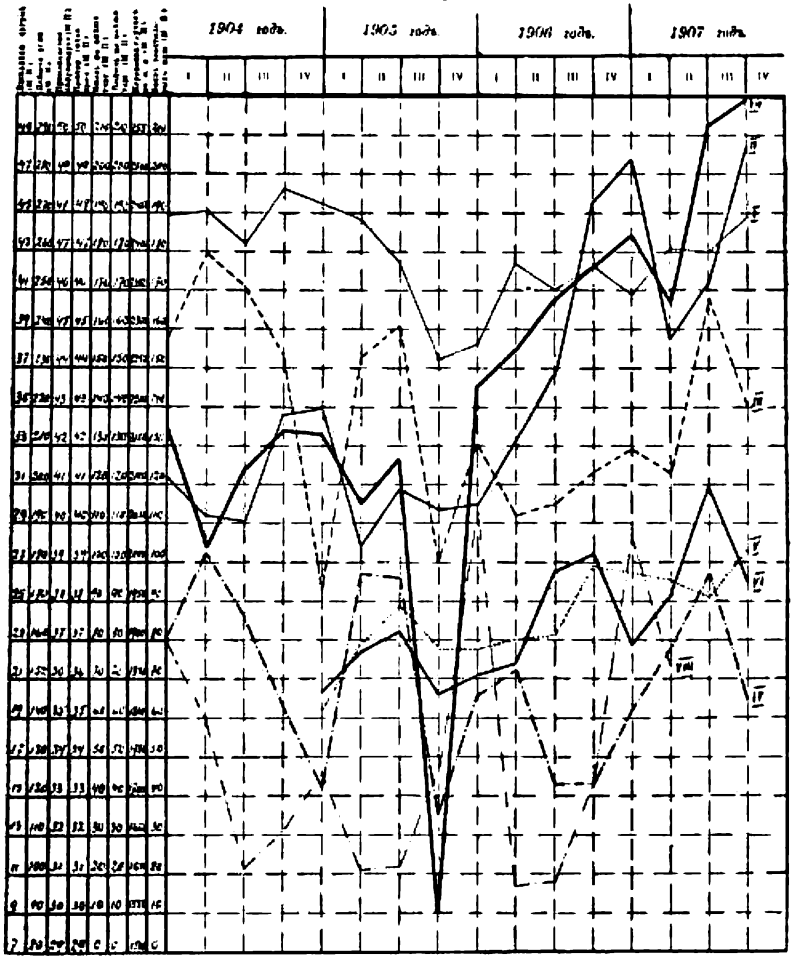
Данныя о внѣшней торговлѣ по всѣмъ границамъ (въ т. р.).

ГОДЪ.	Вывозъ				Ввозъ			
	жизнен. припасы	сырье и полуфабр.	животныя	издѣлія	жизнен. прип.	сырье и полуфабр.	животныя	издѣлія.
1903	613082	318946	20509	48582	129814	365395	5258	181203
1904	635647	305781	16343	48612	131851	349825	4928	164796
1905	712458	297335	16278	51254	130208	325286	3549	176044
1906	638096	356255	28056	72480	192540	365005	5469	237677
1907	584530	390365	23054	54462	201817	402905	5440	237203

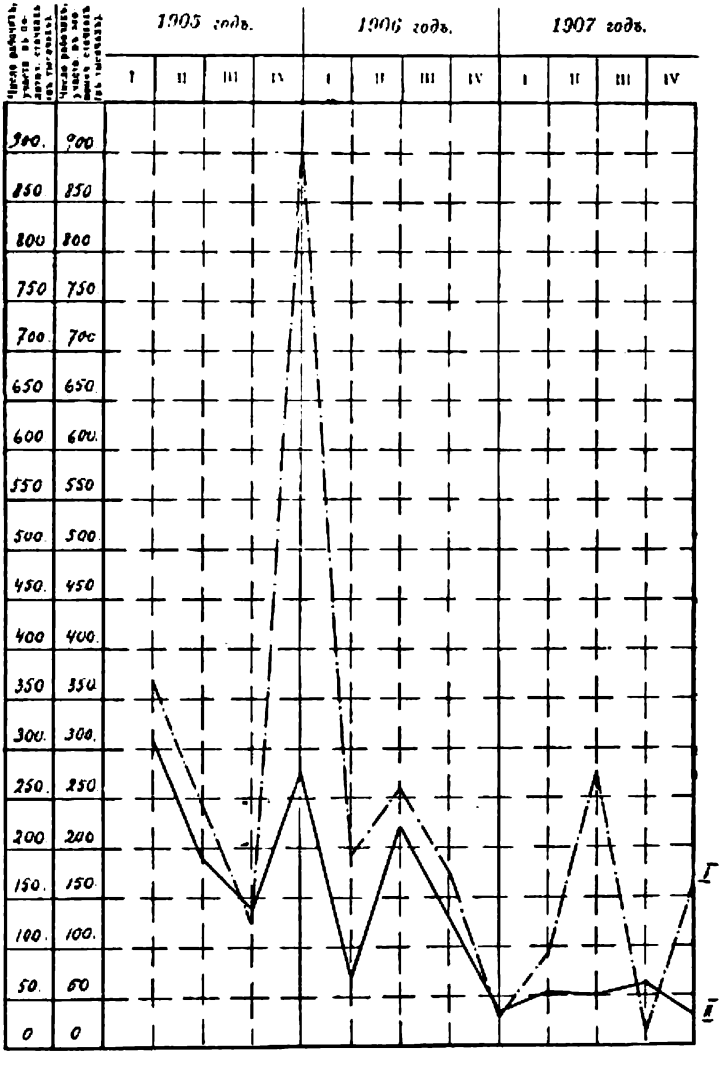
Діаграмма № 1.



Діяграма № 2.



Діаграмма № 3.


1905 годъ.
1906 годъ.
1907 годъ.
I
II
III
IV
четверти года.
900
850
800
750
700
650
600
550
500
450
400
350
300
250
200
150
100
50
0
I
II